

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ **N 1 (91)**

МОСКВА 2014

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2014. № 1. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. В.М. Кульков; д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.и.н., проф. Г.Р. Наумова;
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский, к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. Л.А. Тугов; д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора

Научно-экспертный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина);
д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада; д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург);
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина);
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *Л.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *Л.Г. Полунина, О.Б. Лемешонок*

Перевод на англ. язык — *О.Б. Лемешонок*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, К.В. Молчанов, С.С. Нина,
С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина*

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>

<http://www.econ.msu.ru/cd/311/>, <http://www.css.msu.ru>

Тираж 1000 экз.

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2014 г.

Содержание

Год шестнадцатый (<i>Ю.М. Осипов</i>)	7
Двадцатипятилетие лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ (<i>Ю.М. Осипов</i>)	9
Раздел I	
Евразийская интеграция	
Резолюция Международной научной конференции — VI Малого университетского форума «Международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства: экономика и политика»	13
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Евразийская (постсоветская) международная интеграция как насущная актуальность	17
<i>С.Ю. Глазьев</i>	
Актуальные проблемы и основополагающие принципы евразийской (постсоветской) экономической интеграции	22
<i>А.Н. Клепач</i>	
Евразийская идея: политический, идеологический, экономический, социальный феномен	35
<i>С.Г. Кара-Мурза</i>	
Евразийская интеграция: главные трудности	40
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Евразийский проект и Украина	45
<i>В.Т. Рязанов</i>	
Интеграционные перспективы на евразийском пространстве	47
<i>С.А. Марков</i>	
Проблемы евразийской интеграции: конкуренция и борьба мировых проектов	64
<i>М.Л. Хазин</i>	
О евразийской интеграции	69
<i>В.В. Кашицын</i>	
Внутренний рынок в системе современных интеграционных евразийских возможностей	76
<i>В.М. Кульков</i>	
Пространственный аспект теоретического анализа экономики и его значение для проектирования евразийской интеграции	81
<i>Е.В. Косов</i>	
Соединенные Штаты России на евразийском пространстве	93
<i>Б.И. Бояринцев, Е.В. Рожкова, Ю.В. Чесноков</i>	
Инновационное развитие инфраструктуры здоровья населения евразийского пространства	99
Раздел II	
Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Философические откровения	107
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Национальная идея России	129

<i>Ю.А. Пирютко</i>	
Методологические аспекты анализа влияния духовности на экономику	134
<i>М.Р. Эляян</i>	
Н. Якобс: конфуцианство и капитализм (мандаринат)	145
Раздел III	
Экономическая теория	
<i>П.С. Лемеценко, К.И. Голубев</i>	
Трудовой характер материальных благ и постсекулярное общество	159
<i>О.В. Брижак</i>	
Экономика деформаций: специфика российского бизнеса	167
<i>Т.А. Медведева</i>	
Размышления о методологических основах современной теории социально-трудовых отношений	176
<i>А.А. Залетный</i>	
Поведение экономических агентов и фиктивный капитал	188
<i>А.А. Бабаева</i>	
Вызовы глобализации и проблемы инновационного роста национальной экономики	194
Раздел IV	
Актуальная философия	
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Сакральное как структура, конституирующая антропологическое пространство	203
<i>К.В. Молчанов</i>	
Индустриальное социальное общество как актуальная форма развития современного капитализма	209
<i>А.Ю. Горбачев</i>	
Метафизика любви	222
Раздел V	
Рецензии и отклики	
<i>А.В. Бузгалин, А.И. Колганов</i>	
Еще раз к вопросу о трактовке человека в марксистской теории	231
<i>А.С. Нилюгов, В.А. Кутырёв</i>	
Надо ли людям «улучшать человека»?	244
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Бог философии	259
Из новогодних посланий	262
<i>В.П. Океанский</i>	
На приход 2014 года	264
Научная жизнь	
<i>П.А. Покрытан, С.В. Балацкая, К.А. Субхангулова, М.В. Гуторова, М.П. Фадеева, И.В. Антоненко, Т.З. Левандовский, Н.А. Бякова, А.В. Матчин, И.Д. Бурак, О.Ю. Горлов</i>	
Публикации журнала «The Economic Journal» об экономическом кризисе	270
Наши авторы	299

Contents

The 16 th Year (<i>Yu.M. Osipov</i>)	7
Philosophy of Economy Laboratory Twenty-Fifth Anniversary (<i>Yu.M. Osipov</i>).....	9
Part I	
Euroasian Integration	
Resolution of the International Scientific Conference (6th Small University Forum), «International Reproduction Arrangement of the Euroasian (Postsoviet) Space: Economy and Policy»	13
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Euroasian (Post-Soviet) International Integration as an Essential Relevance	17
<i>S.Yu. Glazyev</i>	
Actual Problems and Fundamental Principles of the Euroasian (Post-Soviet) Economic Integration.....	22
<i>A.N. Klepach</i>	
Euroasian Idea: Political, Ideological, Economic, Social Phenomenon	35
<i>S.G. Kara-Murza</i>	
Euroasian Integration: Main Difficulties.....	40
<i>F.I. Girenok</i>	
Euroasian Project and Ukraine.....	45
<i>V.T. Ryazanov</i>	
Integrated Prospects on the Eurasian Space	47
<i>S.A. Markov</i>	
Euroasian Integration Problems: Competition and Fight of World Projects	64
<i>M.L. Hazin</i>	
On Euroasian Integration	69
<i>V.V. Kashitsyn</i>	
Domestic Market in System of Euroasian Integration Opportunities	76
<i>V.M. Kulkov</i>	
The Spatial Aspect of the Theoretical Analysis of the Economy and its Implications for the Formation of Eurasian Integration.....	81
<i>Ye.V. Kosov</i>	
United States of Russia in Euroasian Space	93
<i>B.I. Boyarintsev, E.V. Rozhkova, Yu.V. Chesnokov</i>	
Innovative Development of Health Infrastructure in Eurasian Space	99
Part II	
Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Philosophic Revelations.....	107
<i>I.G. Shevchenko</i>	
Russian National Idea	129
<i>Yu.A. Pirutko</i>	
Methodological Aspects of the Spirituality to Economy Influence Analysis	134
<i>M.R. Eloyan</i>	
N. Yakobs: Confucianism and Capitalism (Mandarinat)	145

Part III	
Economic Theory	
<i>P.S. Lemeschenko, K.I. Golubev</i>	
Labor Character of Material Benefits and Postsecular Society	159
<i>O.V. Brizhak</i>	
Deformations Economics: Specifics of the Russian Business	167
<i>T.A. Medvedeva</i>	
Reflections on the Methodological Foundations of the Modern Theory of Social and Labor Relations	176
<i>A.A. Zaletnyy</i>	
Behavior of Economic Agents and Fictive Capital	188
<i>A.A. Babayeva</i>	
The Challenges of Globalization and Problems of Innovation Growth of National Economy	194
Part IV	
Actual Philosophy	
<i>N.N. Rostova</i>	
Sacral as the Structure Constituting Anthropological Space	203
<i>K.V. Molchanov</i>	
Industrial Society as an Actual Form of Development of Modern Capitalism	209
<i>A.Yu. Gorbachev</i>	
Love Metaphysics	222
Part V	
Reviews and Responses	
<i>A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov</i>	
One More Time towards the Question on the Nature of Human Being in Marxist Theory	231
<i>A.S. Nilogov, V.A. Kutryov</i>	
Whether People Should «Improve the Person»?	244
<i>N.N. Rostova</i>	
God of Philosophy	259
From New Year's Messages	
<i>V.P. Okeansky</i>	
On Arrival of 2014	264
Scientific Life	
<i>P.A. Pokrytan, S.V. Balatskaya, K.A. Subkhangulova, M.V. Gutorova, M.P. Fadeeva, I.V. Antonenko, T.Z. Lewandowski, N.A. Byakova, A.V. Matchin, I.D. Burak, O.Yu. Gorlov</i>	
«The Economic Journal» Magazine Publications about the Economic Crisis	270
Our Authors	299

Год шестнадцатый

Прошло пятнадцать лет существования журнала «Философия хозяйства»!

*Полтора десятка лет, насыщенных напряженной журнальной работой, выпускными проблемами и их решениями, материальными затруднениями и их преодолением, авторским неустанным влечением и неугасаемым читательским интересом, как и утвердительным официальным признанием и сомнительным окологученым неприятием, в общем — существование как **благодаря**, так и **вопреки**, как, собственно, и положено содержательному, размыслительному и свободному от какой бы то ни было догматики ученому изданию.*

Пятнадцать лет самоотверженного служения если уж не истине, то хотя бы правде, годы ярких побед и тусклых неудач, большой и кропотливой охоты за скрытыми от скользящих по поверхности исследований глазами внутренними бытийными смыслами.

Фантастика!

Такого попросту не бывает!

Оказывается, бывает!

Разумеется, при очень большом желании непосредственных творцов журнала и его благоносных извне покровителей; при наличии сонма оригинальных авторов и исходящих от них превосходных текстов; при внерейтинговой творческой свободе и разнообразной, отвечающей авторским вкусам и читательским запросам, стилистике.

*Журнал — это прежде всего бумага, объем, тираж, но в главном все-таки — **текст**, тот самый текст, без которого нет ни свежей мысли, ни большого сознания, ни высокой науки с пронизательной философией, — ничего нет!*

*И пятнадцать лет спустя, после 90 книжек журнала, создателям своего издания ничего не остается, как возбудить в себе на шестнадцатом году его существования чувство великой гордости за вольно текущий на журнальных страницах «полновесный» **текст**, не имеющий по своей сути, целям и итогам аналогов в целом мире!*

*Курс и характер «Философии хозяйства» проверены временем. Факт! Но есть и другой факт: журнал — основание, носитель и ретранслятор **научно-образовательной школы философии хозяйства**, возникшей и угнездившейся в Московском университете, получившей немалое общественное признание, хотя и не получившей еще в расколотом ныне ученом пространстве большого распространения. Нынешняя информационная цивилизация, борясь за технологии и против концептуального знания, очень не любит неопределенной философии, признавая более всего точный расчет, что, однако, не значит вовсе,*

что само историческое время тоже против интеллектуального фундаментализма, начиненного его глубокой мировоззренческой сутью. Проблемы философии хозяйства — проблемы не самого по себе исторического времени, сопряженного с вечностью, а выпавшего не текущий момент ущербного (архинаучного-де!) безвременного интеллектуализма, всюю ныне уже зараженного «точной неточностью», обязанной своим нашествием энергично навязанному ученому миру счетно-расчетному тоталитаризму. Однако время на то и время, чтобы течь себе и течь, изменяясь и очищаясь — как вода в источнике, а потому последнее слово не за дурно понятым механико-математическим сциентизмом, включая и столь дорогие ему «ученые» рейтинги, а за нежданно-негаданным вольным смыслоизъявлением, которому служит сегодня, вполне и самоотверженно, журнал «Философия хозяйства».

С шестнадцатым годом вас, уважаемые создатели, попечители, авторы и читатели необыкновенного ученого издания — что консерваторы, что обновленцы!

Главный редактор

Двадцатипятилетие лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ

Вот и первое двадцатипятилетие у адептов, поклонников и просто сторонников философии хозяйства, и первой из философско-хозяйственных субъектов на воистину юбилейную (аж 25 лет!) вершину поднимается лаборатория философии хозяйства экономического факультета МГУ (до 2000 г. — лаборатория сравнительного анализа хозяйственных механизмов, что не мешало коллективу лаборатории заниматься творческими, философско-хозяйственными, мировоззренческими вопросами, что как раз и предопределило знаменательное переименование лаборатории).

*Что сделано за четверть века существования? О-о, очень и очень много! Чего, чего, а уж ученой продукции у лаборатории предостаточно (на целый научный институт хватит!): тут и монографии со статьями, и журнал «Философия хозяйства» (6 номеров в год объемом 19 п. л. каждый), и конференции с семинарами, и концептуально-аналитические выкладки во властные структуры. Всего не перечислить! Но главное — действующая во всю **научно-образовательная школа философии хозяйства**, снискавшая уже немалую известность и имеющая неуклонную тенденцию к распространению. Школа уникальная, отечественная, не имеющая аналогов в мире! Причем не просто абстрактно-концептуальная, но и вполне аналитико-практическая, что подтверждается актуальными разработками в адрес текущего мирового и странового бытия, как правило, опережающими время и действительный событийный ряд. Не будет преувеличением сказать, что лаборатория, объединяющая вокруг себя значительный страновой и заграничный ученый интеллект, служит эффективным очагом и практически неиссякаемым источником своеобразной, а главное — актуальной, мысли. Сегодня можно утверждать, что лаборатория не только состоялась, но и являет собой по объему, разнообразию и качеству деятельности нечто воистину исключительное!*

*Своим рождением в 1912 г. философия хозяйства обязана великому русскому мыслителю, побывавшему и профессором Московского университета, **Сергею Николаевичу Булгакову**. Коллектив лаборатории и объединяемое ею ученое сообщество чтят С.Н. Булгакова, отдают ему должное, вбирают в себя его творческое наследие. Но, будучи вполне самостоятельными мыслителями, они, возродив философию хозяйства, не являются слепыми последователями Булгакова, как и не являются нарочитыми булгаковедами. Нынешняя философия хозяйства — не игнорирующее булгаковское откровение, но и не замкнувшие-*

еся в булгаковском наследии актуальное течение мысли, возникшее вполне самостоятельно и идущее своим собственным путем. Аналогичной позиции придерживается и функционирующая на основе лаборатории общественная **Академия философии хозяйства**, объединяющая позитивно относящиеся к философии хозяйства российские и зарубежные ученые силы.

Лаборатория давно нашла эффективный способ своего... э-э... **хозяйствования** — прямо в соответствии с исповедуемой ею хозяйственной философией. Нелегкая, но большая и увлекательная работа штатного коллектива, где каждый знает «свой маневр»; привлечение творческих личностей со стороны — из Москвы, Санкт-Петербурга, из российских регионов, из ближнего и дальнего зарубежья; предоставление дискуссионной трибуны перед заинтересованной аудиторией; возможность свободных публикаций в периодическом журнале и в коллективных монографиях; постоянный и живой обмен мнениями; атмосфера взаимопонимания, сотрудничества и дружбы.

Коллектив лаборатории с огромным удовлетворением всматривается в свою историю (уже... **Историю!**), справедливо отмечая прямо-таки гигантские деловые и творческие достижения, вспоминая всех, кто в разные годы самоотверженно и плодотворно трудился в лаборатории, а также всех друзей лаборатории, ее попечителей и покровителей, всех, кто помогал лаборатории встать на ноги, завоевать уникальное место под «ученым солнцем», развиться в полноценное, многофункциональное и плодоносное учреждение.

Лаборатория благодарна всем, кто трудится в ней сейчас, кто рядом с ней, кто сотрудничает с ней и ее поддерживает, в особенности, учредителю журнала «Философия хозяйства» ООО ИК «Баррель», коллегам-друзьям из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Иванова, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Волгограда, Волжского, Ельца, Тамбова, Ливен (малой родины С.Н. Булгакова), Краснодара, Новороссийска, Костромы, Ярославля, Красноярска, Тюмени, Кемерово, Туапсе (ВДЦ «Орленок»), а также Минска, Киева, Донецка, Львова, Дрогобыча, Ирпня (Украина), Астаны, Варшавы, Парижа, Берлина, Черногории, Кипра.

Прошлое лаборатории насыщено, проблемно и вполне замечательно! Коллективу лаборатории удалось не просто многое сделать, но и выработать особый образ, или тип, университетской лаборатории — действенный, мобильный, эффективный! Коллектив лаборатории с удовлетворением взирает в будущее, ибо он знает, что и как ему делать, какие новые вершины брать, хотя и отдает себе отчет в непростых для фундаментальной науки временах — вполне и негативно переменчивых!

Ю.М. Осипов,
руководитель лаборатории

**ЕВРАЗИЙСКАЯ
ИНТЕГРАЦИЯ**

Резолюция
Международной научной конференции — VI Малого
университетского форума «Международное
воспроизводственное обустройство евразийского
(постсоветского) пространства: экономика и политика»,
проведенной 4—6 декабря 2013 г.
в Московском государственном университете
имени М.В. Ломоносова Центром общественных наук при МГУ
и экономическим факультетом МГУ

По итогам прошедшей дискуссии, в которой приняли участие ученые, эксперты, политологи и общественные деятели России, Украины, Белоруссии, Казахстана и Польши, конференция-форум принимает следующие концептуальные положения.

1. Евразийская (постсоветская) международная экономическая интеграция, или международная экономическая интеграция на евразийском пространстве, — уже свершающийся и имеющий многообещающую перспективу исторический факт. Не будет преувеличением заявить, что нынешний евразийский (и постсоветский) интеграционный процесс является попыткой эффективного ответа на социально-хозяйственную и геостратегическую катастрофу, постигшую народы Евразии с развалом СССР, как и единого международного воспроизводственного комплекса. Будучи сложным, противоречивым и разнообразно протекающим многофакторным процессом, подлежащим к тому же протяженной во времени многоходовой и разноплановой реализации, евразийская экономическая интеграция требует системного экспертно-интеллектуального осмысления, концептуального обоснования и мобильного проектного моделирования, учитывающих страновые, региональные и общемировые состояния, потребности и тенденции, эффективно сочетающиеся с геостратегической прогностикой. Отсюда необходимость создания целостного направления общественно-ведческой мысли, способного служить эффективным идейно-ценностным основанием для практического исполнения грандиозного геостратегического деяния, в частности развития теории *пространственной (топологической) экономики*.

2. Конференция-форум исходит из того, что в основе евразийской (постсоветской) интеграции лежит международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства, что означает и строительство в перспективе нового цивилизационного международно-регионального мира, способного к собственному жизнетворчеству в контексте планетарного глобализма. В связи с этим

конференция-форум высказывается за усиление взаимодействия интегрирующихся стран в области культуры, науки и образования, в иных гуманитарных и технических сферах, не теряя связей с планетарным миром, но и не пренебрегая собственными конструктивными возможностями. Отсюда потребность в достижении органического сочетания национальных цивилизационных ценностей с наднациональными — интеграционными и мировыми.

3. Соглашаясь с возможностью использования термина «евразийство» в пространственном, географическом и даже геополитическом аспектах, конференция-форум предостерегает против его вольного или невольного использования для сущностной характеристики России и российской цивилизации, которые, имея европейские и азиатские черты, в основе являются самобытными и самоидентификационными феноменами мирового и континентального бытия, отражающими главную этнокультурную специфику древней страны, называемой ныне Российской Федерацией. Россия — не смесь Европы с Азией, а собственно Россия с необходимыми для соответствующей самоидентификации фундаментальным генотипом и укоренившимися архетипами. В сути России не евразийство, а *российство*, в центре которого такой исторический феномен, как *русскость* (язык, культура, образ жизни и поведения, историческое предназначение и судьба), а рядом с русскостью все этно-культурное многообразие, ее органично дополняющее и обогащающее, составляющее вместе с нею феномен российства.

4. Конференция-форум выступает за развитие международных интеграционных процессов на евразийском (и постсоветском) пространстве, облегчающих и обогащающих социо-хозяйственное бытие евроазиатских стран, как и защищающих их от опасных недружественных влияний извне. Невозможно сегодня быть закрытой страной, как нельзя оставаться и одинокой. Закрытые страны немедленно отстают в развитии, а изолированные имеют шанс рано или поздно исторически проиграть. Конференция-форум высказывается за исключительно добровольное и вполне осознанное движение интегрирующихся стран друг к другу, а также за создание целостного интеграционного образования, не подвергающего сомнению, ограничению или урезанию суверенитета и самостоятельности любых стран-участниц. Евразийская интеграция — не прообраз нового большого государства имперского типа, а более всего договорное межстрановое единение, даже и не межгосударственный союз с развитой и сложной (обычно чрезмерной) наднациональной бюрократией.

5. Подтверждая необходимость соблюдения принципов межгосударственного равноправия и международной взаимовыгодности, конференция-форум, поддерживая проявляемую руководством Россий-

ской Федерации интеграционную инициативность, не исключает первостепенной, если не лидирующей, роли России в сложном межстрановом процессе, что определяется исторически, экономически и цивилизационно, а также подкрепляется оборонными возможностями Российской Федерации. Возврата к чему-либо наподобие Российской империи или СССР быть сегодня не может, да это и не нужно — в первую очередь для самой России. Последняя заинтересована в гибких, партнерских и доверительных отношениях, а не в образовании новой евразийской империи.

6. Высоко оценивая инициативную роль России в евразийском (и постсоветском) интеграционном процессе, конференция-форум высказывается за недопущение какого-либо ущерба интересам России в угоду разворачивающейся межстрановой интеграции. В то же время конференция-форум не выступает против необходимых и обоснованных затрат на интеграционные процессы со стороны российского государства. Конференция-форум не считает возможным и целесообразным никаких «донорских» отношений со стороны России в адрес любых интегрирующихся стран. Конференция-форум констатирует также, что успешная интеграция не может не стимулировать внутреннюю консолидацию России и иных стран-участниц, открывает перед каждой страной качественно новые исторические перспективы.

7. Учитывая инициативную и в чем-то даже первопроходческую роль России в воспроизводственном обустройстве евразийского (и постсоветского) пространства, конференция-форум обращает внимание руководства Российской Федерации и всей российской общественности на острейшую необходимость активного структурного перестроения российских социума и хозяйства и перевода их на путь гармоничного воспроизводства и всестороннего *неоиндустриального* развития, в связи с чем подтверждает настоятельную потребность в *неолиберальном* характере социо-хозяйственной деятельности российского государства, не отвергающей правовой и деловой свободы российских и зарубежных агентов, но и не пренебрегающей непосредственным участием государства в социо-хозяйственной жизни и в побудительном управлении основными экономико-производственными и социально-демографическими процессами.

8. Отмечая базисный экономико-производственный характер евразийских интеграционных процессов, конференция-форум обращает внимание на сопутствующие интеграции текущие политические, геополитические и геостратегические тенденции, как облегчающие, так и затрудняющие интеграционное движение, вносящие в него новые, часто неожиданные, моменты, изменяющие его ход и характер. Экономико-производственная интеграция — дело в значительной, ес-

ли не в решающей, степени, политическое, о чем свидетельствуют конкретное политическое поведение стран-участниц, возникающие в связи с интеграцией вполне политические демарши. В связи с вышесказанным конференция-форум выступает не только за высокую взаимную терпимость государств-партнеров, но и за неукоснительное соблюдение Россией своих геополитических и геостратегических приоритетов. Уступки бывают необходимыми, и они случаются, но всяким уступкам должна быть мера, переходить которую, как отчетливо показала практика 1990-х годов, ни в коем разе нельзя!

9. Любая крупная региональная интеграция не проходит мимо пристального внимания и не остается без того или иного воздействия со стороны не участвующих в данной интеграции мировых сил. Отсюда вытекает необходимость пристального внимания интегрирующихся сторон к внешнему контексту, а также разработке и исполнению совместной внутриинтеграционной деловой и политической стратегии относительно этого контекста и действующих в нем геостратегических сил. Они разные, эти силы, и их отношение с Россией и ее евразийскими партнерами тоже разное, но наивно было бы полагать, что кто-либо из них жаждет получить в Евразии и на планете сильное, эффективное и конкурентное международное региональное образование, как и поступиться своими собственными интересами. Конференция-форум считает, что каждый из мировых игроков (США, ЕС, Китай, Индия) заслуживает особого индивидуального отношения со стороны России и ее партнеров — как способствующего реализации евразийского интеграционного проекта, так и предохраняющего его от негативных влияний, как и возможного вдруг доминирования в ней крупного конкурентного игрока.

10. Конференция-форум подчеркивает особое значение для жизнеспособности евразийской интеграции основополагающего взаимодействия России, Белоруссии, Казахстана и Украины, но при этом не без большого сожаления, хотя и с пониманием, отмечает возникающие между исторически, культурно и территориально близкими странами проблемы, противоречия и разногласия. Конференция-форум с большой озабоченностью и искренней тревогой констатирует ожидаемое неожиданное возникновение в евразийском постсоветском пространстве «украинского вопроса», напрямую обусловленного интеграционной проблематикой. Имеет место раскол Украины на, условно говоря, проевропейскую и проевразийскую части, имеющий следствием тяжелейший социально-политический кризис, за которым проглядывают самые вредоносные исходы: на карту поставлен гражданский мир, как и сама целостность страны. Разумеется, возникновение и разрешение возникшей на Украине социально-политической коллизии — дело

Украины и ее народа, — и история каким-то образом обязательно найдет то или иное решение, но России и ее евразийским партнерам нужно быть готовыми к любому развороту событий на Украине, в том числе и антиевразийскому. Само же обращение сегодня к «украинскому вопросу» важно для понимания всей серьезности, историчности и даже метафизичности разворачивающихся в мире интеграционных, но в то же время и локализационных, процессов, в особенности евразийских. Конференция-форум с одобрением относится к проводимой российским руководством и органами Таможенного союза терпеливой и внятной работе в пользу возникающей и развивающейся евразийской (и постсоветской) интеграции — явно необходимой, полезной и в общем-то спасительной для всех ее участников. Это дает основание надеяться на удовлетворительное разрешение как «украинского вопроса», так и эффективное исполнение большого евразийского интеграционного проекта.

11. Осуществленная в Европе межстрановая интеграция служит в известной мере примером для только что зародившейся евразийской интеграции, но более всего по самому факту ее реализации, а никак не по способу реализации и типу осуществленного интеграционного проекта. В Европе, в России и на евразийском пространстве сложились разные исторические условия и текущие обстоятельства, действующие субъекты и стартовые возможности. Вот почему конференция-форум выступает более за договорный и естественный характер взаимодействия стран-участниц, чем за институционально-управленческий. В то же время не следует закрывать глаза и на открывающуюся возможность политических и оборонных взаимодействий между интегрирующимися государствами, стимулируемых мировой нестабильностью и тем же международным терроризмом, разумеется, взаимодействий на добровольной основе и с неукоснительным соблюдением национальных суверенитетов.

Ю.М. ОСИПОВ

**Евразийская (постсоветская) международная интеграция
как насущная актуальность
(тезисы доклада)**

1

Евразийская (постсоветская) международная экономическая интеграция, или международная экономическая интеграция на евразийском

пространстве — уже свершающийся и имеющий многообещающую перспективу исторический факт. Однако будучи сложным, противоречивым и разнообразно протекающим многофакторным процессом, подлежащим к тому же протяженной многоходовой реализации, евразийская экономическая интеграция требует целостного экспертно-интеллектуального осмысления, концептуального обоснования и мобильного проектного моделирования, учитывающих страновые, региональные и общемировые состояния, потребности и тенденции, эффективно сочетающихся с геостратегической прогностикой. Отсюда и главная задача конференции-форума — внести посильный вклад в исполнение большого экспертно-интеллектуального деяния.

2

То, что сегодня принято называть международной интеграцией в цивилизационной истории всегда имело место, только иначе происходило — посредством принудительных империльных интенций — и иначе называлось — империализацией, а попросту говоря — образованием и бытием империй. И это было всегда — вплоть до середины XX в., когда Западная Европа, пережив жуткую межимперскую войну, называемую обычно Второй мировой войной, вдруг вознамерилась вступить на путь мирного межгосударственного не просто сотрудничества, но объединения (не слияния в большое паневропейское государство, а именно межгосударственного объединения, существующего в виде союза — Европейского Союза). Настал черед и евразийской, хотя уже и постсоветской, международной экономической интеграции. И ежели Европа так или иначе воспроизводит давние паневропейские тенденции (Римская империя, Римская священная империя, римско-папские империльные попытки, Французская империя Наполеона Бонапарта, Третий германский рейх), то Восточная Европа вкупе с частью Азии воспроизводит паневразийские тенденции, идя по следам Византийской империи, Ордынской империи, Российской империи, СССР-империи, — и хотя оба интеграционных процесса не являются сегодня имперскими, вполне может случиться так, что в будущем они могут дать самый что ни на есть имперский результат, разумеется, не такой, каким он мог бы случиться в прошлом. Выходит, что в самой по себе международной интеграции, тенденции к ней, уж не так много нового и совсем мало неожиданного, хотя, конечно же, есть и новое, и ожидаемое: мирность и договорность процесса, равноправность участников, их деловая совместность, согласованность их действий, что во многом диктуется не просто интернационализированным, но уже и глобализированным характером экономико-воспроизводственного бытия человечества, его — этого бытия — высокой международной

переплетенностью и взаимозависимостью. При этом важно учитывать что авторитарная глобализация, продемонстрированная на рубеже XX—XXI вв. Соединенными Штатами, и не устраивающая остальной мир, активно стимулирует международную региональную интеграцию — как спасительную от глобалического империального по духу диктата.

3

Что есть сегодня евразийская международная экономическая интеграция? В названии конференции-форума содержится по крайней мере начало ответа: это есть международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства. В этих словах как начало ответа, так и характеристика самой сути рассматриваемого интеграционного явления: «воспроизводственное обустройство пространства». Здесь нет ответа о форме интеграции, её степени, механизмах и институциях. Все это подлежит, с одной стороны, всестороннему осмыслению, а с другой — является делом конкретной межгосударственной практики. Представленные в программной брошюре и в № 5 «Философии хозяйства» тезисы дают определенную пищу для злободневных размышлений.

4

Хотелось бы высказаться по «именному вопросу». Само использование евразийской терминологии как по поводу обсуждаемой нами международной интеграции, так и при характеристике самой России, вполне допустимо. И если в случае с интеграцией тут нет особой проблемы, то относительно России тут не все столь уж безоблачно. Сама по себе Россия — не Евразия вовсе, а именно *Россия!* Обладая как европейскими, так и азийскими чертами, находясь географически в Евразии, как бы между Европой и Азией, Россия, не будучи ни собственно Европой, ни собственно Азией, есть, нравится это кому-то или нет — как раз *Россия!* Прибегая к евразийскому словнику, необходимо все-таки не упускать из виду тот факт, что для России сущностно не «евразийство», а самое что ни на есть для нее естественное *российство*, в ядре которого не что иное как *русскость* (язык, культура, образ поведения, генотипичность, архетипичность, традиционность, история, цивилизованность, государственность). И это никакой не национализм, а самая обыкновенная констатация обыкновенного исторического факта.

5

Интеграция — вовсе не растворение России в евразийских просторах, а формирование на этих просторах общего, хотя и не единообраз-

ного, экономического пространства. Все участники интеграционного процесса — государства и народы — суверенны, независимы и равноправны. И хотя Россия является одним из таких участников, она все-таки играет в рассматриваемом интеграционном процессе особую роль (причем не может ее не играть!) — роль главного инициатора и, можно сказать, первопроходца, как раз того самого активного субъекта, который де-факто (а не де-юре) оказывается так или иначе в функции интеграционного лидера. И это стоит нам обсудить, не упуская из виду и такие возможные феномены, как, с одной стороны неизбежное донорство, а с другой — непотребное потребительство. За интеграцию всегда приходится некоторым странам (как раз инициаторам и лидерам) платить, но плата эта должна быть совершенно оправданной, как и ни в коем случае не должна переходить в систематическое, вовсе и не благотворительное, спонсорство.

6

К России обращены не одни симпатии и надежды, есть к ней и претензии, даже имеет место и откровенное неприятие России вообще, не то что в качестве интеграционного лидера. Все здесь сложно, неоднозначно, противостойно. Но вряд ли тут можно найти какой-либо другой выход, кроме, с одной стороны, равноправной и договорной в основе интеграции, а с другой — лидирующей роли России. Россия — империя, но она исключительно внутри себя и для себя империя, а вот расширяться имперски на евразийском (постсоветском) пространстве России абсолютно не нужно, невыгодно и вредно. Времена такого рода имперских амбиций прошли и никогда не вернуться. Однако об оборонной мощи России не стоит забывать ни самой России, ни всем другим странам-евразийцам — ибо это как раз та оборонная мощь, которая хранит не только Россию, но и... Евразию, а также позволяет России быть не только сильным геополитическим субъектом планетарного значения, но и играть ведущую роль в Евразии, как раз ту самую роль, которую не может выполнить ни одна из интегрирующихся стран.

7

Говоря о евразийской (постсоветской) международной экономической интеграции, нельзя сегодня обойти и ожидажно-неожиданно возникший «украинский вопрос». Украина, как теперь стало хорошо известно, заняла сложную двое-стороннюю, если не разно-стороннюю позицию, обернувшись сначала лицом к Европе (ЕС) и повернувшись спиной к Азии (России), а затем, после некоторых раздумий над европейскими встречными требованиями и азиатскими (российскими) вдовгонку уходившей к Европе Украины преференциями, стала как бы в

полоборота, но лицом все еще к Европе, а затылком, естественно, к Азии, намереваясь каким-то хитрым образом извлечь выгоду сразу из двух «интеграций», вполне и со стороны Украины виртуальных — что в Европу, что в Азию. Но дело тут даже не в хитроумной политике правящих украинских кругов, а в самом очень сложном — раздвоенном, если не размноженном, состоянии Украины — вполне сейчас расстроенной, разбалансированной, неконсолидированной, испытывающей к тому же большие экономические трудности и острые политические проблемы. Украина стоит перед вполне дурной дилеммой, когда любое из двух интеграционных решений оказывается хуже — желаемое и не очень желаемое, манящее и совсем не манящее, вольное и будто бы вынужденное. За вхождение в Европу страна готова и что-то потерять, даже частично поступиться своим суверенитетом, а вот получая от единения с Азией явные выгоды, она готова от этой Азии раз и навсегда отвернуться. Ситуация в Украине драматическая, грозящая перейти в тяжелейший социально-политический кризис, за которым маячат самые вредоносные исходы. На карту поставлен гражданский мир, как и сама целостность страны. Разумеется, возникновение и разрешение возникшей в Украине социально-политической коллизии — дело Украины и ее народа, — и история каким-то образом обязательно здесь распорядится, но актуальное обращение к «украинскому вопросу» важно для понимания всей серьезности, историчности и даже метафизичности разворачивающихся в мире интеграционных процессов, в особенности же волнующего всех нас евразийского. Здесь опять есть над чем задуматься и что обсудить.

8

Евразийский интеграционный процесс, пусть всего лишь экономический, в поле пристального внимания всех геостратегических сил планеты. Никто в мире из умных, сильных и дальновидных к нему не безразличен, мало того, никто не откажется от влияния на него в своих собственных интересах. Отсюда вполне прозрачная активность ЕС, в частности по поводу Украины, Грузии и Молдавии, многозначительная пауза США и очень заинтересованная выдержанность Китая. Хочет та или иная евразийская (постсоветская) страна интеграционных интенций или не хочет, исторический ход вещей всюду настаивает на региональных интеграциях, в том числе и евразийской. Можно говорить о неготовности и даже неспособности России взять на себя интеграционную миссию в евразийском (постсоветском) пространстве, доказывать ненужность для России региональной интеграции, указывать на ее затратность и даже губительность, но от интеграционной тенденции никому и никуда сегодня не уйти. Не случится евразийской (пост-

советской) интеграции, возымеют победное место соседние интеграции — азиатская (восточная) и европейская (западная), возможно, с совершенно непредвиденными итогами для всех зазевавшихся евразийских стран. Евразийская интеграция столь же объективна, как и любая другая интеграция. И хотя эта интеграция уже факт, но в решающей мере пока еще и проект. И исполнение данного грандиозного проекта напрямую зависит от проводимой Россией и другими странами-интегрантами *политики*. Любая межгосударственная интеграция — дело *политическое* и никаким другим оно быть не может! Субъективный политический фактор играет здесь великую, если не решающую, роль: что и предопределяет необходимость гигантской экспертно-интеллектуальной работы, определенный вклад в которую может внести и наша конференция-форум.

9

Итак: *обоснование — концепция — политика — многоходовка*. Таков последовательный ряд приоритетных параметров евразийской интеграционной практики, диктующих на смысло-концептуальном уровне главные задачи VI Малого университетского форума.

С.Ю. ГЛАЗЬЕВ

Актуальные проблемы и основополагающие принципы евразийской (постсоветской) экономической интеграции

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем, возникающих в процессе становления и углубления современной евразийской экономической интеграции, и путей их разрешения. В фокусе исследования автора находятся: деятельность наднациональных органов и институтов, формирование единого экономического пространства и переход к Евразийскому экономическому союзу; вступление интегрирующихся государств в ВТО.

Ключевые слова: Евразийская экономическая интеграция, Россия и страны СНГ, ВТО.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problems arising in the course of formation and deepening of modern Euroasian economic integration and ways of their permission. In focus of the author's research are activity of supranational departments and institutes, formation of a common economic space and transition to the Euroasian economic union, the entry of the integrating countries into the WTO.

Keywords: Euroasian economic integration, Russia and CIS countries, WTO.

Наша дискуссия называется «Проблемы евразийской интеграции», и я буду говорить не об успехах, а больше о проблемах. Для начала важно подчеркнуть, что процесс евразийской экономической интеграции уже необратим, т. е. период неустойчивости сменился устойчивым функционированием наднациональных структур. Уже четыре года работает наднациональный орган, который до 2012 г. назывался «Комиссия Таможенного союза» — теперь «Евразийская экономическая комиссия». Этим институтом принято около 2000 решений, причем все решения — результат консенсуса. И по работе наднационального органа видно, что общность наших интересов намного весомее, чем различия.

За четыре года работы у нас было всего две или три спорных темы, по которым не удалось принять решения. Одна из них — антидемпинговые пошлины на комбайны из Белоруссии. Комиссия сначала проголосовала «за», но потом казахстанская сторона наложила «вето» на это решение. И это был прецедент, в ходе которого был практически отработан механизм обратной связи между наднациональным органом и национальными органами власти — последним контуром контроля, на котором любое государство имеет право наложить «вето» на принимаемое решение. Если какое-то государство в соответствии с правилом процедуры выражает несогласие с решением, которое принято Комиссией, то это решение приостанавливается. В данном случае такая процедура была использована.

Еще один спорный вопрос — отмена экспортных пошлин. Он частично решен на двухсторонней основе, а именно — мы поставляем углеводороды и другие сырьевые товары в Белоруссию в рамках определенной количественной квоты, которая полностью закрывает их внутренние потребности плюс мощности нефтепереработки. Симметрично белорусское государство обязуется все экспортные пошлины, которые оно обязано взимать при вывозе нефтепродуктов по российской ставке, перечислять в российский бюджет. Такой компромисс был достигнут, и эта проблема тоже была решена.

Можно привести еще много примеров. Решения принимаются не просто, но 2000 решений за четыре года функционирования наднационального органа — серьезный результат. Практически за это время мы унифицировали все те виды контроля, которые связаны с таможенной границей: это таможенный контроль, который ведется на основании таможенного кодекса прямого действия, санитарный, ветеринарный, фитосанитарный, некоторые функции транспортного контроля, техни-

ческое регулирование. Все эти виды контроля унифицированы, хотя транспортный — в меньшей степени. Это и позволило отказаться от таможи на российско-казахстанской границе. Но сейчас, возможно, кто-то захочет вернуться обратно, такие импульсы есть, например, в связи с тем, что Казахстан завершает переговоры с ВТО на существенно более либеральных условиях, чем Россия.

Сегодня единая таможенная территория функционирует на основе российских обязательств перед ВТО. Согласно нашей договорно-правовой базе, российские обязательства перед ВТО стали обязательствами всего Таможенного союза. Но вот теперь вступает Казахстан, у которого изначально была другая переговорная позиция: таможенный тариф у наших коллег согласован на уровне, ниже того, который действует на единой таможенной территории при импорте из третьих стран. Поэтому, если предположить номинально, что Казахстан сегодня входит в ВТО и начинает выполнять свои обязательства, то получается, что Казахстан будет взимать импортный тариф отличный от нашего единого таможенного тарифа, что противоречит, естественно, основам Таможенного союза. Это невозможно даже представить. Сейчас мы пытаемся найти решение этой проблемы, которое предполагает, скорее всего, новый тур переговоров в рамках ВТО, если действовать сугубо юридически.

Но в любом случае, несмотря на возникший сложный момент, сторонников выхода Казахстана из Таможенного союза мы не видим — ни в казахстанской элите, ни среди бизнеса, ни среди гражданского общества. Это говорит о том, что общественная поддержка евразийской интеграции остается высокой, а издержки прекращения этой интеграции чрезвычайно велики. То же можно сказать в отношении Белоруссии, для которой выход из евразийской интеграции имел бы вообще самоубийственные последствия. Поэтому у нас нет сомнений в прочности нашего Союзного государства с Белоруссией.

Важно понимать, что наша евразийская интеграция, в отличие от европейской, носит вполне ограниченный характер в том смысле, что мы не планируем интеграцию в бесконечность: четко оговорен круг вопросов, по которым функции передаются на наднациональный уровень. Это вопросы контроля на границе, а также вопросы, связанные с функционированием рынка товаров и услуг, т. е. нормы, которые обеспечивают выравнивание условий конкуренции. А именно: унификация промышленных и сельскохозяйственных субсидий или общие ограничения по субсидиям; унификация правил госзакупок для того, чтобы товаропроизводители могли на равных участвовать в закупках друг друга; общие требования к антимонопольной политике и право Комиссии контролировать цены на услуги естественных монополий;

доступ к транспортным магистралям. Это как раз все те функции, которые необходимы для функционирования общего рынка товаров — и не более того.

Не передаются на наднациональный уровень функции налогового регулирования: налоги остаются разными и последствия различий в уровне налогообложения мы уже видим. Участники ВЭД имеют тенденцию к перемещению в Казахстан, где налоговая нагрузка меньше. Все это сопровождается определенными сомнительными схемами в торговле, потому что мы хоть и объединили таможенное пространство в единую таможенную территорию, но единого налогового пространства у нас нет. Поэтому у нас сохраняется принцип резидентства в финансово-торговом смысле. Если предприятие казахстанское, то оно должно осуществлять процедуру «растаможки» в Казахстане, если российское — проходить таможенную очистку в России.

Мы, конечно, ставим перед собой задачу уйти от принципа таможенного резидентства, прикрепления к национальным юрисдикциям, но пока есть различия в налоговых системах, это будет сделать сложно, и по-прежнему остается барьер (он трансграничный, но физически на границе не находится), связанный с уплатой косвенных налогов. Иначе говоря, товар, который едет из Казахстана в Россию, должен быть обложен НДС по российским нормам, соответственно казахстанский НДС может быть предъявлен к вычету так же, как это делается в торговле с третьими странами. И это различие в налоговых системах будет еще длительное время, что скажется на состоянии товарооборота.

У нас нет планов объединения денежных систем — их нет в политической плоскости, но и в экономическом плане объединение денежных систем выглядит, с нашей точки зрения, искусственной идеей, поскольку очевидно доминирующее значение России — это примерно 85% потенциала по объему ВВП. Россия как центральное звено, ядро интеграции, фактически доминирует во взаимной торговле, и вследствие этого рубль является доминирующим средством расчетов, если брать расчеты в национальных валютах. Сохраняются расчеты в валютах третьих стран, в долларах и евро, в основном это касается энергоносителей, но общая тенденция такова, что доля расчетов в валютах третьих стран снижается, а в расчетах в национальных валютах рубль занимает более 90%, фактически являясь главной валютой расчетов. В Белоруссии рубль это еще и резервная валюта.

Ограниченность вопросов интеграции возникла без какой-либо единой теоретической основы, просто так договорились. Но если мы сейчас обратимся к трудам классиков евразийской интеграции, начиная с работ князя Трубецкого, вспомним его статью 1927 г., где он рас-

суждал о том, что же будет после краха коммунистического режима и какая же идея будет объединяющей для всей этой гигантской территории, то Трубецкой рассуждал методом от противного. По его мнению, Российская империя была государством русского народа, которой управлял русский царь, православие было основной религией и, по сути, русская элита управляла всей этой огромной территорией Российской империи. Советский Союз был государством победившего пролетариата во главе с Коммунистической партией. Но ни русская идея сама по себе, ни коммунистическая идея после развала Советского Союза работать не смогут, с точки зрения Трубецкого в 1927 г. Если возвращаться к истокам — православию, самодержавию, народности, — то понятно сейчас (особенно вы видите, что творится на украинской территории), что без применения силы вернуть всех в идеологические рамки Российской империи нереально, а применять силу в XXI в. — бессмысленно и невозможно. Поэтому Трубецкой от противного доказал, что методологической основой объединения народов, живущих на нашей большом евразийском пространстве, является идея общей истории, общих исторических корней, общего исторического многовекового опыта жизни вместе.

И вот на базе этой идеи мы и строим нашу интеграцию, не вдаваясь особенно в ее идеологическое обоснование. Единственной идейно-политической заметной вехой стало выступление в МГУ Президента Казахстана Н.А. Назарбаева в середине 1990-х гг.: на фоне процессов дезинтеграции в СНГ он высказал идею создания более плотного ядра интеграции — евразийского союза, которое и было политически сформировано в 2000 г. в форме ЕврАзЭС. Именно последнее стало той рамочной материнской структурой, которая родила, в сущности, наш Таможенный союз, и теперь уже Единое экономическое пространство, формирование которого должно быть завершено к концу будущего года и которое будет объединять классическим образом общий рынок товаров, услуг, капитала и труда. Мы планируем завершить процесс объединения рынков к концу будущего года, но, тем не менее, определенные задачи будут решаться и за пределами 2014 г. В частности, объединение страховых рынков, страховых услуг планируется только к 2017 г., не решена задача единого финансового регулятора. Этот вопрос мы рассмотрим, наверное, в конце будущего года. В целом же основы общего рынка капитала, труда, услуг и товаров заложены, рынок товаров уже функционирует в полном объеме, рынок услуг пока функционирует частично, некоторые виды услуг очень сильно привязаны к национальной почве, скажем, это услуги в сфере образования, здравоохранения, здесь очень много национальных барьеров.

Поэтому для формирования рынка услуг тоже понадобится время, но, думаю, что к 2017 г. он будет сформирован окончательно.

Тем не менее не дожидаясь завершения всех процессов формирования Единого экономического пространства, главы государств приняли решение с 2015 г. перейти к следующему уровню интеграции — Евразийскому экономическому союзу. Пока мы понимаем, что Евразийский экономический союз — это Таможенный союз плюс Единое экономическое пространство, т. е. товары плюс услуги, капитал и труд. К этому может быть добавлена общая стратегия развития. Здесь непросто складываются переговоры, у разных государств разные способы реализации экономических целей развития. В Казахстане действует программа индустриализации, которую не станут серьезно корректировать в зависимости от наших пожеланий. Пока есть понимание того, что мы согласовываем промышленную и сельскохозяйственную политику. Следующий шаг — создание общей политики развития — пока не сделан, но, я думаю, с созданием Евразийского экономического союза мы неизбежно должны осваивать функции стратегического планирования, программирования развития, объединения ресурсов и соединения наших конкурентных преимуществ.

Когда мы делали расчеты экономического эффекта интеграции, Институт народнохозяйственного прогнозирования посчитал, что к 2030 г. будет произведено товаров и услуг на 700 млрд дол. больше, чем если бы интеграции не было. Еще один расчет показывает, что при интеграции на 2030 г. мы будем иметь объем ВВП на 6,5% больше, чем имели бы без интеграции. Понятно, что эти расчеты достаточно условны, но интересно заметить, что на эффект общей стратегии в расчетах приходится две трети, т. е. сам по себе общий рынок, без общей стратегии развития, дает только одну треть эффекта. Вполне вероятно, рынок будет наполняться китайскими товарами, т. е. Таможенный союз будет создаваться для свободного обращения китайских и европейских товаров, если мы сами не сможем реализовать и соединить наши конкурентные преимущества.

Объединение таможенных территорий дает эффект, прежде всего, для отраслей с высокой добавленной стоимостью, там где много раз приходится пересекать границу в процессе кооперации производства. Для добывающих отраслей единая таможенная территория большого смысла не имеет. Надо сказать, что когда мы строили Таможенный союз, нас с энтузиазмом поддерживали машиностроители, агропромышленный комплекс, пищевая промышленность, но со стороны сырьевиков мы видели глухое напряжение. Это касается и нефтянников, и металлургов. Газпрому в рамках ЕЭП приходится снижать цены — у нас обязательство обеспечивать выравнивание цен на газ путем выхода

на принцип равнодоходности поставок на всей единой таможенной территории. Таким образом, если мы не будем иметь стратегии развития, не будем стимулировать закономерности развития наших отраслей с высокой добавленной стоимостью, тогда и экономический эффект функционирования ЕЭП будет в 3 раза меньше, чем мог бы быть потенциально.

Какой может быть эффект в случае реализации осмысленной стратегии развития — показывает сегодня Белоруссия, которая специализируется на машиностроении и продовольствии. Это как раз те сферы, для которых таможенные границы являются серьезным барьером и помехой для развития кооперации с российскими предприятиями.

Белоруссия имеет меньше 5% в доле совокупного ВВП Таможенного союза, а вот ее доля во взаимной торговле — 25%, т. е. белорусы в 5 раз интенсивнее используют единую таможенную территорию, чем их вес с точки зрения объема производства. И если посмотреть, из чего состоит конечная белорусская продукция, скажем, сельхозмашиностроение или автомобилестроение, то там практически половина, а по некоторым позициям и две трети — российская комплектация. Важно сохранить Белоруссию как сложившийся генератор роста производства товаров с высокой добавленной стоимостью. Белоруссию можно критиковать с точки зрения мер экономической политики, недостаточной либерализации экономического регулирования, но фактом является то, что Белоруссия сегодня производит на 80% больше товаров, чем во времена Советского Союза. Это говорит о том, что система работает, как бы к ней ни относились, как бы ни пытались ее загнать в общие правила свободного рынка.

Если говорить о расширении Таможенного союза, то кандидат номер один — Киргизия. Киргизию мы уже давно могли бы присоединить, поскольку она — член ВТО, все законодательство Киргизии соответствует и адаптировано к законодательству Таможенного союза. В Киргизии за период после развала СССР практически полностью было разрушено машиностроение, связанное с оборонкой, но сохранились сельское хозяйство и легкая промышленность. Более того, легкая промышленность, основанная сначала на поддержке реимпорта китайских товаров, стала довольно развитой отраслью. Однако этот успех основан на контрафактной продукции, они шьют изделия с нарушением прав промышленной интеллектуальной собственности и поставляют ее на московский рынок. Бизнес очень выгодный — около 300% рентабельности, — и в настоящий момент это модернизированная отрасль с современным оборудованием, распределенная по большой территории Киргизии. В ней занято порядка 150 тыс. человек — для Киргизии это много. И мы понимаем, что включение Киргизии в единую таможен-

ную территорию создает определенную угрозу экономическому успеху, который достигнут ценой, конечно, наших таможенных поступлений. Официально Киргизия импортирует 700 млн дол. из Китая с уплатой пошлин, а реально 7—8 млрд. Сейчас Киргизия оказалась в ситуации, когда этот бизнес может рухнуть, потому что Казахстан уже закрыл с ней границу — там колючая проволока, и уже переток товаров идет примитивным ручным способом, но это не те масштабы.

Таким образом, реимпорт контрабанды как вид деятельности нашими таможенными службами почти перекрыт. Остаются экспорт и импорт собственно киргизских товаров, сделанных из китайских комплектующих, тканей, фурнитуры. Часть готовых изделий поставляется на наш рынок с нарушениями прав промышленной и интеллектуальной собственности. Некоторые из этих фирм договариваются с нашей таможенной службой, чтобы она проверяла эти товары. У нас есть такая процедура — таможня обязана проверять соответствие этикеток правам собственности, но делается это не системно и не по всем товарам. Однако этот контроль расширяется, поэтому Киргизия понимает, что ей придется рано или поздно от контрафакта отказываться. И сейчас в московских супермаркетах можно увидеть костюмчики «made in Kyrgyzstan», которые по качеству ничем не отличается от «made in Italy», потому что и то и другое сделано в Киргизии. И если они идут к нам в ТС, то мы этот бизнес легализуем, постепенно приводим в нормальное правовое русло, сохраняем, поскольку сохранить легкую промышленность можно только внутри Таможенного союза на сегодняшний день. И они это, наконец, поняли и стремятся к нам, потому что в этом случае получают беспошлинные энергоресурсы.

Армения — еще один кандидат, с которым нет общей таможенной границы. Нам это не мешает теоретически. Есть опыт работы с Калининградской областью, но ясно, что отсутствие общей таможенной границы эффективность участия в единой таможенной территории снижает, потому что все равно остается таможенный контроль, хоть он и будет носить чисто технический характер. Экономические эффекты здесь невелики, и складываются целиком в пользу Армении: это опять же газ, нефтепродукты, защита прав мигрантов. Экономический эффект для единой таможенной территории хоть и невелик, но он тоже позитивен, так что сомнений в экономической целесообразности возвращения Армении к нам в ЕЭП нет.

С Таджикистаном главная проблема — борьба с наркотрафиком, пока мы ее не решим, правоохранительные структуры будут высказывать беспокойство в случае снятия таможенных границ с этой республикой. Специализация Таджикистана тоже понятна: в основном это энергоемкие производства с большими политическими рисками. Важ-

ным аргументом в пользу участия Киргизии и Таджикистана в Таможенном союзе является аргумент политический: находясь внутри нашего таможенного пространства, они обретают большую политическую устойчивость. Видно, как тяжело Киргизии сохранять свою государственность, она постоянно подвергается серьезным испытаниям. Если Киргизия будет экономически внутри нашего общего пространства, властям Киргизии будет легче обеспечивать стабильность, и мы общими силами можем помочь формированию киргизской государственности.

Главный вопрос завершения нашей единой таможенной территории — это Украина, потому что без ее участия Украины ЕЭП неполно. Украина поставляет нам машиностроение, продовольственные товары, является для нас транзитным государством по энергоносителям и в принципе по всем товарам в торговле с Европой. Участие Украины является естественным дополнением нашей таможенной территории. Экономические эффекты участия Украины очень большие: для Украины это плюс 18% ВВП к 2030 г., это примерно 300 млрд дол. производства товаров, для нас экономический эффект тоже положителен. Участие Украины делает наше единое экономическое пространство целостным, а без Украины оно остается недостроенным.

Сегодня с Украиной продолжают действовать более 1000 кооперационных связей в машиностроении, таможенный же барьер ощутимо мешает развитию кооперации. Более того, неопределенность, связанная с геополитическим выбором Украины, затрудняет долгосрочные проекты. У нас сегодня таких проектов много по всем отраслям. Они, можно сказать, не идут, потому что инвесторы, включая государство, не понимают, что будет на Украине через год, через два, через пять.

Все эти расчеты были широко представлены и обсуждены. Мы имели хороший коллектив ученых из российских и украинских академических институтов. В основном работал Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН и Институт экономики и прогнозирования НАН Украины. Были проведены расчеты по пяти разным сценариям. Самым эффективным для нас и, в особенности, для Украины является сценарий полноценного участия Украины в едином экономическом пространстве. По этому сценарию Украина сразу получает возможность сбалансировать свою торговлю — сегодня она сводится к большому дефициту. Это даст возможность, в свою очередь, сбалансировать платежный баланс Украины. Каковы наши выгоды? Это — наращивание конкурентных преимуществ в самых важных для общей стратегии развития отраслях, особенно в наукоемком машиностроении.

В то же время подписание Соглашения об ассоциации с Евросоюзом, которое предусматривает зону свободной торговли, для Украины оборачивается большим минусом. Увеличение импорта из Евросоюза примерно на 1,5—2 млрд — это опрокидывание торгового баланса в еще больший дефицит, а платежный баланс становится просто неподъемным. Сегодня долговая нагрузка — около половины ВВП, поэтому, когда украинское правительство все это посчитало, оно начало осторожно намекать европейским партнерам: вы дадите нам 100 млрд евро? Для европейских партнеров это был неожиданный поворот в переговорах, потому что до последнего момента Украина выступала пассивно — она просто принимала европейский план присоединения.

И здесь необходимо акцентировать внимание на принципиальных различиях между европейской и евразийской интеграциями. Мы это хорошо почувствовали, участвуя в дискуссиях с украинскими и европейскими партнерами. Украина по этому Соглашению передавала бы свой суверенитет по всем торгово-экономическим вопросам Брюсселю, обязуясь строго следовать в кильватере его директив без права участвовать в их обсуждении и права получения каких-либо преференций при их имплементации. Подавляющее большинство этих директив должно было бы быть имплементировано Украиной в первые три года работы этого соглашения. Уже в первый год действия Соглашения зона свободной торговли распространилась бы на 70% товарных позиций. Уже через месяц после подписания соглашения, а в целом по истечению трехлетнего периода, Украина должна была бы практически полностью открыть свой рынок и перейти на европейские технические регламенты (примерно в 80% от общего объема правоприменения), выполнять европейские директивы в области госзакупок, субсидий. Иначе говоря, все вопросы, которые мы передали в Таможенный союз, Украина собиралась передать Брюсселю. За неукоснительным исполнением вышеназванных директив по всем направлениям торгово-экономических отношений следил бы специальный Совет ассоциации, в котором 50 на 50 сидят европейцы и украинские эксперты, при этом правила принятия решений не прописаны.

Ясно, что если бы подписание этого дискриминационного документа произошло, мы бы Украину как партнера потеряли. Потому что принимавшиеся ею на себя обязательства вступали бы в прямое противоречие с правилами работы ЕЭП, в рамках которого передаваемые на наднациональный уровень полномочия государств-членов ограничиваются сугубо экономическими вопросами в строго очерченных договорно-правовой базой интеграции рамках. Это, пожалуй, ключевое отличие ЕЭП от требований ассоциации с ЕС, предусматривающих слепое следование навязываемым директивам, в том числе по вопро-

сам государственного строительства и военно-политического сотрудничества.

Еще одно важнейшее отличие — система принятия решений в рамках ЕЭП. Она основывается на полном равноправии сторон при том, что 85% экономического потенциала объединения несет Россия. Когда мы строили Таможенный союз, у России было 57% голосов, но когда мы перешли к ЕЭП, то сознательно было принято политическое решение обеспечить одинаковое представительство по три человека в наднациональном органе, одинаковое членство в совете с правом «вето». Таким образом, каждый из партнеров по интеграции, вне зависимости от веса, имеет треть голосов.

Европейский союз по отношению к вновь появляющимся странам никаких переговоров вести не собирается. Принцип простой — вы нам подчиняетесь и работаете так, как мы вам скажем. Это принципиальное различие. Наблюдая за эволюцией Европейского союза, я прихожу к выводу, что мы имеем дело с новой реальностью — это некая бюрократическая империя, которой руководят примерно 50 тыс. еврочиновников, у которых явно есть заинтересованность в расширении. Главное действующее лицо здесь — Европейская комиссия. Обратите внимание, что в конфликте, например, между Грецией и Брюсселем, полную победу одержал Брюссель. В Греции — техническое правительство, то же самое касается и Италии, Испании, т. е. Южной Европы, которая пострадала от расширения Евросоюза больше всего.

Некоторые наблюдатели объясняют упадок Южной Европы тем, что появилась Восточная Европа и те ограниченные инвестиционные ресурсы, которые в рамках Европейского союза есть, были сосредоточены на Восточной Европе. Германия довольно большие инвестиции сделала. Южная Европа в этой ситуации оказалась неконкурентоспособной: рабочая сила дороже, претензий в обществе больше, трудовые ресурсы менее дисциплинированы и квалифицированы чем в Восточной Европе. Поэтому Южная Европа явно проиграла от расширения Евросоюза, но ее мнения никто не спрашивает, хотя там присутствуют страны, которые традиционно являются основой европейской интеграции.

Таким образом, в лице Европейского союза мы имеем не отдельные страны, а мощную бюрократическую империю, у которой есть свои интересы, не совпадающие с интересами отдельных государств, и в этом большая слабость Европейского союза.

Мы многое из опыта Европейского союза учли. Однако, сравнивая европейскую интеграцию и евразийскую интеграции, можно подтвердить — это разные системы. Казалось бы, Европейский союз сегодня намного мощнее нашего Евразийского союза. Но идеологически, как

мне представляется, возможностей у нашего расширения больше, потому что мы уважаем национальный суверенитет. Как бы странно это ни прозвучало с учетом нашей многовековой истории централизованного государства. Сегодня мы строим евразийскую интеграцию по заветам князя Трубецкого и Л. Гумилева. Гумилев подчеркивал, что объединение должно идти с полным уважением суверенитета друг друга, без навязывания силы, на основе доброжелательности и взаимовыгодности. Так и устроена сегодня наша конструкция.

Можно сказать, что есть интеграция естественная и есть противоестественная. То, что делаем мы, — естественная интеграция, — она взаимовыгодна и никому вреда не приносит. То, что делает европейская бюрократическая империя на восточной своей части, — это противоестественная интеграция. Обратите внимание, Прибалтика, которую они «скушали», не только не стала экономическим чудом, и превращается в пустыню. Молодые уезжают в Европейский союз и возвращаются не собирается. Болгария тоже испытывает депопуляцию, оказалась в состоянии полной экономической катастрофы благодаря Европейскому союзу, который запретил там строить атомную электростанцию с нами, наложил ограничения на сельское хозяйство и т. д.

В заключение последнее наблюдение: у нас тоже есть болезнь бюрократизации. По европейскому опыту я хочу предложить научную гипотезу: чтобы интеграция была устойчивой, нужно чтобы бюрократический аппарат наднациональных органов был меньше бюрократического аппарата самой маленькой страны, участвующей в интеграции.

Из ответов на вопросы участников конференции

Экономический форум в Ялте. В Ялте был так называемый Ялтинский экономический форум ЕС. Примерно половина иностранцев из Европы, США. Фактически я там был один, кто высказывал альтернативную точку зрения. Никакой конструктивной дискуссии не получилось, потому что главная идея была в том, чтобы политически зафиксировать, что европейский выбор соответствует и украинскому общественному мнению, и устремлениям Европы. В общем, это была пропагандистская акция.

Принцип справедливости евразийской интеграции. Для чего расширяется ЕС сегодня, в чем смысл? Смысл в интересах европейских транснациональных корпораций, они от этого выигрывают, выигрывают европейские транснациональные банки. Собственно вся европейская территория сегодня, которая строится под лозунгами единой Европы и т. д., она в конечном счете вылилась в то, что в крупном выигрыше оказался только крупный частный капитал — европейский и американский. Мы же строим интеграцию по принципам взаимовыгодности, чтобы никто не потерял, т. е. мы никому ее не навязываем. Пока баланс у всех сводится с плюсом, хотя последний год у нас идет падение оборота взаимной торговли, связанное с тем, что в России экономический рост

остановился, в этом причина. Но тем не менее у всех баланс с плюсом. Принцип справедливости — коренной принцип нашей культуры, который должен быть реализован в каждом государстве. Пока он не реализован в России в полной мере, едва ли он может быть реализован в масштабах наднационального объединения. Но мы исходим из того, что в международных отношениях у нас в ходе интеграции не должно происходить неэквивалентного обмена. Пока в основном издержки интеграции несет на себе Россия, т. е. наш бюджет жертвует экспортными пошлинами, но это все, по нашим расчетам, через 2—3 года окупится за счет взаимной торговли и за счет общих видов деятельности. Подчеркну, что мы сейчас создаем общий рынок. Общей стратегии развития пока нет, она только формируется, поэтому и особых денег на какие-то совместные проекты мы не тратим. У нас есть антикризисный фонд в размере 10 млрд дол. — Россия дает около 85%. Эти деньги предназначены для оказания стабилизационной помощи — когда платежный баланс у страны валится, из этого фонда даются деньги под соответствующие программы оздоровления, как с Беларуссией сейчас. Мы Белоруссию через этот фонд поддерживаем.

О финансовой составляющей расширения евразийской интеграции. У нас есть общие планы развития инфраструктуры, транспортной, прежде всего, но здесь предполагается частно-государственное партнерство с рыночными механизмами финансирования. Иными словами, пока общая большая финансовая инфраструктура нашего интеграционного объединения не сложилась. Мы снимаем барьеры на пути банковской деятельности. Этот вопрос пока до конца не решен. Надо понимать, что это будет дорога с двусторонним движением. Был период, когда казахстанские банки активно работали в России, потом некоторые из них лопнули. Теперь период, когда российские банки идут в Казахстан. Наши руководители приняли решение, что мы сознательно сохраняем конкуренцию юрисдикций, у кого юрисдикция будет лучше для бизнеса, тот и будет выигрывать.

О развитии ситуации на Украине. Если наши руководители договорятся, то на Украине ситуация будет улучшаться, потому что, во-первых, будут снижены цены на энергоносители. Это будет поэтапный процесс. Во-вторых, будут смягчены процедуры таможенного контроля, что облегчит нам сотрудничество. Самое главное, наш бизнес увидит перспективы, и мы продвинем, наконец, долгосрочные проекты, и сами по себе эти долгосрочные проекты дадут Украине очень много. И если нам удастся все-таки переломить общественные настроения, которые сегодня формируются под давлением ангажированных телевизионных каналов, тогда, возможно, через некоторое время, подготовив общественное мнение, двинемся более решительно по пути восстановления участия Украины в Едином экономическом пространстве.

Материал подготовила Т.С. Сухина

А.Н. КЛЕПАЧ

**Евразийская идея: политический, идеологический,
экономический, социальный феномен**

Аннотация. Рассматриваются проблемы евразийской интеграции как социального феномена; утверждается, что евразийский вызов означает кардинальные изменения всей системы экономических и политических связей, а также изменения на уровне взаимодействия общества, бизнеса.

Ключевые слова: евразийская интеграция, экономический феномен, Таможенный союз.

Abstract. The article is devoted to problems of the Euroasian integration as social phenomenon; it is claimed that the Euroasian challenge means basic changes of all economic and political connections system and changes at the level of interaction of society, business.

Keywords: Euroasian integration, economic phenomenon, Customs union.

Евразийская интеграция — это в большей степени не экономический, а идейный, или социальный, феномен. Он отталкивается не от реальности, не от расчетов, не от экономической выгоды, а от некоторой евразийской идеи, которая, с одной стороны — над экономической реальностью, с другой — связана с поисками определенного смысла и национального облика и для России, и для тех стран, которые входили как в традиционные русские миры (не важно — в Российскую империю или в Советский Союз), так и для тех, которые сейчас формируют свою собственную политическую жизнь и политическую идентичность.

По сути дела евразийская цивилизация — это особый, или даже другой мир, который связан с другим отношением, в том числе к пространству и к соотношению пространства и времени. Европейская цивилизация, бизнес, экономика корпораций и рынков так или иначе связаны с временным изменением в развитии, с получением денег, тогда как евразийская идея в первую очередь определяется пространством, достаточно большой пластичностью, нечеткостью правил. Евразийское пространство в определенной степени строится не на жестких нормах, а на понятиях, несмотря на большое количество законов, нормативно-правовых актов (порядка 11 тыс. за последние несколько лет прошли через Государственную Думу и Совет Федерации), экономических решений. Важно, чтобы понятия выстраивали пластичную,

нормальную жизнь, и при этом так, чтобы жизнь и экономика были достаточно конкурентоспособны.

Отметим несколько проблем интеграционного процесса, которые носят и социальный, и экономический характер. Несмотря на то, что евразийская интеграция реально стала приоритетом нашей экономической политики, начиная с того момента, когда были предприняты форсированные усилия для создания Таможенного союза, его трансформации в единое экономическое пространство и в перспективе — в евразийский союз, Россия (а также Украина — это еще более явный пример) постоянно находится в некотором метании между европейским выбором и азиатским. Это связано с тем, что на самом деле соотношение европейского и азиатского континентов и той же русскости или самостоятельной идентичности неустойчиво, скорее устойчивыми являются постоянные поиски. Так или иначе, реальность заключается в том, что и сейчас, и в экономически обозримой перспективе мы в большей степени будем зависеть от европейской экономики и даже американской, чем от азиатской.

В СНГ и создаваемой интеграционной группировке более 50% российского импорта определяется странами Евросоюза, основной приток технологий идет оттуда, основные источники кредитования, да и основная сфера экспорта нашего капитала — это европейская или евроатлантическая экономика. Наши поставки в Китай не велики. Если брать объемы торговли, то даже прогнозы показывают, что есть огромный разрыв между темпами развития китайской экономики, которая составляет 15% мирового ВВП, и минимальным объемом нашей торговли с Китаем по сравнению с Евросоюзом.

Поэтому евразийское пространство и евразийский вызов для России означают кардинальные изменения всей системы экономических связей. Пока этого не произошло, но задача ставится — на нее требуется лет 10, и ее решение возможно в рамках другой структуры национальной экономики.

Второй момент, еще более важный. Значительная часть российской и украинской элит отдает приоритет евроатлантическим ценностям, настроениям, и эталон, или модель поведения, тоже определяется там. В этом смысле есть огромный разрыв между евроатлантической ориентацией наших элит и политическим евразийским выбором — однако он сделан, и теперь его надо наполнить реальным экономическим содержанием.

Существует также разрыв между выбором элит и выбором народа, или средних слоев общества, хотя и здесь идут различные процессы. На примере Украины мы видим как фактически за последний год или два значительная часть населения (по разным социальным опросам)

существенно сместила свои оценки и предпочтения в пользу интеграции с Евросоюзом, в сторону евроценностей.

Третий момент, евразийское пространство, Таможенный союз в особенности, с одной стороны, огромная привлекательная система, структура, поскольку здесь есть равноправие, консенсус, но, с другой стороны, это страны с крайне разными не только уровнями развития, но и системами институтов — как экономических, так и политических (политически мы, возможно, ближе, чем экономически). Так, например, в Белоруссии, механизм принятия экономических решений управления экономикой отличается от нашего больше, чем различия между нами, Китаем, Европой. И в этом плане мы во многом ближе к Казахстану, чем к Белоруссии.

Сейчас Россия и Белоруссия находятся в сложной фазе перехода — в фазе нестабильности. Белорусы только что пережили экономический кризис — по некоторым оценкам, с большой вероятностью в середине или весной 2014 г. в случае, если мы не окажем массивную поддержку, в Белоруссии разразится еще один кризис. И для того, чтобы в будущем устойчиво развиваться, им придется существенно видоизменить свою модель. Поскольку в рамках сложившейся в Белоруссии системы институтов и экономической политики устойчивости в будущем они обрести не смогут.

С Казахстаном другие проблемы, другой спектр отношений. Надо иметь в виду, что Казахстан сейчас быстро наращивает торговлю и связи с Китаем, с азиатскими странами, а не с Россией. Мы двигаемся на разных скоростях — и экономических и институциональных.

И в этой связи возникает вопрос, или вызов, как всем этим странам при суверенитете и равноправии все-таки сближаться, обеспечивая институциональное единство. Единство, которое будет определяться не только на уровне экономических и политических решений властей, но и на уровне взаимодействия общества, бизнеса, так сказать, на среднем уровне.

На смену евразийскому союзу, с одной стороны, приходит Таможенный союз, а с другой — некоторая система двухсторонних отношений между странами. В перспективе — ассоциированное партнерство Таможенного союза с той же Киргизией, Таджикистаном.

В Таможенный союз вступает и Армения, хотя это больше политический выбор, чем экономический, но за этим есть и определенная экономика, в основном двухсторонняя — между Россией и Арменией. В этой связи вопрос иерархичности, многоуровневости отношений интеграции крайне актуален. По сути дела мы будем иметь сложную разнородную, разнородную структуру интеграционных процессов, в отличие от Евросоюза, где намного более жесткая внутренняя

система регулирования и требований по поведению, интеграции, что, видимо, в перспективе будет наличествовать и внутри Таможенного союза.

При этом возникает вопрос: а каковы границы того же евразийского пространства и в еще большей степени границы евразийского экономического сотрудничества и интеграции? Потому что русский мир по большому счету значительно шире, чем Таможенный союз и СНГ. Например, и страны Балтии являются частью русского мира. Более того, происходит некоторое повышение роли русскоговорящих общин в жизни Балтийских стран. Хотя они активно адаптируются и ассимилируются и европейским пространством, и балтийским обществом, но тем не менее это часть русского мира. Определенный элемент русского мира есть и в Израиле, и в Соединенных Штатах. Понятно, что экономически он с нами связан не сильно, хотя, например, интенсивность наших экономических связей с Израилем, причем в последнее время в отдельных элементах военной области, по сравнению со многими странами СНГ и Таможенного союза весьма значительна.

Еще один важный аспект, который здесь надо отметить, это то, что без Украины евразийская интеграция не может быть полной, и не только в силу наших идейных и исторических связей, но и потому что без нее экономическая система оказывается крайне ограниченной.

Целостность Украины связана с тем, что у нас есть возможность вместе с Украиной (без нее значительно сложнее) выстроить систему транспортной инфраструктуры. Только на создание альтернативной системы нефтепровода мы затратили около 50—60 млрд дол. То же самое происходит и в других отраслях экономики. В этом плане вместе мы сможем получить существенный целостный синергетический эффект — это касается транспортной, энергетической инфраструктур, целой серии сфер, где мы можем совместно кооперироваться (зерновой рынок, масличные культуры). Потому что Россия, Казахстан и Украина вместе обеспечивают более трети мирового экспорта зерна, и здесь мы можем стать одним из серьезных игроков.

В части отраслей промышленности определенные шаги есть — совместные проекты, совместные предприятия, но они еще не стали серьезными игроками, и будущее каждого из этих проектов под большим вопросом. Мы каждый раз находимся в состоянии: либо будет сделан шаг вперед, либо через какое-то время идея будет похоронена. Это есть в любом проекте — от АТАН-148 до модернизации украинских АЭС и нашего участия в поставках как топлива, так и другой аппаратуры.

Тем не менее возможности здесь есть и есть определенный исторический шанс для того, чтобы сделать рывок и в части авиастроения,

двигателестроения, судостроительной промышленности, космоса и ядерной энергетики. Это то, над чем сейчас правительство работает. Есть определенные планы, необходимо, чтобы они воплотились в определенные последовательные решения. И тогда мы можем стать серьезным игроком — совместно, а не порознь на целом ряде сегментов мирового рынка. Это будет политика успеха, которая покажет, как можно интегрироваться. А именно, расчистить поле от постоянных торговых войн, найти сферы реализации и применения для мозгов и интеллектуального научного потенциала и России, и Украины, а также Казахстана и Белоруссии. Идеи по поводу перспектив интеграции обсуждаются. Во многом они будут определяться тем, насколько мудро и последовательно будет вести себя Россия, потому что интеграция и дружба требуют затрат в первую очередь от нас. Они проявляются по-разному и не только в виде уступок или финансирования скидок на газ: мы должны, например, пускать на наш рынок продукцию из Белоруссии, Казахстана, а не ставить ей ограничения. Однако при этом в Белоруссии продать что-либо из нашей машиностроительной продукции невозможно, не говоря уже о молочной продукции, несмотря на то, что мы в едином пространстве.

Поэтому время для совместных проектов, единого рынка только наступает, многое здесь зависит от России. Пока, если говорить о цифрах, они не велики. Вес России в мировой экономике по паритету покупательной способности — это от 3,5 до 4% ВВП. Совместно со всеми остальными нашими коллегами это будет около 5%, или соответственно 4,4—4,5%. Если же брать все прогнозы, они в большинстве своем показывают, что есть тенденция к уменьшению, или, как максимум, не к увеличению нашей доли в мировой экономике.

Проигрыш для нас будет означать, что ни мы, ни тем более другие страны не сможем решить задачу существенного повышения жизненного уровня. В дальнейшем встанет вопрос если не о единой стратегии, то об их согласовании. Это тот вызов, на который нам еще предстоит ответить.

Пока довлеет прошлое, но будущее — за нами, и мы его создадим¹.

¹ *Материал подготовила С.С. Нина.*

С.Г. КАРА-МУРЗА

Евразийская интеграция: главные трудности

Аннотация. Рассматриваются проблемы, трудности воссоединения, интеграции в едином евразийском пространстве разделившихся в результате расчленения СССР стран. Утверждается, что важно менять представления обо всех сущностях, которые надо собрать в систему, необходимы новая программа, новое строительство целого, связи нового типа, новые формы и символы единства.

Ключевые слова: евразийская интеграция, Россия, СССР.

Abstract. The article is devoted to problems, difficulties of reunion, integration in uniform Euroasian space of the countries divided as a result of a partition of the USSR. It is claimed that it is important to change ideas of all the substances which should be collected in system, the new program, new construction, communication of new type, new forms and unity symbols are necessary.

Keywords: Euroasian integration, Russia, USSR.

В истории больших стран периоды укрепления связности и единства чередуются с кризисами, иной раз приводящими к распаду. Особенно драматично это происходит, если страна складывается как империя, включая в себя разные народы и большие территории. Обычно такие тяжелые кризисы создаются коалициями внутренних «антиимперских» сил и внешних геополитических противников страны. Такие коалиции разорвали в феврале 1917 г. Российскую империю, похожий на них альянс сумел расчленил СССР в 1991 г. Противники единства страны всегда используют моменты ослабления ее государственности и быстро идущие в такие моменты изменения в мировоззрении людей.

Нас интересует вопрос: каковы после таких кризисов шансы у разделившихся частей вновь собраться в едином государстве или союзе какого-то типа?

Уже 22 года как расчленен СССР, но до сих пор мы не изжили последствия этой катастрофы. Тяжелый удар нанесен хозяйству всей Евразии, так как практически вся производственная система была выстроена за советский период — как одно огромное предприятие. Его расчленение погрузило в кризис все страны, и выйти из него пока не удастся.

Взглянем на общежитие наших народов в Российской империи, ее распад в 1917 г., сборку в СССР, его расчленение и перспективу воссоединения постсоветских республик как на техническую проблему —

дезинтеграцию и новую сборку системы из элементов и связей в их движении и развитии.

Образование целого из частей — трудный процесс, строительство нового. «Целое больше суммы его частей», оно имеет особую силу — энтелехию. Вот две империи — Россия и США. Обе создали разные типы жизнеустройств, обе несли мессианские идеи, очень разные. США пошли по пути этнической чистки территории, а потом ассимиляции — «переваривания» иммигрантов в этническом тигле и сплавления их в новую нацию. Собрание России было именно *интеграцией* — каждая новая часть включалась в целое, не теряя своей особенности. Каждый народ, входя в Россию, придавал этому целому какое-то свое качество. Система получилась сложной, но разнообразие — великая ценность.

Для нас важно, что интеграция не достигается просто путем обмена — ты мне, я тебе. Между продавцом и покупателем на рынке, конечно, возникает взаимодействие, но это связи слишком временные и слабые, рынок не соединяет части в целое. Интеграция — это всегда создание какого-то «общего котла», в который каждая часть вносит свою лепту. Например, в отличие от рынка в семье все делают свои вклады, и они соединяются, а не обмениваются. Это соединение и создает то целое, которое «больше суммы частей». Очень часто вклады участников несоизмеримы между собой, качественно различны, так что выразить их в единообразной форме, например, денежной, трудно или невозможно.

Когда во время перестройки производили расчленение СССР, то напирали на экономическую выгоду или невыгоду. Это был подлог, и только тотальный контроль над СМИ не позволил его разоблачить. При разделении целостности на части устраняется тот «кооперативный эффект», который и придает главную ценность большой системе. Этот эффект может достигать огромной величины. Потеряв целостность страны, мы утратили такие огромные выгоды (энтелехию), которые никакими деньгами не оценить. Но ведь постсоветские страны свернули на рельсы рыночных отношений. «Газпром», государственная компания, объявляет, что поставки газа в Белоруссию — только бизнес, и ничего больше. На таких принципах интеграция невозможна. Торговля — это не интеграция. У этих типов отношений разные меры и критерии выгоды.

Пока в нашей культуре господствует инстинкт торгаша, противники интеграции будут брать верх. Это — *первое фундаментальное препятствие*.

В войне любого типа важная цель — нарушение системной целостности противника. Найти «слабое место» у противника — значит нащупать в его системе тот узел связей, который необходим для це-

лостности. Не оценить в деньгах потери России и Украины от того, что значительную часть украинцев сумели настроить против русских. В 1990 г. политизация этнического чувства на Украине была самой слабой в СССР: наибольшую значимость национального вопроса там выразили 6%. Радикальные националистические группы поддерживали 1% населения (в Казахстане — 2%). Но ведь за 23 года ситуация резко изменилась. Надо же выяснить, почему, и определить, каковы ресурсы для того, чтобы повернуть этот процесс вспять.

Мы пережили дезинтеграцию СССР и наблюдаем вялотекущую дезинтеграцию РФ. Процесс у нас перед глазами, можем учиться. Без этого знания не воссоединить ни земли, ни народы. Но пока что ни исследование, ни обучение не начаты. Все надежды возлагаются на экономическую выгоду. Дефицит знания — *второе фундаментальное препятствие* интеграции.

Дезинтеграция — это, в основном, разрыв связей между элементами системы (хотя и сами элементы деформируются). Пройдя мысленно по перечню разорванных в 1991 г. связей, мы и увидим программу дезинтеграции. Это нужно, чтобы договориться о том, какие связи надо защищать, укреплять, восстанавливать, какие надо создавать заново и по-другому, какие в новой реальности никуда не годятся, так что остатки их надо обрезать и зачистить. Опыт разрушения систем дает колоссальное знание, и раз уж над нами такой жестокий эксперимент история поставила, надо из него выжать максимум информации.

Разрушение каждого пучка связей — особая программа и особая тема. Важнейший пучок связей создает государство — едиными законами, общим языком и идеологией, своими символами, множеством систем, соединяющих людей и территории (например, армией и школой). Подорвать единую государственную надстройку — вот первый этап в расчленении. Надо его вспомнить и обдумать.

Для интеграции нужны большие системы — транспорта, связи, энергосетей и пр. Многие из этих общих систем тоже расчленили, а части их стараются изменить так, чтобы они потеряли способность к сращиванию. Например, отказ от общей технической политики или ликвидация отечественного авиастроения сразу облегчает растаскивание больших систем западными конкурентами.

Союз связывается общим языком, общей школой и общим культурным ядром. По всем этим сущностям били силы, работающие на разделение. Баланс этих сил в наших странах различен и неустойчив — перевес берут то одни, то другие. В целом пока что идет расхождение единого ранее цивилизационного облика. Если мы будем апатично наблюдать за этим процессом, то вскоре шансов соединить разорванные связи не останется.

Скорее всего, уже сейчас иллюзорны надежды на воссоединение хотя бы общего экономического и культурного пространства через восстановление части прежних связей. Расчленение Российской империи после Февральской революции было краткосрочным. В ходе Гражданской войны страна была опять собрана почти на той же территории (не считая Польши и Финляндии). Такое быстрое воссоединение частей страны можно назвать *реинтеграцией*. Части срослись по линиям разрыва — разделенные поверхности еще не «окислились».

Конечно, собирание России в образе СССР шло с обновлением многих систем, при наличии общего проекта, принятого большинством. Опыт нейтрализации сепаратизма этнических элит считается в антропологии блестящим достижением советского государственного строительства. Но в 1990-е гг. и сегодня эти самые этнические элиты очень старались и стараются этот опыт опорочить, и это понятно — их цель в том, чтобы подавить постсоветские интеграционные проекты.

В какой же мере возможно сращивание разорванных связей сегодня? В 1990-е гг. казалось, что возможно. Но это не удалось. Силы разделения внутри республик и за рубежами были намного мощнее. Те, кто разваливал СССР, за 22 года завладели собственностью, финансовой системой, СМИ и школой. Они готовы к выгодному сотрудничеству, как и с другими странами Запада и Востока, но мы не об этом говорим. А сторонники интеграции, даже если их большинство, дезорганизованы. Это — *третье фундаментальное препятствие*, также плохо изученное.

Судя по многим признакам, время, когда была возможна *реинтеграция*, истекло. Уже нельзя «зачистить контакты», соединить те же провода — и машина заработала бы. Нужны новая программа, новое строительство целого, создание новых стыковочных узлов, производство материала для связей нового типа, новый язык, новые формы и символы единства. Значит, нужен и новый уровень *разнообразия* интеграционных связей.

И первым делом необходимо менять представления обо всех сущностях, которые надо собрать в систему. Эти представления устарели, что и было важным фактором ослабления связности СССР. Во-вторых, надо менять весь *дискурс*. Выросли новые поколения, и взывать к их чувству «общей исторической судьбы» — только злить их. Еще во время перестройки Москва стала двигаться под лозунгом «Вернуться в лоно цивилизации!». Какой цивилизации? Было сказано и повторяется до сих пор — *европейской!* А разве таджиков и туркмен туда приглашают? А разве они туда хотят? Как с такой идеологией интегрировать Европу?

Беловежское соглашение сбросило многие республики в длительное бедствие — договор об «общей судьбе» был растоптан. Как показывает динамика множества показателей, до 1990 г. все республики развивались как члены одной семьи, а с конца 1991 г. все они стали переживать бедствие по-разному, и за последующие 20 лет пути их очень сильно разошлись.

Схема реинтеграции стала невозможна, а у нас и знания о новом состоянии бывших республик СССР недостаточно. Постсоветские республики разошлись из разрушенной цивилизационной системы, и теперь их соединение стало намного сложнее.

Это — четвертое фундаментальное препятствие.

Даже то направление интеграции, в котором мы как будто дальше всего продвинулись, — с Белоруссией — уже возможно лишь как строительство нового Союза, а не как воссоединение двух союзных республик. Белорусы выработали оригинальный национальный проект, сплотились вокруг него и почти вылезли из кризиса, внося множество важных творческих изменений в структуры советского типа. Повторить этот проект в РФ сейчас невозможно. Было бы опасно для Белоруссии открыться российской экономике, да и для России будут необходимы сохраненные и обновленные там структуры.

Быстрая интеграция России с Украиной тоже чревата рисками. На Украине идет быстрый процесс этногенеза — изменения многих черт народа, можно сказать, его «пересборки». Это процесс плохо изученный, в чем-то даже интимный. У большей части украинцев его сумели загнать в антирусское русло. Если проявить терпение и добрую волю, то почти наверняка этот всплеск антироссийских настроений сникнет, люди спокойно обдумают свои долгосрочные и фундаментальные интересы. А если в момент общего возбуждения лезть к ним и спорить с ними, то смута затянется надолго. Надо делать все то, что полезно для сближения наших народов, и не делать того, что вредно. А желающих навредить немало — и там, и сям, и у нас (достаточно посмотреть телевидение).

Нужен многосторонний разговор и о тех новых формах интеграции, которые вызревают в последнее десятилетие. Очевидно, что сам тип национального государства быстро меняется, у него появляются новые «стыковочные узлы» для взаимодействия поверх национальных границ. Зачем же нам пытаться воспроизвести старые формы в совершенно новых условиях? Эти попытки наталкиваются на сопротивление, недоверие, требуют больших средств. Лучше выявить и изобрести весь перечень возможных форм интеграции и выбирать из него способы, лучшие для каждого конкретного случая. Разнообразие придает устойчивость.

Нужен основательный и хладнокровный («инженерный») анализ реальности постсоветского пространства и его динамики, а не декларации с благими пожеланиями.

Ф.И. ГИРЕНОК

Евразийский проект и Украина

Аннотация. В статье раскрывается суть евразийской концепции. Она состоит в идеократии, которая была реализована в СССР. Автор делает вывод о том, что успешная реализация евразийского проекта сегодня предполагает союз России и Украины.

Ключевые слова: Евразия, СССР, Украина, идеократия, свобода, политика.

Abstract. In article the essence of the Euroasian concept reveals. It consists in an ideokratiya which was realized in the USSR. The author draws a conclusion that successful implementation of the Euroasian project assumes today the union of Russia and Ukraine.

Keywords: Eurasia, USSR, Ukraine, ideokratiya, freedom, policy.

В начале XX в. в Софии молодыми русскими философами был предложен евразийский проект для России. Имеет ли смысл этот проект сегодня?

Евразия

Суть евразийского проекта состоит в идеократии. Что может объединить русского и казаха, украинца и китайца, если кровь у них разная, традиции не пересекаются, вера не похожа и земли они общей не нажили? Ответ один: идея. Евразийский проект привлекателен с точки зрения эстетики, а не экономики. Он не связан с выгодой. СССР, как это ни странно, был эстетическим воплощением евразийского проекта. Перед красотой его жестких метафизических конструкций меркнет величие Римской империи. Децентрируя Европу, СССР стал новым мировым центром. Но СССР разрушен. Что нам предлагает новый евразийский проект?

Экономика

Современные евразийцы предлагают нам мультикультурность, осторожную интеграцию и экономические выгоды, политику тарифов и скидок, баланс интересов и уступок. Новые евразийцы хотят создать большой рынок, чтобы успеть попасть в новый технологический

уклад. Современные евразийцы — прагматики. Они не эстеты и не идеологи. Они не дружат с метанаррациями и с метафизикой. Прагматики полагают, что эстетика мешает бизнесу, отвлекая его от накопления прибыли. Если же бизнесу хочется заняться искусством, то в этом случае ему, как говорил когда-то Локк, не нужно заниматься проектами и метафизикой, а нужно, опять-таки, учиться фехтовать или, в крайнем случае, учиться скакать на лошади. Для чего? Для того чтобы иметь осанку, с которой, при случае, можно быстро получить кредит в банке и внушить доверие клиентам.

Деградация

Евразийский проект имеет сегодня для России смысл только при одном условии: в нем должна участвовать Украина. Без Украины этот проект не имеет никакого смысла. Без нее русский этнос, ослабленный кровавыми распрями в XX в., окончательно потеряет свою пассионарность, т. е. способность к дисциплинированному энтузиазму. Русскому народу угрожают ныне забвение, деградация, рассеивание среди нерусских народов, превращение в биомассу для какого-то нового пассионарного народа.

Что может остановить надвигающуюся деградацию России? Я думаю, что это не новый технологический уклад и не союз с Киргизией и Таджикистаном. Эту деградацию может остановить объединение с Украиной.

Украина

Украина — самое больное место России. Сама по себе Украина не выживет. Она не субстанция, как Россия. Предоставленная самой себе, она идет к распаду, к хаосу, а ее политики всегда стремились и будут стремиться найти того, к кому они могли бы прислониться, на кого могли бы опереться. Украине нужен костыль.

На мой взгляд, Украина имеет смысл только в связи с Россией, к которой Украине и нужно прислониться. Может ли Украина иметь политическую самостоятельность? Я думаю, что нет, не может. К такому же выводу когда-то пришел и Ю. Самарин. Для самостояния у нее нет никаких оснований: ни духовных, ни политических, ни культурных. Сама по себе она вновь и вновь будет воспроизводить одно и то же: бесформенную вольность и безначалие. Что бы Украина ни сделала, все у нее закончится разбродом, шатанием и казачеством. Казачество — это, на мой взгляд, культурный код Украины, который программирует ее номадический образ жизни.

Волею случая народ Украины был лишен земли, и эта безземельность сделала его подвижным. Народу Украины нужно было дать землю, чтобы лишить его мобильности, связать его своеволие, приучить к

форме. Екатерина Великая, конечно, это сделала. Она привязала его к земле и лишила своеволия. Сделала она это правильно, но грубо, травмировав сознание украинцев крепостным правом, и теперь они бегут от государства, как черт от ладана. Народ Украины, получив свободу, связал ее не с политикой, а с бытом. Ему стала дорога не политическая свобода, а бытовая. Государство отрывает свободу от быта, и поэтому украинцам кажется, что оно разрушает сам способ их жизни.

Форма

Кто же даст целостность Украине, кто ее оформит? Польша? Турция? Европейский союз? США? Конечно, Россия, ибо мы с украинцами — русские. У нас одна религия, одна история, одна судьба, несмотря на все политические изменения Украины, на ее странные переходы от одной крайности к другой.

Украина должна, наконец, осознать, что всякая власть — это угнетение. Подчинение Европейскому союзу — это не подчинение туркам, которым можно было подчиниться на словах, это не подчинение Москве, которую можно было обманывать, это подчинение финансовому капиталу. Европе нужна не Украина. Для Европы важно нанести смертельный геополитический урон России. Когда-то украинские казаки продавали за бесценок, за бочку горилки землю, которой их наделило государство. Сегодня украинцы готовы продать не только свои земли, но и свою волю. Пусть Украина будет существовать сама по себе — как язык, как обычай. Пусть она поет свои песни и рассказывает свои предания. Но метафизически и политически она будет иметь смысл только в пределах большой России. Это и есть, на мой взгляд, суть евразийского проекта сегодня.

В.Т. РЯЗАНОВ

Интеграционные перспективы на евразийском пространстве

Аннотация. В статье раскрываются возможности и перспективы экономической модели интеграции на евразийском (постсоветском) пространстве. На опыте Европейского союза обосновываются достоинства и преимущества интеграции в период общего экономического подъема, а ее ограничения и недостатки становятся значимыми в период кризисных потрясений. Развитие интеграции на постсоветском пространстве выступает важным средством объединения усилий стран по выходу из кризиса и укрепления их позиций на мировом рынке. Приводятся данные социологических опросов об интеграционных

предпочтениях населения постсоветских государств. В заключение анализируются возможности и условия развития региональной интеграции в СНГ.

Ключевые слова: постсоветские государства и интеграционный процесс, экономическая модель интеграции, интеграционный опыт ЕС, Таможенный союз, интеграционные предпочтения населения.

Abstract. In the article the possibilities and the prospects for the economic model of integration on the Eurasian (post-Soviet) space are revealed. The merits and the advantages of integration in the period of overall economic lift are based on the experience of the European Union, and its limitations and deficiencies become significant in the period of crisis shakings. The development of integration on the post-Soviet space protrudes as the important means of the association of the efforts of the countries on the overcoming the crisis and strengthening of their positions for world market. The data of the opinion polls about the integrated preferences of the population of post-Soviet states are cited. In conclusion are analyzed the possibilities and the conditions for the development of regional integration in the CIS.

Keywords: post-Soviet states and the integration process, the economic model of the integration, integrated experience the European Union, Customs union, the integrated preferences of the population.

Интеграционные процессы и политические союзы зарождаются в силу действия разных причин и исторических обстоятельств. Условно их можно подразделить на причины с экономической и неэкономической доминантами. Конечно, чаще всего речь идет об определенной их комбинации, в которой в качестве ведущей причины выступает одна или другая группа факторов. Важно также учитывать, что на интеграционные процессы, их возникновение и интенсивность сильное влияние оказывают такие факторы, как *угрозы*, имеющие преимущественно военный характер, или *опасности*, выступающие в виде возможности потери своей цивилизационной идентичности (религиозной, культурной и т. п.). Наконец, геополитическое пространство со своими давними историческими корнями и взаимосвязями может переформатироваться, реагируя на возникающие вызовы и появляющиеся новые центры притяжения. Поэтому перспективы и возможности интеграционного процесса в конкретном макрорегионе должны оцениваться с учетом действия всей достаточно сложной и противоречивой совокупности факторов, содействующих и противодействующих данному процессу.

Что касается евразийского пространства, то оно на протяжении длительного периода находилось в ситуации поиска сбалансированно-

го и гармоничного взаимодействия разных народов, живущих на этой территории. Такой исторический опыт ценен, и его нельзя игнорировать. С некоторой условностью можно рассматривать современный этап зарождения интеграционного процесса третьей его попыткой, имея в виду предшествующие этапы в виде Российской империи и Советского Союза. Специально не обсуждая мотивы и причины, преимущества и недостатки предшествующих политико-экономических союзов, тем не менее отметим, что сам по себе факт распада свидетельствует об их неустойчивости или исчерпанности, требующих упреждающего реформирования, которое в силу разных причин не произошло. Можно долго спорить о том, насколько реалистичной была возможность перехода к новой форме интеграции, минуя разрушительные процессы. Во всяком случае, нынешний, как и предшествующий, опыт ясно указывает на то, что сам по себе распад особого благоденствия народам не приносил в прошлом и в настоящее время также оказался для большинства населения малоуспешным.

В отличие от предшествующих этапов нынешний интеграционный процесс на евразийском пространстве, рассматриваемом в постсоветских границах², зарождается с четко выраженной экономической доминантой, беря за образец Европейский союз как наиболее амбициозный и продвинутый интеграционный проект. Особенностью такой модели интеграции является то, что она базируется на экономических интересах и их совпадении среди потенциальных участников, осуществляется в системе рыночных координат, позволяя реализовать конкурентные преимущества более емкого рынка и делая ставку на взаимное освоение и защиту «больших пространств» в конкурентной борьбе.

Обсуждая возможности и перспективы экономической модели интеграции на евразийском (постсоветском) пространстве вместе с тем не следует идеализировать и преувеличивать саму эту модель. Произошедший мировой экономический кризис 2008—2009 гг. показал, что создание интеграционных объединений не гарантирует их экономическую устойчивость и антикризисную защищенность. Дело в том, что интеграционный блок демонстрирует неодинаковые возможности в подъемной фазе и при наступлении кризиса. В первом случае интеграционный союз способен оказать дополнительное стимулирующее воздействие на экономический рост за счет большей емкости рынка, плотности хозяйственных связей, снятия барьеров в торговле, налаженного сотрудничества и т. п. Однако когда экономика попадает в

² О проблемах интеграции на всем пространстве Евразии см.: [1].

ситуацию кризиса, интеграционные связи не столько помогают, сколько мешают странам преодолевать возникшие трудности.

То, что экономическая интеграция не позволяет странам, входящим в нее, избежать вхождения в кризис, само по себе является свидетельством недостаточной ее антикризисной защиты даже в сопоставлении с такой защитой на уровне национальных экономик. Еще хуже обстоит дело с последующим выходом из кризиса. Он более затруднен из-за имманентно воспроизводимого конфликта интересов и эгоизма его участников, что осложняет согласование антикризисных мер, не говоря уже об их реализации. В этих условиях деятельность наднациональных регуляторов характеризуется меньшей эффективностью, чем возможности национальных регуляторов (см.: [2]). Экономическая ситуация, которая возникла и продолжается в ЕС, наглядно это подтверждает. Аналогичными недостатками в еще большей степени отличается деятельность таких институтов глобализации, как МВФ и ВБ, призванных по замыслу их создателей осуществлять регулятивную функцию на всем глобальном поле.

Следующее, что важно учитывать для успеха экономического интеграционного проекта, это проблема обоснованного отбора участников с учетом близости общего уровня социально-экономического развития, плотности торговли и экономических связей, социокультурной совместимости, позитивного отношения основной части населения, а также предрасположенность к интеграции политической и деловой элит. Если с этих позиций обратиться к характеристике евразийского пространства, то первая особенность связана с асимметричностью его потенциальных партнеров по масштабу основных социально-демографических и экономических параметров. Несомненным и доминирующим субъектом в данном макрорегионе выступает Россия, и на нее уже в силу самой масштабности возлагается особая роль в инициации и последующем укреплении интеграционного движения (табл.1).

Таблица 1
Россия и ее роль в СНГ и Таможенном союзе (2012), %

	СНГ*	Таможенный союз
Население	54,2	84,6
ВВП	74,8	86,5
Промышленность	72,0	86,6
Сельское хозяйство	60,9	81,7
Инвестиции в основной капитал	78,6	88,0
Внешнеторговый обмен	65,7	83,2

* За исключением Туркмении и Узбекистана.

Рассчитано по: [3].

Абсолютное доминирование России на постсоветском пространстве и тем более в рамках Таможенного союза контрастирует с ситуацией в ЕС, в котором также есть своя лидирующая группа наиболее крупных государств и относительно периферийные зоны. Так, на долю четырех самых крупных экономик евроинтеграционного блока приходится 62,6% его общего ВВП. При этом удельный вес Германии составил 20,5%, Франции — 16,0, Великобритании — 13,6, Италии — 12,5%. Приведенные данные свидетельствуют о том, что экономический вес России в СНГ больше, чем общий вес четырех самых крупных евроэкономик. В известном смысле можно говорить о монопольном положении России на территории СНГ, что определяет специфику и создает дополнительные трудности в продвижении интеграционного проекта. Крупный российский экономический потенциал предопределяет соответствующую возможность оказания сильного влияния на другие страны, вызывая у них опасения по поводу их самостоятельности и способности реализовывать свои экономические и политические интересы на равноправной основе. В силу данного обстоятельства немалое число политиков и экспертов рассматривают евразийскую (постсоветскую) территорию как регион традиционного российского доминирования и экспансии.

Во всяком случае наличие нескольких экономически равных участников интеграционного объединения создает больше шансов для относительно слабых игроков в их политическом маневрировании и в отстаивании своих интересов. Экономическая асимметричность особенно болезненно может восприниматься политическими и хозяйственными элитами таких государств, опасаящихся потерять свои властные полномочия и имущественные привилегии. В свою очередь экономические выгоды от интеграции в СНГ для России менее значимы, особенно на начальном этапе, что ослабляет ее роль ведущего интегратора. К тому же в сложившихся условиях ее реальный политический ресурс в этой сфере не соответствует ее экономическому потенциалу, что побуждает ее проводить более осторожную и сдержанную политику³.

Признак асимметричности на постсоветском пространстве имеет и другое свое проявление, связанное с неодинаковыми результатами, к которым пришли бывшие советские республики за почти четвертьвековой период политической независимости. Оказалось, что далеко не всем из них удалось восстановить свои социально-экономические по-

³ Примечательно, что инициатива создания на постсоветском пространстве Евразийского союза впервые была публично высказана президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым в стенах МГУ имени М.В. Ломоносова в марте 1994 г.

зиции, как они сложились еще в советской экономике. Трансформационный кризис, который затронул все бывшие советские республики, привел к тому, что по душевому уровню ВВП в таких государствах СНГ, как Киргизия, Молдавия, Таджикистан и Украина, все еще не достигнут уровень 1990 г. (рис. 1). Причины были разные, но в данном случае важно обратить внимание на серьезное последствие для интеграции от значительно возросшей дифференциации в уровне социально-экономического развития в СНГ, что не может не осложнить заинтересованность во взаимовыгодном сотрудничестве.

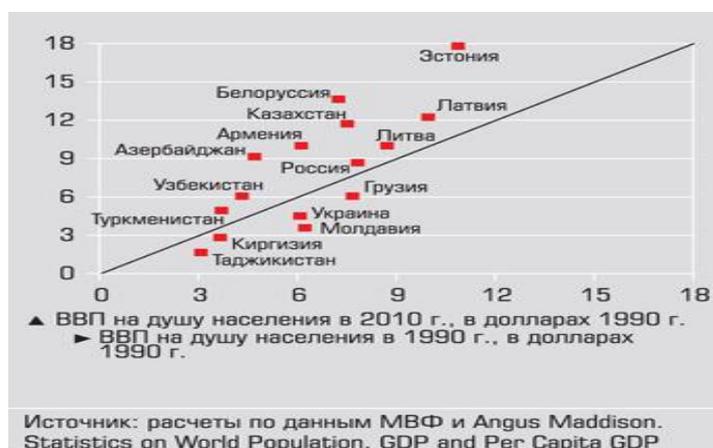

Рис. 1. ВВП на душу населения в постсоветских государствах в 1990 и 2010 гг. (в дол. 1990 г.) [4]

Если в поздний период развития СССР разница в производстве национального дохода на душу населения между союзными республиками составляла примерно 2,5 раза (прибалтийские и среднеазиатские республики), то в настоящее время такое различие между РФ и Таджикистаном составляет 8-кратную величину. В СНГ можно выделить, с одной стороны, группу государств с относительно высокими душевыми доходами (РФ — 16,8 тыс. дол., Беларусь — 15,0, Казахстан — 13,0 тыс. дол.), с другой — группу с экстремально низкими доходами (Таджикистан — 2,1 тыс. дол., Киргизия — 2,4, Молдавия — 3,4 тыс. дол.).

Такой же существенно возросшей дифференциацией характеризуется положение с уровнем оплаты. Если в пересчете по рыночному обменному курсу на американские доллары в 2012 г. среднемесячная

заработная плата составила в России 824 дол., Казахстане — 700, Белоруссии — 480 дол., то в Таджикистане — 120 дол., Киргизии — 220, Молдавии — 300 дол.

Для сравнения приведем ситуацию с социально-экономической дифференциацией в ЕС в нынешнем расширенном составе. В 2011 г. в ЕС-27 уровень ВВП по ППС на душу населения варьировался между его участниками в диапазоне от 12,5 тыс. дол. (Румыния) и 13,6 тыс. дол. (Болгария) до 82,6 тыс. дол. (Люксембург), 42,4 тыс. дол. (Нидерланды), 40,4 тыс. дол. (Швеция) при среднем значении по Союзу в 32,7 тыс. дол. Как видно, уровень дифференциации также значителен, и он особенно возрос после 2004 г., когда евроинтеграция значительно расширилась за счет государств с заметно более низким уровнем экономического развития. Если рассмотреть различия в уровне ВВП на душу населения применительно к ЕС-15, то они существенно сглаживаются. Странами с наименьшим значением данного показателя оказываются Португалия (23,4 тыс. дол.) и Греция (26,2 тыс. дол.), что определяет сокращение разрыва примерно с 4-кратной до полутократной величины.

Значимость интеграционного объединения государств на основе примерно одинакового уровня социально-экономического развития подтверждается возникновением трудностей и проблем в деятельности ЕС, когда в его расширении возобладали политические мотивы. Дело в том, что достигнутый уровень экономического развития ЕС в целом уже не в состоянии обеспечить поддержание установившегося достаточно высокого уровня жизни населения, сглаживая возросшие социальные различия на всем европейском пространстве, после включения в 2004 г. в свой состав большой группы восточноевропейских и прибалтийских государств. Европейский союз, декларируя себя в качестве социально-солидарного объединения, в течение длительного периода проводил целенаправленную политику сокращения отставания наименее благополучных стран и регионов, формируя тем самым притягательный имидж для пополнения своего состава, используя так называемый демонстрационный эффект. Проводя такую перераспределительную политику, данное интеграционное объединение по этому параметру может вполне рассматриваться как обновленный вариант «евро-СССР».

До кризиса политику выравнивания удавалось проводить, но ценой наращивания долга и усиления разрыва между социальным развитием и реальным экономическим потенциалом, тем самым снижая конкурентоспособность европейской экономики на мировых рынках. В условиях кризиса этот разрыв превращается в наиболее острую и болезненную проблему, разрушающую европейское единство, основан-

ное на конструкции социального рыночного хозяйства и политики всеобщего благосостояния.

Из этого следуют два возможных варианта решения данной проблемы: либо восстановить сбалансированность экономического и социального развития (и для этого придется понизить уровень жизни в тех странах, в которых он экономически не подкреплён), либо поддерживать достигнутый уровень жизни во всех странах за счет ресурсов более успешных экономик, тем самым усиливая в перспективе риски возникновения экономической стагнации. И в одном и в другом случае ожидаемы политические последствия в виде роста повсеместного недовольства, конфликтности и политического брожения на всем интеграционном пространстве.

Удастся ли ЕС выйти из этой ловушки *«необеспеченного социального государства»*, в котором он оказался, и как это будет сделано?

Это вопрос чрезвычайно сложный, и ответ на него трудно прогнозировать. Тем более, что он обусловлен взаимодействием многих факторов, действующих не только в Европе. Вместе с тем следует принять во внимание, что подход к разрешению этой проблемы в немалой степени зависит от того, как в дальнейшем будет соотнесен экономический рационализм, присущий западному мировоззрению, с политической мечтой о единой Европе, основанной на общих ценностях и устремлениях. Учтем: произошедшая экономическая прагматизация ЕС, ставшая особенно значимой после его самого масштабного расширения, выдвинула на передний план получение выгод и выигрышей, а не укрепление общих ценностей, что обостряет противоречия между ними, делая их трудноразрешимыми.

Данная проблема имеет более общий аспект, связанный с постановкой вопроса о гипотетическом существовании определенного *«предела экономической интеграции»*. Таким пределом может оказаться падающая эффективность управления по мере роста масштабов экономики и сложности возникающих взаимосвязей в условиях избыточной разнородности и разнородности в развитии субъектов интеграционного процесса. Приходится считаться с тем, что история пока дает примеры образования больших государств не столько из экономической логики, сколько из действия геополитических факторов и особенно внешних угроз. При этом следует признать, хотя бы и теоретически, что, в конечном счете, историческая жизнеспособность любого экономического союза зависит от того, насколько его участники готовы в перспективе, пусть и долгосрочной, завершить процесс хозяйственной интеграции образованием единого и жизнеспособного государства. Экономика с общей валютой и единым управлением в рамках государства — всегда более прочное и надежное образование.

Исторический пример ЕС и особенно экономическая модель еврозоны, основанные на принципе консенсуса в принятии решений при сохранении политического суверенитета, подтверждают, что в условиях несовпадения экономических интересов и действия разнородных политических сил, экономические союзы не в состоянии оперативно и эффективно реагировать в нестабильной ситуации.

Отрыв экономической от политической интеграции в ЕС, поспешность в объединительном процессе стран с сохраняющимися существенными различиями в уровне развития и типе хозяйственного устройства — все это в условиях мирового кризиса обострило внутреннюю несопряженность данного интеграционного союза. Последние события, которые происходят в ЕС, раскрывают попытку реализовать альтернативный сценарий, нацеленный не на замораживание, а на углубление интеграционных процессов. Важным элементом в его реализации стало принятие в 2 марта 2012 г. пакта о бюджетной дисциплине, который подписали 25 из 27 государств ЕС, за исключением Великобритании и Чехии. Он ужесточает требование к бюджетному дефициту до 0,5% ВВП с сохранением общей величины долга не более 60% ВВП, одновременно вводя штрафные санкции при нарушении бюджетной дисциплины. Его реализация позволит существенно укрепить бюджетную дисциплину и усилить полномочия наднациональных органов управления. Фактически речь идет о варианте демонтажа системы национального экономического суверенитета с выходом на создание европравительства с проведением жесткой согласованной экономической политики по широкому фронту, начиная от общих принципов бюджетирования и завершая налоговой унификацией. Подчеркнем, что в истории европейского интеграционного строительства уже выдвигались проекты образования Соединенных Штатов Европы, но они оказались нереализованными⁴.

Для нас же важно, что исторический опыт ЕС, как ранее и СССР, должен тщательно учитываться в развертывании интеграционного процесса на постсоветском пространстве, чтобы в будущем не допустить непродуманных решений. И одновременно мы должны видеть в развитии интеграции вполне разумную защитную реакцию на кризис глобализации с поиском выхода из него.

Еще одним несомненно важным условием успеха интеграционного процесса является внутрирегиональная плотность экономических связей, а это — взаимная торговля и инвестиционные проекты, производственная кооперация и свободная трудовая миграция и т. п. При этом следует учитывать как сложившийся уровень таких взаимосвязей, так

⁴ Подробнее об этом см.: [5].

и их динамику. Анализ взаимной внешней торговли и ее динамики, хотя в полной мере и не раскрывает всю совокупность хозяйственных связей, тем не менее является достаточно точным индикатором экономического притяжения. Ситуация в данной области неоднозначная. Положительным моментом является то, что абсолютные значения взаимного экспорта и импорта в СНГ за период 2000—2012 гг. существенно выросли. Если в 2000 г. внутрирегиональный экспорт равнялся 26,3 млрд дол., а импорт 30 млрд дол., то в 2012 г. он увеличился до 142,4 и 138,6 млрд дол. соответственно, т. е. в 5,4 и 4,6 раза⁵. Но при этом удельный вес экспорта внутри СНГ в общем экспорте стран остался неизменным (всего 19%), а по импорту произошло сокращение с 46 до 27% (табл. 2).

Таблица 2

Удельный вес СНГ в общем объеме экспорта и импорта (2000—2012), %

Страны	Экспорт 2000 г.	Экспорт 2012	Импорт 2000	Импорт 2012
Азербайджан	13	5	32	25
Армения	24	24	20	31
Белоруссия	60	51	70	65
Казахстан	27	13	54	48
Киргизия	42	58	54	52
Молдавия	59	43	33	31
Россия	13	15	34	13
Таджикистан	48	18	83	55
Украина	31	37	58	41
Всего по СНГ	19	19	46	27

Источник: [3].

Не самым благоприятным моментом в торговле России со странами СНГ является относительно незначительная роль их рынков для ее экспортеров и одновременно относительно снижающийся спрос на продукцию партнеров по евразийской интеграции. В 2000—2012 гг. российский экспорт в страны СНГ вырос с 13,8 до 78,1 млрд дол. (в 5,7 раза), а импорт увеличился с 11,6 до 41,7 млрд дол. (в 3,6 раза). В результате положительное сальдо для России возросло с 2,2 до 34,4 млрд дол. Можно считать, что его возросшая величина в немалой степени

⁵ Без учета внешней торговли Туркмении и Узбекистана.

характеризует более высокий уровень фактически дотационной поддержки стран СНГ со стороны России.

Насколько относительно низкая плотность внешнеэкономических взаимосвязей может стать барьером на пути формирования интеграционного союза?

Конечно, если за образец взять ЕС, то нельзя не видеть достаточно сложную проблему в поиске экономической мотивации в деле продвижения интеграционного проекта. В ЕС согласно имеющимся данным, в среднем 2/3 внешнеторгового оборота стран ЕС приходится на участников этой интеграционной группировки (рис. 2). К тому же свыше 3/5 потоков прямых иностранных инвестиций осуществляется внутри этой интеграционной группировки. В сопоставлении уровня плотности внешнеторговых связей обнадеживает то, что не только в СНГ она заметно ниже в сравнении с ЕС. К примеру, в Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК) она еще меньше, чем в СНГ, но тем не менее продолжает развиваться⁶. Отметим такую деталь. Если до кризиса в 2008 г. внутрирегиональный внешний оборот в СНГ составлял 20% от общего оборота, то после кризиса он возрос до 22% (2012). Это означает, что трудности выхода из кризиса побуждают страны СНГ переориентироваться на взаимную торговлю и укрепление сотрудничества.

Успех интеграционного процесса, наряду с множеством экономических и политических предпосылок, не в меньшей степени зависит от его человеческого измерения. Отношение населения стран и особенно бизнес-элиты и политического руководства во многих случаях могут сыграть решающую роль в этом процессе. В этой связи важно проводить соответствующие социологические исследования по поводу интеграционных настроений в СНГ. Отметим, что в ЕС с 1973 г. регулярно и на постоянной основе изучается мнение европейцев о евроинтеграции (программы «Евробарометра»), особое внимание при этом обращая на формирование общеевропейской идентичности (гражданства).

В настоящее время Центром интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЦИИ ЕАБР) разработан «Интеграционный барометр ЕАБР», на базе которого в 2012 и 2013 гг. проведен опрос жителей 12 стран региона СНГ с целью изучения общественного мнения по различным аспектам евразийской интеграции и кооперации в динамике. В ходе него было опрошено более 14 тыс. граждан

⁶ СААРК — Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества, созданная в 1985 г. В нее входят Бангладеш, Бутан, Мальдивы, Непал, Пакистан, Индия и Шри Ланка. Позднее в эту организацию вступил Афганистан.

11 стран СНГ и Грузии — от одной до двух тысяч человек в каждой стране по репрезентативным национальным выборкам.

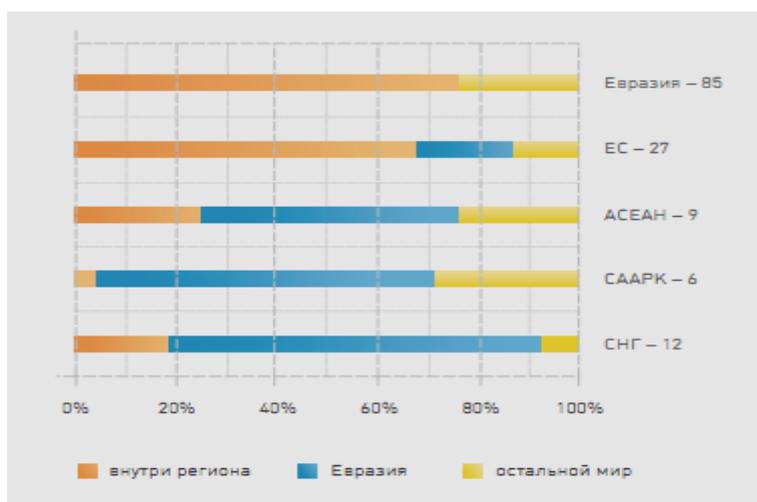

Рис. 2. Внутрирегиональная торговля в интеграционных объединениях на территории Евразии (2008) [1, 44]

Анализ результатов проведенных социологических исследований дает обширный материал для оценок и прогнозов по поводу потенциала и перспектив евразийской интеграции на постсоветском пространстве [6]. Приведем некоторые, на наш взгляд, наиболее характерные оценки общественных настроений населения стран СНГ.

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что несмотря на распад СССР и уже достаточно длительный период функционирования политически самостоятельных государств по-прежнему сохраняются достаточно плотные и постоянные личностные отношения жителей СНГ (рис. 3). Во всех странах такого рода отношения более значимы в сравнении с постоянными контактами с жителями других стран.

В среднем по 12 странам на наличие близких корреспондентов в 2013 г. в странах СНГ указало 58% респондентов (в 2012 г. — 57%). В известном смысле такая предпочтительность в ориентации населения СНГ находит подтверждение и в других сферах, включая экономическую. К примеру, наиболее привлекательными товарами для приобретения на евразийском постсоветском пространстве выступают товары,

произведенные на территории России. Ее упомянули в диапазоне от 22 (Азербайджан) до 63% (Узбекистан) участников опроса в каждой из стран. Единственной страной, чьи товары являются предпочтительными для населения, стала Белоруссия (ее упомянули 20% респондентов в России и на Украине). Также Россия сохраняет наибольшую привлекательность для временной работы, особенно в среднеазиатских республиках — Киргизии (41%) и Таджикистане (41%).

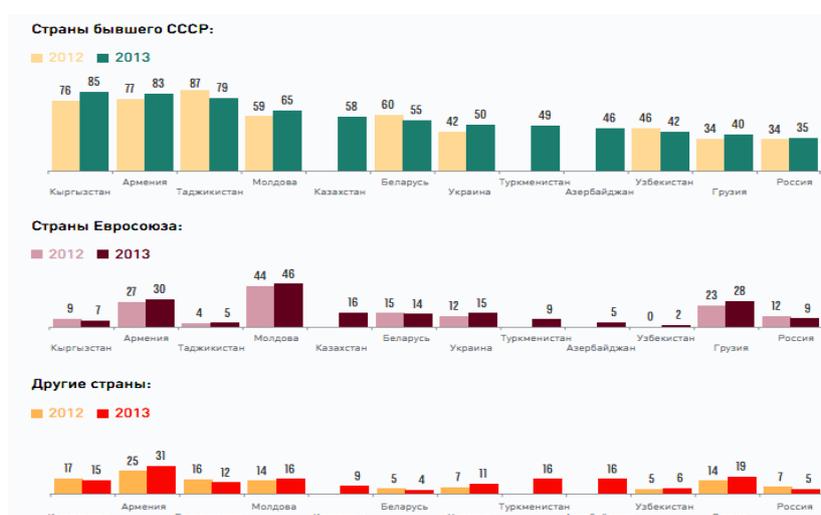

Рис. 3. В каких из перечисленных стран у Вас есть родственники, близкие друзья, коллеги, с которыми Вы поддерживаете постоянную связь (лично, по почте, телефону и т. п.), %

Особое место в социологических опросах занимает общественное мнение непосредственно об интеграционном процессе на постсоветском пространстве. Заслуживает внимания тот факт, что отношение населения к созданию Таможенного союза и Единого экономического пространства является четко положительным в странах их участников (Белоруссия, Казахстан и Россия) (рис. 4).

Не менее существенной с точки зрения оценки потенциала евразийской интеграции является то, как население других государств относится к целесообразности вхождения их государств в Таможенный союз и Единое экономическое пространство (рис. 5). Позитивное отношение к интеграционному проекту в рамках СНГ выразили все

страны, кроме Азербайджана. Особенно значительна поддержка в среднеазиатских государствах и Армении. В меньшей степени — на Украине (50%) и Туркмении (50%). Негативное отношение к Таможенному союзу и вступлению в него выразили 53% опрошенных в Азербайджане, 28% на Украине и 24% в Молдавии.

Рис. 4. Как Вы относитесь к созданию Таможенного союза?

Приведенные данные об отношении населения стран СНГ к постсоветской интеграции корреспондируются с его оценками перспектив взаимодействия государств в ближайший 5-летний период. Во всех странах, кроме Азербайджана, предположение об усилении сближения государств преобладают над противоположными оценками. Хотя такое преобладание существенно различается по отдельным странам. Наибольший оптимизм в 2013 г. зафиксирован в Узбекистане (69%), Казахстане, Киргизии и Таджикистане (по 50%). В России и Белоруссии — по 41%. Наибольший пессимизм отмечен в Азербайджане (29%), в Молдавии (21%) и на Украине (20%). Интересно и то, как отличаются мнения о перспективах укрепления взаимодействия государств СНГ по разным возрастным группам. Здесь ситуация неодинаковая. В одной группе государств (Таджикистан, Туркмения, Армения, Молдавия, Украина) благоприятные оценки перспектив интеграции в большей степени присутствуют у людей старшего возраста. Но есть уже государства, в которых молодежь более положительно оценивает евразийскую (постсоветскую) интеграцию. Это — Грузия и Азербайджан.

Полученные результаты социологических опросов, конечно, не могут в полной мере раскрыть достаточно сложную и неоднозначную

палитру отношений населения стран СНГ к интеграционному проекту. Тем более важно принимать во внимание изменчивость настроений людей, их зависимость от текущих экономических и политических событий. Для сравнения приведем результаты социологических опросов жителей ЕС относительно перспектив европейского сообщества. Летом 2013 г. они выявили, что 49% опрошенных оценивают будущее Евросоюза оптимистично, но вместе с тем 46% опрошенных дали пессимистичную его оценку. Во многом это связано с тем, что 72% респондентов характеризуют экономическую ситуацию в ЕС как плохую.

Рис. 5. Считаете ли Вы, что нашей стране желательно присоединиться к Таможенному союзу (Единую экономическому пространству), %

Таким образом, сохраняющийся преобладающий позитивный вектор отношения людей к интеграции формирует не только ее позитивный имидж в глазах людей, но и закладывает хорошую основу для продвижения данного проекта. Но имиджем евразийской интеграции необходимо активно и постоянно заниматься, используя для этого все доступные средства. Также надо понимать, что при всей важности «давления снизу» на интеграционный проект, его реализация зависит от продуманно и взвешенной деятельности соответствующих организационных структур и политических лидеров.

В этой связи обращает на себя внимание еще один факт, зафиксированный социологическими исследованиями. Речь идет о том, что во всей совокупности интеграционных притяжений в СНГ приоритетным кластером выделена сфера политики, а не экономика и даже не сфера

социокультурных связей. Поэтому ставка только на экономическую модель в интеграционном евразийском проекте является по многим причинам ограниченной. Дело в том, что СССР как единое политико-экономическое пространство распался именно в силу того, что в этом «семейном» по своей природе объединении возобладали экономические интересы, когда практически каждый его субъект стал считать и доказывать, что именно он кормит других. В настоящее время и ЕС сталкивается с похожей проблемой, что подчеркивает важность сопряженности экономической интеграции с другими ее направлениями.

Создание интеграции сугубо на экономической платформе возможно и целесообразно, но в ее наиболее простых формах, например, в виде таможенного союза, как он сейчас возник, и без больших ожиданий на будущее. В этом случае его последующее расширение позволяет реализовать потребность в формировании емкого и защищенного рынка. В этой связи нередки высказывания о целесообразности расширения евразийской (постсоветской) интеграции за счет включения государств, которые не входили в состав СССР (к примеру, Монголии, Афганистана, Индии, Турции). Или предложения о необходимости евразийскую (постсоветскую) интеграцию дополнить евразийской континентальной интеграцией, реализующей идею открытого регионализма на всей территории Евразии [1, 141—143; 7]. Главным аргументом в таком случае является обоснование наличие большей экономической выгоды для постсоветских экономик от сотрудничества с ЕС. Стоит отметить, что и В.В. Путин в своей программной статье также обосновывал перспективу развития Таможенного союза с точки зрения его роли как связующего звена в развертывании континентальной интеграции от «Лиссабона до Владивостока» и «от Атлантики до Тихого океана» [8]. Теоретически в будущем могут сформироваться предпосылки для реализации более продвинутого варианта экономической интеграции, но сейчас не следует искусственно подстегивать его создание.

Подводя итог проведенному анализу, сформулируем следующие выводы. Во-первых, преодоление кризисных процессов в мировой экономике и выход в фазу устойчивого посткризисного развития при нынешнем переплетении и взаимозависимости постсоветских экономик означает, что в этих условиях не обойтись без взаимодействия и координации хозяйственной деятельности и направлений совершенствования экономического регулирования в рамках СНГ. Поэтому интеграционное евразийское экономическое взаимодействие и дальше должно развиваться, устраняя ненужные ограничения и развивая многообразное сотрудничество между странами на взаимовыгодных условиях.

Во-вторых, накопленный исторический опыт развития интеграционных процессов позволяет выделить в качестве ключевой задачи обоснование содержательной стороны евразийской интеграции. От ее решения во многом зависят прочность и историческая перспективность такого интеграционного объединения. Ведь интеграционный процесс не следует рассматривать как некую самоцель, он должен быть встроен в более осмысленную систему координат.

Применительно к современной ситуации в СНГ речь может идти о следующих ее характеристиках: восстановление исторической преемственности и опыта совместного жизнеустройства; обеспечение цивилизационной самозащиты при сохранении сложившихся социокультурных ценностей в условиях обострения конкуренции и борьбы мировых цивилизаций; осуществление совместной программы «новой индустриализации» на всем евразийском (постсоветском) пространстве при восстановлении утраченного экономического потенциала и укреплении своих позиций в международном разделении труда.

Данный перечень задач, реализуемых в интеграционном процессе, приведен в качестве иллюстрации и, естественно, должен быть более основательно отработан.

В-третьих, важной задачей, решаемой при осуществлении интеграционного проекта, становится недопущение его бюрократической коррозии, которая способна существенно снизить эффективность любого интеграционного объединения. На примере СССР в прошлом и нынешних проблем ЕС можно судить об опасности бюрократизации для судьбы интеграции. Остановить тенденцию бюрократизации интеграционной деятельности, как представляется, можно в том случае, если само интеграционное объединение переформируется в союз (содружество) народов и граждан входящих в него государств. В конечном счете, интеграция должна формироваться не для чиновников и даже не для предпринимателей, а для людей, создавая лучшие условия для их социально-хозяйственной деятельности.

Литература

1. *Винокуров Е.Ю., Либман А.М.* Евразийская континентальная интеграция. СПб., 2012.
2. *Рязанов В.Т.* Наднациональные и национальные регуляторы в условиях глобальной экономической нестабильности // Вестник СПбГУ. 2012. Вып. 2.
3. Межгосударственный статистический комитет СНГ // <http://cisstat.com/>.
4. Эксперт. 2011. 26 дек.

5. *Рязанов В.Т.* Интеграционные процессы в посткризисной экономике: возможности и ограничения // *Философия хозяйства*. 2013. № 3.
6. Интеграционный барометр ЕАБР—2013. ЦИИ ЕАБР. СПб., 2013.
7. *Кротов М.И.* Евразийская идея и перспективы СНГ // *Свободная мысль*. 2011. № 10.
8. *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // *Известия*. 2011. 3 окт.

С.А. МАРКОВ

Проблемы евразийской интеграции: конкуренция и борьба мировых проектов

Аннотация. Рассматриваются мировые проекты, определившиеся в процессе глобализации, конкуренция идей мировых проектов и их борьба за ресурсы. Ставится вопрос о необходимости формирования для России собственного проекта.

Ключевые слова: глобализация, мировые проекты, субъектность.

Abstract. The article is devoted to the world projects which were defined in the course of globalization, the competition of ideas of world projects and their fight for resources. The question of need of formation for Russia of own project is raised.

Keywords: globalization, world projects, subjectivity.

В XXI в. ведущим процессом в мире является процесс глобализации. Сегодня рамках глобализации выделилось несколько *успешных мировых проектов*.

Первый — *Евросоюз* — это, безусловно, успешный проект. Сейчас уже очевидно, что Евросоюзу удастся без больших потерь выйти из нынешнего кризиса — и при этом даже более интегрированным. Конечно, можно сказать, что это транснациональный проект европейской бюрократии, или диктатура европейской бизнес-бюрократии. Отметим здесь, что и наш правящий класс — это бизнес-бюрократия.

Второй успешный проект — *Китай*.

Третий — *Англосаксонский мир*: Северная Америка, Британия, Австралия и т. д.

Четвертый — *Восточно-Азиатское кольцо стран* — Япония, Южная Корея, Сингапур и т. д. — динамически развивающиеся азиатские юго-восточные страны.

Эти мировые успешные проекты естественно начинают конкурировать и бороться за периферию. Идет борьба проектов за зоны влияния идей, борьба за так называемые неуспешные территории — Большой Средний Восток, Арабский мир, Иран, Южный Кавказ, Африку, Восточную Европу, включая Центральную Россию, Украину, Сибирь, Дальний Восток, Центральную Евразию и т. д. Цель успешных проектов — поставить под контроль и получить для себя ресурсы с периферийных территорий. Эти силы ждут очередного витка дезинтеграции. Отсюда, в частности, и давление на наш Северный Кавказ.

А что же Россия? Очевидно — мы должны защитить себя от очередного этапа разграбления. Сами. Цель мировых проектов — контроль над нашей цивилизацией, которую можно назвать восточно-европейской православной ветвью европейской христианской цивилизации. Все эти процессы, конечно, длятся годами, десятилетиями.

Что в этих условиях делать России? Известно изречение: «кто не кормит свою армию — начинает кормить чужую», в новых же условиях — в условиях проектного мышления — эта формула выглядит так: «кто не имеет своего проекта, работает на чужие».

Сам смысл проектов — включать, втягивать чужие ресурсы в свой проект.

Соответственно речь должна идти о формировании собственного проекта. Чтобы сформировать свой проект, необходима *субъектность*. Нет проекта без субъекта, т. е. важно воссоздать системную, многоуровневую субъектность.

Есть несколько уровней субъектности.

Первый — государственная субъектность, становление и интеграция государственных институтов. Евразийское сообщество — это и есть становление государственной субъектности.

Второй — экономическая субъектность, общая экономическая стратегия развития, общий рынок, защищенные тарифы. Это исключительно сложная задача — принимать общие решения в противовес чужим проектам, будучи от них зависимыми, что характерно для многих стран периферии.

Следующий — субъектность культурная. Необходимо иметь собственную систему образования. Элита должна учиться не в западных университетах, а в отечественных, что важно для того, чтобы сохранилась страна. Это должно стать общественным требованием к нашей элите. Коммерциализация образования подрывает культурную субъектность. В этом случае наше образование не выдержит конкуренции, т. е. оно может быть отчасти коммерческим, но не полностью.

Должна быть собственная культура. С позитивными гуманистическими ценностями. И собственная массовая культура. Свои фильмы.

Свои позитивные ценности. Нельзя сохранить свою идентичность, если 90% художественных фильмов — продукция чужого проекта.

Следующее — элитная субъектность. У нас нет своей элиты, а есть офшорная олигархия, которая стремится стать элитой, причем сословной элитой.

Что такое протест людей против «мигалок»? — это протест против стремительно консолидирующей сословной организации общества, когда люди разделяются на людей первого и второго сорта. Или же закрепление детей чиновников категории «А» на ключевых профессиональных позициях, позициях глав корпораций и т. д. Это все элементы сословной организации общества, которая не дает возможности обновляться обществу, высшим слоям.

У нашей элиты нет идеи служения обществу, своей стране — это должно быть сформировано.

Следующая задача — формирование ценностной идентичности, ценностной субъектности. Нашу идеологию общества можно описать как карикатурную форму потребительской идеологии. Общество бьется в потребительской истерике, нет содержательной траектории развития.

Нужно сформировать ценностную идеологию, отличную от потребительской. Здесь есть некоторые позитивные тенденции, сегодня происходит моральная эволюция внутри среднего класса. Средний класс формировался на основе идеологии гламура и прославления подлости. Сейчас же развивается мощное общественное движение — возрождение моральных ценностей (Ксения Собчак: «Раньше была модна “аморалка”, сейчас — “моралка”»). В стране должна культивироваться идея духовности как альтернатива языческому культу гиперпотребления. Здесь важны идеи православия, которые работают на эту духовность.

Следующее уровень субъектности — идея идентичности — это наличие «общего общества», если можно так сказать. Должна быть идентичность «Мы». Важно понимать — кто такие «Мы». Для этого нужны общение, единое информационное и культурное пространство. Люди должны общаться (и на конференциях тоже). Иногда меня спрашивают — а в чем результат? Результат форумов — сам форум — здесь возникает общая профессиональная идентичность. Общая социальная идентичность.

Кто должен войти в наше общее пространство для формирования общей идентичности, в общую субъектность? Представляется, в наше евразийское пространство должны войти страны, отличающиеся некоторыми общими характеристиками, находящиеся к востоку от Евросоюза. У этих стран нет шансов стать полноправными членами Евро-

союза, но есть возможности превратиться в полуколониальных членов этой ассоциации (что предлагается, в частности, сейчас Украине). В то же время мы разделяем общие европейские ценности — и хотим построить институты — по типу институтов Евросоюза — но без крайностей Евросоюза — есть вещи, которые для нас неприемлемы.

Ресурсы у нас есть — культурные, человеческие, природные, экономические. Все у нас получится!

Из ответов члена Общественной палаты С.А. Маркова на вопросы участников конференции

Мировые центры силы. Генри Киссинджер — гениальный человек, всем рекомендую его книгу «Дипломатия». При этом, конечно, он американский патриот, пытающийся выстраивать какие-то конструкции в интересах США. Он по-прежнему выделяет три мировых силы — США, Китай, Россию.

Киссинджер в своих конструкциях сделал ставку на сильную Россию. Однако, считаю, его слова всего лишь комплимент нам — может быть, с точки зрения прошлого или будущего — да, но не настоящего. Конечно, у нас сильная внешняя политика, сверхопытная дипломатия. Но сейчас в мире существует несколько новых конкурирующих центров силы. И нет никаких сомнений, что субъектность, в том числе Евросоюза, будет повышаться. Она еще весьма не достаточна. Однако тем не менее мы видим, насколько это мощный проект. И сильных проектов в мире несколько. Мы все пользуемся, например, плодами китайской культуры. А что сегодня из нашей культуры активно востребовано в мире? Пушкин, Достоевский, Чайковский — великая культура XIX в. Конечно, космос. И все.

Водка? Не могу ни отреагировать. Это убийца русского народа. Она появилась в 1920 г. — для того, чтобы большевики могли гасить народное недовольство. Водка — причина сверхсмертности в России. Надо объявить ей личную персональную войну. Уменьшить ее потребление хотя бы в 2 раза — и таким образом уйти от сверхсмертности в России.

Кризис развития системы образования в России. У нас было лучшее в мире образование. Оно разрушено несколькими ударами: уничтожением государственных институтов в 1990 г., нищетой 1990-х, а также убогой коммерциализацией системы образования, подрывающей ее возможности и уничтожающей ее ресурсы. Коммерческую составляющую системы образования необходимо ограничить — люди из бедных семей, если они талантливы и работающие, должны иметь возможность получать самое блестящее образование. И с повышением уровня образования — от бакалавриата к магистратуре и далее к аспирантуре — степень платности должна не повышаться, как сейчас, а наоборот, понижаться.

Положение науки в России. Государство должно обеспечить определенный уровень доходов для ученых — финансировать достаточный доход, дать возможность ученому работать не на трех работах, а на одной, чтобы он мог ездить на конференции, чтобы было свободное время для чтения книг, для занятий научной работой. Если всего этого достичь — будет нормальная наука. Некоммерческий подход обеспечит огромный экономический эффект и позволит воссоздать мощную систему образования, которая через десять лет

позволит получить прибыль на внешних рынках. Ибо потребность иметь хорошее образование в мире огромна. Если мы вложимся нормально в образование, то получим огромный доход.

О Едином государственном экзамене. По ЕГЭ: я убежден, что ЕГЭ не должен быть отменен, он существует во всех странах мира, создавая возможности для людей из провинции добиваться успеха. Но ЕГЭ должен занять более скромную нишу — мы видим большой уровень коррупции в связи с ЕГЭ. Должны придти люди с погонами: это как спецоперация — сдача ЕГЭ. Поскольку в регионе все оказываются заинтересованными в фальсификациях — сдающие школьники, учителя, родители, директор школы, руководитель системы образования региона, мэр, губернатор. Так быть не должно.

О массовой культуре. Наша стратегия развития культуры должна заключаться прежде всего в развитии современной народной культуры. Это не ложки и поварешки, а люди. Например, человек всю жизнь мечтал научиться рисовать — у него должна быть возможность пойти в художественную школу для взрослых и там рисовать. Он деньги готов вкладывать. Люди должны иметь возможность играть в любительских театрах. Это огромная народная творческая энергия. Тем самым мы будем создавать новый тип потребителя культурных ценностей.

Ситуация на Украине и проблемы русского мира. Русскому миру оказывается мощное противодействие. Отмечу здесь — нынешняя попытка революции провалится, потому что оппозиция и Запад действуют истерично. А у команды Януковича уже есть большой опыт. Прошла радикализация оппозиции, а Запад не очень-то поддерживает это, поскольку разочаровался в «оранжевых» политиках (М. Саакашвили, В. Ющенко), которые никакой демократии не построили. А ввергли страны в кризис. К тому же Запад военного противостояния с Россией не хочет. Украина поворачивается в сторону России шаг за шагом. Украинцы по своей идентичности это по сути «другой» русский, половина людей на Украине считают Россию своей родиной. Мы должны больше работать с молодежью, создавать больше общих проектов.

Но прежде всего необходимо обеспечить нормальную жизнь у себя дома. Если наша жизнь будет привлекательна, то все эти процессы будут только развиваться. Украинский сегмент интернета — 95% на русском языке, а ведь это молодые ребята. В школе они украиноязычные, а в университетах выясняется: с теми, кто не говорит по-русски, девочки общаться не хотят, отсутствие русского языка — отсутствие мощного ресурса. Поэтому в университетах происходит стремительная русификация. Специалисты без русского языка вообще не нужны украинской экономике.

Россия поддерживает русский мир на Украине как может. Концепция русского мира выдвинута патриархом Кириллом, и сегодня она поддерживается политическим руководством России. Был сорван проект отделения Украинской православной церкви от Русской. Это важнейшее, что было сделано. И это было нелегко.

Но развитие русского языка — прежде всего задача самих граждан Украины. Количество русскоязычных на Украине — 70—75%. Почему же русский язык не имеет статуса государственного?!

О национальных приоритетах. Главным корнем нашей идеологии должны стать духовность, человеческое достоинство. И свобода — как выбор в пользу добра.

Современное общество вступает в эпоху длинной жизни. Сегодня существуют технологии продления человеческой жизни до 180 лет. Пока они испытаны на мышах, на обезьянках. Эти технологии еще не имеют массового применения и слишком дороги. Одной из главных идей может стать задача добиться средней продолжительности жизни в России 100 лет. И это не фантастика. В Монако, например, продолжительность жизни уже сейчас 92 года. В Евросоюзе — больше 80 лет. В этой связи у нас важнейшее дело — борьба с наркотиками, с алкоголизмом. А наш народ такой — мы выполняем только невыполнимые задачи.

Материал подготовила Т.Г. Трубицына

М.Л. ХАЗИН

О евразийской интеграции

Аннотация. Рассматриваются проблемы евразийской интеграции, процессы в мировой экономике, современная модель экономического развития, мировые валютные зоны, в том числе возможности создания евразийской валютной зоны.

Ключевые слова: валютные зоны, евразийская интеграция, модель экономического развития.

Abstract. The article is devoted to the problems of the Euroasian integration, processes in world economy, modern model of economic development, world currency zones including possibilities of creation of the Euroasian currency zone.

Keywords: currency zones, Euroasian integration, model of economic development.

Тема эта стала очень модной в последнее время, особенно по мере развития Таможенного союза, но мало кто задается вопросами о том, как она связана с глобальными экономическими процессами в мире. А вопросы эти являются принципиальными, поскольку, с одной стороны, некоторые региональные интеграционные процессы в мире находятся в кризисе (Евросоюз), а некоторые, например, ориентированные на Китай, активно развиваются. Кроме того, мы все привыкли, что в мире идут процессы глобализационные, которые противоречат региональным объединениям, особенно не имеющим собственной международной валюты. И без ответа на вопросы о том, как взаимодействуют эти процессы, говорить о дальнейшем развитии евразийской интеграции

достаточно глупо — поскольку тратить ресурсы на заведомо проигрышное дело не стоит.

Для ответа на все эти вопросы вначале нужно дать точное описание современной модели экономического развития, возникшей в XVI—XVII вв. — модели углубления разделения труда. Углубление разделения труда позволяет увеличивать производительность, однако влечет за собой увеличение рисков производителей. Не вдаваясь в тонкости, это можно объяснить необходимостью встраиваться во все более сложную и длинную технологическую цепочку. Соответственно все развитие современной экономики происходит в постоянном поиске механизмов снижения таких рисков, в противном случае экономическое развитие останавливается, о чем писал еще Адам Смит.

Отметим, что мысль Смита о том, что в замкнутой экономической системе углубление разделения труда рано или поздно останавливается, причем окончательный масштаб разделения зависит от размеров системы, не является абстрактным. Как показывают наши исследования в рамках развития теории неэкономии, в мире было уже несколько кризисов, теоретически описанных Смитом, которые мы назвали кризисами падения эффективности капитала (в отличие от обычных циклических, или кризисов перепроизводства). И именно понимание этой специфики позволяет делать принципиальные выводы о дальнейшем развитии экономической системы.

Но вернемся к оценке рисков. Даже простейший анализ развития экономики показывает, что есть два универсальных механизма снижения рисков производителей. Первый — расширение рынков сбыта, и второй — перераспределение рисков с использованием финансовой системы. Один из вариантов второго способа — кредитование, которое снижает риски производителя, поскольку часть из них берет на себя банкир. Однако у обоих способов есть серьезный недостаток: они ограничены во времени. Иными словами, за каждым расширением следует очередной виток углубления разделения труда, который затем останавливается. Аналогично — очередная реформа финансовой системы, которая позволяет увеличить ее емкость с точки зрения принятия на себя рисков, через какое-то время перестает давать эффект с точки зрения снижения рисков производителей.

Как мы уже отмечали, не все экономические кризисы вызваны критическим увеличением рисков производителей, но если посмотреть на экономическую историю последних 100 с небольшим лет, то можно четко увидеть, как минимум, несколько таких кризисов. Первый — кризис конца XIX — начала XX в., который достиг апогея в 1907—1908 гг., вызвав банковский кризис в США, который привел к принятию 23 декабря 1913 г. закона о Федеральном резерве. Этот закон за

счет введения системы рефинансирования банковской системы существенно увеличил ее емкость с точки зрения принятия на себя рисков производителей и дал возможность для активного развития экономики США в 1920-е гг.

Но главным последствием кризиса конца XIX — начала XX в. стала Первая мировая война, направленная на передел рынков. И в этой части она особых результатов не дала (хотя у Германии на какое-то время отобрали часть контролируемых ею рынков в Центральной Европе).

Второй кризис падения эффективности капитала начался весной 1930 г. (не путать с биржевой паникой осени 1929 г., поскольку это было просто обрушение «пузыря» на фондовом рынке, которое носило кратковременный характер, к началу кризиса фондовый рынок отыграл уже больше половины спада предыдущей осени). Он продлился до конца 1932 г., после чего началась вторая в XX в. (первая была после кризиса 1907—1908 гг.) Великая депрессия, и как раз наличие таких долгосрочных депрессий является явным признаком кризиса падения эффективности капитала: поскольку риски производителей не падают, возобновление роста просто невозможно. В нашем случае рост в США начался с началом Второй мировой войны (на внешних заказах), а в мире к ее окончанию из пяти более или менее самодостаточных систем разделения труда (британской, германской, американской, японской и советской — в хронологическом порядке) осталось только две — американская и советская. Что и вызвало феномен быстрого послевоенного роста и противоборства двух систем.

Как и следовало ожидать, по мере углубления разделения труда (причем СССР от США отставал, хотя разрыв постепенно сокращался) росли и риски. Соответственно начался и новый кризис падения эффективности капитала. В СССР — в начале 1960-х гг., и выразился он, с учетом плановой экономики, в падении фондоотдачи (т. е. в СССР это был равномерный кризис падения эффективности капитала по всей экономике в целом). Но до начала 1980-х гг. темпы роста все равно оставались положительными.

В США кризис начался в начале 1970-х (формальной точкой отсчета может быть 15 августа 1971 г., когда президент США Р. Никсон объявил второй в прошлой веке дефолт США, отказавшись обменивать доллары на золото). С учетом рыночной специфики экономики кризис в американской системе разделения труда был более быстрым и практически все 1970-е гг. экономика в США падала. При этом, однако, в отличие от СССР, кризис в разных регионах и отраслях проявлялся совершенно по-разному.

В отличие от ситуации начала 1930-х гг., денежные власти США начали достаточно активную эмиссию как с целью поддержать бюджет (прежде всего, военные расходы в условиях противостояния с СССР), так и для спасения финансовой системы. В результате, вторая половина 1970-х гг. отличалась новым феноменом, невозможным для нормального циклического кризиса, — так называемой стагфляцией, т. е. сочетанием высокой инфляции и экономического спада, характерным для разных фаз нормального экономического цикла.

Поскольку расширение рынков в этот период было чревато атомной войной, обе стороны конфликта были вынуждены мириться с кризисом. Однако власти США сумели найти способ снизить риски производителей путем очередной реформы финансовой системы. Они изменили модель кредитования домохозяйств, отказавшись от концепции возврата кредита за счет дохода заемщика, а вместо этого перешли к рефинансированию кредитного долга за счет нового кредитования. Такая модель стала возможной, в частности, за счет того, что в конце 1970-х гг. денежные власти США подняли учетную ставку в США до 19% и рефинансирование стимулировалось за счет снижения стоимости кредита. Отметим, что учетная ставка ФРС США достигла формального нуля как раз в конце 2008 г. — практически одновременно с началом нового кризиса.

Рост спроса, вызванный кредитованием домохозяйств, позволил США совершить очередной виток углубления разделения труда (который позже получил название «информационная революция»), разрушить СССР и подкрепить снижение рисков за счет распространения рынков на бывшую территорию советской системы разделения труда. Однако дальнейшие возможности расширения были исчерпаны, и к началу 2000-х гг. проявились первые признаки нового кризиса падения эффективности капитала.

Главной его проблемой по сравнению с предыдущими тремя кризисами стало то, что домохозяйства за время действия политики кредитного стимулирования набрали довольно большие кредиты и, главное, привыкли тратить много больше, чем получать. В частности, сегодня в Евросоюзе и США домохозяйства тратят примерно на 20—25% больше, чем получают, что в абсолютном выражении соответствует дополнительным расходам примерно на 3 трлн дол. в США и 2,5 трлн — в ЕС. Соответственно кризис проявляется в первую очередь в том, что падает частный спрос, который властям все труднее и труднее поддерживать.

Рассмотрение деталей того, как устроена сегодня мировая финансовая система, не входит в тему настоящей статьи. Однако главный вывод из сделанного анализа состоит в следующем: уровень рисков

производителей в современной системе разделения труда по мере падения совокупного спроса не соответствует уровню разделения труда! Или, иначе, неизбежное падение спроса приведет к необходимости снижения уровня разделения труда — в противном случае риски производителей станут запредельными, они просто не смогут продолжать свою деятельность.

Это означает, что те процессы, которые с XVI в. отвечали за усиление глобализации рынков, повернут вспять. Единая система разделения труда, сформировавшаяся после 1991 г., станет неэффективной — поскольку стоимость ее инфраструктуры слишком тяжелой ношей ляжет на потребителей и производителей. Отметим, что общий масштаб спада составит по мировой экономике, как минимум, 30—35% (т. е. будет сравним с падением экономики США в период второй Великой депрессии), но для Евросоюза и США будет еще выше — до 50%. Опять-таки специфика этого спада не входит в сферу рассмотрения настоящей статьи (можно только отметить, что самому сильному спаду подвергнется финансовый сектор, относительная доля которого серьезно сократится), более того, соответствующих исследований практически нет, во всяком случае, найти их нам не удалось. Так что дальнейшие рассуждения во многом носят чисто экспертный характер.

Если исходить из предположения о том, что после кризиса мировая экономика придет в равновесное состояние, т. е. спрос будет соответствовать доходам, то ключевым элементом, ее описывающим, будет состояние частных доходов. Если рассматривать ситуацию в США, которые сегодня являются основой мировой системы разделения труда, то в них после спада доходов домохозяйств в 1970-е гг. они практически не менялись. Официальные данные показывают рост, который в середине 2000-х гг. даже превышает показатели начала 1970-х, однако более точный расчет ВВП и инфляции позволяет уточнить показатели. Таким образом, по покупательной способности доходы домохозяйств находятся сегодня примерно на уровне 1962 г. (зарплата — на уровне конца 1950-х гг.). Падение доходов после кризиса (примерно на 25%) выведет средние доходы на уровень конца 1930-х гг., т. е. уровень, при котором было рентабельно существование сразу пяти систем разделения труда.

Разумеется, это самая предварительная оценка, однако других, в общем, нет, — по этой причине можно взять ее в качестве предварительной. Вопрос: какого объема должна быть система разделения труда, чтобы в ней можно было построить экономическую систему, адекватную по уровню конкурентам, с учетом того, что многие современные технологии станут нерентабельными и придется создавать совершенно новую модель взаимодействия экономических субъектов? Тут

можно предположить, что, с учетом того, что о тотальном отказе от современных технологий, конечно, и речи быть не может, общий спрос должен быть выше, чем в 1930-е гг. Тогда нормой была система разделения труда в 200 млн потребителей, значит, можно предположить, что сегодня объем потребителей станет (опять-таки, оценка) минимум 400—500 млн, 800 млн хватит уже почти наверняка.

Отметим еще одно обстоятельство. Поскольку современные технологии не будут рентабельны в рамках сильно сократившегося спроса, необходимо будет строить новые технологические схемы, которые будут принципиально отличаться как от технологий современных (нерентабельных), так и технологий 1930-х гг. (устаревших). Это колоссальная по масштабу перестройка потребует серьезного ресурса, которым может стать (в условиях постоянного экономического спада) только эмиссионный ресурс под контролем государства (межгосударственных объединений). Именно по этой причине (описывая вид мировой экономики после кризиса) в нашей книге «Закат империи доллара и конец “Pax Americana”» мы назвали региональные системы разделения труда валютными зонами.

Ну, и в завершение, описание возможных валютных зон — региональных систем разделения труда. Некоторые из них видны и невосторуженным взглядом.

Первая — зона доллара, построенная на единстве англосаксонских стран. Это США, Канада, Австралия, Новая Зеландия. Есть два вопроса: будет ли в эту зону входить Мексика (которая пока колеблется в выборе между Севером и Югом) и Великобритания (которая выбирает между Западом и Востоком).

Вторая зона — зона евро. В нее явно войдут страны Северной Европы, часть стран Южной Европы и, возможно, часть стран Северной и Западной Африки. Скорее всего, часть стран нынешнего Евросоюза в эту зону не войдут, поскольку явно не вписываются в соответствующую систему разделения труда и сильно страдают от нахождения в ней.

Третья зона — зона юаня — на базе экономики Китая. Тут все, более или менее, понятно.

Четвертая зона — страны Латинской Америки и, возможно, Южной Африки. Здесь единственный вопрос — позиция Мексики. Наше личное мнение состоит в том, что Мексика все-таки станет вторым (после Бразилии) лидером латиноамериканской зоны, но никакими объективными основаниями оно не подкреплено. Точнее, есть серьезные аргументы как «за», так и «против» этой позиции — и окончательный вывод можно будет сделать только по завершении кризиса.

Отдельной зоной будет Индия — она не очень склонна к региональной экспансии, а ее внутренний рынок один из самых больших в мире.

А вот дальше возникает вопрос. Есть несколько стран, которые явно не хотят входить в китайскую зону (Вьетнам, Япония) и не смогут войти в зону доллара (США будут защищать свои рынки). Есть страны, которым требуются внешние рынки для дальнейшего развития (Турция, Иран), но которые не могут войти в нынешние системы (ЕС явно начинает ограничивать их возможности — по своим собственным соображениям или же под давлением США). Наконец, есть страны СНГ, с которыми тоже есть проблемы. Во всяком случае, на рынки ЕС их тоже не пустят. Таким образом, есть, теоретически во всяком случае, место для еще одной валютной зоны, которую условно можно назвать Евразийской. Ключевыми ее игроками могут стать Россия и Турция, в дальнейшем, в случае успешного развития — Украина, Япония и Вьетнам.

По нашему мнению, Таможенный союз как раз и является тем ядром, вокруг которого может происходить соответствующее развитие новой валютной зоны. Разумеется, его активное развитие может происходить только по мере распада единой системы разделения труда с центром в США, основанной на долларе США. Но приведенные выше рассуждения показывают, что этот распад практически неизбежен, а значит, региональные системы разделения труда становятся экономически рентабельными.

Разумеется, для того, чтобы процесс евразийской интеграции стал более осмысленным и конструктивным, необходимо создание единой финансовой системы. Сегодня это невозможно — поскольку финансовую систему России контролируют сторонники сохранения единой мировой финансовой системы на базе доллара (которых в России называют «либералами»). Однако по мере развития кризиса влияние этих людей объективно будет ослабевать, а значит нас еще ждут серьезные перемены. Другое дело, что если с соответствующими переменами опоздать, то на наши страны будет оказано серьезное давление со стороны уже состоявшихся валютных зон, что резко усложнит процессы формирования евразийской зоны. Есть и другие серьезные проблемы, например, полное отсутствие интеграционных институтов как в экономическом, так и в других направлениях, поскольку их развитие активно тормозят «либералы», находящиеся на ключевых постах в разных странах, потенциальных участниках евразийской валютной зоны.

В любом случае приведенные выше рассуждения доказывают, что для создания такой зоны есть объективные основания, что дает воз-

возможность заниматься конструктивным строительством соответствующих интеграционных процессов. При этом по мере развития мирового экономического кризиса и разрушения единой мировой системы разделения труда работа эта будет только облегчаться.

В.В. КАШИЦЫН

Внутренний рынок в системе современных интеграционных евразийских возможностей

Аннотация. Рассматриваются возможности евразийской интеграции, роль внутреннего рынка в экономическом развитии страны. Обосновывается необходимость экономической доктрины и экономической политики, базировавшихся на системе объективных экономических законов.

Ключевые слова: евразийская интеграция, внутренний рынок, экономическая политика.

Abstract. The article is devoted to possibilities of the Euroasian integration, a role of domestic market in economic development of the country. Necessity of the economic doctrine and the economic policy, based on system of the objective economic laws is proved.

Keywords: Euroasian integration, domestic market, economic policy.

Основным фактором экономического роста для любой средней, и тем более крупной страны, является диверсифицированный, емкий, воспроизводственно-сбалансированный, эффективно работающий внутренний рынок. Поэтому проблема формирования, трансформации и регулирования внутреннего рынка — стержневая для любой экономической политики, любой страны, стремящейся удержаться на траектории экономического развития. А для современной России это еще и проблема экзистенциальная.

И здесь речь должна идти о двух группах факторов, практическое сочетание которых выводит проблему внутреннего рынка России в режим бытийственного и развитийного гротескного императива. Это факторы текущей мирохозяйственной трансформации и факторы внутренние — собственно российской трансформации и трансформации ближнего зарубежья, играющих в известном смысле роль связующего звена.

Первая группа факторов характеризуется глобальной текущей реструктуризацией мирового хозяйства, в основе которой все более явно просматриваются два гиперпроцесса.

Во-первых, глоборегionalизация, реализующаяся посредством формирования мощных региональных мировых группировок, консолидирующих емкие региональные внутренние рынки, контролирующие основные воспроизводственные факторы производства и стремящиеся, опираясь на свои рынки, как можно быстрее перейти к шестому технологическому укладу посредством генерации новой системы потребностей и возможностей их системного удовлетворения (НАФТА, МЕРКОСУР, ЕЭС, АСЕАН — страны ЮВА и т. д.).

Во-вторых, все более вероятный переход развитых стран мира от завершающейся информационной НТР, базирующейся на «айтишных» технологиях, к новой транспортно-коммуникационной пространственной НТР. Поскольку двадцатилетняя виртуализация «айтишного» сектора экономики, определившая во многом раздувание сферы услуг и гротескный отрыв ее от реального процесса воспроизводства, начиная с обвала 2000 г. индекса NASDAQ и последующей его волатильности, в большой степени способствовала формированию потенциала кризиса 2007—2019 гг., перераспределение инвестиций в этот сектор замедлилось. К тому же, экспоненциально способствуя блокированию работы биржевых процессов (потери от сбоев в ведении торгов и участвовавших их остановок), а также несанкционированному доступу к банковским счетам, электронным финансовым транзакциям, коммуникационная волна от оптимизации ускорения экономического процесса объективно привела к его торможению и даже блокированию.

Вместе с тем регионализация мирового рынка, помноженная на революционные транспортные технологии, объективно усиливая и мультиплицируя внутреннюю (регионы) и международную (межрегиональную) торговлю, с учетом реструктуризации ресурсно-факторных потребностей растущих экономик, все чаще обращает внимание мирового сообщества на Сибирь и Арктику. Поэтому пространственный бум как этап сжатия мирового хозяйства посредством вовлечения в хозяйственный оборот ранее недоступных ресурсов стремительно выдвигается на первый план и неумолимо становится основным драйвером экономического роста. Очевидно, в данном контексте и концентрируются основные угрозы и одновременно перспективы России в части выхода ее на траекторию развития.

По первой и второй группе факторов речь идет о формировании на базе евразийского (постсоветского) пространства региональной группировки, реиндустриализующей свой промышленный потенциал с целью перехода к шестому технологическому укладу посредством

освоения Сибири и Арктики, что объективно, учитывая контроль над всеми видами критически значимых ресурсов, выводит данную региональную группировку в потенциального драйвера мирового экономического инновационного роста и лидера мирового экономического развития.

Однако реализация данного и вполне возможного проекта предполагает создание мощной пространственно-сетевой транспортно-коммуникативной инфраструктуры, покрывающей азиатскую часть страны. Меридиальная часть инфраструктуры имеется — ниспослана природой (Обь, Енисей, Лена). Летом — судоходство, зимой — экранопланы. А вот параллельную инфраструктуру необходимо построить, вытянув пару сквозных скоростных железных дорог (Транссиб-2 и Транссиб-3). Северный морской путь с прибрежными портами, сеть аэродромов закольцовывают инфраструктурную матрицу и своим следствием имеют возникновение нескольких сотен городов и вертикальное (от добычи до инновационного продукта) многократное умножение ВВП. Разумеется, подобный рывок должен быть сопровожден реиндустриализацией. И в этом плане, имея в виду историко-экономическую логику размещения производственных сил в стране, крайне необходима евразийская интеграция, в ядре которой находятся Россия, Белоруссия, Казахстан и Украина со своей кооперационной сетью промышленных предприятий. Население данной региональной группировки в случае кооперации со стороны Средней Азии выходит за рубеж 250 млн человек — и здесь маячат не только 24 млн квалифицированных рабочих мест, а все сто.

Обретает адекватность в таком варианте и структурная сбалансированность. Данный проект определенно создает спрос на технологии — как для европейского капитала, так и для азиатского. Ничто так не балансирует международные экономические отношения, как длительный устойчивый энергичный экономический рост, затрагивающий весь комплекс расширенного воспроизводства.

Однако данный проект объективно предполагает инвентаризацию и уточнение не только международных и внешнеэкономических связей в формате как дальнего, так и ближнего зарубежья, что отчасти уже происходит, но и весь спектр внутриэкономических факторов. А здесь, несмотря на умножающиеся инициативы власти по наведению порядка и усилению управляемости, потенциал дифференциации и энтропии стремительно накапливается. Износ основных производственных фондов перевалил за 80%. Дифференциация и иррационализация макроэкономических пропорций и соответствующих показателей продолжают, цены на энергоносители и транспортные издержки растут. Инфраструктура свободы входа на рынок и выхода, включая кредит-

ную систему, при всех подвижках продолжает иметь сдерживающий характер. Механизм стимулирования сбережений и превращения их в инвестиции так и не сложился. А капитал во всех цветовых оттенках (по белому, серому и темному) продолжает вывозиться. Разумеется, в такой экономической среде экономический рост (как темпы, так и качество) не может быть индифферентным, так как является интегрально-синтезирующим производным индикатором состояния и качества экономической среды, отражающим непосредственно степень сбалансированности и эффективности работы внутреннего рынка.

Поэтому вышеобозначенный концептуальный стратегический раз-
витийный российский проект не может быть ни предпослан концептуальной трансформацией качества экономической среды, квинтэссенцией чего является эффективно работающий внутренний рынок.

Но для этого необходимы совершенно определенная экономическая доктрина и адекватная ей экономическая политика, которые базировались бы (не противоречили) на системе объективно взаимосвязанных экономических (не путать с правовыми) законов. Длительное и устойчивое игнорирование системы объективных экономических законов являет собой прямой линейный путь к эпохальному кризису, а то и к катастрофе, так как опаснее термоядерной бомбы может быть только бомба экономическая, так как по своей природе она резиновая, т. е. прыгающая. И здесь мы ни в коей мере не должны обольщаться тем обстоятельством, что игнорирование подобных экономических реалий может быть безобидным, и не мешать богатеть и «развиваться». Это возможно только за чей-либо счет (природа, социальная дифференциация, другие страны, предки и потомки, кому, собственно, и принадлежит национальное богатство и т. д.)

Суть сложности текущего национального и мирохозяйственного момента в том и заключается, что наступил-таки очередной раз исторический эпохальный момент «Ч», когда задачи бытия и развития по-крупному решать за чей-либо счет (смотри выше) уже невозможно. И все традиционные методологии привычной рефлексии пробуксовывают и практически неэффективны даже в режиме дырозатыкательной политики.

Поэтому поворот к развитию — как национальному, так и мирохозяйственному — возможен только на основании консенсуса — и национального, и международного, базирующегося на понимании сути текущего исторического момента. Вместе с тем ни в коем случае нельзя забывать, что такое понимание требует поддержания в стране и мире определенного динамичного статус-кво, сдержек и противовесов, достижение которого является и в стране, и в мире за последние десять с небольшим лет величайшей ответственной заслугой российской феде-

ральной власти (при всей ее противоречивости и сопутствующих мизмах).

Одновременно ни в коей мере нельзя забывать и о том, что перо жар-птицы — это еще не хвост, и что намерение — лучше, чем его отсутствие, но далеко не результат. Иначе говоря, разворот к развитию, особенно в тех иррациональных условиях, эмоциональная гротескная крайне непрофессиональная кристаллизация которых составляла содержание бытийности нашего замечательного населения и особенно власти в течение последних шестидесяти лет в целом и современных двадцати пяти лет в частности, задача не для слабонервных, так как такой сложности задачи и в мире, и в нашей стране до сих пор, похоже, никто не решал. Но тем не менее исторический жребий брошен, Рубикон перейден. Судьба, однако! Ну а коль выходит так, то если не мы, то кто?! В этом всегда состояла и состоит миссия России!

Касательно операционно-функциональных сегодняшних проблем и напряжений определенно стержневой проблемой является проблема качества сложившихся и модели, и государства, и соответствующей *системы воспроизводства кадров*. Об этом свидетельствует прежде всего механизм принятия и реализации решений, да и, собственно говоря, весь спектр накопившихся проблем в обществе. Даже Питер со своим знаменитым интеллектуальным кадровым накопленным ресурсом, похоже, окончательно надорвался. Но дело не в Питере, дело в системе распознаваний «свой — чужой», «профессионал — непрофессионал», «Россия — антиРоссия», «Я — мы — общество», «часть — целое», «развитие — деградация» и т. д. А основные диалектические противоречия текущей политики это безусловно противоречия «актив — пассив», «открытость — камуфляж», «энергия развития — деградация». Но эта тема отдельных исследований и соответствующих публикаций. А пока можно констатировать, что интеграционные евразийские воспроизводственные возможности, генерируемые эффективно работающим внутренним рынком, являются однозначно императивом разворота к развитию и узловым фактором обозначенного проекта.

В.М. КУЛЬКОВ

Пространственный аспект теоретического анализа экономики и его значение для проектирования евразийской интеграции

Аннотация. В статье определяется теоретическое поле пространственной экономики, анализируются параметры единого экономического пространства, рассматриваются проблемы формирования евразийского (постсоветского) экономического пространства.

Ключевые слова: пространственная экономика, единое экономическое пространство, евразийское (постсоветское) пространство.

Abstract. In this article the theoretical aspects of spatial economics are defined, the parameters of a single economic space are analyzed; problems of formation of the Eurasian (post-Soviet) economic space are considered.

Keywords: spatial economics, single economic space, the Eurasian (post-Soviet) economic space.

Теоретическое поле пространственной экономики

Откровенно говоря, для нас, экономистов-теоретиков (особенно работающих в Москве), пространственная, или территориальная, проблематика, сводимая чаще всего к региональной экономике, не слишком привычна и желанна. В нашем кругу считается, что она, при всей ее важности, — проблематика конкретно-экономическая, которой должны заниматься узкие специалисты по региональной экономике. Этот подход господствует. Но тем самым мы фактически абстрагируемся от важной сферы экономических отношений — той сферы, в которую реально включены все экономические субъекты и от которой зависит целостность и устойчивость развития и функционирования национальной экономики.

Тем более что пространственный аспект экономики заметно шире региональной экономики. Он охватывает и другие формы пространственной организации производства — такие как муниципальная экономика (городских, сельских поселений и других форм местного самоуправления), агломерации, промышленные, энергетические и транспортные узлы, территориально-производственные комплексы разного рода, кластеры, особые экономические зоны. В эту сферу органично входит и давняя проблема территориального размещения производительных сил. Переход к инновационной экономике привлек внимание к таким специфическим инновационно-территориальным формам, как национальные, региональные и муниципальные инновационные системы, технополисы, наукограды, особые экономические зоны техни-

ко-внедренческого типа и т. п. В широком смысле к формам пространственной экономики следует относить и разного рода международные региональные интеграционные объединения, формирование глобальных рынков и других форм, отражающих процессы глобализации. Важное значение имеет также проблема неоднородности и поляризации экономического пространства: это касается и межрегиональных сопоставлений внутри страны, и межстрановых соотношений внутри региональных интеграционных группировок, и более общих отношений между «центром» и «периферией» в мировой глобализирующейся экономике. Весь этот объемный набор элементов и проблем, касающихся пространственных (территориальных) форм организации экономической жизни и требующих своего осмысления, и формирует широкое поле пространственной экономики как объекта научного анализа. Надо учитывать и то, что пространственная проблематика всегда востребована в России в силу уникальности присущего ей территориального фактора. О специфике «пространного поля» России много писал и говорил в свое время основатель Московского университета М.В. Ломоносов. Таким образом, теоретическое и реальное поле пространственной экономики очень широкое и потенциально научно богатое.

У пространственного анализа экономики имеется богатое историко-научное наследие. Начальный импульс специальному изучению пространственного ракурса экономической деятельности дали в свое время немецкие исследователи — И. Тюнен (немецкая географическая школа: «модель изолированного государства» — начало XIX в.), А. Вебер («теория промышленного штандорта» — начало XX в.), В. Кристаллер («теория центральных мест» — рубеж 1920—1930-х гг.), которые делали акцент на вопросах территориального размещения производства. В послевоенный период это направление было продолжено «школой пространственного анализа», родоначальником которой можно считать американского ученого У. Изарда. Богатые научные и практические традиции в этой области отличают и отечественную школу региональных исследований, включая и ее советский этап.

Теперь, больше поворачиваясь собственно к экономической теории, стоит отметить, что разные ее школы (направления) делали пространственные вкрапления в свою научную систему, хотя это было скорее фрагментарно. Выделим, в частности, учет фактора территориального местоположения в концепциях земельной ренты в классической политэкономии (Д. Рикардо, К. Маркс); включение в состав изучаемых микроэкономикой форм несовершенной конкуренции так называемой «пространственной конкуренции» (впервые это сделал в 1929 г. немец Г. Хотеллинг, в близком направлении двигался и совре-

менный американский исследователь М. Портер, разработавший теорию экономических кластеров); классическую и неоклассическую трактовку внешнеторговых отношений разных стран с использованием принципа сравнительных преимуществ; учет специфики различных групп (пространств) развивающихся стран в неоклассических, кейнсианских, институциональных концепциях экономического развития и модернизации и др. Наблюдалось и встречное движение — активное использование в региональных исследованиях категорий экономической теории. В частности, шел в этом направлении уже упоминавшийся лидер «пространственной школы анализа» У. Изард, тяготевший к кейнсианству. Представитель «теории пространственной организации» поляк А. Леш, отталкиваясь от концепций равновесных состояний, обосновывал идею «пространственного экономического равновесия», подробно описывая функционирование рынка, где каждая экономическая переменная привязана к определенной точке пространства: как считается многими учеными, он занял здесь место, подобное месту Л. Вальраса в общей экономической теории. При этом надо заметить, что А. Маршалл — основоположник неоклассической микроэкономики (как, впрочем, и Вальрас, и в целом сформировавшийся в экономической теории мейнстрим) — пространственный фактор практически не учитывает, считая более важным учет фактора времени. В последние годы приковала к себе внимание «новая экономическая география»: известным ее представителем является лауреат Нобелевской премии П. Кругман (получивший, кстати, данную премию именно за это) с его концепцией «географического распределения экономической активности». Правда, здесь весьма противоречивый Кругман, числящий себя кейнсианцем, выступил скорее в духе сторонника экономического империализма, набрасывающего «неоклассическое одеяло» на неохваченные неэкономические области (на этот раз — на географию). Все эти локальные формы пространственной спецификации, при всей их узости и фрагментарности, помогают экономической теории усилить свою связь с практически значимыми проблемами и тем самым играют для нее позитивную роль.

Наряду с указанными локальными формами, экономистов-теоретиков интересовали и более широкие пространственные рамки экономических отношений. Историко-теоретические истоки данного направления восходят к Ф. Листу, к немецкой исторической школе. Лист сформулировал теорию «автаркии больших пространств», в соответствии с которой преимущества получают страны (союзы), располагающие большими территориями, в рамках которых отменяются торговые барьеры, возникает «ассоциация производительных сил» и обеспечивается суверенитет относительно других государств. Во вто-

рой половине XX в. как отражение реальных мировых процессов получили широкое распространение разнообразные теории пространственного характера: концепции глобалистики, ставящие во главу угла формирование единого глобального пространства; концепции экономической интеграции, делающие акцент на формирование региональных группировок (союзов); теория «мир-системного анализа» (И. Валлерстайн, А. Сен), которая, напротив, подчеркивает разделение мира на «центр» и «периферию».

Краткий проведенный историко-научный анализ показывает, что так или иначе экономисты-теоретики выходят на пространственные вопросы, но делают это несистемно, фрагментарно. Приведенные выше «вкрапления» не позволяют целостно отразить пространственный характер этой системы. Указанная область нуждается, во-первых, в активизации и, во-вторых, в системности, комплексности — именно со стороны экономистов-теоретиков. Общий смысл состоит в том, чтобы пространственное поле экономики представить не просто как локальный набор «вкраплений», но и как особое видение экономической системы, а следовательно, и как относительно целостную и особую часть самой экономической теории.

Можно представить такую интегральную работу, в которой объединятся представители разных направлений (частей) экономической теории: и политэкономы, рассуждающие о социально-экономической однородности пространства и целостном пространственном воспроизводстве; и микроэкономисты, анализирующие пространственную конкуренцию, эффект отдачи от масштаба пространства и пространственное микроравновесие; и макроэкономисты, показывающие пространственные особенности ВВП и других макрохарактеристик, пространственное макроэкономическое равновесие; и институционалисты, которые будут говорить не просто об институциональной среде как совокупности правил, а и о пространственной институциональной среде и т. д. Может быть, из этой интеграции и вызреет то, что можно будет назвать *теорией пространственной экономики* как относительно самостоятельной части экономической теории.

При этом, говоря о полезности такой научной интеграции, надо видеть и реально сложившееся различие между двумя направлениями экономической теории, которые можно определенным образом дифференцировать (кстати, такого разделения научных направлений пока не принято проводить). Одно из них можно было бы условно назвать направлением «вертикально-временного» анализа, где главным является временной фактор: это или время (периоды) функционирования (как в неоклассическом мейнстриме), или время развития, историческое время (как в марксистской политэкономии). В данном формате

оба эти, казалось бы, противоположных направления находятся в одной нише. Другое, альтернативное, направление — «горизонтально-территориальный» анализ, где в центре стоит пространственный аспект. Можно в этой связи вспомнить предложенное Дж. Арриги деление «стратегий государства» на «капитализм» и «территориализм» в зависимости от того, что является целью, а что средством: капитал или территория, пространство (см.: [1, 84—85]). Можно вспомнить и итальянца А. Серру (начало XVII в.), который, как считается, был популярен довольно долгое время, позиционируясь как альтернатива смитианства. И, конечно, наиболее заметное место занимает в этом ряду Ф. Лист.

Собственно, в этот (второй) лагерь войдут все представители национально-ориентированного направления экономической теории, включая и современных разработчиков национальных моделей экономики. Можно даже сказать и так: *теории национальной экономической системы (модели)* могут быть представлены как разновидность (одна из форм) более широкой теории пространственной экономики. Здесь реализуется другой формат экономических отношений: это не просто расширение ареала их действия, но и их внутреннее изменение. Они вбирают в себя все своеобразие данного пространства (географическое, природно-климатическое, геополитическое, социокультурное и др.), обеспечение его суверенности, безопасности, воспроизводственной целостности, реализации жизненно-необходимых целей и т. п.). А эти характеристики во многом влияют на формирование определенного типа экономической координации (соотношение «рынок—государство») и типа социально-экономического присвоения (степень социальной ориентации), которые являются важнейшими признаками экономической системы.

Подытоживая научное понимание категории «пространство», отметим, что в координатах экономической теории *пространственная экономика* — это *экономическая система*, которая характеризуется: наличием сложившихся границ поля действия экономических процессов; определенным масштабом производства (хозяйственной деятельности), внутривпространственным размещением ресурсов (производительных сил), плотностью и насыщенностью хозяйственных связей; поддержанием экономической целостности, устойчивости, жизнестойкости и единства сложившегося пространства; осуществлением целостного воспроизводства на определенной территории и обеспечением ее экономической безопасности; воздействием местоположения и специфических факторов (географического, природно-климатического, геополитического и иных) на экономические отношения и формы; взаимодействием с другими экономическими простран-

ствами. Весь перечисленный набор характеристик показывает, на наш взгляд, что у пространственной экономики (пространственной экономической системы) есть своя ниша в экономической теории, не покрываемая другими частями последней. Названные характеристики вписываются, на наш взгляд, в общее предметное поле экономической теории.

Параметры единого экономического пространства

Ключевое понятие в пространственной экономике — *«единое экономическое пространство»* (ЕЭП), к анализу которого мы и переходим. Данная категория не получила строгого закрепления в экономической теории. Принято считать, что рыночная экономика, исторически разрушая перегородки натурального (традиционного) хозяйства, естественным образом формирует однородную экономическую (рыночную) среду, в которой и функционируют адекватные ей идеально-рыночные субъекты хозяйственной деятельности. Больше внимание уделялось этому вопросу в конкретных дисциплинах — особенно применительно к экономикам развитых федеративных государств, а также к экономикам развивающихся (прежде всего — слаборазвитых) стран с присущей им хозяйственной многоукладностью. Всплеск внимания к проблеме произошел в связи с активизацией интеграционных процессов, образованием региональных экономических союзов — и, прежде всего, Европейского союза (ЕС). Для России и ряда других стран СНГ актуальным является анализ интеграционных процессов на постсоветском (евразийском) пространстве, наиболее продвинутой формой которых стало образование Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России.

Вместе с тем базовым для понимания категории ЕЭП является определение содержания национального экономического пространства. Что оно означает с точки зрения глубинных характеристик? Сформулируем следующий подход.

Национальное ЕЭП — это ограниченная национальной территорией сфера экономических отношений, которая характеризуется:

- системностью этих отношений, их однотипностью и однородностью на всей территории страны (прежде всего, по способам координации и типам присвоения);
- системой взаимосвязанных локальных функциональных пространств: социального, инвестиционного, финансового, институционального, инновационного и др.;
- механизмами системного поддержания целостности, устойчивости, жизнестойкости и единства исторически сложившегося национально-государственного пространства;

- целостным национальным воспроизводством;
- оптимальным размещением производительных сил;
- высокой плотностью и насыщенностью экономических отношений и хозяйственных связей по всей территории страны;
- высокой мобильностью факторов производства и минимальными барьерами хозяйственной деятельности;
- едиными базовыми институтами и государствообразующей системой ценностей;
- воздействием местоположения и специфических факторов (географического, природно-климатического, геополитического и иных) на экономические отношения и хозяйственные формы;
- экономической безопасностью, суверенностью территории и т. п.

Следует обратить внимание и на своеобразие научной методологии пространственного анализа, имея при этом в виду не какие-то экономико-географические методики, а философские основы исследования. Адекватной методологической основой теоретико-пространственного анализа может быть только *методологический холизм*, исходящий из приоритета целостности пространства и противостоящий принципу методологического индивидуализма, характерному для неоклассического направления.

Характеризуя современное российское ЕЭП, необходимо признать его сильную разнородность. Достаточно выразителен следующий факт: межрегиональная инвестиционная неоднородность в России, выраженная через известный индекс концентрации Херфиндаля—Хиршманна, выросла за 1990-е гг. почти в пять раз. Велика социальная, финансовая, инновационная разнородность регионов. Одной из главных причин усиления неоднородности стал изначальный неучет пространственной специфики страны при переходе к рынку. Трансформационные процессы в экономике с самого их начала не дополнялись адекватными мерами по обеспечению экономического единства национальной территории с учетом специфики федеративного государства, уникальностью географического, геополитического и других факторов. Характер институциональных преобразований, экономической либерализации и макроэкономической стабилизации в этих условиях не был тесно сопряжен с пространственным аспектом экономической деятельности. Результатами недостаточного учета специфики страны стали нарастание дифференциации между регионами, а в отдельных случаях и локализация внутренней хозяйственной жизни регионов, усиление геополитических рисков, ослабление национальной экономической безопасности.

Указанная неоднородность позволяет говорить о серьезных деформациях российского экономического пространства, создающих потенциальные угрозы дезинтеграции и разрушения территориальной целостности страны. Вопрос обеспечения полноценного ЕЭП имеет для России крайне актуальное и важное значение. Можно сказать и так: Россия в силу своей указанной выше специфики обречена на особое, жизненно необходимое внимание к данной проблеме.

Если брать локальные функциональные пространства, то крайне важное значение для современной России имеет формирование единого инновационного пространства, учитывая необходимость формирования инновационной экономики, кардинальной перестройки сложившейся структуры национальной экономики. Инновационное пространство страны должно быть единым, несмотря на объективные различия в инновационном потенциале разных регионов этого пространства и невозможность повсеместного клонирования проектов типа «Сколково». В данном случае применение требования «единости» означает реализацию названных выше признаков ЕЭП к инновационным процессам, включенность всех территорий и субъектов в инновационные процессы и, в частности, широкую доступность всех сфер производства человеческого капитала и инфраструктуры инноваций, преодоление барьеров и формирование благоприятной экономической среды инновационной деятельности, действие системы эффективных стимулов для инноваторов и потребителей инновационной продукции и т. д.

Формирование евразийского (постсоветского) экономического пространства

Проблема ЕЭП для России имеет и другой важный аспект. Это интеграция стран СНГ, которая сейчас наиболее зримо выражена в создании Таможенного союза тремя странами СНГ (Белоруссия, Казахстан, Россия). Как известно, в конце 2010 г. была принята Декларация о формировании этими странами ЕЭП.

Объективными предпосылками развития указанных интеграционных процессов на постсоветском пространстве выступают: общность истории, сложившиеся кооперационные связи в рамках единого народнохозяйственного комплекса СССР, выгоды использования адаптированного спроса на готовую продукцию для ее экспорта на рынки друг друга, унифицированность и привычность многих стандартов, возможность выработки совместных решений и общей линии поведения с целью лучшей защиты национальных интересов в мирохозяйственной сфере и т. п.

Вместе с тем имеются и факторы, тормозящие интеграционные процессы в СНГ. К ним следует отнести: разрыв многих сложившихся хозяйственных связей в результате глубоких кризисных явлений 1990-х гг. и усиления суверенизации стран; деформированная структура взаимной торговли с преобладанием в ней топлива и сырья, что в отличие от производственной кооперации на базе внутриотраслевого разделения труда не ведет к взаимопереплетению экономик; замкнутость национальных валют указанных стран; нацеленность сложившейся формы сотрудничества на взаимосвязь не столько рынков и предприятий, сколько самих государств; заметная дифференциация стран СНГ по технологическим, экономическим и социальным параметрам; боязнь усиления интеграции в условиях явного доминирования России на постсоветском пространстве; внешнее воздействие. В итоге интеграционные процессы в СНГ не отличаются динамизмом и глубиной.

Особую роль в активизации интеграционных процессов начал играть Таможенный союз, действующий на территории трех государств с возможным подключением к нему в дальнейшем ряда других стран СНГ. Он получил необходимые для этого атрибуты: единую таможенную территорию, единое таможенно-тарифное регулирование, единый торговый режим в отношениях с третьими странами, единые органы (регулирующий и по разрешению споров).

Углубление интеграции в СНГ требует новых стимулов и форм. Для России указанный процесс имеет не только экономическое значение. Он также связан с обеспечением национальной безопасности и геополитических интересов. Он может стать и эффективным способом консолидированного противодействия кризисным явлениям в мировой экономике.

В Декларации о формировании ЕЭП трех вышеназванных стран оно определено как «пространство, состоящее из территорий Сторон, на котором функционируют однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных правовых норм, существует единая инфраструктура и проводится согласованная налоговая, денежно-кредитная, валютно-финансовая, торговая и таможенная политика, обеспечивающие свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы» [2]. Необходимо проводить различие между такого рода *интеграционным ЕЭП* и национальным ЕЭП. Безусловно, что последнее из них более глубокое и органичное; в первом же случае сильными ограничителями выступают суверенность стран, национальные различия и обязательства и т. п. Как видно, в приведенном тексте Декларации акцент делается на общих механизмах регулирования и согласовании экономической по-

литики — а это более поверхностные процессы и действия, не обязательно сопровождающиеся глубинными изменениями и максимальной степенью однородности. К тому же, имеются различия в национальных экономических моделях трех указанных стран.

Важное значение для формирования постсоветского ЕЭП имеет опыт формирования единого пространства ЕС [3]. Последнее нельзя считать завершенным, тем более в условиях вхождения в ЕС новых стран — как правило, менее развитых, что усиливает разнородность этого пространства и обостряет имеющиеся проблемы. И тем не менее мы имеем дело со сравнительно успешным проектом, представляющим интерес и для постсоветских государств. Как известно, ЕС последовательно прошел ряд этапов, начиная с Римского договора 1957 г., среди которых особо важную роль сыграли создание таможенного союза, обеспечение макроэкономической координации, формирование общего рынка, переход к единой валюте. Должна ли Россия со своими партнерами следовать по этому пути и есть ли предпосылки и политическая воля двигаться именно по этому пути? — это очень важные и интересные вопросы, на которые пока нет однозначного ответа и, прежде всего, со стороны партнеров России, испытывающих «советско-союзный» синдром.

Имеется и другой интеграционный опыт, связанный с функционированием торгового объединения стран Северной Америки (США, Канада, Мексики) — НАФТА. В этом случае, строго говоря, нет оснований для признания наличия ЕЭП и даже единого полноценного торгового пространства, поскольку свобода перетока факторов производства (в частности, трудовых ресурсов) имеет ограничения. Здесь не предполагается глубокой интеграции, нет специальных интеграционных институтов, а содержанием объединения является взаимное торговое соглашение с переходом в русло зоны свободной торговли. Не предполагается здесь и обеспечения социально-экономической однородности территории и самой общности территории в связи с изначально разными условиями (имея в виду, прежде всего, Мексику). Некоторые страны СНГ, стремящиеся интенсифицировать отношения внутри Содружества, тем не менее, исходя из примата суверенности, могут ориентироваться на формат именно такого типа, как НАФТА, тем самым препятствуя формированию полноценного ЕЭП.

Таким образом, сталкиваются два возможных *пути постсоветской интеграции*: по модели торгового соглашения без формирования подлинного ЕЭП или по модели ЕС с четко выраженной ориентацией на формирование ЕЭП. Возможна и следующая постановка вопроса: «может ли формирование ЕЭП следовать сначала модели НАФТА, а затем перейти к созданию единого рынка по образцу ЕС?» [4, 39]. По-

иск новаторских интеграционных подходов, отражающих своеобразие постсоветского евразийского пространства, должен быть продолжен. Надо об этом думать, предлагать руководству стран рецепты; у нас же, наоборот, экономисты ждут очередных решений властей, чтобы начать исследование (зачастую — описание) проблемы. И в целом следует сказать, не вникая в этот вопрос по существу, что российские экономисты-теоретики, к сожалению, обходят вопросы СНГ стороной. Кто-то из практиков что-то пишет, но теоретиков эта проблема почти не интересует: это видно и по публикациям, и по наличию академических и университетских подразделений, занимающихся указанной проблемой.

В качестве контраста этому можно взять интересные теоретические и методологические исследования и обобщения, которые делают исследователи стран ЕС — в частности, немецкие.

Отметим, например, работу известного немецкого исследователя социального рыночного хозяйства Х. Ламперта, в которой он (в соавторстве) показывает, как меняется «экономический и социальный порядок Германии в рамках Европейского союза» [5, 7]. В центре ее внимания — изменения, которые претерпевают категории национальной системы экономических отношений, ее отдельные блоки и уровни в условиях вхождения страны в более широкое, общеевропейское пространство. Фиксируются качественные изменения таких национальных «порядков», как порядок собственности, денежный и валютный порядок, финансовый порядок, конкурентный порядок, внешнеэкономический порядок, трудовой и социальный порядок и др. По сути, показывается соотношение научных категорий национальной экономики и интеграционных пространств. Первые из них выступают как исходные в экономической системе, вторые как производные, но приобретающие при этом новое качество, которое должно усваиваться экономической теорией. В итоге конкретные интеграционные процессы получают мощный научный фундамент, а экономическая теория, в свою очередь, расширяет пространство своего анализа и усиливает свою практическую востребованность. Близкие мотивы звучат и в работах, посвященных современному соотношению национальной и интернациональной экономической политики [6].

Другой аспект анализа касается методологического выяснения соотношения систем ценностей и интересов, характерных для национальных и для интеграционных пространств. Этот вопрос привлекает большое внимание современных европейских исследователей, активно размышляющих над тем, что будет представлять собой объединенная Европа: это совокупность национальных государств, или единое государство, или что-то другое? Так, немецкий социолог У. Бек оперирует

понятиями «методологический национализм», «методологический универсализм» и «новый методологический космополитизм», пытаясь придать последнему из них синтетический характер. Если первый подход делает акцент на различиях по оси «внутри — снаружи», а второй — нивелирует различия, проводя грань по оси «выше — ниже» и принося в жертву «особость других предполагаемому универсальному равенству», то третий (в отличие от двух первых подходов и от старого понимания космополитизма в трудах античных стоиков, Канта, Арендта, Ясперса, Листа) реализует себя на основе принципа «и то, и другое», сочетая признание различий и непохожести с интеграцией на основе неких общих, объединяющих ценностных форм. По автору, такой «космополитизм нуждается в новых концепциях интеграции и идентичности... ищет возможности, чтобы прийти к универсальному признанию различий» [7, 18—19]. Обращает на себя внимание желание «нового космополитизма» отмежеваться от универсализма, от либерального мейнстрима, выйти на новое сочетание общего и особенного. Он признает ценностные и другие различия, но не абсолютизирует их, а пытается выйти на такое признание этих различий, которое опирается на систему объединяющих, интегральных форм. В таком понимании Европа уходит и от федеративного сверхгосударства, в котором нет места национальным государствам-членам, и от союза государств, в котором нет подлинно единой Европы, а получает возможность стать «Европой многообразия, Европой, в которой многообразие способствует расцвету» [7, 19].

Делая проекцию отмеченных выводов на постсоветское (евразийское) пространство, нужно принимать во внимание особое состояние этого пространства по сравнению с Европейским союзом — по истории, цивилизационным и геополитическим особенностям, по реально сформировавшейся и еще не утратившей своего значения общей системе ценностей, воспроизводственной взаимосвязи экономик, хозяйственной кооперации и т. п. Важно то, что формирование единого экономического пространства постсоветской интеграции нельзя сводить только к выработке конкретных организационно-хозяйственных интеграционных механизмов. Оно предполагает осуществление и более глубоких процессов: во-первых, функционирование целостного воспроизводства в интеграционном пространстве и модификацию экономических отношений, а, во-вторых, формирование определенной ценностной структуры. В последнюю должны органично входить два слоя ценностей: национальные ценности стран—участников интеграции и наднациональные ценности, общие для всего интеграционного пространства. Основой последних могли бы быть ценности, сформиро-

вавшиеся за многие годы совместной жизни в рамках единого государства.

Итоговый вывод состоит в том, что необходимо усилить внимание в научных исследованиях к вопросам пространственной экономики и, в особенности, к проблематике единого экономического пространства — как национального, так и интеграционного. Это могло бы стать одним из стержней объединения усилий представителей разных направлений экономической теории, а также конкретно-экономических дисциплин, различных общественных наук.

Литература

1. Российская хозяйственная мысль: своеобразие, история, перспективы / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2013.
2. <http://www.evrazes.com/customunion/eegr>.
3. *Кульков В.М.* Гуманитарное измерение Европы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 1996. № 2.
4. Единое экономическое пространство: возможности, проблемы, перспективы. Доклад в рамках совместного исследовательского проекта Лондонской школы экономики и Фонда «Наследие Евразии». 2005.
5. *Lampert H., Bossert A.* Die Wirtschafts — und Sozialordnung der Bundesrepublik Deutschland im Rahmen der Europäischen Union. München, 2007.
6. Ordnungswirtschaftliche Grundlagen nationaler und internationaler Wirtschaftspolitik / Apolte T., Caspers R., Welfens P. (Hrsg.). Stuttgart, 2004.
7. *Beck U.* Die jahrfünfigte Unbekannte. Europa ist nicht ein Staat, nicht eine Nation, nicht eine Organisation // Internationale Politik. 2008. Nr. 4.

Е.В. КОСОВ

Соединенные Штаты России на евразийском пространстве

В Техасе грабить банки дозволяется
только техасцам.

Американская народная мудрость

Аннотация. Ни в одной стране мира нет такого количества субъектов федерации, как в России. В будущем российское государство в нынешних границах может трансформироваться внутри себя на крупные самодостаточные образования — федеральные края с незыблемы-

ми административными границами по водоразделам главных рек. Речь идет о реализации общей идеи самоуправления. Дополнительным серьезным аргументом является тот факт, что главной цивилизационной ценностью становится вода — хорошая питьевая вода.

Ключевые слова: централизм государственного управления, федеративное устройство, водоразделы рек, национально-культурные общины.

Abstract. In any country of the world there is no such number of subjects of federation as in Russia. In the future the Russian state in present borders can be transformed in large self-sufficient educations, federal edges, with administrative borders on watersheds of the main rivers. It is a question of realization of the general idea of self-government. Additional serious argument is a fact that clear water becomes the main value.

Keywords: centralism of public administration, federal regime, watersheds of the rivers, national and cultural communities.

Нынешнее государство Российская Федерация оформлено не как естественное продолжение тысячелетней российской государственности, а как *обломок* (весьма крупный) развалившейся Советской империи. Российское государство сейчас существует по инерции среди других таких же государств-обломков, временно договорившихся о признании хоть какой-нибудь, даже самой призрачной стабильности. Но инерции свойственно угасать. Перефразируя образные слова М.А. Булгакова и В.В. Розанова, следует признать, что дело не в том, что *«все государства смертны»*, а в том, что они *«внезапно смертны»* и могут совершенно неожиданно *«слинять в два-три дня»*.

Утверждение, что Россия имеет по конституции федеративное устройство — лишь пустые слова. Россия — никакая не федерация, а типичное унитарное государство, где даже президенты национальных республик (якобы «президенты», якобы «национальных республик») назначаются чиновниками в Кремле. Ни в одной стране мира нет такого количества субъектов федерации, как в России (свыше 80-ти). Такое дробное государственное устройство не обосновано ни экономически, ни исторически, ни с точки зрения эффективного управления.

Существующие административные границы начертаны прихотью русских царей и советских вождей. Коммунисты всегда считали вопрос с границами «десятистепенным». В результате Харьков и Донбасс отошли к Украине, Витебщина и Могилевщина — к Белоруссии. Земли казачьего Присуда расчленили: часть передали горцам Кавказа, часть отошла к Украине, часть присоединена к разным российским областям. Крым Хрущев попросту подарил Киеву. Так же Сталин поступил с Абхазией — взял да и включил ее в состав Грузии. То же са-

мое сделал Ельцин с Керченским проливом при разделе СССР — записал за Украиной. Кроме того, Ельцин отдал Казахстану огромные территории — всю Южную Сибирь и Приуралье. Казахи ошались от такого подарка и, чтобы российские власти потом не передумали и не взяли их обратно (как получилось с Керченским проливом), немедленно перенесли столицу Казахстана из уютной Алма-Аты в суровый Акмолинск (Целиноград), переименовав его по-своему в Астану.

Ни в одной стране мира, кроме нынешней РФ, в столичном центре не сосредоточивается столько ресурсов — финансовых, политических, информационных — всяких. Действующая властная «вертикаль» отбирает у «субъектов федерации» почти все (до 80%) собираемые ими налоги, централизует использование природных ресурсов, не позволяет демократически избирать администрацию на местах, контролирует судебную систему, препятствует модернизации ЖКХ. «Столичная модель», когда Москва является практически единственным центром притяжения всех ресурсов в стране, — тупиковая модель. В таком виде Россия представляет собой совершенно нежизнеспособную структуру. Очевидно, что такая жесткая централизация — тормоз в развитии страны. Появились и стали популярными лозунги: в Москве — «Хватит кормить Кавказ!», на периферии — «Хватит кормить Москву!». На фоне такой социальной напряженности «сепаратизм» этнических окраин выглядит лишь мелкой проблемой.

Нынешняя российская власть является едва ли не самой жесткой «президентской вертикалью» в мире. Федеральная власть и лично президент мечутся из одного региона в другой, сглаживая финансами и обещаниями то невыплату зарплат рабочим, то недостаток горючего при посевной кампании. Или же лично раздают на местах административные «оплеухи» после произошедших там природных и техногенных катастроф, будь то пожары, наводнения, землетрясения, обрушения мостов и гидроэлектростанций.

Авторитарная власть может как-то измениться лишь в одном случае — когда возникнет некая мощная сила, ей противостоящая. Такой политической силой в настоящее время может стать *новый реформированный федерализм* — сначала как идея, а затем уже как система реального противовеса существующему российскому централизму. Новый федерализм нужен, чтобы повернуть Россию на другой, более демократичный курс. Его можно назвать также «земским подходом», если пользоваться «старой» терминологией дореволюционной (царской) России. О земстве постоянно говорил А.И. Солженицын [1] как о действенном пути выхода постсоветской России из политического и государственного тупика.

Деление России, самой обширной страны мира, по этническому признаку безнадежно устарело, сейчас это просто случайные линии на географической карте. В существующем виде эти границы не нужны никому — ни имперцам-державникам, ни националистам, ни либералам. Российское государство в нынешних границах может трансформироваться внутри себя на крупные самодостаточные образования — *федеральные края*. Их границы следует устанавливать не по этническим или экономическим признакам (все это изменчиво, а оттого зыбко и спорно), а по незыблемым географическим понятиям. Это, прежде всего, *водоразделы главных рек России*.

Таких федеративных образований можно организовать на территории России немного — не больше двенадцати. Население каждого такого федерального края будет составлять порядка десяти миллионов человек. В европейской части России можно четко выделить семь федеральных краев: Верхнее-Волжский (до притоков Суры и Ветлуги), Нижне-Волжский, Донской, Кубанский, Терской, Ладожско-Онежский (Новгородско-Ижорский), Двинско-Печерский (Поморский).

В Зауралье возможны свои незыблемые федеральные административные границы, привязанные к географическим признакам в виде пяти крупных территориальных образований: Иртышско-Обский (Сибирский) край, Енисейский край (с Байкалом), Ленский край, Приамурский край (по границе с Китаем), Тихоокеанский край (Сахалин, Камчатка, Колыма, Чукотка).

Административные границы Днепровского и Уральского округов придется урегулировать с новоявленными государствами — Украиной и Казахстаном, осколками бывшего СССР.

Федеральные края с их незыблемыми границами и должны составить новую Россию — *Союз Федеральных Краев России*, своеобразные «Соединенные Штаты России».

Сирил Паркинсон [2] (тот самый, который «открыл» забавно-парадоксальные «законы Паркинсона») на основе серьезного анализа и статистических данных показал («The Evolution of Political Thought» («Эволюция политической мысли»)), что эффективность управления напрямую зависит от численности населения. Эффективнее всего управляются страны, а также федеративные штаты (края) с населением около 10 млн человек (точнее от 4 до 12 млн) типа Швеции, Норвегии, Финляндии, Австрии, Чехии, Венгрии.

К интересным выводам пришел профессор С.П. Капица. Им была сделана оценка числа жителей в сообществе, которое дает новое качество, превращая «отдельные деревья в лес», т. е. сколько должно быть объединено отдельных индивидуумов со своими индивидуальными интересами, чтобы был создан и функционировал эффективный соци-

ум [3]. Таким пороговым числом являются 100 тыс. особей (64 тыс. в математической модели С.П. Капицы) при компактном их проживании в плодородных поймах полноводных рек.

Внутри незыблемых административных границ федеральных краев (штатов) следует сформировать соответствующие округа, области, районы и поселения. Их административные названия тоже должны иметь *географическую ориентацию* (название рек и притоков, островов и полуостровов, горных массивов и т. п.) или традиционно-историческую привязку, но никак не быть связанными с этнонациональными признаками.

Передача большинства экономических и административных функций Центра в федеральные края позволит снять в России накопившееся напряжение от чрезмерного централизма. Федеральный центр не должен вмешиваться в компетенцию краев. За Центром (Кремлем) следует оставить лишь безусловно необходимые функции, которые не могут исполнять регионы — общую финансовую систему, технологические стандарты, федеральное законодательство и контроль за соблюдением конституции страны, межрегиональную транспортную и энергетическую сеть, стратегические вооруженные силы. Безусловно оставляя за федеральными краями вопросы природопользования, налогообложения, образования, здравоохранения, судопроизводства и правопорядка. Двадцатилетие чеченских кровавых конфликтов ясно доказывает, что с явлениями дезинтеграции можно успешно бороться, давая больше прав и развивая самоуправление на местах, а не силой оружия и принуждения.

Федеральные края сами должны заниматься формированием налоговой системы. Кроме того, необходимо поддерживать политику, направленную на сохранение и развитие региональных языков и диалектов, конечно, в гармонии с основным государственным языком. Также следует обеспечить возможность прямого и свободного сотрудничества между всеми федеральными краями. Центр должен выполнять не властные функции, а скорее арбитражные при возникающих конфликтах между краями.

Каждый федеральный край должен иметь гибкое и динамичное наполнение в виде землячеств, станиц, диаспор, тейпов и прочих структур (общин) в их ассоциативном виде. В каждом федеральном крае (в соответствующих его округах, областях, районах и поселениях) могут существовать славянские (великоросские, малороссийские, русинские и др.), татарские, казачьи, поморские, еврейские, чеченские, ингушские, курдские, аварские, даргинские, бурятские, якутские и многие, многие другие национально-культурные общины. Но без закрепления за ними территориальных границ и фиксации за территори-

ями этнических названий. Формирование национально-культурных общин в условиях глобализации является более актуальным, чем концепция «географического национализма». Следует апеллировать к культурному синтезу социумов, а не к их территориальному прикреплению. Например, компактные еврейские национально-культурные общины могут формироваться не только в Приамурье (по действующей конституции), а во всех других федеральных краях. Аналогично чеченские, татарские, немецкие общины и их ассоциации могут иметь место во многих федеральных краях (подчеркну: без закрепления за ними территориальных границ!), а не только в Поволжье или на Кавказе.

В рамках конкретного края (округа или поселения-города) исторически возникают и в реальности будут возникать регионы компактного проживания какого-то этноса, а в других краях таких этнических общин не будет вовсе по причине их микроскопической численности. И, конечно, в каждом федеральном крае будет иметь место огромное количество славянских (прежде всего русскоязычных и православных) общин и их ассоциаций. Именно славянские общины будут формировать общий фон России по языку, по материальной культуре, по участию в административном управлении на местах, оставляя за другими этносами право культурной (но не территориальной!) автономии. Речь идет о реализации общей идеи *самоуправления*, о принятии «земским обществом» на себя всей полноты ответственности за каждое принятое решение — личное, коллективное, общественное.

Дополнительным серьезным аргументом в пользу установления административных границ по водоразделам рек является тот неоспоримый факт, что в постиндустриальную (информационную) эпоху главной цивилизационной ценностью неизбежно станет вода — хорошая питьевая вода! Вода — это не просто H_2O , вода — это то, без чего невозможна жизнь человека. Без нефти и газа прожить можно, без хорошей воды — беда! Спрос на чистую пресную воду в недалеком будущем только увеличится, что может привести не только к локальным, но и глобальным конфликтам.

Дефицит пресной воды — это не надуманная, а вполне серьезная проблема, с которой предстоит иметь дело человечеству в ближайшем будущем. Вода становится ключевым вопросом, который может определить и каналы взаимовыгодного сотрудничества, и плотины опасного межгосударственного соперничества. Контроль за бассейнами рек от их устья до истоков становится основной задачей национальной безопасности и здоровья нации.

Положение с состоянием российских рек чрезвычайно серьезно. В результате непродуманного строительства на крупнейших реках Рос-

сии каскада плотин и гидроэлектростанций были затоплены плодородные пойменные земли, которые навсегда вышли из хозяйственного использования. Застойная вода в гигантских водохранилищах заросла ядовитыми сине-зелеными водорослями. По причине накопления воды в многочисленных водохранилищах уровень подпочвенных вод понизился на территории России в среднем на один метр. Лишенные воды болота и леса стали высыхать, поражаться короедом, а летом — самовоспламеняться. Над всей Россией клубятся дымки пожарищ, а в городах, в том числе в Москве, нечем дышать.

Однако федеральная (центральная) власть и ее пропагандистский аппарат найдут сотни причин (не называя истинных), чтобы опорочить и исказить идею федерализма и местного самоуправления. На это будут брошены подконтрольные СМИ и красноречие придворных журналистов и политологов. Хотя главная причина отрицания заключается в том, что центральная власть свое монопольное положение уступать никому не намерена.

Литература

1. *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию // Брошюра к газете «Комсомольская правда». 1990. 18 сент.
2. *Паркинсон С.Н.* Законы Паркинсона. М., 2007.
3. *Капица С.П.* Сколько людей жило, живет и будет жить на земле // <http://chaos314.narod.ru/kaitza2.pdf>.

Б.И. БОЯРИНЦЕВ, Е.В. РОЖКОВА, Ю.В. ЧЕСНОКОВ

Инновационное развитие инфраструктуры здоровья населения евразийского пространства

Аннотация. Исследуются мировоззренческие основы инновационного развития социальной инфраструктуры, обеспечивающей повышения эффективности использования потенциала здоровья населения евразийского пространства.

Ключевые слова: евразийское пространство, инфраструктура здоровья населения, инновационные модели развития здравоохранения, социальная сфера, государственно-частное партнерство.

Abstract. The article examines the philosophical foundations of innovative development of the social infrastructure, providing more efficient use of the capacity of public health within the Eurasian space.

Keywords: Eurasian space, infrastructure, health, development of innovative models of health, social services, public-private partnership.

Важной проблемой для большинства стран во всем мире, особенно для стран с переходной экономикой, является нехватка качественной и доступной для населения социальной инфраструктуры. Это выражается в плохом состоянии медицинских и образовательных учреждений, в перегруженности общественного транспорта, плохом обслуживании рекреационных учреждений, жилищно-коммунального хозяйства и других объектов инфраструктуры, которые либо вообще отсутствуют, либо изношены, либо требуются их срочная реконструкция и ремонт [1, 87]. Эти проблемы могут проявляться в виде сокращения рождаемости, увеличения количества несчастных случаев, понижения уровня продолжительности жизни, проблем со здоровьем населения, что в результате может привести к снижению конкурентоспособности целой страны, а значит, потерям для общества.

По этой причине многие страны пришли к выводу, что государственного бюджета для решения проблем инфраструктуры недостаточно. Инфраструктура общественного здоровья населения прямо влияет на полноценную жизнедеятельность населения и включает в себя широкий спектр инфраструктурных объектов: здравоохранение, образование, жилье, дошкольное воспитание, общественный транспорт, спортивно-оздоровительные учреждения, объекты отдыха и досуга и многое другое, составляющих важнейший ресурс, основу человеческого потенциала страны, ее национального богатства, залог ее национальной безопасности и стабильности [2, 10].

В большинстве стран евразийского пространства есть необходимость усовершенствовать функционирующую инфраструктуру здоровья населения, построенную много лет назад, и найти источники финансирования для совершенно новых социальных объектов, необходимых для решения проблем этих стран. Одним из эффективных способов решения такой проблемы недостаточного и некачественного обеспечения инфраструктурой здоровья населения является механизм *государственно-частного партнерства* (ГЧП). Это важнейший инструмент для преодоления проблемы нехватки инфраструктуры.

Основная цель механизма ГЧП — привлечение частного сектора для поддержки государства в реализации общественно значимых обязанностей по отношению к населению — обеспечить все население доступной и качественной социальной инфраструктурой, в частности, в данной статье более подробно рассмотрим сферу здравоохранения. Ведь экономический рост и развитие каждой страны в большой степени определяются динамикой показателей здоровья населения.

О перспективности использования ГЧП в здравоохранении свидетельствует тот факт, что в развитых странах примерно 2/3 проектов в этой сфере реализуется на условиях государственно-частного партнерства. Основными направлениями инвестиций становятся: строительство медицинских объектов, внедрение IT-технологий, разработка и производство новых видов медицинского оборудования и т. п. Механизм ГЧП позволяет объединить ресурсы (в том числе финансовые) частного и государственного сектора, сохранить собственность государства на значимые инфраструктурные объекты сферы здравоохранения, внедрить наиболее перспективные технологии, используемые бизнес-структурами, в практическую деятельность медицинских учреждений. «Рыночные отношения являются эффективным средством стимулирования роста инвестиций в потенциал здоровья и медико-индустриальный комплекс» [3, 23]. Фактически использование ГЧП можно рассматривать как полуприватизацию, или частичную приватизацию, государственных функций, позволяющую существенно повысить качество и увеличить ассортимент предоставляемых медицинских услуг.

При реализации ГЧП в сфере здравоохранения мы видим, что в таком партнерстве государство является доминирующим субъектом, с одной стороны, оно само определяет «правила игры», а с другой — его участие в проекте определяется необходимостью решения важных социально-экономических задач. При этом для того чтобы заинтересовать частного инвестора в участии в проекте, государственный партнер должен обеспечить ему определенную выгоду, а также взять на себя часть рисков проекта. Поэтому неотъемлемым элементом ГЧП является разделение рисков и выгод между партнерами.

Преимущества использования ГЧП в сфере медицины заключаются в том, что государственно-частное партнерство: осуществляется в сфере ответственности государств; направлено на развитие инфраструктуры здоровья, в том числе социальной; обеспечивает частному инвестору более широкие возможности для участия в управлении проектами, чем при выполнении государственного заказа; носит долгосрочный характер; обеспечивает разделение рисков проекта между партнерами.

Социальная инфраструктура (в частности, здравоохранения) в странах Евразии нуждается в инвестициях, использовании современных управленческих методов, новых технологий для оказания медицинских услуг и социального обслуживания. Государственные бюджеты не могут в полной мере удовлетворять такие потребности в инвестициях, поэтому становится необходимым прямое привлечение компетенций и инвестиций частного сектора. Опыт работы по таким проектам показывает, что при использовании механизмов ГЧП первостепенную важность приобретают вопросы структурирования сделок,

идентификации и оценки возможных рисков, а также разработки плана мероприятий по минимизации рисков, в том числе по распределению рисков между участниками проекта.

Страны евразийского пространства нуждаются в обновлении инфраструктуры, которая за долгие годы недофинансирования порядком изношена. Рынок инфраструктурных проектов в странах Евразии оценивается в 30 трлн р. Самостоятельно отыскать такие средства государства не в состоянии, и без привлечения частных инвестиций здесь обойтись. Кроме того, вместе с частным партнером приходят новые компетенции, что приводит к повышению качества предоставляемых государством услуг в области медицины, социальной помощи и т. д.

Частный бизнес в течение долгого времени не рассматривал социальную инфраструктуру как сферу, которая привлекательна для осуществления инвестиций. Но на сегодняшний день эта сфера становится все более перспективной для бизнеса, и растущее количество проектов в инфраструктуре здоровья населения постсоветских стран это подтверждает. Теперь частный сектор может принимать непосредственное участие в медико-социальном обеспечении населения.

Интерес к механизму ГЧП, который наблюдается сегодня в Евразии вызван прежде всего проблемой ограниченности бюджетных ресурсов, а также низкой эффективности их вложения, связанной с недостатком управленческого опыта и доступа к новым управленческим решениям. Именно этими причинами обусловлен растущий интерес государства к взаимодействию с частным сектором.

На сегодняшний день самыми острыми в Евразии являются проблемы финансирования здравоохранения. Необходимость привлечения дополнительных источников финансирования в данную отрасль подтверждается следующими показателями: сегодня евразийское здравоохранение недофинансируется в 2 раза, объемы финансирования в России, например составляют всего 3,7% от ВВП страны, сохраняется остаточный принцип финансирования, дефицит квалифицированных специалистов и изношенное оборудование. Все это отрицательно сказывается на состоянии здоровья населения. В стране растут заболеваемость и смертность, в особенности велик темп роста смертности трудоспособного населения. Все это говорит о том, что для решения данных проблем необходимо объединение сил и средств государства и бизнеса, т. е. реализация проектов здравоохранения на принципах ГЧП.

Рис. 1. Структура проектов ГЧП в инфраструктуре здоровья населения в 2013 г. в % (по материалам исследования компании «Градиент Альфа Инвестментс Групп»)

Чаще бизнес вкладывается в менее затратные проекты — например, оборудование медицинских кабинетов на базе уже существующих государственных больниц. В таком случае стороны могут заключать между собой инвестиционные соглашения или даже просто арендные договоры. Так, поставщик медицинского оборудования «ГамбраМедикап» развивает в российских регионах сеть амбулаторных центров диализа для помощи людям с заболеванием почек. Два похожих центра в Екатеринбурге и Асбесте открыл фармацевтический холдинг «Юнона», при этом количество пациентов, получающих гемодиализ, увеличилось в этих городах на 16,5%.

Другая распространенная форма государственно-частного партнерства в постсоветской медицине — когда частное медучреждение становится клинической базой для государственных вузов. Уже сейчас, несмотря на все сдерживающие факторы (отсутствие налаженной системы долгосрочного финансирования, неразбериха в законодательстве, инертность евразийской бюрократии), есть ряд удачных примеров ГЧП в социальной сфере. Это и сеть частных центров социального обслуживания для пожилых людей компании «Senior Group», и сеть клиник «Медеи», и сеть «Ава-Петер», предоставляющая услуги по лечению бесплодия и наблюдению беременности. В регионах РФ на основе ГЧП сейчас функционирует несколько сетей гемодиализных центров — центров по очищению крови. Эта сфера здравоохранения наряду с перинатальной медициной особо привлекательна для частных инвесторов. Объясняется это относительной простотой организации таких центров и тем, что частный сервис лучше государственного.

Проект реконструкции 63-й городской клинической больницы Москвы обещает стать еще одним знаковым событием ближайших лет на рынке частного здравоохранения. Необходимые инвестиции на создание четырех медицинских центров на основе этой больницы оцениваются городом в 5,5 млрд р.

Бизнес не всегда может быть инициатором ГЧП, так как не видит всех возможностей и не знает — захочет ли власть передать тот или иной объект в управление частному партнеру. Поэтому, будут ли подобные проекты массовыми — зависит в первую очередь от самих властей. Хорошая практика в этом направлении — создание специальных подразделений, ответственных за ГЧП на той или иной территории (такое подразделение сейчас есть в Санкт-Петербурге). Отделы ГЧП могут на основе государственной собственности формировать активы, которые могли бы быть интересны инвесторам.

Согласно данным Российского центра государственно-частного партнерства, в сфере здравоохранения на разных стадиях реализации находится несколько объектов, прежде всего в Республике Татарстан, где наиболее крупным проектом является концессионное соглашение в области строительства многофункционального перинатального центра.

Для инновационного развития механизма ГЧП в инфраструктуре здравоохранения в странах Евразии, на наш взгляд, необходимо развивать следующие основные кластеры партнерства между государством и частным сектором:

Кластер 1: государственный сектор допускает частного инвестора в сферу своей ответственности, который создает и/или ведет хозяйственную деятельность на этом объекте в течение определенного периода времени.

Кластер 2: государственный сектор создает условия (инфраструктуру) для ведения хозяйственной деятельности частным инвестором.

Кластер 3: государственный сектор напрямую участвует в проекте частного инвестора бюджетными ассигнованиями в том случае, если реализуемый проект позволит решить важные социально-экономические задачи.

Литература

1. Бояринцев Б.И. Социальная экономика (институты, инфраструктура, модернизация). М., 2010.

2. Бояринцев Б.И. Инфраструктурные комплексы в системе экономики здоровья населения постсоветского пространства // Управление инфраструктурой здоровья населения СНГ / Под ред. Б.И. Бояринцева. Симферополь, 2012.

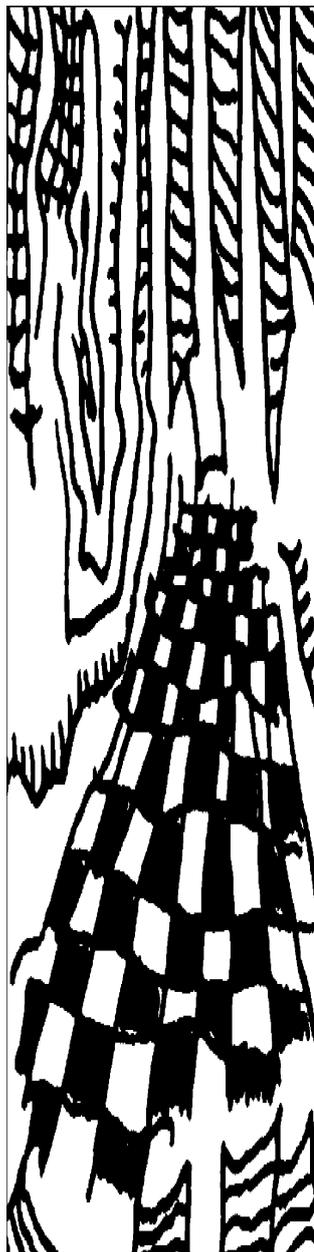
3. Бояринцев Б.И., Гладышев А.А. Экономика здоровья населения. М., 2001.

4. Бояринцев Б.И. Регулирование социальными государствами экономики Евразии. Астана, 2013.

5. Джафарова С.А. Теоретические аспекты понятия «социальная инфраструктура» // Экономические науки. 2012. № 8.

II

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Философические откровения

Философия не там, где ясно, а там,
где неясно.

Аннотация. Что есть философия вообще и философия хозяйства в частности, их сопряженность с Софией? Влияние философской мысли на сознание человека и его поведение. Практическая функция философии вообще и философии хозяйства в частности. Пока есть метафизическая философия, пока есть и человек.

Ключевые слова: философия, метафизика, философия хозяйства, София, софиасофия, наука, религия, апокалиптика, философский праксис, человек, Россия, социум, С.Н. Булгаков.

Abstract. The article is devoted to influence of philosophical thought on consciousness of the person and his behavior. What there is a philosophy in general and philosophy of economy in particular, their associativity to Sofia? Practical function of philosophy in general and philosophy of economy in particular. While there is a metaphysical philosophy there is also a person.

Keywords: philosophy, metaphysics, philosophy of economy, Sofia, science, religion, person, Russia, society, S. N. Bulgakov.

«Чего только не сказано о бедной философии, какого словесно-категориального хлама на нее не вывалено, как только она не была обозвана, кем только не была решительно, безоговорочно и окончательно-де избличена в своей несостоятельности. А ведь все дело в том, что философия, в отличие от тех же конкретных наук, вообще не подлежит никакой конечной определенности, столь радующей любителей точного знания. Философия в этом разе — *ничто*! Ибо она прямо оттуда — из *Ничто*, причем не так собственно философического, как онтологического. А ежели из Ничто, то и сама философия есть ничто, хотя при этом она есть и *нечто*, но настолько плотно сопряженное с Ничто, что нечто это никак не может стать... *Нечто* — стопроцентным, так сказать, нечто. Философию не определять надо, как и не знать только, а философией надо жить — что бытовой, что мифологизированной, что научной, что воистину философской. Философия — продукт сознания, который при этом есть и само сознание, разумеется, работающее сознание, но при этом и как бы вышедшее из себя сознание — обо-слов-ленное! Будучи реализацией (эманацией) сознания,

философия начинает, строит, формирует и само сознание, его по-своему решительно осознаниевая. Философия — сама себе причина и сама себе следствие, а потому и сама себе суть! Хотя это не значит, что философия вне бытия, наоборот — философия не только бытийна, она и сама есть бытие. Однако бытие особое: мало того, что в сознании и осознаниеенное, но еще и в особом сознании и по-особому осознаниеенное. Только *философская философия*, она же и *высокая философия*, ориентированная непременно на саму себя, или же саму себя вынужденно, но нежно любящая, может квалифицироваться, конечно же, условно, как “любовь к мудрости”, ежели под мудростью понимать все человеком в нефилософском порядке не высказываемое, что есть, опять же, то же самое *ничто*! Ничто — метафизическое лоно философии, ее неиссякаемый источник. А нечто, к чему так или иначе приходит любая философия — не более чем образ этого материнского Ничто, его не то что отражение, а всего лишь воображение, реализуемое благодаря бытующему в сознании Логосу (словообразованию). Высокая философия — это фактически *философия философии*, а потому ее, или просто *философию*, следует отличать как от науки, так и от религии, не говоря уже об искусстве и литературе, хотя в философии непременно присутствуют элементы-аспекты научного, религиозного, художественного и литературного свойства. Наука — точное по преимуществу знание-исследование; религия — принимаемое на веру, а оттого и совершенно истинное, знание-откровение; искусство — образительно-изобразительное знание-образ; литература — словообразовательное знание-сказание. Что же тогда философия? Это, конечно, — *знание знания*, хотя не только и даже не столько, ибо более всего это не что иное, как *знание незнания*, не претендующее при этом ни на какую — сциентическую или же религиозную — истину — точную или догматическую, хотя и не пренебрегающее кое-какими выведенными для себя истиннообразными сентенциями. Если для той же науки потребен неоспоримый факт, а для религии — непоколебимое убеждение, то для философии важны свободно вырабатываемые ею — из и над ничто через посредство сознаниевого нечто — *мысли, суждения и понятия*, сообразные с бытием и воспринимаемые сознанием, а в случае удачи само это бытие и участвующее в нем сознание и немало образующие. Философия — реализация бытия и выделка сознания... самим же сознанием, но при обязательном самодвижении бытия и посредством вполне свободного истечения сознания!»

«В отличие от науки и уже действующей религии, философия может быть не просто разной, но и, как искусство и литература, любой: сколько философов-творцов, столько и философий, а вот в отличие от

тех же искусства с литературой, философия должна изъясняться по преимуществу *понятиями*, да не вообще понятиями, а непременно восходящими (или нисходящими) к Ничто! Задача философии — прояснить, как и присвоить (сделать своим), *трансцендентное*, обычно понимаемое как неизвестное и непознаваемое, а по сути-то для окружающего мира запредельное, не “сейное”, совсем *иное*, но сознанием все-таки как-то воспринимаемое, пусть и через воображение, умозрение, откровение. Тут надо бы различать обыденную философию, которая может принадлежать любому объекту-субъекту, как и попросту быть библиотечной философией, или же философией ради философии, и высокую философию, как раз *философию философии*, предназначенную для активного творческого взаимодействия с трансцендентированной (окутанной и всюю обусловленной трансценденцией) реальностью. Обозревая со вниманием и тщанием реальность, высокий философ вглядывается пристально и в самого себя, погружая свое собственное приятие в собственное же сознание, которое тоже ведь реальность, и посредством синтеза реальности как реальности, сознания как реальности и реальности как сознания он находит в недрах своего собственного сознания ответы на вопросы, касающиеся обозреваемой его сознанием внешней реальности. Сознание высокого философа — особое сознание, по-особому подготовленное и по-особому восприимчивое, как раз то самое сознание, которое, по-особому воспринимая и отражая в себе реальность (через взаимодействие нечто с ничто), только и способно осуществить высокое философствование. Не один лишь ум философа, как и не только его сердце, участвуют в таком философствовании, а все сознание философа-мыслителя, философа-мудреца, философа-творца, включая те “части” сознания, одних из которых принято называть подсознанием, пользующимся *интуицией*, а другую не слишком принято пока называть сверхсознанием, как раз и доставляющем *откровения*. Ни один высокий философ не знает откуда, почему и для чего приходят в его сознание те или иные внезапные решения, которые он обнародывает в виде словесно обустроенных мыслей, суждений и понятий, используемые, если повезет, при создании больших концептов, идеологий и учений, — он лишь знает, что приходят все эти решения по причине имманентно и в то же время трансцендентно вырастающего в его сознании таинственного *предзнания*. Такой философ ничего не исследует, он не слишком опирается на уже добытые знания и заготовленные кем-то и когда-то ученые догмы, хотя и знает “точные” научные речения и заложенные в книжных фолиантах “безукоризненные” истины, — он... всего лишь... *думает*, но вовсе не так, как думают обычно исследователи и последователи, а думает... как бы и не думая — в ходе и с участием особого ро-

да личного переживания, захватывающего все его сознание, находящегося к тому же в некоем сжатом состоянии прямо в точке так называемой обратной перспективы, сочетающей в себе все пространство и все время, что дает философу возможность видеть все ему потребное сразу и в целом, одновременно и в полном объеме, мало что при этом в деталях и различая. Тут работает вроде бы интуиция, но интуиция опять же особого рода, сопряженная лишь с по-особому развитым, обогащенным и чувствительным сознанием, вовсе не чуждым высокому интеллекту, как и той же обширной эрудиции, наоборот, с ними органично взаимодействующим. Высокий философ — обладатель того самого пресловутого “чуть-чуть”, не сводимого ни к чему, кроме тайны высокого сознания, как это и имеет место у любых творцов, добивающихся необыкновенных вершинных результатов».

«Профессиональные философы, получившие специальное философское образование, — безусловные знатоки философии, точнее — философских трудов, наделанных и накопленных человечеством. Однако мало кто из них оказывается действительными философами — философами-творцами. Быть высоким философом — особого рода страдательное служение-деяние, на которое оказываются способными, а лучше бы сказать... к которым бывают призванными, совсем немногие, если не единицы. Философия, о которой идет речь — не демонстрация готового знания, как правило, давно полученного и изрядно уже окосневшего, а текущее изъяснение всю творческого сознания, однако не в аспекте интеллект-каприза, а в ракурсе ответственного диалога философствующего сознания с реальностью — ради человека и всей мировой реальности, человека как раз тоже включающей. Движение науки — ощупывание человеческим сознанием поверхности мировой реальности, ее, так сказать, тверди, ее материи, а лучше сказать — *физиса реальности*; бытие религии — полет трансцендированного сознания с горнего верха, с необозримого конца небесной вертикали, из самого иномирья над земной поверхностью, над движущимся среди физиса человеческим сознанием; полет, имеющий целью сообщить человеческому сознанию кое-какие тайны горнего мира и крайние метафизические параметры земного бытия; блуждание же философии — парение человеческого сознания между Землей и Небом, как и продиранье его по “подземелью” и внезапные залеты в “занебесье”, но в любом случае и более всего по многоуровневой вертикали — вверх и вниз, как и по преимуществу по *метафизису реальности*. Философ-творец знает накопленное философское знание, пусть нередко и не в том объеме, как философ-эрудит, но для него главным является прорыв через пелену уже добытого знания к *иному* знанию, — и он

только усмехается по поводу того, что все, мол, уже сказано и хорошо известно, что гениальные греки уже соткали в целом высокую философию, а любым их потомкам лишь остается плестись по ими проложенному следу, глядя уныло на их призрачно мелькающий впереди гениально выставленный хвост. Да, титанические греки многое натворили, возможно, по тому времени даже и все, но они все-таки не знали, что такое тот же европейский гуманизм, как те же капитализм с социализмом, как тот же фашизм, как и тот же научно-технический прогресс, как та же тотальная переделка природы и то же нарочитое пересотворение человека самим же человеком. Так что древним грекам древнегреково, а нам, увы — *нашево*! Высокая философия не кичится собою, хотя может на досуге и малость подурить, она *зрит* мир и создает *мировоззрение*, а вместе с этим последним *действенную идеологию*, как и те же *понятия*, начинающие сознание и управляющие человеком и человечеством. Высокая философия — вовсе не отвлеченное знание, а знание вполне и практическое, — это как к нему при случае отнестись! Отгалкиваясь от чуждой философии чистой науки, философия приближается к религии, как и в лоне чистой науки, но в лоне религии философия перестает быть философией. Вот почему собственно философия не в собственно науке и не в собственно религии. Хотя философия не сама по себе: она с наукой и с религией, но только через посредство реальности. И хотя конкретных высоких философий немало множество, но объект-то у философского размышления все-таки один: вся реальность, человек и мир, жизнь и сознание, физис и метафизис, хозяйство и история, а потому и высокое значение имеет та из философий, которая ближе не к собственно философии, а к реальному контексту-процессу, причем и в совершенно практической плоскости. Нет ничего “хуже”, чем философия для философии, как и те же искусство для искусства или литература для литературы: философия вне нефилософской реальности — пустой звук! Действительной ценностью обладает только сплетенная со всей реальностью философия. Действенная философия всегда вторична — от реальности. Такая философия сначала *от* реальности, а потом уже *на* нее. Отвлеченная от реалий философия, она же утонченная “игра в бисер”, мало кому нужна, а человечеству потребна более всего философия реальная (или реалистическая), способная к тому же и вполне осознанно действовать».

«Высокая философия давно уже задумалась над практической стороной своего многотрудного дела, породив в итоге таких “агентов влияния”, как экономика, социология, политология, историософия, религиоведение, психология, этика, эстетика, науковедение, техноведение, информатология. Сказать, что философия лишь отвлеченное знание, не

имеющее практического выхода — не знать ни философии, ни реальности, ни практики. Сознание человеческое не только в принципе не свободно от философствования — по преимуществу, конечно, обыденного, — но оно, как это для кого-то ни странно, не свободно и от философии как таковой, в том числе и высокой. Практикующий, то бишь растрачивающий свою трансцендентную вечность на свое имманентное время человек не задумывается о происхождении многих и многих слов и понятий, которыми он ежечасно пользуется, а происхождения-то они оказываются очень часто самого что ни на есть философского. Экономия, политика, государство, культура, цивилизация, юриспруденция, искусство, гуманизм, эволюция, развитие, демократия, плутократия, деспотия, индустриализация, глобализация, геостратегия — все это и этому подобное ведь пришло в обиход человеческий из философии, а если хорошенько задуматься над вопросом генезиса широко употребляемых слов и понятий, то окажется, что очень и очень многие из них вышли прямо из философии: христианизм, протестантизм, капитализм, меркантилизм, социализм, либерализм, фашизм, интернационализм, глобализм... о-о... легче, наверное, перечислить то из человеческого интеллект-словаря, что не имеет философского происхождения, да и то не без прилипчивого и нудного сомнения. Интеллектуальный мир-процесс — феномен в основе своей совершенно философический, каковыми являются и все в нем участвующие интеллект-сознания. В отвлеченной, или увлеченной самою собою, философии нет ничего ценного, кроме разве схоластического умения размышлять вообще. Ценность философии не в ней самой, а сначала в том, *о чем* она говорит и потом уже *что* говорит. Беда философии в неустанных попытках уйти в себя, замкнуться в философском материале, отгородиться от мира. Отсюда, в частности, непонимание философии и неуважение к ней, ее отрицание и даже притеснение в университетах, “изгоняние” из учебных программ в “непрофильных” учебных заведениях, что служит оправданием и для преследования вполне живой реалистичной философии — уже в угоду кем-то задуманной и энергично исполняемой мировоззренческой диверсии, работающей на процесс *расчеловечивания человека*, превращения его в бессмысленное *информационно-механическое чудище*. Незамечание фундаментальной роли философии в формировании сознания человека и в обеспечении его бытия, пусть более всего и на элитарном (управленческом) уровне — если не фундаментальная глупость, то уж явно благоприобретенная лицемерность. Да, одна часть достаточно образованного человечества живет ныне, как ей кажется, наукой и научным мировоззрением; другая часть, быть может, не столь массово образованная, уверена, что она живет религией; но мало кто из ныне живущих пони-

мает, что *все* они живут... *философией* — хоть обыденной и тривиальной, хоть высокой и исключительной. Практика от философии — практика прежде всего в сознании, как и, разумеется, в культуре (общественном сознании), а потом уже в поведении, решениях и действиях. Осознанный человек — человек в той или иной мере и в том или ином качестве *философический* (*философизированный*), а потому практикующий человек всегда есть тот или иной реализатор философии. Философическая (философизированная) практика — концептуальное управление сознанием и человеком, — не более и не менее! И для этого философия создает *концепты*, оформляемые обычно либо как идеологии, либо как системы взглядов, либо как учения, либо даже как программы действий, а иной раз никак легально-публично вообще не оформляемые, то бишь существующие как *криптоконцепты*, не подлежащие широкой огласке. Философический мир — отнюдь не только скопище профессиональных философов и столь же профессиональных учреждений, как и не вообще заявочно философствующий люд, — это широко и разнообразно структурированный, тщательно институционализированный, частью открытый и частью закрытый, распространяемый повсюду, очень по-разному концептуально и функционально выраженный, частью вполне инертный, а частью весьма и активный, мало кем улавливаемый и мало кем адекватно понимаемый... *человеческий мир*. Недоценка философии и философического мира — тупость, слепота, заблуждение или же сознательная провокация. Пока жива философия — живо и цивилизованное человечество! Живо как именно человечество — *все-еще-человечество*, ежели, конечно, сама философия не развернется, хотя уже частью своей и развернулась, против человечества, — и это вовсе не утопия!»

«В начале XX в. в России появилась на свет особая философия — *философия хозяйства*. Не как только особое содержание, а как и по-особому обозначенное содержание. Произошло всего лишь соединение, — вполне, заметим, и мистическое — двух хорошо известных слов — “философия” и “хозяйство”, правда, последнее было взято не из греческого словотворного источника, а из русского словарного запаса, т. е. взята была не греческая “экономика”, а русское, пусть и, по-видимому, санскритского происхождения, “хозяйство”. И это произошло, хотя и более всего тогда интуитивно, вовсе не случайно: новоевропейская культура уже успела к тому моменту то ли экономику загнать в товарно-рыночный монетаризм, то ли, наоборот, этим последним накрыть с головой экономику, а потому отставшая-де от новоевропейства русская культурная традиция более настаивала не на “экономике”, слившейся уже тогда с капитализмом, а на “хозяйстве”, вы-

ходившем за пределы вездесущего капитализма. Русское “хозяйство” было шире, объемнее, богаче, разнообразнее по своей смысловой начинке, чем проевропейская “экономика”. И основатель философии хозяйства С.Н. Булгаков ухватился именно за “хозяйство”, оставив где-то рядом — как синоним — “экономику”, памятуя при этом, что “хозяйству” как термину можно все (вроде того же “хозяйства Бога”), а экономике, увы — нет (какая-то “экономика” у Бога?). Дальнейшее движение русской философии хозяйства (уже в конце XX в.) блестяще подтвердило гениальную интуицию Булгакова, окончательно разделив содержательно “экономику” и “хозяйство”, хотя и оставив возможность синонимического употребления двух относительно согласующихся между собой терминов. Опять же весьма любопытно то, что Булгаков выбрал для своего интеллект-открытия не научное слово “теория”, а вполне в общем-то метанаучное слово “философия”, ибо, во-первых, не создавал новой научной концепции, хотя бы в рамках той же политической экономии, а хотел как раз от всего подобного уйти, в том числе и от политэкономии, признавая и метафизику, и идеальное, и трансцендентное, и божественное, в общем — признавая все *метанаучное*, а во-вторых, стремился избежать поверхностной феноменологии с ее ограничительной фактологией, уходя в сферу сущностного, ноуменального, смыслового, одним словом — *метафизического*. Булгакову была нужна не новая теория, а новое воззрение, причем свободное от системно-модельно-теоретических, не говоря о формально-математических, ограничений. Все это могла дать только философия, отчего и явилось это в общем-то магическое словосочетание — *философия хозяйства!* Почему же магическое? Нет, конечно, не в связи с какой-либо нарочитой магией, а попросту по неожиданному богатству вдруг ставших открываться из и от этого словосочетания смыслов. Философия хозяйства — не философия *на* хозяйство (не применение философии к хозяйству), а философия *от* хозяйства, его — этого самого хозяйства — собственная философия. Да, философское высокое наследие — это хорошо, его надо иметь в виду и кое-где умело использовать, но тут важно стало заполучить и *иную* философию, идущую прямо *от* хозяйства, которое в связи с этим и само зазвучало совсем по-другому, чем это было в устах дипломированных экономистов — как *человеческое жизнеотправление* (булгаковская формула: “Жизнь как хозяйство, хозяйство как жизнь!”), то бишь не только не как однеженное (монетарное) хозяйство, или экономика, но даже и не как лишь домостроительное действие, ибо та же война, к примеру, которая тоже есть хозяйство, его проявление, никакое уж не домостроительство, а, наоборот, самое настоящее доморазрушительство. Да и саму философию, которая тоже ведь есть феномен... э-э...

хозяйственный, как и язык, как исчисление, как сама мысль человеческая, не очень-то отнесешь к домостроительству. Так что философия хозяйства, будучи сама магическим открытием сознания человеческого, породила — столь же магически — целое смыслоизвержение, заставившее не просто по-иному взглянуть на привычные вещи, но и позволившее выработать совсем иное мировоззрение, которого не давали и не могли дать ни научная экономия, ни ранее состоявшаяся философия, в том числе и сугубо научная. Возникновение философии хозяйства, а иначе — философии творческого со стороны человека жизнеотправления, — не столько даже переворот, сколько качественный скачок в мыслиезъявлении человека хозяйствующего, причем самим человеком, как будто бы вполне образованным и всюду вроде бы мыслящим, совсем еще и не осмысленный, не то что признанный. *Слава Богу, что рождение философии хозяйства случилось в России и что обязано оно русскому гению, оказавшемуся погруженным по праву рождения в русскую неотмирность!»*

«Философия хозяйства — некая Чаша мудрости, так сказать — Грааль, а ее очень хотят расшифровать, упростить, “опубличить”. Давай-де попроще, попонятнее, да и позанятнее тоже! Разумеется, какое-то учебниковое облегчение текстов возможно, но... здесь, безусловно, есть и свой предел. Философия хозяйства — более всего мировоззренческое и концептуальное знание, причем не просто знание, а *знание-размышление*, и излишняя его популяризация грозит незаметным перескоком к опошляющей профанации. Бытование в стане философии хозяйства нужно заслужить: большим трудом, знанием очень многого, долгим размыслительным переживанием, неустанным преодолением ошибок и заблуждений, непрерывной самокоррекцией, немалым жизненным, а не библиотечно-интернетным опытом. Вхождение в мир философии хозяйства — награда, добываемая сдержанным и тяжким подвижничеством, а не ученическим экзаменационным триумфом. Сколько философий и тех же политэкономических учений загублено образовательным-де профанированием, превращением живого знания в заскоружный дидактический мертвяк! Никто не сомневается, что в том же музыкальном искусстве или большом спорте потребно особого рода высокое мастерство, к которому идут годами, неистово с юных лет напрягаясь, трудясь и страдая, тогда почему же к высокой философской культуре можно-де прийти, прочитав к какому-нибудь кандидатскому экзамену пусть и хороший, но всего лишь учебник: нет и нет, высокая философия, к которой относится и философия хозяйства, требует и соответствующего ей высокого трудо-душевно-интеллектуального усилия! Нет смысла отрицать необходимость введ-

ных учебных пособий, но ни в коей мере нельзя отрицать принадлежность философии хозяйства к высокому посвященческому знанию типа того же жреческого. Философия хозяйства — сгусток эзотерики, это во многом сокрытое, даже и конспиративное, знание, причем не лежащее готовеньким на доступной всем книжной полке, а непрерывно лично создающееся. Да, в хозяйстве есть свои доминантные опоры и инварианты, но в целом это постоянно меняющееся, наполненное импровизацией и инновированием, всюду усложняющееся человеческое бытие, что требует от философии хозяйства не столько раз и навсегда доказанных формул, сколько безостановочно новаторского творчества. Вот почему в фундаментальные основания философии хозяйства закладываются достаточно неопределенные и даже нарочито неоднозначные положения, обычно смущающие любителей точной науки и научной-де философии, склонных к дефинитивной и категориальной определенности, но зато вовсе не стесняющие тех из мыслителей, кто понимает, с каким все-таки предметом имеет дело философия хозяйства — не столько с физическим, механическим, технологическим, функциональным и даже практическим, сколько с метафизическим, потаенным, ускользающим, всего менее системным и модельным, но всего более концептуальным и... sic!.. о-о, горе философии хозяйства!.. *мифотворческим*... если под мифом понимать, конечно, не привлекательную выдумку-сказку, а единственно возможную смысловую (метасмысловую) презентацию сложно-неопределенного объекта, вполне ему и адекватную. Философию хозяйства не заучивают, а осваивают, причем не столько посредством чтения готовых текстов, сколько собственным глубоким и долгим размышлением. Философ хозяйства — не так знаток, как жрец, не так преподаватель, как наставник, не так эксперт, как мудрец! Ясно, что тут наличествует некоторое акцентированное преувеличение, но только так можно оттенить специфику любого высокого, метафизического и концептуального по преимуществу знания-размышления, каковым и является философия хозяйства».

«Практична ли философия хозяйства? Этот вопрос любят задавать как последовательно сомневающиеся в философии хозяйства, так и ей вполне сочувствующие. Ответ тут таков: практична, конечно, но вовсе не так просто и прямолинейно, как того хотелось бы излишне скептическому вопрошателю. Практична, как и любое высокое фундаментальное знание, ибо влияет на сознание, мышление, решения, определяет мировоззрение, дает понимание, лишает иллюзий. Разве этого мало? И хотя этого вовсе и не мало, философия хозяйства даже еще более практична, ибо в ее лоне идут мощнейшие познавательные

размыслительные процессы, имеющие прямое касательство ко многому фактически происходящему с человеком (человечеством), с социумом, цивилизациями, эволюцией и развитием, наукой, философией и религией, самим по себе хозяйством. Философия хозяйства не замкнута (и не может быть замкнутой) на саму себя, она открыта к контексту, его видит, над ним размышляет, дает о нем свое особое представление. И вполне, если надо, конкретное! Да, она не будет давать заключений о строительстве очередной АЭС или новой автодороги, чем занимается конкретное хозяйствование, представленное той или иной конкретной наукой, отраслью знания, технологией, но зато может неплохо порассуждать об общем состоянии человека и общества, строящих АЭС и прокладывающих автодороги, о господствующем социальном устройстве, о существующих, часто и незаметно, фундаментально-глобальных проблемах и рисках, о движении человека и общества (страны, нации, региона, мира) в будущее, о возможном в реальности будущем, как и предоставить действующим субъектам кое-какие рекомендации, исходящие не из какой-то конкретной идеологии, чему философия хозяйства в принципе чужда, а из выводимых ею обобщающих представлений. Философия хозяйства не попадает в капкан ни к одной из заведомых идеологий, поскольку считает идеологии такими же продуктами бытия, хозяйства и истории, как и, к примеру, то же государство, полагая эти разные продукты на фоне общего бытия-хозяйства-истории вполне и равноценными. Личная приверженность конкретного философа хозяйства той или иной идеологии не означает, что какая-то избранная или выработанная им идеология и на самом деле лучше или ценнее других. Само бытие вкупе с хозяйством и историей тут нейтральны! Волнующие то или иное сознание идеалы совершенно безразличны общему бытийно-хозяйственно-историческому процессу, для которого не существует ничего заведомо хорошего или заведомо плохого. Это вот Богу Создателю, надо полагать, не безразлично, как и куда идет бытие-хозяйство-история, какой знак в тот или иной момент там преобладает, а самому-то бытию-хозяйству-истории тут совершенно все равно — к благу или вреду, к добру или злу, к жизни или смерти. Вот и философия хозяйства в основе своей вне идеологий, хотя это и не означает, что тот или иной философ хозяйства не может быть автором или приверженцем той или иной идеологической конструкции, правда, уже переставая быть свободным от идейных априорий мыслителем. Философ хозяйства не может не задаваться такими вопросами, как “Что есть человек?”, “Что человек делает в этом мире?”, как и “Что человек делает с этим миром?”, а ведь каждый из людей приходит в этот мир откуда-то, хоть и из лона материнского, причем вполне беспомощной особью, затем,

окрепши и поднаторев в знаниях, что-то делает, творит, переделывает, надстраивает, обновляет, а потом уходит куда-то из этого мира такой же беспомощной особью, какой по сути и пришел, что не мешает человечеству быть и быть на Земле, хозяйствовать и хозяйствовать, творить и творить, но вот *что* же, кроме самой текущей жизни? Загадка тут, причем безо всякой отгадки! Заметим еще раз, что бытие — это хозяйство, история — хозяйство, жизнь — хозяйство, смерть — тоже хозяйство! Так что хозяйство — это все, включая реальность и ирреальность, возможность и действительность, имманентность и трансцендентность, Явь и Навь, Инь и Ян, Свет и Тьму! Но непременно в действии, в реализации, в изменении, с *телеологией* и, разумеется, без *эсхатологии*. Философия хозяйства ничего из всего этого не исключает, ничего не идеализирует, ничему истово не поклоняется. Основной вопрос философии хозяйства: *что есть человек как творец и что он на самом деле и в итоге творит?* Ответ на этот вопрос порождает бесконечное количество иных вопросов — больших и малых, всеобщих и локальных, идеальных и практических, а в *ответ*-ственном итоге образуется целостный и напряженный поток мысли, отвечающий и не отвечающий на главный и все остальные жгучие вопросы, но явно человеческое сознание просвещающий, обогащающий и укрепляющий. Вот она, самая что ни на есть практическая функция философии хозяйства!»

«Людам очень часто хочется услышать ответ на вопрос: “Что делать?” И очень не хочется услышать в ответ что-нибудь этакое: войну, революцию, реформу, террор, “большую чистку”... э-э... что там еще из не очень-то благонамеренному и мирному человеку потребного, однако с завидным постоянством, пусть и с перерывами, не просто с человечеством происходящего, но и им — человечеством! — запросто осуществляемого. Хотя давно уже сказано, к примеру, что жить и хозяйствовать человекам надо бы с уважением друг к другу и по справедливости, но... что-то не очень-то получается, точнее, совсем и не получается, а ежели что-то и получается, то... увы... через... *насилие*, причем насилие одних людей над другими, с диктатом, подчинением, беспрекословием, хотя и по-разному, в том числе и вполне по-гуманному, чуть ли даже и человеколюбиво. Человек — *зверь*, и со зверством своим прощаться почему-то не хочет. И хотя человек одновременно и... *человек*, но этот-то человеческий человек никак в человеке-звере окончательно верха не берет. Какое уж тут уважение и какая-то такая справедливость?! А-а... вынужденные, насильственно внедренные, настоятельно архетипические, чуть ли не врожденные... но вот однажды взял один культурный человек, воспитанный и вежливый,

совершенно, знаете ли, благополучный, даже и благонравный, в руки винтовку и расстрелял безо всякого сожаления таких же культурных, воспитанных и вежливых, совершенно, знаете ли, благополучных и благонравных, соотечественников, причем не будучи ни душевнобольным, ни кем-то сильно обиженным, ни чем-то социально-материальным обделенным, но зато бывшим очень хорошо идеологически подкованным — как раз против всего этого благополучного и благонравного человечества! Этаким Христос-наоборот, свершивший свой Страшный Суд, тоже, конечно, суд-наоборот! Говорят, что наказывая человека, Бог лишает его разума, награждая безумием, но это не совсем так — Бог еще и попускает... благополучие, которое в итоге оказывается пострашнее безумия, ибо уничтожает человека в человеке безо всякой на то явной причины — при полном его уме и рассудке! Выходит, что человека нет и не может быть в зоне благополучия, того самого благополучия, к которому человек изо всех сил как раз и стремится, — как более всего зверь, разумеется! Отсюда потребность в мере, в умеренности, в аскезе. А кто этого сегодня в массовом-то порядке жаждет? Разве лишь кто-нибудь из каких-то остаточных и неуспешных, но несмотря ни на что человеческих, русских, китайцев, персов, арабов, евреев, африканцев, перуанцев? А ведь в целом-то никто на Земле ни о какой мере ныне не помышляет, во всяком случае — из передовых, но несмотря ни на что человеческих, из образованных, из предприимчивых, из умных, талантливых и... успешных! Вот вам и практическая функция философии хозяйства, ее рекомендательная потенция, как и прогностические возможности! Кому же хочется вдруг услышать, что взвешен он уже и найден легким, что дни его сочтены, хоть и глотает он таблетки бессмертия, что мертв он уже, живя еще, и останется навсегда мертвым со всеми своими особняками, искусственно возвращенными домочадцами, со служками и охранниками, с бассейнами, садами, авто, самолетами, яхтами и даже космическими кораблями, на которых он улетит вовсе не на другие планеты, как ему кажется, а всего лишь в царство таких же по-особому омертвелых, как и он сам? Философия хозяйства — великое, если не величайшее, достижение ищущего и кое-что ценное все-таки находящего человеческого сознания (вовсе и не бессознания), достижение по преимуществу и в главном *русское*, ибо по-русски выстраданное, — и надо бы искренне удовлетвориться им — обретением Чаши мудрости, этого Грааля, объясняющего и обогащающего, просветляющего и удерживающего, аннет... не нравится, не хочется, боязно, а то и попросту страшно — с правдой-то сойтись, которой вроде бы все жаждут, но от которой все в ужасе и бегут. Непонятно, говорят, архаично, темно! Где определения, где формулы, где ясность? И это-то о неопределимом, о неформулооб-

разном, о неясном! Нет, нет, лучше без всего этого, без указаний на бездну человеческую, на стремительный к ней бег, без призывов к остановке, мере, еще и вынужденной аскезе. И в самом деле, пусть лучше все идет, как идет, а там уж видно будет, хотя видно, наверное, уже ничего там и не будет! Пусть тогда не будет и философии хозяйства, раскрывшей дерзкую задумку человека *пересотворить мир*, да не просто задумку, а уже вовсю вершащееся деяние, обеспечивающее явный конец этого мира и неявное начало мира нового, то бишь вполне подтверждающее печально-радостный тезис о Конце Света, как и уже вполне узревшей Апокалипсис, хоть и не очень-то он понятен человеку в Иоанновом-то изложении, но зато как-то весьма оказался доступен по своим метасмыслам как раз философии хозяйства. Нет, нет и нет — никакой философии хозяйства быть не должно! — хотя она уже есть, живет и будет жить, ибо мысль человеческую никому из смертных не остановить, презрительно объявляя ее то ересью, то лженаукой, то уж, извините, — мракобесием, а судить о мысли человеческой все-то никак ведь нельзя: какая из мыслей человеческих и в какой момент окажется вдруг мертвенно-легкой?!»

«Еще более неприняемой и осуждаемой, чем сама по себе философия хозяйства, оказалась в университетских кругах выведенная профессором С.Н. Булгаковым, будущим о. Сергием, связь философии хозяйства с Софией Премудростью Божией. Софийный принцип ведения хозяйства оказался для Булгакова не просто фундаментальным, но и единственно возможным для увлекшегося переустроительным прогрессом нововременского человечества (заметим, не польза с выгодой, как у европротестантов, а софийность, т. е. прямой отсыл к высшей, надчеловеческой, божественной мудрости, однако, по Булгакову, и воплощающейся в природно-человеческой, или тварной, реальности, зараженной, увы, и антисофийностью). Выход на Софию означал отход от протестантских (экономических, капиталистических, сугубо правовых) ориентиров в хозяйстве — слишком уж стяжательно-формально-человеческих. Булгаков радел, если сказать попроще, за “омудрствованное” с Божьей помощью хозяйство, а не чисто полезностное хозяйство, за что как раз стояла и стоит до сих пор западноевропейская (англосаксонская по преимуществу) сначала поренессансная, а затем и постренессансная культура. И это был со стороны Булгакова вполне революционный шаг: от протестантизма к православию, что то же самое — от чисто человеческой мудрости (расчета) к мудрости божественной (переживанию), или же софийной, мудрости! Тут являлось совсем другое отношение к хозяйству — как к деланию полноценной общественной и личной жизни, а не безудержному стяжа-

нию в ходе межчеловеческой конкуренции личного материального богатства. Однако это был и не какой-нибудь протестантский социализм, ибо в софийной трактовке не предполагалось ни тягостного преобладания общественного начала над личным, ни уравнивания всех и вся с ликвидацией управленческой иерархии, ни упразднения того же государства с его принципом единоначалия и контрольно-эксекутивным правом, ни утверждения принудительной, строгой, как бы монашеского образца, аскезы, то бишь не предполагалось ничего *противу*-человеческого. Софийность не за капитализм и не за социализм, как и не за экономизм с его монетаризмом-финансизмом, равным образом не за либерализм и не за диктатуру, а за, если так можно выразиться, *всеобщий гармонизм*, но не статический, естественно, а динамический, не исключающий вовсе дисгармоний, как и не отрицающий вообще ничего из необходимого и не предполагающий нарочито ничего из надуманно-утопического. Софийность за вполне осознанное и осознаниеенное *сакрало-природно-человеческое естество* (или за, выражаясь по-современному, *всеобщий экологизм*). И если здесь есть какой-то утопический момент, то он обязан своим присутствием не Софии вовсе, а... человеку, весьма еще преданному антисофийности, т. е. человеку несовершенному, духовно слабому, порочному, звероподобному, падшему. София ни на что из реального глаза не закрывает, никаких нереальных фантазий не предлагает, с полным пониманием относясь к человеку и его миру, не поощряя никаких его “комфортогенных” проектов и никак не одобряя крутых смертоносных разборок. София допускает в общем-то *всякое*, ибо это *всякое* в природе человека и в сути его сознания, во всей человеческой экзистенциальности, однако София всегда выступает при этом за *меру*, к которой человек обязан стремиться и которую он вольно или вынужденно постоянно нарушает, но которую, уже не без насилия, жертв и потерь, принужден всегда восстанавливать. Мера — безусловная софийность, но и борьба за меру — тоже софийность и тоже безусловная, — так что *софийное хозяйствование* — хозяйствование с мерой и ради меры, хотя и не избегающее того или иного *анти*-мерия. Даже экономика со всеми своими денежными мерами может быть софийной, ежели меры эти не уходят далеко от... софийной же... меры. Стоимость — “софия” экономики (“софия” здесь, конечно, с маленькой буквы и в кавычках, как принадлежность слишком по-человечески тварного мира), а раз “софия”, то и некая “мудрость”, обеспечивающая прокручивание экономически обусловленного хозяйства, хотя в стоимости сидит и мощнейший антисофийный заряд, вызывающий в итоге монструозность, чудовищность, инфернальность экономики при ее увлечении безмерием-чрезмерием-недомерием. Экономика умна, в том нет никакого сомнения, но эко-

номика, подчиненная бездушности, и безумна! Полагаться на экономику можно и нужно, но не во всей полноте, не бездумно, не опрометчиво. Экономика — стихийный монстр, требующий постоянного *у-мер*-отворения, а совершать таковое может только... *софийный человек*, а вовсе не экономический. Вот вам и практический эффект от философии хозяйства, ободраемой не чем-нибудь, а самой, знаете ли, *софиасофией!*»

«*Софиасофия* — не софиология, не разбирательное учение о Софии, это всего лишь идейно-духовно-практическое взаимодействие с Софией, творческий с ней контакт. Если научник что-то исследует, что-то фиксирует и затем утверждает полученное знание как увиденную и доказанную истину, а обычный философ что-то воображает и затем предлагает принять выработанное им представление за истину, пусть в чем-то сомнительную, а потому и неустойчивую, то софиасоф лишь сосредоточенно вглядывается своим внутренним взором во что-то сокрытое и, осмыслив увиденное, предлагает воспринять его таким, какое оно на самом деле есть... не фактически обнаруженным, как у научника, и не воображенно-обретенным, как у философа, а всего лишь... *неожиданно открывшимся!* Софиасоф открывает, как это, надо заметить, делают и научник с философом, но открывает... непременно само же и *открывающееся*, то бишь открывает не как хирург-анатом и даже не как терапевт-аналитик, а как... увы... жрец, волхв, старец, а обобщенно говоря — как мудрец! И тут важно это самое “как”, ибо софиасоф, будучи феноменом современным — не жрец, не волхв, не старец, как и не привычный всем пророк, ибо он, пусть иной раз и собственно мудрец, все-таки в первую очередь *мыслитель*, однако... *метафизический мыслитель*, выходящий за пределы не только науки, но и чисто рассудочной (панлогической) философии, причем выходящий не только по своей субъективной воле, но и по воле всей своей субъектной экзистенции. Кто тут кого находит: мыслитель Софию или София мыслителя? — сказать в точности нельзя, да и не нужно, ибо схождение тут, безусловно, трансцендентного порядка, оно покрыто, так сказать, если и не мраком, то плотной завесой тайны, ибо... *вовсю софийно!* Софиасофии нельзя научиться, в нее надо войти, а вот кому, когда и при каких обстоятельствах — никто из смертных, кроме, возможно, явных пророков-мудрецов, не знает. Ясно тут, пожалуй, одно: к Софии с софиасофией путь совсем не скорый, весьма тернистый и *вовсю страдательный*, а кто же из живущих смертных захочет пуститься по такому-то долгому и рискованному пути, да еще и в столь роскошное, стремительное и самонадеянное время, каким является время победившего постмодернизма?!»

«Софиасофия — новейшая мудрость, что не значит, что она, как водится, презирает и опрокидывает навзничь прошлую, устаревшую-де, мудрость. Мудрость вообще никогда не устаревает, но зато она всегда дополняется новой мудростью, часто попросту иначе — по-современному-де — выраженной. Софиасофия — постнаучная и даже во многом постфилософская мудрость, рождающаяся от кризиса науки и академической философии, как и от кризиса религии тоже. Это мудрость человека, лишившегося вдруг... мудрости, а потому возвращающегося к Богу и Софии, к той же первородной философии. Очень многое повидавшего, об очень многом поразмышлявшего и очень немало настрадавшегося. Однако возвращение тут не ученическое, а творческое, созидательное, новаторское, а потому и с новой, не бывшей ранее, мудростью — XXI в. н. э. не I в. от Р. Х., как и не какой-нибудь V в. до Р. Х., даже и не XV—XVIII вв. н. э. Современность требует много нового — и новой мудрости тоже, а потому сегодня не просто новая философия, а именно *софиасофия* — как непосредственно обращенное к Софии Премудрости Божией знание-размышление, как вершащееся творчество, как итоговое творение! Софиасофия — не религиозная философия, а обращенная к философии философия, но возникающая на новом витке бытия философии — после и по мотивам острого философского кризиса эпохи Модерна и гигантского философического казуса эпохи Постмодерна. Апокалиптическое время требует и соответствующего ему мудрствования — *апокалипτικο-апокастатического*, а таковое только и может состояться на основе и в рамках софиасофии. Все это очень неприятно слышать адептам науки, академической философии, а в известной мере и официальных религий, имеющим вкупе, кстати, прямое сотворческое отношение к апокалиптике нынешнего времени, но что поделать — *постнаука* и *постфилософия*, а в некотором ракурсе и *пострелигия*, приходят не по человеческому капризу, а наплывают, как любят говорить ученые и философы, объективно, то бишь само собой, независимо от воли человеческой, — и с этим, увы, нельзя не считаться!»

«Возражают обычно очень просто: “Где она — София, покажите нам ее, а если она незрима и не здесь, то как же с ней вступить в промыслительный контакт?”. Да, София невидима и неслышима, она не на университетских кафедрах, в человеческих измерениях ее вообще нет и быть не может, ибо она из другого мира, человеком не видимого, не слышимого и не измеряемого. Какие-такие могут быть видимые вещи и слышимые звуки, еще и вовсе измеряемые, в мире, лишенном материи, времени и пространства, да вовсе и не в мире, ибо мир — это все-таки что-то явно бытующее, так сказать — замиренное, а какое-такое

бытование... э-э... в нетривиальной пустоте? И почему-то никак не умещается в головах ученых и рассудочно-материалистических философов, что сознание, мысли, знаки, слова, смыслы, цифры, речь, образы и т. п. “вещи” тоже ведь не имеют сами по себе ни материи, ни времени и пространства, ни исчисляемой меры, то бишь они прямо-таки из “того” мира, хотя они и в этом, уже нашском, мире, что как раз и служит первейшим доказательством “бытия” мира “иного”. Невдомек почему-то знатокам физики и земной тверди, что природа не может взяться, не говоря уже о всей живности и самом человеке, из тверди и физиса вне и без мощнейшего антиэнтропийного внешнего влияния — как раз из “иного” мира, откуда и замысел нашего мира, и его проект, как и исполнение проекта, пусть и не самое, быть может, как и почему-то, совершенное, но все-таки не от физиса же, не от тверди, а как раз от метафизиса, от трансцендентного. Так, может, лучше иной раз идти в познании нашего мира вместе с присутствующим в нем человеком от метафизиса, от трансцендентного, от иного, от ничто, а вовсе не от здешнего, твердого, упругого, механического, чтобы увидеть все распростертое вокруг нашское уже каким-то другим, более сложным и тонким, а главное — вовсе уже не таким, каким его представляют точная-де наука и правильная-де философия? И если заходить оттуда — из *ничто!* — то почему же не обратиться к доприродной и внеприродной, дочеловеческой и внечеловеческой, следовательно — высшей мудрости, премудрости, метамудрости, что то же самое — к Софии Премудрости Божией, которая к тому же не только там, но и здесь, которая вовсе не субъект, а всего лишь кладь, источник, сокровище, но при этом и живой дух, действующий, даже и работающий, но, разумеется, совсем не так, как это может казаться образованному лишь наукой и философским материализмом университетскому уму, то бишь работающий не по-нашему, не по-природному, не по-человечески. Да, человек, допустим, делает то-то и то-то, и это замечательно фиксируется человеком, а вот выходит в итоге у человека частенько что-то совсем другое, что то ли субъективно фиксируется, то ли нет, но вот ходом вещей обязательно всегда утверждается. Так в чем же тут бывает дело, почему именно так, а не иначе, откуда все эти произвольность и неопределенность, мало того, отчего и зачем непредусмотренный результат? И вот тут-то все и начинается! А что же все-то? Да как раз вся эта проклятая метафизика со своей треклятой трансцендентностью, что выражается обычно в прямо противоположных суждениях об одном и том же, в жарких диспутах и буйных спорах, а то и... знаете ли... в отрубании чересчур умных, активных и упрямых голов! Что-то тут в университетах и академиях не так! Ладно, скажут нам наиболее миролюбивые противники Софии,

пусть будет метафизика, но... подчиненная все-таки физике, как, собственно, в науке то на самом-то деле и есть. На что мы, сторонники Софии, ответим: пусть будет наука с подчиненной ей метафизикой — ничего плохого!, но пусть будет и метафизика... преодолевающая для себя и по-своему эту самую науку, — и никаких, уважаемые коллеги, очистительных для метафизиков костров!»

«Любопытно, что метафизики очень спокойно смотрят на науку и радуются ее успехам, как и в выдержанных тонах ее критикуют, ежели она того, конечно, заслуживает; и как же не критиковать, коли объект, которым часто занимается наука, лишь частично бывает собственно научным, а ведь более всего — метанаучным, а то и вовсе ненаучным: хочешь, не хочешь, а перейдешь тут к метафизике! Совсем по-другому ведут себя ученые, выбрасывая в сторону метафизики такие знаковые словечки, как фантазия, бред, мракобесие, ну и, разумеется, лженаука, хотя метафизика к лженауке не имеет вообще никакого отношения, ибо наукой себя никак не объявляет; лженаука — достояние как раз... науки; в какой-то конкретной науке больше лженауки, в другой — меньше, но вряд ли можно найти науку совсем уж свободную от лженауки; что же касается наук о человеке, обществе, сознании, душе и т. д., то... о-о... даже не хочется говорить, какой же в них бытует процент лженауки, тщательно обычно скрываемый адептами этих наук, мало того, упорно выдаваемый ими не только за науку, но и за... истину! Метафизика не безразлична к истине, но она очень в этом вопросе осторожна и деликатна, ибо хорошо знает, как подвижна истина, как затемнена, как она ловко ускользает от наблюдателя. Метафизика более склонна не к истине, а к... *правде*, ибо правда сродни констатации, не избегающей той же неопределенности, а истина... ох... она же не терпит никакой неопределенности, любя более всего как раз уточняющие ее пределы. Вот почему наука стремится к *о-предел*-ениям, производя их отчего-то сотнями по одному и тому же поводу, — и всякий раз, выходя на очередной строго научный определительный диспут, задается одной и той же безутешной задачкой: “Прежде чем... давайте определим... что это есть это, а не что-то другое!”, начисто почему-то отрицая тот очевидный факт, что нет и не может быть в таком разе никакого точного и конечного определения, а возможно лишь некое приемлемое для всех диспутантов понятие, скорее даже — *примерное понимание*, что, собственно, и есть по сути... метафизика, как раз та самая, что обслуживает науку, разумеется, самую что ни на есть... “точную”. Наука вовсе не бессофийна, более того, она полна софийности, коли глаголет свою доказанную истину или говорит от себя кое-какую правду, умело действует, добываясь результатов, что-

то там преобразует, чем-то эффективно управляет. Однако все это, так сказать, первичная, узкомерная, примитивная софийность, положенная в основание и конструкцию лишь физического мира. Такая софийность настолько проста и функциональна, что о ней специально и говорить не приходится. И ежели какой-нибудь чудака-метафизик упорно толкует о софийности и Софии, то он имеет в виду, конечно, гораздо более сложную, несравнимо более тонкую, невыразимо более “смысловитую” софийность, восходящую уже к *иному*, совсем и не только физическому, миру. И как тут, блуждая интуитивно-мысленно по такому — не физическому — миру, не обратиться метафизику к Софии — этой неизвестной ему... конечной истине, но вовсе не для того, чтобы разгадать эту самую конечную истину — Софию, а всего лишь попытаться получше разглядеть зримый им мир, тот же физический, но при этом и не пропустить, как это делает наука-физика, мир метафизический — мир *иной*, который ведь не где-то там — за мирозданием, за Вселенной, хотя и там, возможно, тоже, а прямо здесь — в мире *этом*, так сказать — *нашем*. Нет, не молиться на Софию призывает метафизик, не поклоняться ей, в общем — не религиозничать по ее поводу, а всего лишь с Софией почтительно взаимодействовать, приближаться к ней, не приближаясь при этом слишком близко, что-то от нее улавливать, если она сочтет нужным что-то сообщить страждущему “дознавателю” — и все это более всего через *откровение*, ибо другого варианта тут нет — ни исследовательского, ни размыслительного, ни вообще раженческого».

«Рассчитывать метафизик может именно на *откровение*, если, конечно, говорить о крайних открытиях и высоких, не говоря о горних, смыслах. И вот тут возникает очень болезненный вопрос: а как же метафизику быть с духовно-религиозным знанием, которое ведь тоже мудрость и тоже откровение? Ответ тут может быть такой: знать и использовать, понимать и руководствоваться, но, видимо, этим всем не ограничиваться, ибо жизнь всегда полнее и богаче, она активно изменяется, хотя в чем-то всего лишь воспроизводясь, рождает новые проблемы и ставит новые вопросы, и сам человек меняется, обретая новый опыт и обновляя свое сознание, и отношение человека к миру и своей экзистенции меняется, как и меняется его отношение к божественному началу, к сакралу, к природе, ну и к самому себе тоже. Так или иначе, но вовсе не на все вопросы текущего и наступающего бытия человек находит в имеющихся в его распоряжении священных текстах и древних преданиях, хотя многое там и находит. Вообще же *писание* — это не только что-то уже написанное, ставшее прошлым, но непременно и настоящее, только-только свершающееся, непосредственно человека

сопровожающее. Не надо принижать человека, запрещая ему продолжать свое глобальное имманентно-трансцендентное историческое писание, пусть поначалу и боговдохновенное, ибо человек, к примеру, зная о том, что произошло в древней Иудее в связи с Христом, знает еще и то, что произошло в связи с Христом уже после событий в Иудее, что случилось потом в эпоху Римской империи, в Средневековье, в Новое время, что происходит в Новейшее время — сейчас, а потому у человека софийного всегда есть потребность в каких-то не бывших ранее суждениях, как и всегда остается возможность новых откровений, причем вовсе не обязательно только в пределах, контексте и дискурсе древних, пусть и очень мудрых, писаний. Бытие человека думающего, ищущего решений, жаждущего откровений и есть по сути своей *писание*, выраженное при этом в письме или нет, но... *писание*, которое в итоге никогда не прекращается и прекратиться, пока есть человек, не может. Не надо вторгаться “творчески” в древние святыя творения, пытаться их изменять, дополнять, совершенствовать, ибо они ни в какой модернизации никак не нуждаются, храня свою первозаданную ценность, но ничто не должно мешать человеку вести текущее писание — научное, философское, религиозное, как и... метафизическое. Ежели София — принадлежность, атрибут, свойство Господа Бога, а потому она и в Его владении и ведении, то по отношению к земному существу — человеку, София ничья не собственность, ни одной религии, ни любой из философий, ни какого-то научного учения, а потому диалог с Софией, если он бывает возможен — это диалог любого призванного к этому человека, — и не дело человека решать вопрос о ценности и эффективности такого диалога, как и его исключительности, это дело Софии, пользующейся для своей инспекции реальным течением бытия-истории, что обычно и называется у человека либо объективностью, либо ходом вещей, либо движением неизвестности. Выход к Софии никому не запрещен, а вот отклик от Софии всецело в ведении самой Софии — это уж кому как везет!»

«Философия вплетена в историю, да не только в идейно-духовную историю, но и в реально-событийную. Есть еще в философском арсенале и *историософия*, как раз непосредственно истории человека и человечества присущая. В итоге есть как философическая картина истории, так и участие философии в реальных исторических ситуациях, мало того — в их созиданиях. История уже давно под прицелом не только философии вообще, не только историософии как таковой, но и той же философии хозяйства, ибо история — явный продукт и текущее свидетельство хозяйства. Первично здесь хозяйство, а история как раз вторична. Сегодняшний мир резко переходен и крайне проблемен, он,

безусловно, кризисен и апокалиптичен. Полагание странного нового сопровождается нахрапистым отрицанием выверенного старого. Мир идет по канату, взлетевшему над бездной. Ситуация в мире весьма скверная, — и мировое управление в лихорадочном поиске хоть какого-то разрешения — пусть и не для всех, а всего лишь для некоторых! В России тоже очень дурно, но Россию уже тошнит от вселившегося в нее безумия, она рвется к преодолению убивающего ее безумства, начиная потребное оздоровление и новый исторический подъем. Самое невозможное как раз и становится возможным! За невозможным пока- янием пойдет и возможное очищение, а если же не так, то вынужденно явится принудительная чистка с насильственным же крутым и строгим перестроением. Нейтральная сама по себе история тут в убедительных доказательствах не нуждается. А пока Россия готовится неприметно к новому стратегическому натиску, но в силу того, что на планете она не одна, мало того, еще и как бельмо в глазу, особенно, евро-американском, да и китайском тоже, в покое Россию никто и никогда не оставит: все в мире так или иначе понимают, что у России может что-то вдруг получиться, как раз то, чего никогда уже не получится в ЕвроАмерике и не факт, что получится в том же Китае — *иное будущее!* Да и в жертву было бы неплохо принести вполне “правильному” миру вполне “неправильную”, но богатую жизненным ресурсом, Россию! Отсюда латентная, а местами и моментами совершенно явная, всемирная тотальная война — хитроумная, дерзкая, беспощадная! Война за ресурсы, за выживание, за образ человека и жизни, за само земное бытие, — не на жизнь, а на смерть! Война многофакторная, системная, целостная. Война идеологий, концептов, понятий. Философия нынче либо в университетских легальных закромах, где спит себе, если не выгнана уже прочь, мертвецким сном, либо прямо в войне миров, где находит себе эффективное применение — как обращаясь в стратегическую тайнопись (для посвященных), так и по-постмодернистски громко вопия о том же тотальном бессмыслии (для профанов). Постмодернизм — заунывный какофонный реквием по философии как таковой, как и, разумеется, по еще ренессансно, или классически, мыслящему человеку. Конец! Не то философия хозяйства — прямая противоположность заматеревшей и затвердевшей официальной философии. Философия хозяйства видит мир в реальном движении, действии, превращении. Только она и противостоит нынче миру постмодернового абсурда, что как раз и приговорен ультрасовременной философией к самоуничтожению, мало того — уже заказавшей в лице своих самых молодых адептов-нигилистов похоронный для мира постмодернового абсурда красочный катафалк («Чем хуже, тем лучше, чем быстрее, тем занятнее!»). А вот философия хозяйства, пи-

таемая софиасофией и ведомая Софией, утверждает, что не в абсурде вовсе спасение человечества, как и не в новых способах производства и типах цивилизаций, не в новых научных открытиях и технических достижениях, не в модернизированных оккультных учениях и не в свеженьких интеллект-доктринах, даже не в отягощенных мирской тщетой религиях, а в апокалиптико-апокатастатическом *преображении* человека и человечества, в их, знаете ли, резко критическом обращении к самим себе — на путях самоосознания, самоотречения и самопревращения, что предполагает решительный разворот от многого ныне столь энергично человеком приветствуемого, от многого им столь долгожданно и чаемо благоприобретенного. Уж не России ли суждено Богом и историей совершить что-то подобное?!»

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Национальная идея России

Аннотация. Национальная идея движет исторический процесс и проявляет себя в нем. История России показывает, что наша национальная идея — построение христианского социализма и идеального государства.

Ключевые слова: национальная идея, геополитическая катастрофа, христианский социализм, идеальное государство.

Abstract. National idea moves historical process and appeared by history. Russian history shows — our national idea is to construct Christian socialism and ideal state.

Keywords: National idea, geopolitical catastrophe, Christian socialism, ideal state.

Участившиеся в средствах массовой информации иронические комментарии по поводу поисков национальной идеи позволяют предположить, что наших геополитических противников беспокоит ситуация, при которой Россия обретет ясную цель и вектор самостоятельного развития.

Существование страны в течение тысячелетия является косвенным подтверждением объективного характера национальной идеи и ее успешного (и не очень) осуществления в ходе исторического процесса.

Для выявления национальной идеи необходим правильный выбор ее носителя. Если принять допущение, что носителем идеи является

население определенной территории, возникает ряд неразрешимых (к радости наших заклятых партнеров) проблем.

1. Территория России в течение веков постоянно меняла свою конфигурацию: то взрывоподобно расширяясь, то катастрофически сжимаясь. Следовательно, если брать за основу территорию российского государства, то придется принимать допущение, что национальная идея менялась, по меньшей мере, раз в столетие, что в принципе невозможно. Национальная идея — это не флюгер, не лозунг, не новомодная политическая доктрина. Это базовая пружина исторического процесса, дающая осмысленность и направление происходящему. Национальная идея не зависит от мнения отдельного человека, от общественной моды и государственной политики. Она сама формирует человека и общественную моду, влияет на усилия государственных деятелей.

Не территория определяет национальную идею, а проживающая на территории нация. Национальная идея сплачивает людей, гармонизирует общественные отношения, направляет на коллективное достижение общих целей. И тут сразу возникает вопрос: «А что следует понимать под словом “нация”?»». В наше время это понятие сместилось в юридическую плоскость и стало синонимом населения страны. Россию всегда населяло множество народов, и то, что может объединить их порой противоречивые интересы и надежды, — стремление к максимальному потреблению материальных благ.

Ограниченность ресурсов и опережающий рост потребностей неизбежно формируют разрыв между желаемым и действительным, провоцируют борьбу за дележ общественного пирога, приобретающий форму классовых и межэтнических конфликтов. Стремление жить богато и весело формируют тягу к местам максимального богатства и веселья, заботливо формируемым уже не одно столетие на Западе. Стремление к максимальному потреблению благ ведет не только к экологической катастрофе, очертания которой приобретают все более явственный характер, но и к неизбежной колонизации страны, при которой Россия становится исчезающей геополитической реальностью.

2. Коль скоро национальная идея не является консенсусом всего населения страны, чьи надежды и чаяния она должна выражать? Так как национальная идея объективна и существует с момента появления нашей страны, то базироваться она должна на интересах и чаяниях народа, который возник вместе с нашей страной и вместе с ней исчезнет, т. е. русских. Но если национальная идея — это национальная идея системообразующего народа России, т. е. русских, что является критерием русскости: на Западе всех граждан бывшего СССР называ-

ют русскими, а в Средние века всех русских называли татарами, а Россию — Тартарией?

Печальные факты, когда русские люди водили на Русь орды кочевников, надевали черную форму СС, становились исламскими боевиками, говорят о том, что русскость может быть убывающим качеством. Принятие русской культуры и веры мордвинами, татарами, поляками и немцами, становившимися русскими людьми, говорит о том, что русскость может и возрастать. Таким образом, национальная идея — идея, объединяющая людей, носителей русской культуры.

3. Возникает вопрос: «А что понимать под русской культурой?». Особенно сейчас, в наше новое смутное время? Перепевы зарубежных песен и разлагольствования откровенно ненавидящих Россию интеллектуалов? В определении русской культуры нам неизбежно придется опираться на неизменяемые веками константы: русский язык и православную веру. Но по-русски говорили руководители Германии, Монголии и Израиля, и это не означает, что они были носителями национальной идеи России.

Православную веру исповедуют болгары, сербы, греки. Но во время Второй мировой войны Болгария воевала на стороне Гитлера, в наши дни православная Греция является членом враждебного России военного блока, а в послевоенной Сербии люди выходили на улицы с плакатами: «Нет американской авиации и русской оккупации».

Непредвзятый исторический анализ показывает, что у России нет союзников, а есть лишь временные попутчики, пытающиеся за наш счет решать собственные проблемы. Не в первый раз возникает идея избавиться от всем надоевших упрямых русских: немцы, шведы, монголы, поляки, французы, турки... — кто только не проливал кровь в бесплодной попытке овладеть русской землей.

Но если чувство враждебности к русскому миру наблюдалось на протяжении столетий, объяснить это исключительно попыткой выйти из финансового, экологического и энергетического нельзя, должна существовать более глубокая причина.

Почему два родственного народа — русские и поляки — по-разному взаимодействовали с демиургом мирового развития — Европой? Если для первых с Запада исходила чаще угроза, чем мир и сотрудничество, то для вторых Европа рассматривалась, как правило, как союзник и тыл. Причина глубокого расхождения была в вере: племена русов, угро-финнов и тюрков, сплоченные православной верой, образовали русскую нацию, поляки восприняли европейский католицизм. Трещина, некогда расколовшая Римскую империю на две части, неожиданно, по прошествии столетий, разъединила и славянский мир.

Западное христианство обрело в итоге все более компромиссный относительно антихриста характер, усиливая низшее, собственно человеческое, начало и ославляя высшее, уже сакральное, что вело ко все большему отдалению человека от Христова идейно-духовного естества (см.: [1]). Волею судеб Европа все больше превращается в антихристианскую цивилизацию, а Россия — в хранителя наиболее близкой к первоначальному источнику толкования христианской веры.

Противостоять цивилизационному натиску наиболее развитых стран мира Россия могла лишь в качестве могучего государства, восприняв монгольскую концепцию народа-государства, или Орды. Но если ордынство органично вошло в русскую национальную идею, как тогда следует трактовать упорную и успешную борьбу Руси с Золотой Ордой, своим военным и идейным учителем? История дает на это ясный ответ. Ключом разгадки является православная вера. Князь Александр Невский, который привел на Русь Неврюеву рать, разрушившую и уничтожившую больше, чем войска хана Батгя, стал русским святым, так как защитил православную веру от католической экспансии Запада. И наоборот, как только в Орде сбор дани с Руси отдали на откуп исламским купцам-бессерменам (в русской транскрипции — басурманам), конфликт между Русью и Ордой стал неизбежен (см.: [2]).

Воспринявшая Орду Русь Ордой не стала, так как являла собой нечто большее: православный народ-государство. Сформировался беспрецедентный исторический монолит: православие превращало население в русский народ, государство стало формой существования русских, а каждый русский человек от царя до крестьянина являлся частью огромной государственной машины.

Но абсолютная устойчивость монолита означала и его абсолютную неизменность, тормозившую культурное, технологическое и социальное развитие страны. Злую шутку сыграло и поверхностное восприятие христианской веры, ясно указывавшей: «Не сотвори себе кумира». И если в Европе пошли по пути обожествления человека, в России стали обожествлять главу государства.

Последовавшая за этим сверхцентрализация общественной жизни привела страну к крупнейшей в истории геополитической катастрофе. Первым актом стало крушение Российской империи. Воинствующий атеизм большевиков привел к деградации формулы исторического успеха: место идеи «православный народ—государство» было на время занято ее исторической предтечей идеей «народ—государство». Русь попытались сделать Ордой ценой большой крови и большого страха. Не случайно революционный поэт Блок гордо именовал народ скифами, а Запад, не питавший никаких иллюзий по поводу происходящего, называл советских людей большевистскими ордами.

Неполнота формулы национальной идеи царской России сменилась еще большей неполнотой формулы советской России. Но Русь, хотя и восприняла ордынский опыт, Ордой не стала. Искусственность коммунистической конструкции вела к подмене в формуле национальной идеи понятия «народ» его бюрократическим симулякром. Русский народ должен был исчезнуть во имя создания нового Советского народа. Место национальной идеи заняла ее бледная, уродливая тень: «бюрократия—государство». Однако История расставила все по своим местам: исчезать пришлось советскому народу, а русский народ остался, с ужасом и недоумением взирая на руины рухнувшего колосса.

История ясно подсказывала, что нужно идти не в сторону усечения, а значит, и деградации национальной идеи, а в сторону восполнения ее пока неосознаваемых звеньев. И коль скоро русские в течение веков пытались создать совершенное государство, формула национальной идеи в ее полном виде: «православный народ — идеальное государство», или в современной терминологии «христианский социализм».

Все становится понятным, если мы увидим, что делает русский язык востребованным среди других народов, привлекает к православии миллионы верующих, объединяет русский язык и православие в удивительном историческом феномене — русском народе. Имя этого связующего звена «Правда», а Правда есть Бог.

Тернистую дорогу народа-богоискателя всегда освещала звезда Правды, и устройство жизни на ее основах и есть национальная идея нашей страны. Еще на заре отечественной истории первый сборник законов назывался «Русская правда». Именно Правда, а не мещанская Мечта о сытой жизни вдохновляла наших предков на полях сражений, в годы кровавого произвола тиранов, помогала превозмочь голод и холод, создать удивительную и прекрасную страну, неудержимо влекла к нам страны и народы и сделала Россию центром христианской цивилизации.

У каждого своя правда, все преходяще и субъективно — твердят нам адепты летящего в пропасть Запада. Правда неизменного в угоду политической конъюнктуры христианства поможет русскому народу вырваться из болота безвременья и построить на руинах падшего мира светлое общество христианского социализма, основными чертами которого станут духовное развитие человека, аскетизм, эволюционное, а не революционное развитие общества, ограничение капитала и рынка сферами их эффективного применения, избираемый пожизненный правитель.

Если не справимся с этой задачей, то рискуем повторить судьбу некогда богоизбранного народа, утратившего идеальное государство и рассеянного Высшей Силой по странам и континентам. Мы являемся

свидетелями ускорения исторического времени, и то, что сегодня кажется далекой утопией, уже стучится в наши двери: если капитализму четыре столетия, социализм длился всего 74 года, постсоциализм просуществовал 16 лет (с 1992 по 2008 г.). И это означает, что при сложившемся ускорении в этом десятилетии начнется переход к новому обществу, или мы станем свидетелями последнего аккорда русской истории.

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Обретение. М., 2011.
2. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2008.

Ю.А. ПИРЮТКО

Методологические аспекты анализа влияния духовности на экономику

Аннотация. Рассматривается вопрос о методологическом подходе к анализу влияния духовности на экономику, проводится обоснование изучения данного вопроса с использованием комбинации методов познания: диалектической логики, формальной логики, антропологического принципа и ценностного подхода.

Ключевые слова: философия хозяйства, методология познания, диалектическая логика, формальная логика, антропологический принцип, ценностный подход.

Abstract. This article is dedicated to methodological approach in researching the spirituality to economy influence. It is argumentation realizes to use in this sphere a combination of epistemological methods: a dialectical logic, a formal logic, anthropological principle and axiological approach.

Keywords: philosophy of an economy, epistemological methods, dialectical logic, formal logic anthropological principle, axiological approach.

Нельзя познать часть — не познав целое. В этом простом тезисе, идущем из глубины веков истории человеческой мудрости, содержится великая сложность процесса познания. Любое явление или процесс есть часть мироздания (*Универсума*), и полноценное знание об этом «кирпичике» с необходимостью подразумевает знание всего «здания». Однако полное знание — это горизонт, к которому вечно движется

познающий ум, и его стремление к этому горизонту оформляется в виде теорий, все более полно и целостно стремящихся объять собой бескрайний Универсум.

В отношении такой, на первый взгляд, приземленной сферы человеческого бытия, как экономика, этот принцип действует точно так же. Экономика является атрибутом человека, элементом его сущности и при более общем рассмотрении занимает свое определенное место во всем мироздании. Тогда познание экономики системно и целостно подразумевает определение места хозяйства во всей иерархии бытия: в отношении как к человеку, так и ко всему Универсуму. Это требует не просто философского анализа экономики как таковой, а философского анализа экономики в контексте бытия всего Универсума.

Именно с таких позиций рассматривают экономику философия хозяйства и некоторые научные школы экономической теории. Так, в частности, существует позиция, состоящая в том, что философия хозяйства и экономическая теория — одно и то же. Ведь обе этих формы знания служат единой цели — познания хозяйства как целого [1, 41].

Данная позиция представляется нам радикальной ввиду того, что философия по своему содержанию шире науки, поскольку позволяет себе видеть мироздание «глубже» и «дальше», чем это дается в научной картине мира, а также познавать мир способами, выходящими за пределы научной методологии: апеллировать к интуитивному знанию, облекать знание в литературно-художественную форму. По данному вопросу мы солидарны, например, с Ю.М. Осиповым: «Философия... будучи разомкнутым любознательством, идет дальше точных истин, улавливая смутные трансцендентные смыслы, за ними очередно таящиеся» [2, 1].

Тем не менее мы видим предмет философии хозяйства и экономической теории единым в цели достижения целостного знания о сущности хозяйственного, т. е. хотя философия хозяйства и экономическая теория не одно и то же в полном смысле слова, они имеют обширное поле пересечения своего предмета. Далее мы будем развивать мысль, используя понятие «экономическая теория», понимая при этом их частичное тождество в указанном выше смысле.

Итак, как отмечалось выше, целостное видение экономики подразумевает обращение взора познающего субъекта за пределы хозяйства как такового (анализ экономики в контексте бытия всего Универсума). Последнее означает расширение предмета самой экономической науки, что не может не отразиться на методологии научного познания. Вслед за расширением предмета науки идет расширение и ее метода. Как отмечает О.И. Ананьин, трансформация в методологии экономической науки, начавшаяся в 1980-е гг. одним из своих следствий имела

цель: «...радикально расширить предметное поле экономической методологии, охватившее ныне широкий спектр не только собственно методологических, но и философских проблем экономической науки. Это уже не только теория метода, фокусирующая внимание на инструментальной стороне научной деятельности — экономическая методология включила в круг своих интересов сначала эпистемологическую проблематику (анализ экономического знания и познания), а затем и онтологическую, связанную с метанаучными (философскими, этическими, идеологическими и т. д.) представлениями о самой экономической реальности» [3, 136].

Хотя существуют свидетельства в пользу того, что расширение методологии познания экономического с учетом внеэкономических факторов и выход на целостное философское осмысление экономики началось раньше. Так, теория К. Маркса содержит в себе ценные элементы методологии познания социально-экономического устройства общества. Отношение «базис — надстройка», через которое экономическая составляющая социального бытия взаимодействует с внеэкономической, дает уже более системное представление об экономике, поскольку берет последнюю в контексте более общего социального целого. Стремление целостно описать экономику оформилось также в традиции немецкой исторической школы политической экономии. Так, Г. Шмоллер отмечал: «действующие в народном хозяйстве силы суть те же, при посредстве которых достигаются и другие культурные цели, — те же, которые создают государства и церковь, образуют общественные союзы и выступают в качестве творцов нравственности, права и обычаев» [4, 8]. Представленная цитата всецело свидетельствует о видении экономического в составе системы более высокого порядка, а именно — культуры. Традиция более широкого взгляда на природу экономического в российской экономико-философской мысли была заложена С.Н. Булгаковым: «хозяйство, по существу, включает в себя человеческий труд во всех его проявлениях, от чернорабочего до Канта, от пахаря до звездочета» [5, 66].

Тем не менее, возвращаясь к теме трансформации в методологическом инструментарии, о котором пишет О.И. Ананьин, выразим предположение, что она есть свидетельство реализации более глубокого проникновения принципа рассмотрения экономики в контексте более общего, целого, в экономическую науку.

В этой связи один из интересных экономико-философских вопросов — как связаны хозяйство и духовность, какое влияние оказывает духовность на ход экономического развития общества и каким должен быть инструментарий познания в разработке этого вопроса?

В первую очередь, он должен выводить на целостное, системное видение экономики. Использование диалектической логики Г.В.Ф. Гегеля для целостного анализа экономики предлагается Д.Ю. Миропольским [6].

Суть его метода состоит в последовательном соотнесении между собой Универсума, человека и экономики с применением историко-логического подхода и системы: бытие, сущность, понятие. Соотнесение Универсума, человека и экономики между собой позволяет описать бытие через иерархическую структуру, в которой экономика обретает свое логически обоснованное место. Так закладывается основа для раскрытия отношения экономики к иным сферам бытия. В свою очередь, раскрытие содержания самих понятий Универсума, человека и экономики осуществляется через их анализ сквозь призму категорий бытия, сущности и понятия в их историко-логическом развертывании. В этом ключе «изучить экономику как целое означает изучить ее от начала и до конца. Теоретик должен показать начало хозяйства, процесс его развития и его завершение, то есть конец» [7, 15]. Однако и конец экономики не означает конца существования человека. Ведь хозяйство есть только одно из атрибутов человека. Другие два человеческих атрибута — это тело и дух. При этом тело есть более низшая по отношению к экономике определенность, а дух — высшая. Таким образом, целью хозяйственного развития для всего общества является достижение истинной духовности. Но это лишь самый общий план описания отношения экономики и духа. Конкретика выявления более частных аспектов, описание того, как именно это будет происходить, есть отдельная тема изысканий, однако примененный Д.Ю. Миропольским метод анализа хозяйства на базе диалектической логики позволил в общих чертах наметить связь экономики с высшим качеством человека — с духовностью.

Выход на философское рассмотрение экономической действительности, но, главное, соотнесение экономики с другими аспектами человеческой сущности, в том числе с духовностью, предлагается также в рамках антропологического подхода в экономической науке.

В.Т. Рязанов справедливо отмечает, что «экономические школы в своих методологических основаниях — явно или неявно — используют определенные представления о человеке, его природе и особенностях поведения» [8, 3]. Безусловно, экономика как гуманитарная наука в своих познавательных предпосылках обязательно содержит в себе элементы антропологических концепций. При этом автор отмечает, что «интерес к “человеческому фактору” в экономике» особенно возрос связи с нарастанием постиндустриальных тенденций в обществе

[8, 4]. В данном пункте В.Т. Рязанов близок к отнесению О.И. Ананьиным методологической трансформации к периоду 1980-х гг.

Линию, заданную В.Т. Рязановым, развивает в аспекте христианской антропологии М.А. Румянцев [9; 10]. Говоря о методологии изучения связи этики и экономики⁷, он отмечает: «...снятие проблемы дуализма между экономической теорией и этикой предполагает ограничение статуса математического аппарата в экономических исследованиях, а также расширение пространства взаимодействия экономической науки с религией, философией и социальной психологией» [10]. Относительно последнего пункта о необходимости расширения взаимодействия экономической теории с другими науками и формами сознания (религией, философией) для сближения экономической теории с этической тематикой мы полностью солидарны с автором. Однако безоговорочное ограничение статуса математического аппарата в экономических исследованиях для достижения оговариваемой цели мы считаем некорректным.

В данном случае мы соглашаемся с позицией В.А. Канке, состоящей в том, что математические методы исследования в экономике должны применяться на основе соответствия положений теории математическому аппарату. Критикуя Е.В. Балацкого относительно высказанного им положения о том, что «чрезмерная математизация современной экономической теории как бы “подтачивает” науку изнутри», В.А. Канке отмечает: «Выражение “чрезмерная математизация экономической науки” нельзя отнести к числу ясных. Исследование потенциала математики не может быть чрезмерным. А вот подмена экономической теории ее математической моделью — это действительно неоправданная акция» [11, 294]. Математические методы анализа в экономической теории, как и иные формы формализации, в процессе научного познания имеют важное познавательное значение.

Рассмотрим следующий отрывок из одной статьи в ракурсе обсуждаемого вопроса.

«Институт психологии РАН в русле развиваемой в нем количественной макропсихологии разработал индекс нравственного состояния общества, позволяющий дать количественную оценку этого состояния. Он основан на интеграции таких показателей, как 1) количество убийств (на 100 000 жителей); 2) количество беспризорных детей (на 100 000 жителей); 3) индекс коррупции; 4) индекс Джини, выражающий неравномерность распределения доходов» [12, 158]. После описания данного индекса автор цитируемой статьи делает сноску с поясне-

⁷ Что может быть интерпретировано как частное проявление связи духовности и экономики.

нием: «Разумеется, нравственно состояние общества выражается не только этими, но и другими показателями, но именно они представляются наиболее адекватными и при этом позволяющими оценить его разнообразные проявления. Указанные параметры обнаруживают высокую корреляцию между собой, что подтверждает возможность их рассмотрения в качестве проявления единого целого — нравственной “температуры” общества» [12, 158].

Представленный выше индекс есть одна из попыток «измерить» нравственность общества, применить формальные и численные методы анализа. Как и любой иной формализованный подход к вопросам этики, нравственности, духовности, данная концепция имеет свои ограничения, однако исследование потенциала «союза математических методов с экономической теорией» представляет собой отдельный вопрос. Вследствие этого утверждение о необходимости тотально сократить статус применения математических методов в экономике для сближения экономики с этикой без каких-либо оговорок или учета различных аспектов данного вопроса представляется все-таки спорным. Еще раз отметим — сферы этики и духовности и их проявление в хозяйственной деятельности имеют свои ограничения по формально-математическому исследованию, но тезис о принципиальной невозможности такового видится нам преувеличением. Более того, на наш взгляд, формализация и моделирование как методы научного познания с необходимостью должны применяться в вопросах анализа духовности в экономике, поскольку дополняют диалектический метод, являясь частью формально-логического подхода.

Диалектический метод с применением триады категорий: бытия, сущности, понятия — приложенный к рассмотрению экономики как части Универсума и позволяющий раскрыть ее историко-логическое развитие, а также антропологический подход, содержательно также направленный на глубокую, расширенную трактовку экономического с выходом на истоки экономики в самой сущности человека, крайне важны для целостного познания хозяйства. Они дают возможность широкого охвата экономики в контексте иных сфер неэкономического содержания, но для выхода на более конкретное, однозначное знание в этих подходах должны найти применение и формально-логический подход с такими его элементами, как экономико-математическое и логико-математическое моделирование.

Формально-логический подход позволяет формулировать и решать вопрос о влиянии духовности на экономику в плане конкретного, однозначного знания. Если диалектический подход позволяет увидеть экономическое и духовное одновременно и как единое, и как разде-

ленное, и как взаимообусловленное⁸, то формально-логический — дает возможность рассматривать именно влияние духовности на экономику как определенной условно внешней по отношению к ней силы. Разворот темы в таком ракурсе делает реальным включение духовности как реального фактора влияния в экономико-математические модели с формулировкой отношения духовности к экономике в виде: «экономика = f (духовность)».

Рассуждая далее, следует отметить, если вопрос о связи духовности и экономики формулируется в терминах влияния, то здесь обязательно возникает проблема его направленности: отрицательно оно или положительно, т. е. способствует повышению экономической производительности, эффективности либо же снижает ее. А вопрос об экономической эффективности является одним из основных в экономической теории и практике.

При этом аналитический обзор исследований в области влияния духовности на экономику привел автора к выводу о том, что за редким исключением⁹ вопрос о направленности влияния духовности на экономику в изученных работах не ставится либо это влияние рассматривается как положительное по умолчанию. Тем не менее есть основания полагать, что влияние духовности на экономику может и не иметь однозначно положительной направленности. Таким образом, мы уверены, что разработка данного вопроса посредством формально-логического подхода внесет в него значительный актуальный вклад.

Между тем изыскания на тему влияния духовности на экономическую эффективность порождает необходимость ее оценки. Возникает методологическая задача сопоставления категории духовности с показателями результативности хозяйственной деятельности. Последнее разворачивается в две относительно обособленных проблемы, где пер-

⁸ Так, в концепции Д.Ю. Миропольского (в целом концепция изложена в учебнике «Основы теоретической экономики» [7]) целью экономики является достижение состояния духовности, поэтому духовность как цель внутренне содержится в экономике (момент единства экономики и духовности). Однако в эпоху разделения труда (наше время) экономика выступает как доминанта по отношению к духовности и в этом смысле противостоит ей, отрицает ее (момент противоречия между экономикой и духовностью). Как противостоящие друг другу, тем не менее, экономика и духовность взаимодействуют: экономика дает основу для духовной реализации, а духовность проявляется в экономическом развитии, приближающем светлое будущее человечества, свободное от материальной нужды и позволяющее достичь истинной духовности (последний тезис наиболее полно раскрыт в работе Д.Ю. Миропольского [13]).

⁹ В качестве исключения можно по праву назвать фундаментальный труд В.Ю. Катасонова [14].

вая — выбор критериев оценки самой эффективности и вторая — определение категории духовности. На наш взгляд, конструктивным в разрешении указанной задачи является применение ценностного подхода, который по своей сути является частным аспектом антропологического принципа в экономической науке. Учет ценностного измерения в хозяйственной деятельности оценивается как одно из направлений формирования современной методологии экономической науки [15]. Ведь экономика есть творимая человеком реальность. И как творимая реальность, она содержит ценности, заложенные в нее человеком. Именно ценности определяют отношение человека к результатам хозяйствования. Если на уровне функционирования хозяйственной системы оценка деятельности формируется в терминах эффективности как соотношение затрат и результатов, то в этом случае уже возникает проблема множественности такой оценки. Так, на уровне общества как целого, не все, что «эффективно» по частным экономическим критериям, отвечает критерию общечеловеческой ценности. Но главное — различным может быть отношение к результатам как таковым. В этом смысле высокая экономическая эффективность может и не иметь высокой общечеловеческой ценности.

Ведь существуют ценности, имеющие более высокий порядок по отношению к экономическим, и эти ценности, реализуясь в целях и далее — в хозяйственной практике, оказывают воздействие на саму хозяйственную деятельность. Если духовность определить как высшую ценность «эссенцию истины» [16, 22], то можно предположить, что эта ценность не всегда будет совпадать с экономической ценностью как ценностью более низкого уровня. Структура ценностей — как экономических, так и духовных — это то, что необходимо обязательно иметь в виду при постановке и решении задачи влияния духовности на экономику.

В данной статье мы рассматривали диалектический, формально-логический, ценностный подходы и антропологический принцип в экономической теории как элементы методологической составляющей анализа влияния духовности на экономику. Совокупность этих подходов, на наш взгляд, является методологической основой как для целостного анализа экономики вообще, так и для разработки такой частной темы, как влияние духовности на экономику. Диалектический и формально-логический методы являются основными методами научного познания вообще, а антропологический принцип и ценностный подход позволяют выйти на тему духовности в экономике. Раскроем эти положения подробнее.

В основе методологического подхода к изучению влияния духовности на экономику, как было отмечено в начале данной статьи, лежит

принцип изучения экономики как целого. Ведь отношение духовности и экономики — это прежде философский вопрос о сущности первого и второго и о фундаментальной связи между ними. А раскрытие этого вопроса невозможно без видения как первого, так и второго в их целостности. Было отмечено, что достичь системной целостности в решении этого вопроса позволяет диалектический метод¹⁰. Таким образом, в основе методики анализа влияния духовности на экономику лежит диалектический подход. Однако он имеет свои познавательные ограничения.

Дело в том, что диалектический метод эффективен относительно наиболее общих, фундаментальных аспектов экономического бытия, а также относительно определения духовности в связи с экономикой. В свою очередь, формулировка однозначных закономерностей посредством диалектики затруднительна, поскольку в свете диалектики предмет познания имманентно содержит в себе противоположности, взаимодействие которых обеспечивает развитие этого предмета. Однако с теоретической и тем более с практической точки зрения экономист заинтересован в получении конкретного, однозначного знания, на базе которого возможно, например, диагностировать состояние хозяйственной системы, в которой проявляется духовность, а также формулировать предложения по экономической политике на основе этого знания. Между тем диалектическая логика для решения указанных задач не подходит, нужна логика формальная.

Формальная логика позволяет выявлять и анализировать однозначные формы связи, исследовать закономерности влияния духовности на экономику в конкретных историко-социальных условиях хозяйствования и при целом ряде заданных параметров хозяйственной системы. Формальная логика может применяться для анализа формы и содержания проявления духовности в условиях конкретной национальной экономики или отдельно взятого хозяйствующего субъекта (индивида, предприятия, отрасли) либо с использованием определенных моделей хозяйственных систем. А это знание также является важнейшей составной частью системного знания об экономике.

Таким образом, применительно к своему предмету познания и к своей цели следует использовать свой соответствующий метод анализа. «Для одних экономических действий адекватно формально-логическое их осознание, для других — диалектико-логическое» [17, 4].

¹⁰ Как его частное приложение к теме системного изучения экономики мы рассмотрели методологический подход, разработанный Д.Ю. Миропольским.

При этом сделаем важное отступление. Когда говорится о том, что логика едина и неделима и что должна применяться целостно¹¹, то мы, конечно, с этим согласны в том смысле, что диалектическая и формальная логика дополняют друг друга в познавательном процессе и должны применяться совместно. Однако тем не менее это два относительно обособленных методологических инструментария, каждый из которых имеет свои возможности и свои ограничения, что обуславливает их тесное взаимодействие. Но если же данный тезис понимается как необходимость их синтеза для образования единого монолитного целого, тогда должна быть, как минимум, обоснована возможность такого синтеза.

Итак, диалектический и формально-логический методы образуют основу системного познания экономики как целого. Далее посмотрим, как они соотносятся с антропологическим принципом и ценностным подходом.

Если диалектическая и формальная логика применимы (насколько это соответствует современной научной картине мира) к анализу любых сфер бытия, то антропологический принцип и ценностный подход соответствуют философско-гуманитарной области познания, к которой, в частности, принадлежит вопрос влияния духовности на экономику. Таким образом, данные подходы содержательно уже имеют в себе проблематику отношения экономического и духовного.

Итак, суммируем вышеизложенные положения в отношении методологического инструментария анализа влияния духовности на экономику.

Диалектический и формально-логический подходы являются инструментом анализа бытия в целом, безотносительно к его частным формам: т. е. применимы как для природы, так и для общества.

При этом диалектический метод позволяет увидеть предмет познания как системное развивающееся целое, выявить движущие силы его развития. Однако с его помощью нельзя сделать однозначное, непротиворечивое суждение о свойстве предмета анализа, нельзя увидеть функциональные однозначные односторонние зависимости между элементами изучаемого.

¹¹ Например, идея о необходимости синергетического единства формальной и диалектической логики высказываются Т. Кулиевым: «...в сфере экономики необходимо чувствовать логичность не только законов формальной логики, но и законов единой логики, а не так называемой логики, разделенной на две части — формальной и диалектической, а также законов экономической науки. Здесь должно быть синергетическое соответствие, согласованность между законами этих двух наук, а не их противоположность, отчуждение, отрицание друг друга» [18, 17].

Формально-логический метод позволяет формулировать непротиворечивые суждения и давать однозначные определения, выявлять четкие связи, функциональные зависимости. Слабость формально-логического подхода состоит в том, что он не дает целостной картины анализируемого предмета.

В свою очередь, антропологический и ценностный подходы дополняют два вышеперечисленных тем, что выводят на проблематику отношения экономики и человеческого духа. Они имманентно содержат в себе потенциал развития этой темы. При этом ценностный подход конкретизирует антропологический и приближает к рассмотрению духовности в связи с экономикой.

Литература

1. *Миропольский Д.Ю., Попов А.И.* Экономическая теория и философия хозяйства: отождествление, различие, противоположение // Известия СПбГУЭФ. 2005. № 3 (43).
2. *Осинов Ю.М.* Очерки философии хозяйства. М., 2000.
3. *Ананьин О.И.* Экономическая наука в зеркале методологии // Вопросы философии. 1999. № 10.
4. *Шмоллер Г.* Народное хозяйство. Наука о народном хозяйстве и ее методы. М., 2012.
5. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 2008.
6. *Миропольский Д.Ю.* Принцип системности в теоретической экономике // Проблемы современной экономики. 2011. № 1 (37) // <http://www.m-economy.ru/>.
7. Основы теоретической экономики: Учеб. для вузов. СПб., 2014.
8. *Рязанов В.Т.* Антропологический принцип в экономике // Вестн. Санкт-Петербургск. ун-та. Сер. 5. Экономика. Вып. 1. 2006. Март.
9. *Румянцев М.А.* Антропологический подход к исследованию экономики: постановка проблемы // Вестн. Санкт-Петербургск. ун-та. Сер. 5. Экономика. Вып. 1. 2006. Март.
10. *Румянцев М.А.* Религия и экономика в контексте русской философии всеединства // <http://www.m-economy.ru/>.
11. *Канке В.А.* Философия экономической науки. М., 2012.
12. *Юревич А.В.* Нравственное состояние современного российского общества // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимодействие. Научные и публицистические заметки обществоведов. М., 2010.
13. *Миропольский Д.Ю.* Неэквивалентный обмен как осуществление духа в экономике // Проблемы современной экономики. 2005. № 3/4 (15/16) // <http://www.m-economy.ru/>.

14. *Катасонов В.Ю.* Капитализм: история и идеология «денежной цивилизации» / Под ред. В. Платонова. М., 2013.

15. *Ведин Н.В., Газизуллин Н.Ф., Хасанова А.Ш.* Актуальные вопросы разработки методологии современной экономической науки // Проблемы современной экономики. 2003. № 3/4 (7/8) // <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=302>.

16. *Хачецуков З.М.* Феномен духовности в развитии российского общества: социально-философский анализ. Дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2007.

17. *Миропольский Д.Ю.* «Здравый смысл» в экономической теории: причины господства и неизбежность самоликвидации // Вестн. Санкт-Петербургск. ун-та. Сер. 5. Экономика. Вып. 4. 2005. Дек.

18. Экономическая логика. М., 2013.

М.Р. ЭЛОЯН

Н. Якобс: конфуцианство и капитализм (мандаринат)

Аннотация. Впервые анализируется работа Якобса с точки зрения постановки проблемы «конфуцианство и капитализм». Рассматриваются конфуцианские основы мандарината как главного института, охраняющего традиции китайского общества. Китайская бюрократия представлена как организаторская, управленческая, производительная сила, деятельность которой направлена на сохранение существующего бюрократическо-феодалного строя Китая. Показывается мандаринат как главное препятствие к становлению в Китае современного индустриального капитализма.

Ключевые слова: конфуцианство, капитализм, феодализм, мандаринат, традиция, порядок, династия, бюрократия, ирригация, земледелие, стратификация, закон, легисты, этика, этическое право.

Abstract. In this article «N. Yakobs: Confucianism and capitalism (mandarinat)» Yakobs' work is analyzed from the point of view of problem statement «Confucianism and capitalism» for the first time. Confucian basics of mandarinat as the main institute protecting traditions of the Chinese society are covered. The Chinese bureaucracy is presented as the organizing, administrative, productive force which activity is directed on preservation of an existing bureaucratic and feudal system of China. Mandarinat is shown as the main obstacle to the formation of modern industrial capitalism in China.

Keywords: confucianism, capitalism, feudalism, mandarinat, tradition, order, dynasty, bureaucracy, irrigation, agriculture, stratification, law, legist, ethics, ethical right.

Постановка проблемы «конфуцианство и капитализм»

М. Вебер в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» ставит вопрос: почему современный индустриальный капитализм возник исключительно в Западной Европе? — Н. Якобс же в книге «Возникновение современного капитализма и Восточная Азия» затрагивает тот же, веберовский, вопрос, но применительно к восточноазиатскому региону: «Почему современный индустриальный капитализм появился в одном восточном азиатском обществе (Японии), а не в другом (Китае)?» [1, IX]. Якобс — представитель веберовской социологической школы, которая акцентирует свое внимание не столько на описании исторических причин возникновения капитализма, сколько на определении тех социальных ценностей, благодаря которым и стало возможным появление современного капитализма: «Я отношусь к той социологической школе, которая рассматривает общественные ценности в качестве фундаментальных основ, на которых держатся общественные институты. Соответственно я определяю и показываю конкретные социальные ценности, представляющие интерес в конкретном анализе восточноазиатских обществ, относительно организации современного капитализма» [1, IX].

В связи с этим выбор Якобсом для сравнительного анализа таких стран, как Япония и Китай, вовсе не случаен. Несмотря на то, что эти страны на протяжении столетий находились в культурно-историческом взаимодействии, и у них во многом общее прошлое, будущее их различно: в Японии возник капитализм западноевропейского образца, а в Китае нет. Согласно Якобсу, причина состоит в существовании разных социальных ценностей, благодаря которым Япония оказалась ближе к Западной Европе, чем к Китаю. Поэтому вторым аспектом работы Якобса, который мы и будем рассматривать в данной статье, является сравнительный анализ Китая и Западной Европы. Сопоставление Западной Европы и Китая также является не случайным, а весьма удачным выбором Якобса, ибо он подтверждает гипотезу М. Вебера, согласно которой не материальные, а духовные ценности сыграли решающую роль в возникновении западноевропейского капитализма. Ведь, как известно, материально-технические предпосылки возникновения индустриального капитализма в Китае были созданы значительно раньше, чем в Западной Европе, и тем не менее Китай не пошел по пути капиталистического развития. Согласно М. Веберу, различия между капитализмом и некапитализмом лежат не в материальных условиях, а в *системах ценностей*, которые уходят своими

корнями в религиозные системы ценностей. «Действительно, веберовская теория снижает технологические данные до уровня зависимой переменной и поднимает ценностную ориентацию до уровня главной или различительной константы» [1, IV]. И в этом смысле технологические параметры являются субъективными элементами, тогда как системы ценностей — ментальные взгляды — объективными.

Исходя из веберовской методологии исследования социальных явлений и из решения М. Вебером вопроса о влиянии аскетического протестантизма на становление западноевропейского капитализма, задача Якобса и состояла в том, чтобы показать соотношение конфуцианства — государственной религии Китая — и современного индустриального капитализма. Поэтому вслед за Вебером, который поставил проблему «протестантизм и капитализм» и решил ее в позитивном смысле, показав влияние протестантизма на становление западноевропейского капитализма, Якобс поставил проблему «конфуцианство и капитализм», но решил ее в негативном смысле, показав, как конфуцианство, используя свой ментальный и государственный ресурс, предопределило некапиталистический путь развития Китая.

И все-таки Якобс, несмотря на свои неоднократные заявления, не является чистым веберянцем. Во всяком случае, он не отказался от исторического метода исследования происхождения западноевропейского капитализма, который, в принципе, не приемлет М. Вебер. Ведь у Вебера западноевропейский капитализм является результатом удачного совпадения многих факторов, поэтому его возникновение — случайность, а не закономерность. Это такая же загадка истории, как и возникновение античной цивилизации или западноевропейской науки. Во всяком случае, ни о какой исторической преемственности капитализма по отношению к предшествующему ему феодальному обществу у Вебера речи нет. Поэтому Вебер отбрасывает этот докапиталистический материал, видя в нем антитезу западноевропейскому капитализму, тогда как Якобс, напротив, рассматривает западноевропейский феодализм в качестве предпосылок возникновения западноевропейского капитализма. Гипотеза Якобса, собственно, и состояла в том, что, как он утверждал, феодализм был неоднороден на Западе и Востоке, именно поэтому в одних феодальных обществах вызревали предпосылки для возникновения современного индустриального капитализма, а в других нет. Поэтому он и сосредоточивает свое внимание на сравнительном анализе европейского и китайского феодализма. В результате Якобс показывает, что западноевропейский капитализм созрел в недрах военно-аристократического феодализма Европы, тогда как некапиталистический путь развития Китая, логическим завершением которого и стал китайский коммунизм, сложился в недрах бюрократического феодализма Китая.

Попытка показать преемственность между западноевропейским феодализмом и современным капитализмом приводит Якобса в лоно марксизма, для которого западноевропейский капитализм является не случайным, а закономерным результатом развития предшествующей ему феодальной общественно-экономической формации. Точно так же попытка показать преемственность между китайским феодализмом и китайским коммунизмом приводит Якобса в рамки Марксовой идеи существования обществ «азиатского способа производства», которые сам Маркс, не включив в свое учение об общественно-экономических формациях, вывел за пределы европейской истории. В рамках этой идеи Якобсу удалось показать отличие китайского феодализма от западноевропейского, а западноевропейский капитализм и китайский коммунизм представить как альтернативные пути развития Запада и Востока. Якобс при этом ни разу в своей книге не упомянул имени К. Маркса, в отличие от имени М. Вебера, что позволило Дж. Нидаму, писавшего свою работу «Общество и наука на Востоке и на Западе», во многом на материалах книги Якобса, саркастически заметить: Якобс «совершил чудеса ловкости, чтобы обойтись без ссылок на Маркса и Энгельса» [2, 165]. И при этом напомнить читателям, что сама концепция «азиатского бюрократизма», или «бюрократического феодализма», как ее стали называть историки, «взята из работ Маркса и Энгельса, которые основывали ее на свидетельствах XVII века, собранных французом Франсуа Бернье...» [2, 153].

И все-таки Якобс, синтезируя веберовские и марксовские методы исследования социальных явлений, в решении вопроса «конфуцианство и капитализм» остался на позициях М. Вебера, потому что специфику китайского феодализма как предпосылку китайского коммунизма он связывал исключительно с духовным фактором — влиянием конфуцианства на все институты китайского общества. Религия в Китае больше, чем просто религия, — это принцип государственного устройства. И в этом отличие Китая от Европы, где церковь и государство всегда представляли собой конкурирующие силы, проделавшие путь от «доктрины двух мечей» до отделения церкви от государства. В Китае конфуцианство на протяжении тысячелетий обладало государственным статусом, и, по Якобсу, эра конфуцианства не закончилась до сих пор, ибо националистическое и коммунистическое государство есть не что иное, как функциональный эквивалент конфуцианскому государству в новых исторических условиях. Эту мысль Якобса выразил Нидам: «Китай всегда был “однопартийным государством”, и правящей партией в стране была более двух тысячелетий конфуцианская партия» [2, 164].

Мандаринат

Якобс в рамках своей гипотезы существования различных типов феодализма в Западной Европе и в Китае определяет западноевропейский феодализм как военно-аристократический, а китайский — как бюрократический. В отличие от Западной Европы, где военные стояли выше гражданских, в Китае бюрократия и земледельцы всегда были выше военных, а гражданская власть — выше армейской. Поэтому в Западной Европе власть осуществляли поместные бароны, получавшие свой титул, как правило, за рыцарские и военные заслуги, а в Китае — чиновники, которые получали свои должности за успехи в образовании. Если развивать Марксову мысль о трех типах зависимости в истории, можно сказать, что если западноевропейский феодализм строился на принципе личной зависимости, то китайский — на гражданской, бюрократической. Поэтому, в отличие от Западной Европы, где государство опиралось на силу и выступало как аппарат для подавления, в Китае государство являлось аппаратом для управления всех сфер жизнедеятельности китайского общества. На Западе такой бюрократический аппарат Китая известен как *мандаринат*. «Именно этот институт в гораздо большей степени, чем какой либо другой, позволяет понять суть и смысл» [2, 156] бюрократического феодализма Китая и ответить на вопрос, почему в Китае так и не сложились предпосылки для становления современного индустриального капитализма.

Мандаринат возник в конфуцианскую эру государственного строительства, когда конфуцианцы пришли к власти. Хронологически это относится к началу правления ханьской династии — II в. до н. э. Именно в эту эпоху китайская система образования, которой командовали конфуцианцы, была соединена с китайской системой управления и министерство образования вошло в состав правительства Китая. Через систему мандарината воплотилась в действительность концепция «благородного мужа» Конфуция, согласно которой править должен не богатый и не знатный человек, а человек образованный, который в полном смысле и является «благородным мужем». Ведь согласно конфуцианской концепции знания как добродетели, образованный человек есть нравственный человек, а нравственный человек — образованный человек.

В итоге, в Китае сложилась ненаследственная система передачи власти и имущества, согласно которой высшие государственные должности занимались не за счет фактора собственности или родственных связей, а на основе конкурсного отбора через систему экзаменов. Система экзаменов стала самым популярным и идеальным путем к вершине власти в Китае. «Экзамены привели к тому, что более двух тысячелетий мандаринат поглощал все лучшие умы нации, причем такой нации, которая занимает половину континента» [2, 157].

Другими словами, в результате отказа от наследственного принципа передачи власти и имущества в Китае была создана государственная система по привлечению лучших умов к управлению государством, поднимая искусство административного управления на высокий уровень, «поскольку талант администрирования полностью или почти полностью поглощался социальной структурой...» [3, 33].

В истории человечества именно в Китае еще в древние времена такой фактор, как знание, получил реальный статус политической власти. И это не только на фоне Древней Греции, где платоновские претензии на власть мудрейших философов так и остались утопией, но и на фоне феодальной Европы, где лучшие умы всегда были «свободными талантами», но не востребованными ни обществом, ни государством, вынужденными для своего выживания искать счастье за пределами своего государства. И в этом отношении государственное устройство Китая по уровню образования управленческой элиты изначально было более рациональное и эффективное и, можно сказать, более передовое, чем европейское, потому что европейское государство пришло к тому же — к формированию ненаследственной элиты, но значительно позже — через две тысячи лет. Только в результате буржуазно-демократических революций XVII—XVIII вв., главным достижением которых стало отрицание принципа наследования в области политики, элита европейского общества начала формироваться не только за счет наследования собственности и родословной, но и за счет фактора знания. Хотя, как показали исследования французской социологической школы, проведенные во второй половине XX в. на примере больших индустриальных групп, фактор знания так никогда и не стал на Западе единственным критерием для занятия высших эшелонов государственной власти, как это было в Китае. В Европе он делил свои позиции с фактором собственности, причем не в свою пользу, а в США уступал фактору карьеры¹².

Как видим, Запад, известный своими устремлениями к просвещению и прогрессу, тем не менее в таком важном показателе, как уровень образования управленческой элиты, обеспечивающей порядок в обществе, изначально уступал Китаю. Неслучайно уже физиократы, вдохновленные историей Китая, рекомендовали французскому абсолютизму стать «просвещенным деспотизмом»; а их последователи ратовали за абсолютизм, ограниченный законом, по примеру Китая, где деспо-

¹² Так, во Франции, самой передовой в этом отношении европейской стране, которая ввела аспирантуру для подготовки на должность директора предприятия, 50% высших эшелонов экономической власти заняты фактором собственности, а оставшиеся 30 и 20% соответственно — фактором образования и карьеры [4, 510]; тогда как в США 85% — фактором карьеры, а оставшиеся 15% — фактором собственности и образования [5, 640].

тизм был ограничен традициями. «Эта структура была для физиократов, конечно, “просвещенный деспотизм”... Теоретически император мог считаться абсолютным правителем, но на практике его власть была ограничена традициями и обычаями, которые век за веком находились под воздействием конфуцианской интерпретации исторических текстов» [2, 163—164]. Иначе говоря, речь идет о том, что в Китае традиция — это «китайское божество», охраняемая учеными бюрократами, всегда стояла выше власти правителя (будь то император или лидер партии).

Организационно это выглядело так: внутренняя структура политической власти Китая была разделена между номинальным правителем и учеными бюрократами, избранными на эту должность конфуцианской системой образования, изучающей конфуцианские Священные книги. И хотя изучение Священных книг было доступно каждому, монополией на их знание обладали ученые конфуцианцы, которые сделали из этого свою профессию. Они редактировали, исправляли, а главное, давали многочисленные комментарии к священным текстам, которые в некотором роде, приравнивались к самим этим текстам. И всем этим владели конфуцианцы, которые, собственно, и были хранителями и законодателями традиции.

Между правителем и бюрократией существовала взаимная система контроля. Бюрократия контролировалась отделом государственной службы, что устраняло возможность появления в Китае бюрократии, существующей независимо от политического контроля и так необходимой, согласно М. Веберу, для организации современного индустриального капитализма. В результате этого в Китае сложилась жесткая политическая централизованная власть, осуществляющая свое правление через бюрократическую сеть. В свою очередь правитель контролировался ученой бюрократией на верность традициям и обычаям китайского общества. Цензорский отдел, созданный при правительстве, как раз таки и следил за ортодоксальностью правителя. «У цензора были неограниченная свобода слова и доступ к номинальному правителю. Иногда, что касается примера в династии Цзинь, правители сопротивлялись цензорам, отклоняя их ходатайства, удаляя их от службы. Но цензоры как группа выжили, потому что этот отдел мог предотвратить попытки правителя нарушить пределы конфуцианства» [1, 98]. В итоге «контроль над существенными функциями общественного строя гарантировал бюрократии безопасную и необходимую роль в структуре власти... фактически, как единственные владельцы накопленного знания, они были владельцами правителя, поскольку он зависел от них, чтобы управлять тщательно продуманным политическим аппаратом» [1, 94].

Другими словами, во многом успех или неудача правителя зависели от хорошего управленца, обязанностью которого было знать — что

и как нужно делать согласно священным традициям. «Чтобы быть правильным, правитель должен следовать за предписаниями, установленными élite, традиционно конфуцианцами, как агентами Небес» [1, 196]. Мудрость правителя как раз таки и состояла в том, чтобы подобрать превосходных управленцев, способных решать теоретические и практические задачи. Эта система гармонии между правителем и ученой бюрократией сохранилась и в республиканский период истории Китая — ни националисты, ни коммунисты не изменили эту взаимосвязь: правители приходили и уходили, но среди советников всегда было много конфуцианцев. «Конфуцианцы, владеющие священными знаниями, в дальнейшем существовали подобно тайного ордена при любой власти» [1, 197]. Таким образом, в отличие от Западной Европы, где власть была фрагментирована на многие независимые конкурирующие группировки, а впоследствии партии, в Китае всегда был единственный источник власти — постоянный и априорный — бюрократия, образованная по строгим канонам конфуцианской классики, а позже — по программным документам националистической и коммунистической партий.

Главной заботой бюрократии являлось сохранение существующего порядка в обществе. Ведь как показала китайская история, правитель был правителем до тех пор, пока следовал традиции, обеспечивая порядок и стабильность в обществе, и переставал им быть, когда нарушал традиции и ввергал общество в хаос. Самые известные факты китайской истории — это крушения династий Ся и Шань, когда их правители нарушали традиции, что незамедлительно отзывалось стихийными бедствиями — наводнениями и засухами. Это означало, что от правителя отвернулось Небо и он стал обычным смертным, поэтому его можно легко свергнуть. Для народа это был сигнал для свержения существующей власти и освобождения престола для достойного правителя. В этом смысл китайской легитимности революции. Учитывая ту роль, какую наводнения и засухи играли в смене власти, понятно, что главным кабинетом власти в Китае со времен ханьской династии был отдел, занимающийся гидравлическими работами, который в своей деятельности опирался на священную конфуцианскую «Книгу обрядов», где был установлен тщательно продуманный ритуал для осмотра гидравлических предприятий Китая. «Эта хроническая экономическая проблема — засуха — использовалась как средство создания основания для власти в китайском обществе, а также как экономическая функция (обеспечение борьбы с наводнениями или ирригации)» [1, 94].

А. Виттфогель был первым западным ученым, кто обратил внимание на то, что важнейшей функцией китайской бюрократии была организация гидравлических работ — так необходимых для развития сельского хозяйства страны. «Без риска впасть в противоречия можно ска-

зять, что во всей китайской истории организаторские функции были важнее, и как раз эту особенность Китая сумел подметить Виттфогель. Топографическая специфика страны и потребности сельского хозяйства с самого начала вынуждали вести гидрологические работы в крупных масштабах, чтобы, во-первых, регулировать большие реки для защиты от наводнений и тому подобных неприятностей, во-вторых, чтобы использовать воду для ирригации. Особенно в районах заливного риса, и, наконец, для создания разветвленной сети каналов, по которым можно было бы доставлять налог в виде зерна на сборные пункты, а оттуда — в столицу. Во все времена величайшим национальным героем Китая оставался специалист-гидролог» [2, 154].

Земледелие составляло основу экономической жизни китайского государства, поэтому оно всегда находилось под контролем правительства. «Государственная бюрократия всегда брала на себя функции общей организации производства, то есть отвечало за широкую сельскохозяйственную политику, что оправдывает существование государственного аппарата в обществах этого типа как “высшее экономическое командование”. Среди прославленных в древности великих государственных деятелей только в Китае мы обнаруживаем руководителей инженерных и сельскохозяйственных работ, таких как Шу Куе, Шу Ту, Шу Нуи» [2, 155]. Смена правительств за всю историю Китая — неважно, какую идеологию они разделяли — конфуцианство, национализм или коммунизм, — ничего не изменила в организации сельского хозяйства, которое осталось таким же, как и тысячи лет тому назад. До сих пор правительство определяет сроки сельскохозяйственных работ, доли урожая, распределение труда и техники. Кроме того, правительство тщательно контролировало деятельность земледельца, который все полученное богатство от земли должен был вложить обратно в землю для увеличения ее производительности. «Особое значение для правящей власти имело принятие, как социальной ценности, принципа, что все избыточное богатство земледельца нужно повторно инвестировать в землю; таким образом, земля стала единственным источником законной экономической безопасности и социального признания, открытого для земледельца в традиционном Китае» [1, 24].

Организаторская функция китайской бюрократии расценивалась как производительная, поэтому бюрократы, наряду с земледельцами, всегда считались в Китае производительными, или, как их назвал Якобс, «фундаментальными классами» китайского общества. Уточняя сложившуюся терминологию, определившую китайский феодализм как бюрократический, в противоположность европейскому военно-аристократическому, мы бы предложили определение — «бюрократическо-земледельческий» феодализм, которое подчеркивает специфику китайской экономики как исключительно земледельческой культуры, где земледельцы и бюрократы равным образом считаются фундамен-

тальными классами общества (как производители и организаторы) в противоположность нефундаментальным — торгово-военно-промышленным классам общества.

«Роль государственного служащего в Китае оценивалась столь же производительной, как и земледельца. Отчуждение ученого бюрократа от своей работы допускалось только в том случае, если он в другой работе проявит себя более, а не менее, производительным» [1, 114]. Но, как правило, мандаринат препятствовал переходу чиновника в земледельцы. «Если чиновники работают на земле, то страдает политика... политическая прозорливость исчезла бы с отсутствием или с упадком политической бюрократии. Хотя сельское хозяйство основное, тем не менее, чиновники должны избегать участвовать в нем. Идеальная роль ученых-чиновников была ролью класса, чья деятельность, исключительно, связана с управленческой службой» [1, 114]. Здесь действовал принцип, согласно которому каждый должен занимать свое место и действовать в соответствии с ним: управлять должны те, кто имеет право управлять, а все остальные — следовать им, иначе это приведет к разрушению общественного строя. Но в этом нет аналогии с кастовой системой Индии, в которой был запрещен переход из одной касты в другую и уж тем более путь наверх. Ибо в Китае выход, вернее, исход из своей социальной страты и улучшение своего социального положения, есть — за счет системы образования, которая была доступна всем, а потому существовала и возможность для всех стать чиновниками. А то, что образование в Китае было доступно всем, по сравнению с Европой, об этом писал еще Иакинф, проживший в Китае достаточно долго для того, чтобы заметить, что уровень образования среднего китайца значительно выше уровня образования среднего европейца. «С точки зрения вертикальной подвижности, Китай был почти идеальным примером открытого классового общества. «Все могут стать мудрецами», согласно древним. С ранним введением печати в китайской истории и системой экзаменов» [1, 143] это стало доступно почти всем. Потому что ограничения все же были, и под «всеми, кто могут стать мудрецами», в действительности, понимались только два сословия: крестьянство и чиновники. «С точки зрения корпоративного анализа класса китайское общество не мобильное общество; подвижность ограничена особыми людьми, перемещающимися между определенными отделениями двух возможных корпоративных категорий» [1, 142], а не общества в целом. Поэтому, с одной стороны, социальная мобильность китайского общества отвечала духу конфуцианства и была почти идеальной — умные и образованные занимали в обществе самые высокие места, а с другой — она распространялась только на чиновников и крестьян и не касалась промышленников, торговцев и военных.

В отличие от европейского государства, где главной добродетелью был *закон*, добродетелью китайского государства, которая носила всеобщий характер и этому «починялись» все, была *нравственность*. Закон в Китае играл второстепенную роль, потому что в нем видели плохую замену нравственности и не верили в его моральную силу. И в этом принципиальное отличие «просвещенного деспотизма» Китая от ограниченного абсолютизма Европы, или, что то же самое, отличие традиции Китая от закона Европы. И не только потому, что традиции вечны, а законы временны, что традиции установлены народами, а законы правительствами. Дело в том, что традиция является внешним выражением нравственности народа. В Китае, в отличие от Европы, где была разорвана связь между нравственностью и законом, существовавшая в феодальном каноническом праве (когда даже намерение совершить преступление каралось как деяние), и была установлена власть закона, нравственность всегда стояла выше закона. В этом смысле показателен спор между конфуцианцами и легистами (китайскими законниками), которые хотели вывести судебную систему Китая из-под контроля конфуцианцев — законодателей нравственности, и установить власть закона. Спор касался юридической практики конфуцианства, которая исходила не из природы деяния, а из личности потерпевшего и преступника. Легисты, наоборот, предлагали исходить из квалификации преступления, а не из характеристики участников тяжбы, но их аргументы не нашли должного отклика в китайском обществе. В итоге, в Китае не сформировался независимый от государства правовой механизм и не восторжествовал европейский принцип равенства всех перед законом. И в этом смысле, по Якобсу, конфуцианские юридические практики выше европейских, потому что ближе к правосудию, или к тому, что он назвал «этическим правом», где нравственная оценка важнее формальной юридической, или, другими словами, высшие соображения нравственности и существующего порядка выше интересов отдельных лиц.

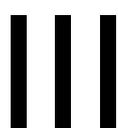
Причем нравственность стоит выше не только права, но и политики, экономики и всех остальных сфер жизнедеятельности китайского государства. И в этом смысле все сферы жизнедеятельности Китая являются прикладными с точки зрения этики. Поэтому мы не можем говорить о существовании политики, права, экономики Китая, а можем — только о существовании *этической политики*, *этического права*, *этической экономики* — и никак иначе, потому что этическим оправданием их, или что то же самое, смыслом функционирования всех этих систем, является сохранение существующего бюрократическо-земледельческого строя Китая. А целью китайского государства является благо всех. Поэтому главной задачей китайского государства всегда было сохранение социального порядка и гармонии. И в этом смысле китайское государство всегда было социально ориентировано, от-

сюда и терминология Якобса — государство «социальной справедливости», «социального правосудия» и т. д., тогда как государство Западной Европы всегда было ориентировано на интересы частных лиц. Поэтому в Западной Европе власть никогда и не несла социальной ответственности за предыдущие правления и всегда начинала с разрушения существующего строя. В Китае, напротив, власть, всегда думала — о справедливом распределении земли, о стабильности общественного строя, об ответственности элит перед обществом, и при любой смене власти, прежде всего, выполняла социальные обязательства. «Номинальный правитель представлял линию непрерывности через эти периодические и необходимые регуляторы» [1, 206], т. е. правитель всегда был гарантом в решении социальных вопросов, а социальная политика была константой и исполнялась при любых властных изменениях.

Таким образом, мы видим, что политическая, экономическая, правовая, социальная жизнь китайского общества находилась под властью конфуцианской этики, которую строго соблюдала элита китайского общества в лице ученых мужей, получивших уникальный исторический шанс реализовать свои претензии на власть посредством института мандарината. Бюрократия на Западе воспринимается как зло, способное разрушить любой строй — и капиталистический, и социалистический, тогда как в Китае бюрократия воспринимается как благо, тысячелетиями сохраняющая китайскую историю от разрушения. Может быть, потому, что бюрократия на Западе всегда служила капиталу, а бюрократия Китая как система ненаследственной передачи власти и имущества всегда служила идеалам конфуцианской этики. В результате деятельности мандарината, в Китае сохранились традиционные формы жизнедеятельности, которые оказались значительно сильнее тех влияний, которые шли с Запада. Именно они и выступили препятствием для становления в Китае западноевропейского капитализма.

Литература

1. *Jacobs N.* The Origin of Modern Capitalism and Eastern Asia. Hong-Kong, 1958.
2. *Нидам Дж.* Общество и наука на Востоке и на Западе // Наука о науке. М., 1966.
3. *Петров М.К.* Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д, 1992.
4. *Cohen E.* Patrons, Etrepreneurs, Dirigeants: Avant-propos // Sociologi du travail. 1988. № 4—88.
5. *Campagnac E.* L'ascension de Francis Bouyquess: pouvoir patronal et system d'entrepris // Sociologi du travail. 1988. № 4—88.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО, К.И. ГОЛУБЕВ

Трудовой характер материальных благ и постсекулярное общество

Аннотация. В статье анализируются базисные тенденции развития экономики в XXI в. Исследованы особенности постсекулярного общества. Выявлены деформации современной экономики, обусловленные доминирующими на развитие технико-монетарными факторами.

Ключевые слова: человек, труд, собственность, постмодерн, модерн, капитализм, деньги, постсекулярное общество.

Abstract. The paper analyzes trends of economic development in 21st century. The characteristics of the «postmodern society» economics have been investigated. The deformations of modern economy have been identified.

Keywords: person, work, property, postmodern, modernist style, capitalism, money, postsekularyny society.

Согласно данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), за 2012 г. около 925 млн человек в мире не едят достаточно для обеспечения здорового образа жизни. Таким образом, каждый седьмой человек на Земле ложится спать голодным [1]. Заметим, что все это происходит в то время, когда речь идет о мировом экономическом развитии и прогрессе. Если результаты столь далеки от ожиданий, очевидно, под вопросом оказывается сама современная концепция прогресса. По словам С.Н. Булгакова, «этот экономический прогресс сделан в наше время кумиром, он ослепил и оглушил современное человечество, и в этом грех последнего, современное человечество слишком “полагается” на свое богатство и в погоне за ним нередко утрачивает совесть» [2, 202—203]. В этом отношении С.Н. Булгаков обратил внимание, что «политическая экономия раскрыла нам глаза и на социальные обязанности, проистекающие из евангельской заповеди любви и помощи ближнему, и она дает вполне определенные руководящие нормы общественного устройства». Среди этих норм, прежде всего, отмечается трудовой характер приобретения материальных благ, исключение социальной праздности, стремление к трудовому хозяйству, «с превращением по возможности, всех рентных доходов в трудовые». Еще одной нормой должна была стать забота о слабых и угнетенных, «о тех многочисленных слоях народа, которые придавила и задавила собой наша цивилизация» [2, 203].

Таким образом, хозяйственная деятельность должна подчиняться определенным законам, чтобы не превратиться в препятствие ко спасению души. Среди этих законов следует отметить: трудовой характер и праведность источников материального богатства; необходимость общественной полезности хозяйственной активности; нацеленность только на личное потребление, исключающее роскошь. Кроме того, особое значение имеет благотворительность, являющаяся одним из основных условий спасения души и при этом определенным критерием общественной эффективности экономической деятельности [3, 134—137; 4, 43—309; 5, 54].

Основания для такого подхода мы видим уже в первых строках Библии. В самом начале Книги Бытия творческое делание Бога по созданию мира представлено в форме «работы», выполненной за шесть дней (Быт. 2, 2). Человек сотворен по образу и подобию Самого Бога. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...» (Быт. 1:27, 28).

Назначение человека — господствовать над землей, т. е. над видимой частью мира, в котором живет человек. Книга Бытия говорит, что Господь Бог взял человека и «поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт. 2:15). При этом человек сам по себе ничего не может принести в мир или вынести из него (1 Тим. 6, 6), но все получил от Бога (Иов. 1:21; Еккл. 5:18; 1 Цар. 2:7—8). Ибо именно Бог является Создателем и реальным Обладателем тварного мира. Вопрос о материальных благах следует рассматривать в свете согласия с волей истинного Собственника, тогда как человеку отводится роль распорядителя порученных им благ.

Выполнение задачи обладать землей осуществляется в работе и распространяется на владение результатами и орудиями труда. Человек призван к труду. Способность к творческой трудовой деятельности является одним из принципиальных отличий человека от животных, которые нацелены на выживание. Средства производства являются результатом человеческого труда поколений, несут на себе его печать. Человек, приспособляя природные богатства для своей жизни, в определенном смысле их гуманизирует. Труд, безусловно, связан с проблемой собственности, ибо именно через труд можно прийти к обладанию природными богатствами и заставить их служить людям [3, 134—137; 4, 43—309; 5, 33—263].

Соответственно активная творческая трудовая деятельность является добродетелью, ибо благодаря труду человек преобразует земную природу и одновременно реализует себя самого как человека. В этом

смысле и сам труд есть благо, хотя и не просто благо для наслаждения — его особенность в том, что оно дает возможность реализации достоинства человека, его человеческой природы. Однако труд может быть обращен и против человека. История продемонстрировала постоянные попытки использовать труд с целью подавления человека и создавать условия для изъятия продукта труда. Соответственно важным является такое сочетание труда и социальной организации, при которой человек трудился бы для поддержания существования своей семьи и общества, развития науки и культуры, развиваясь как личность.

Эта проблема, в частности, обращает наше внимание на одно свойство творческой деятельности, которое не всегда рассматривается. Даже посвятивший всю свою философию в сущности проблеме творчества и свободы Бердяев (как, например, заметил Б.П. Вышеславцев) не учел существование творчества с отрицательным знаком, злого творчества. Тогда как злое творчество имеет все признаки творчества: свободу, личную инициативу, умение, изобретение. Хотя, в сущности, злое творчество является все-таки разрушением, однако таковым оно оказывается лишь в конечном итоге, тогда как его промежуточный результат может долго иметь значительный вид (например, наркокартели и другие преступные организации, фашистская Германия и т. д.) [6, 425—426].

Таким образом, актуальным является вопрос о критерии доброго и злого творчества. Христианский критерий доброго творчества, как, в частности, отметил Б.П. Вышеславцев [6, 425—426], дал Спаситель: «без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон» (Ин. 15:5, 6). Однозначно о зле говорится в Евангелии, что диавол был человекоубийца от начала и не устоял в истине, «он лжец и отец лжи» (Ин. 8:44), который если поклонись ему предлагает «власть над всеми сими [царствами]» (Лк. 4:6, 7). Попытка человека получить эту власть и создать на земле Царство Божие без Бога соответствует секулярным взглядам эпохи Модерна.

Однако технократическое мышление периода Модерна, основанное на безблагодатных рационально-логических началах, на идее прогресса как утверждении господства над природой и на редукции человеческих качеств к материальным потребностям, очевидно, зашло в тупик. Это же относится и к такой характеристике секуляризации, сопровождающей Модерн, как толерантность, прокламирующей открытость всем разнообразным мировым ценностным контекстам. Однако в реальности оказывается, что чужеродные ценности принимаются не посредством включения их в определенных рамках в свою систему ценностей, а путем отказа от абсолютной роли своих собственных ценно-

стей. Одной из характеристик этого стала апология аморальных экономических практик [7, 164—165].

Таким образом, никого уже особо не удивляет, когда в неизвестном направлении «исчезают» собранные людьми за их иногда всю прожитую жизнь накопления. Ведь очевидно острое противоречие: никто как бы конкретно не виноват по законам юридическим (они ведь устанавливаются конкретными людьми и под конкретные интересы), но никак не координируются с законами экономическими — произведенная стоимость не может исчезнуть бесследно, хотя вполне может изменить свою форму и (или) субъекта присвоения. Иначе говоря, законы права подавили и узурпировали законы экономические. А в результате, как пишет нобелевский лауреат по экономике за 2008 г. П. Кругман, начинаешь ощущать, что «словно отменили закон всемирного тяготения. Ловкие юнцы — только что из колледжа — в одночасье становятся мультимиллионерами. Компании, о которых никто и не слыхивал, вдруг оказываются стоящими 20 миллиардов и используют свои раздутые до небес акции, чтобы захватить старые надежные предприятия» [8, 55; 9, 170—192].

Соответственно происходят и существенные трансформации в таком институте, как деньги. Во многом это связано с трансформацией форм собственности и оценки материальных благ. Деньги все более отделяются от движения товаров, все более отрываются и от товарообмена, и от реального производства. Самой распространенной формулой движения капитала становится: деньги — финансовые технологии — деньги' (деньги + прирост денег). Но, как правильно отмечалось, время — не деньги, время — это жизнь, ибо деньги приходят и уходят, а жизнь только уходит. К сожалению, эту формулу переписали, исключив из нее понятие человеческого времени.

В результате около 96—98% транзакций, приходящихся на денежно-финансовые операции, свидетельствуют о спекулятивном свойстве современных денег. На текущий период деривативы составляют примерно 1500 трлн дол. Это примерно в 50 раз больше мирового ВВП. Если же из последнего еще вычесть услуги отраслей транзакционного сектора, а это опять-таки около 60% ВВП, то превышение объемов финансового «пузыря» над реальными ценностями окажется почти стократным [9, 170—192; 10, 181—197; 11, 97—100].

Фактически происходит формирование спекулятивной модели экономики (практически — постэкономики), опирающейся на системный контроль над финансовыми операциями и получение финансовой ренты. Можно говорить о своего рода революции, ставящей в центр экономической жизни уже не предприятие, а банковское учреждение [7, 165—169; 12, 50—52]. И это при том, что деятельность банковской

системы вошла в противостояние не только с реальным сектором экономики, но и с самой жизнью человека.

Тогда как около 925 млн человек в мире не имеют еды, достаточной для обеспечения здорового образа жизни, в 2010—2011 гг., по данным Международной организации труда (МОТ), неравенство доходов выросло в 14 из 26 стран с развитой экономикой (в том числе во Франции, Дании, Испании, США). Во многих странах с развитой экономикой сокращается численность населения со средним уровнем доходов. В частности, в США собственные средства 7% самых богатых граждан увеличились с 56% в 2009 г. до 63% в 2011 г. [1; 13].

Существенным образом это сказалось на возможности реализации одного из фундаментальных прав человека — права на труд. Концентрация усилий на спекулятивно-ростовщические цели уже привело существенному росту глобального уровня безработицы. Международная организация труда (МОТ) прогнозирует, что к 2015 г. уровень мировой безработицы вырастет с нынешних 200 млн человек почти до 208 млн [13].

А ведь именно через труд человек призван, преобразовывая земную природу, одновременно реализовывать себя самого как человека. Постэкономика представляет характерный признак отчуждения человека, проявляющийся во всех сферах жизни: экономической (отчуждение от собственности), политической (отчуждение от реального участия в управлении государством), морально-этической (отчуждение от морали), психологической (самоотчуждение).

Это при том, что, по словам С.Н. Булгакова, человек призван одновременно «жить в двух мирах: в царстве необходимости и царстве свободы, нося в душе постоянную загадку, противоречие, антиномию, обуславливающую постоянную борьбу, призывающую к постоянному подвигу» [2, 200; 14, 165—190]. Результатом такой деятельности как раз и является социально-экономическая система с присущими именно ей социальными институтами. Иначе говоря, не только сами люди, но и человеческие учреждения тоже «результат деятельности людей... служат правде или неправде, любви или ненависти... Христианство не допускает примирения с каким бы то ни было общественным строем, основанным на насилии и ненависти, оно может благословлять только строй, воплощающий начала любви, свободы и равенства, и, пока остается социальная неправда, оно всегда зовет вперед, к социальному прогрессу, к очищению общества от этих пороков, проповедует не только личное, но и общественное покаяние» [2, 203].

При этом, если большинство граждан России говорят о себе как о христианах (согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), православных в России около 75%) [15],

то можно предположить, что общественные институты должны соответствовать христианским ценностям. Вызывает интерес вопрос о том, насколько этот факт вписывается в мировой тренд «к приватизации национальных государств владельцами крупнейших активов, государственными и корпоративными топ-менеджерами». Так, в России совокупные расходы государства на преодоление финансового кризиса в 2008—2009 гг. составили 40% валового внутреннего продукта страны (в ценах 2008 г.). По оценке академика С.Ю. Глазьева, 85—88% этих ресурсов пошли на поддержку финансовой системы, игру на фондовом рынке и на спасение олигархов, а на помощь реальному сектору экономики — соответственно 12—15% [16, 471—472]. Таким образом за счет средств налогоплательщиков финансировались убытки частных институтов, «ответственных за создание долговых спекулятивных пирамид и неэффективное управление активами. Этот знаковый для постэкономики феномен означает приватизацию доходов населения и социализацию убытков банков и корпораций посредством перераспределения бюджетных доходов. Бюджетные и административные ресурсы национальных государств постепенно превращаются в элемент активов крупного бизнеса» [7, 165—169; 12, 50—52].

О подобной ситуации святитель Василий Великий писал, что «...достигшие великого могущества в том самом, что притеснили уже некоторых, приобретая силы делать еще большие обиды, подобно прежде притесненным, порабащают и остальных; и с возрастающим могуществом возрастает и лукавство» [17, 111—112]. При этом великий святитель отмечал неизбежные последствия такой модели поведения человека в обществе для всех общественных институтов. Если же такая модель поведения займет доминирующее положение, то неизбежны трансформации в целом ряде социальных институтах и, наконец, формирование общества, обслуживающего интересы власть имущих: «Богатый приводит пары волов, пашет, сеет, жнет на земле, ему не принадлежащей. Если станешь противоречить — тебе удары. Если станешь жаловаться: обвинят тебя в оскорблении, осудят; будешь сидеть в тюрьме; готовы клеветники, которые доведут тебя до опасности лишиться жизни. Рад будешь и еще что-нибудь отдать, только бы освободиться от тяжбы» [17, 111—112].

В этом отношении вызывает интерес понятие «постсекулярное общество», используемое Ю. Хабермасом. Так, в своей благодарственной речи во Франкфурте в 2001 г. по случаю присуждения ему Премии мира немецкой книготорговли, к удивлению многих, философ, который вслед за М. Вебером считает себя человеком, «лишенным религиозного слуха», потребовал от светского общества нового понимания религиозных убеждений, которые есть нечто большее, нежели просто

реликты прошлого, и представляют собой «когнитивный вызов», брошенный философии [18, 29—30]. По мнению Хабермаса, в постсекулярном социуме складывается признание того, «что “модернизация общественного сознания” охватывает при переходе к новой фазе как религиозный, так и светский менталитет, и рефлексивно видоизменяет их». Таким образом, секуляризация — «взаимодополняющий процесс обучения» [18, 70; 19, 129].

Однако пока не ясно, в каком виде найдет свое практическое воплощение этот процесс и не станет ли постсекулярное общество формой секулярного общества, в котором появилась потребность использовать религиозные сообщества для более эффективного управления потребителем и персоналом на предприятиях и в организациях. Тем более что подобные тенденции имеют место. Так, Дж. Харви считает, что современная концепция организационного развития представляет собой религиозное движение, которое обращается к «глубоким чувствам неудовлетворенности, отчуждения и одиночества, которые не были удовлетворены ни религиозными институтами, ни другими организациями, частью которых мы являемся» [20, 238—239]. А по замечанию А. Хажински, современный подход к бизнесу старается смешать основанный на внутренних убеждениях взгляд с точки зрения идей новых человеческих отношений с жестко ориентированной на получение прибыли тематикой. Уже стал привычным прикрепившийся к подобной деятельности ярлык, звучащий как «подготовка к наступлению новой эры» (ПНЭ) («new age training», NAT) [20, 92].

Одной из наиболее известных современных теорий, рассматривающих поведение человека и отражающих данный подход, является концепция А. Маслоу (Maslow). В его концепции просвещенное управление «принимает религию искренне и всерьез», предполагая, что «пока люди сохраняют достаточно серьезное отношение к религии, мы можем использовать в тех же целях и ее». Таким образом, постсекулярный «процесс обучения» соответствует данному подходу. По мнению А. Маслоу, «те же, для кого религия не обязательно связывается с понятием сверхъестественного или же с определенными церемониями, ритуалами или догмами, но непременно ассоциируется с фундаментальными проблемами человеческого рода, с вопросами этики, взаимодействий человека и природы, будущего человечества и т. д., воплощают философию такого рода в своей трудовой жизни...» [21, 133—134]. Характерно, что сам А. Маслоу цитирует знаковое мнение о подобном мировоззрении как искренней попытке «построить на земле Царство Божие» [21, 133—134]. Все это как раз вписывается в воззрения, соответствующие новым религиозным синкретическим движениям типа «New Age» [22], свойственным постсекулярной эпохе.

Можно ли говорить в таком случае об эффективности постсекулярного «взаимодополняющего процесса обучения», если одна из сторон планирует «построить на земле Царство Божие» без Бога, и что за царство должно получиться в результате? Не при таких ли условиях человек, согласно М. Хайдеггеру, склонен возмнить себя «главным действующим лицом» и «творцом» технической цивилизации? Здесь-то его и подстерегает опасность: «Ведь в “момент” осознания своего господства над окружающим миром человек, в действительности, оказывается не видящим самого себя в самом себе» [23, 386—408].

Литература

1. Всемирная Продовольственная программа ООН // <http://ru.wfp.org>. (дата обращения: 08.07.2013).
2. Булгаков С.Н. Христианство и социальный вопрос // Булгаков С.Н. Два града. СПб., 2008.
3. Голубев К.И. О проблемах собственности в христианском обществе (на примере каппадокийских отцов) // Проблемы современной экономики. 2003. № 1.
4. Зейпель И. Хозяйственно-этические взгляды отцов Церкви. М., 1913.
5. Филипп (Симонов), игум. Церковь — общество — хозяйство. М., 2005.
6. Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры // Вышеславцев Б.П. Соч. М., 1995.
7. Румянцев М.А. Экономика общества Постмодерна: критический анализ // Христианское чтение. Социально-экономическое учение Церкви. 2012. № 6.
8. Кругман П. Великая ложь. М., 2004.
9. Лемещенко П.С. Институциональная природа денег, или К основанию тайны финансового кризиса // Философия хозяйства. 2009. № 2.
10. Мойсейчик Г.И. Новая сущность денег в эпоху глобализации // Христианское чтение. Социально-экономическое учение Церкви. 2012. № 6.
11. Мойсейчик Г.И. Архитектоника глобальной системы финансовых центров // Проблемы современной экономики. 2012. № 1.
12. Румянцев М.А. Пределы капитализма // Проблемы современной экономики. 2012. № 3.
13. Смольякова Т. Уровень безработицы вырастет к 2015 году // Российская газета. 2013. 3 июня // <http://www.rg.ru/2013/06/03/-bezrabortitsa-site.html> (дата обращения: 08.07.2012).
14. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990.

15. *Малыхин М.* Три четверти россиян считают себя православными // Ведомости. 2010. 30 марта // <http://www.vedomosti.ru> (дата обращения: 08.07. 2013).
16. *Глазьев С.Ю.* Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М., 2011.
17. *Василий Великий, свт.* Беседа 7. К обогащающимся // Василий Великий, свт. Творения. Ч. IV. М., 1993.
18. *Хабермас Ю., Ратцингер Й.* Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М., 2006.
19. *Хабермас Ю.* Вера и знание // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М., 2002.
20. *Хажински А.* Гуру менеджмента. СПб., 2002.
21. *Маслоу А.* Теория и практика менеджмента. СПб., 2003.
22. *Шишков А.* Осмысление понятия «постсекулярное» в русскоязычной периодике за последнее десятилетие // <http://www.bogoslov.ru/text/733826.html> (дата обращения: 08.07.2013).
23. *Павленко А.Н.* Возможность техники: взгляд из Лавры и голос из Марбурга // Историко-философский ежегодник. М., 2002.

О.В. БРИЖАК

Экономика деформаций: специфика российского бизнеса

Аннотация. В статье рассматриваются социально-экономические и институциональные аспекты деформаций, характерных для постсоветской экономической системы. Особое внимание автор уделяет деформациям в сфере отношений собственности и специфике российского корпоративного бизнеса. Выделяются как легальные, так и внелегальные (не обязательно *нелегальные*) сферы экономики и формы бизнеса, типичные для деформаций в российской экономике.

Ключевые слова: Россия, корпорация, бизнес, деформации, легальная и внелегальная экономика.

Abstract. The article deals with socio-economic and institutional aspects of deformations, typical for post-soviet economic system. Author put special attention to the deformations in the sphere of property relations and to the specific features of Russian corporate business. Author analyzes both legal and non-legal (not necessary *illegal*) spheres of economy and forms of business, typical for deformations in Russian economy.

Keywords: Russia, corporation, business, deformations, legal and non-legal economy.

Результаты социально-экономических изменений российской экономической системы являются весьма противоречивыми и на сегодняшний день представляют собой реальные проблемы, требующие их разрешения или хотя бы оптимизации решений. Перечень этих проблем разнообразен по сферам и структуре экономики, по специфике их формирования и развития, количественным и качественным показателям любой из рассматриваемых сфер экономики. Специфика корпоративного сектора в России, состояние крупного и малого бизнеса, параметры человеческого капитала, инвестиции и инновации, социальные проблемы, теневая экономика, бюрократическая экономика — далеко неполный перечень проблем, которые отдаляют социально-экономическую систему страны от целей, которые были задекларированы в начале рыночных преобразований. Эти цели постоянно воспроизводятся в программных документах и заявлениях правительства, выступлениях и обещаниях политических деятелей, транслируются и ретранслируются региональными властями. Но, «качество» социально-экономической динамики и ее результаты несопоставимы с поставленными целями.

Поиск направлений качественной трансформации российской экономики и выявление причин отдаленности результатов от целей, которые бы поставили страну в ряд высокоразвитых и цивилизованных, заставляет обратиться к «правилам игры», по которым осуществляются взаимодействия субъектов экономики, т. е. к институтам.

Важность институтов и институциональной среды поддерживается всеми — учеными, практиками, властями. Вместе с тем, «производство» институтов, их распределение, обмен и потребление — особая проблема. Сформировавшаяся за два десятилетия институциональная среда такова, что назвать ее фактором целевых социально-экономических преобразований можно лишь условно. И связано это с тем, что за этот период каждый из субъектов экономики сформировал собственную институциональную среду, которая соответствует их экономическим интересам и целям. Создание «институциональных сред» под себя — это действительно фактор производства, но о чем он свидетельствует? Сумма этих сред не дает эффективной институциональной среды, обеспечивающей интересы большинства, что служит одним из критериев цивилизованного общества.

Институциональные изменения несут в себе риски деформации институтов, которые рассмотрены в ряде трудов российских ученых-экономистов (Г.Б. Клейнер, А.В. Бузгалин, Р.М. Качалов, А.Н. Олейник и др.).

Факторов, которые вызывают институциональные изменения, множество, и их можно классифицировать по различным критериям [1], но

факторы, вызывающие деформацию институтов, заслуживают особого внимания по причине того, что «плохие правила» игры — это плохие игроки и, как следствие, плохая игра.

Проблема деформации институтов, на наш взгляд, двояка. И связано это с экономическими интересами игроков — государства, фирм (организаций) и домашних хозяйств. Кроме того, каждый субъект неоднороден: политики и бюрократия, крупный бизнес и малый бизнес, богатые и бедные домохозяйства. Именно поэтому институциональные изменения (отрицательные или положительные) следует рассматривать по субъектам в силу их неоднородности и неравнозначности.

Как известно, поставщиком, формальных институтов является государство, поскольку это единственный субъект, обладающий монополией на принуждение исполнения норм и правил экономического поведения. Именно формальные институты — это общие правила игры, которые по сути являются общественным товаром. Эти правила должны быть универсальными и деперсонифицированными, т. е. применимыми ко всем экономическим субъектам, и только в этом случае трансакционные издержки будут стремиться к минимуму. Например, спецификация и защита прав собственности — главные функции государства как стража порядка. Если же государство персонифицировано, то оно и будет создавать правила под конкретные персоналии или группы персонаний [2]. Эффект личной выгоды для государства никто не отменял. В этом случае формальные правила изготавливаются под заказ. Лоббирование интересов — это проверенный способ извлечения дохода. Заметим, что, как известно, в современном сложноорганизованном обществе каждый отдельно взятый субъект не способен эффективно отстаивать свои интересы в одиночку. Формами, активно способствующими реализации специфических интересов, служат соответствующие заинтересованные группы, т. е. организованные объединения, отстаивающие свои интересы путем воздействия на различные звенья государственного аппарата. Для реализации своих целей заинтересованные группы ищут всякого рода лазейки и средства проталкивания своих интересов. К ним, в частности, относится и лоббизм.

Институт лоббизма как инструмент взаимодействия предпринимательских и властных структур или как средство влияния различных заинтересованных групп на органы власти и управления стал довольно распространенным явлением, немаловажным звеном между государственными органами и бизнесом. Лобби не ставят целью завоевать власть, а ограничиваются давлением на нее. Лоббисты преследуют прежде всего экономические интересы. Отношения лоббирования возникают по поводу конкретных законов, выделения кредитов и дотаций, выдачи лицензий и квот. Расходы корпораций на содержание

лоббистов не только окупаются, но и приносят крупные доходы. Для корпоративного лобби особое значение приобретает обеспечение финансовыми ресурсами за счет экспортно-импортных, банковско-финансовых операций, прямых бюджетных дотаций, льготных кредитов, льготных экспортно-импортных тарифов. Способами получения доходов этой группой являются получение экономической ренты путем политических процессов и извлечение дохода путем проведения в жизнь конкретных правительственных программ.

Ясности в вопросе качества таких институтов нет. Институты создаются людьми и являются результатами целенаправленного действия, а поскольку цели разные, то и правила игры становятся разнокачественными. Необходимость снижения транзакционных издержек как раз и приводит к поиску таких социальных практик, которые деформируют формальные институты и приводят к созданию новых, которые далеко неэффективны с точки зрения целей общества. Формы адаптации институтов бесчисленны, потому что реальная хозяйственная система навязывает условия, которые надо любыми способами адаптировать к своим интересам.

Не менее важным фактором деформации институтов является замена регулирующих функций государства на механизмы административного рынка. Вымогательства у предпринимателей, постоянные посягательства на их права собственности стали нормой российского бизнеса. Институциональные инновации административного рынка проецируются на отношения бизнеса с клиентами, с государством, с партнерами. «Захват» институтов государственного регулирования узкоспециализированными группами интересов подтверждают гипотезу о том, что установление регулирующих норм и появление «регулирующих» организаций лишь увеличивают коррупционную цену вопроса и приводят к становлению особых экономик типа «экономики государственного заказа», «экономики налогообложения», «экономики субсидирования». Подтверждение этому — распространение посреднической деятельности, которая сегодня обособилась в особую сферу обслуживания сокращения транзакционных издержек чиновников, крупного бизнеса, внезаконной экономики. Институциональное «крышевание» нашло распространение практически во всех видах деятельности: защита собственности и контрактов, финансы и налоги, здравоохранение и образование. Институты потеряли свойства общественных благ и стали частными благами, а, следовательно, имеющими рыночную цену. Это и многое другое объясняют деформации, сложившиеся в экономике России и характеризующие специфику российского бизнеса в целом [2].

Здесь и далее мы будем акцентировать свое внимание не только на «правилах игры», но и на самих «игроках», и исследовать не только факторы деформации российской экономики, но и институциональные факты, т. е., как подчеркивает Г.Б. Клейнер, факты социально-экономической жизни, существующие благодаря определенным институтам [3].

Суть деформаций заключается в отклонении от нормы, т. е. неадекватности требованиям экономических законов и социальным запросам, связанным с институтами. Последствия экономики деформаций необратимы и имеют экономические, социальные, институциональные, политические, глобальные корни. Искажения культуры, менталитета, сознания нации, выражаемые в падении ценности труда, искажение целей и интересов собственников труда и капитала, широкое распространение неформальных отношений, разрушение системы социальных и трудовых гарантий, деформация отношений собственности, распределительных отношений, подрыв основ инновационного развития, несбалансированность и неравновесие макро- и микросистем, отраслевые деформации, структурные диспропорции, институциональная недостаточность или избыточность, препятствующая исправлению возникших деформаций, являются следствием «корректирующей» роли рынка и выбранной стратегии «реформирования» российской экономики.

Изменения, произошедшие в последние годы в нашей стране, вместо ожидаемого улучшения социально-экономического положения людей труда привели к их массовому обеднению и на этой основе к резкой поляризации интересов собственников труда и собственников капитала. Тенденции трансформации социально-трудовых отношений связаны с глобализацией капитализма. В связи с изменением структуры глобальной экономики в развитых странах с рыночной экономикой обостряется проблема распределения доходов; далеко не все граждане этих стран выигрывают от глобализации, некоторые из них, напротив, серьезно проигрывают. Социально-трудовые отношения трансформируются в сторону расширения пространства эксплуатации, ее усиления, обновления и ужесточения ее форм. Все большая часть человечества (по прогнозам до 80%) оттесняется от участия в формировании средств и условий общественного развития, их использования для прогресса созидательной деятельности и «исключается» из общества. Особенно это касается характера преобразований в социально-трудовой сфере и в целом исторического выбора России в пользу капиталистического строя, связанных с необходимостью «приобщения страны к цивилизованному западному миру» [4; 5].

Если мы обратимся к характеристике становления и развития российского бизнеса, в ряде случаев представленного в форме крупных корпоративных объединений, находящихся в процессе становления квазирыночных корпоративных отношений, то налицо представляется их деформированный характер.

Становление современного корпоративного сектора России характеризуется специфическими условиями первоначального накопления капитала, качественными преобразованиями и заимствованиями институтов экономической системы, возникновением диффузии институтов и возрастанием роли неформального регулирования. В результате, основными чертами деформации института корпоратизации, как утверждает А.В. Бузгалин, является то, что «в качестве субъекта локального регулирования выступает не достигший определенного уровня развития персонифицированный капитал, а обломок бывшей государственной пирамиды (1), основой власти российских корпораций является не столько высококонцентрированный капитал, сколько доступ к тем или иным ресурсам (2), в силу такого содержания и под воздействием других методов координации, а также общей атмосферы диффузии институтов методы локального корпоративно-бюрократического регулирования так же являются деформацией цивилизованного корпоративного воздействия» [5].

В процессе реформирования заимствуемые элементы частью отвергались как неадекватные и социально неприемлемые, а частью модифицировались по ходу внедрения и так встраивались в общественную жизнь, что нередко служили противоположным целям сравнению с теми, для которых они заимствовались [6].

В России образовывались крупные корпорации, объединяющие большое количество предприятий, что позволяло сконцентрировать ресурсы, необходимые для реализации инвестиционных проектов и выхода на новые рынки, обеспечить стабильность, возможность решать более масштабные задачи, реализовать научно-технический потенциал, повысить эффективность и пр.

Структурная деформация экономики России проявляется в том, что крупный корпоративный бизнес в России концентрируется в основном в сырьевых отраслях. Он относится к одному из самых вялых и незаинтересованных участников инновационных процессов.

Концентрация прав присвоения доходов от собственности и функций управления в руках инсайдеров определяет краткосрочное инвестиционное поведение, которое не обеспечивает долгосрочное инвестирование российским корпорациям, но дает возможность максимизировать инсайдерскую ренту. Контроль группы специальных интересов над корпорацией опирается на монополизацию в первую очередь

финансовых потоков, что крайне значимо в условиях дефицита ликвидных ресурсов.

Чрезмерное следование личным интересам узкой группы лиц, оппортунистическое поведение, сращенность с бюрократическим аппаратом повышают риски и неопределенность взаимоотношений корпоративных субъектов. Экономическое поведение российских корпораций демонстрирует в практике реализации стратегий развития «провалы» внутрикорпоративных отношений, не обеспечивающие согласования интересов основных субъектов этих отношений и деформирующие их экономическую сущность. Это обстоятельство детерминирует распределение доходов, создавая определенным группам лиц преимущества для их получения и распоряжения, в то же время блокируя их для остальных участников корпоративного развития.

Стремление обеспечить контроль только финансовых потоков и экспортных операций; необоснованное раздробление компаний — как в случае с РАО «ЕЭС»; распродажа или сдача в аренду активов в ущерб интересам акционеров; отношение к своему пакету акций как к объекту спекуляций; использование пакета как залога под кредиты — это немногий перечень доминирования рыночных институтов и частных субъектов хозяйствования.

Обращаясь к проблеме распределения дохода в корпорациях, следует заметить, что и названный выше пример, и современные материалы показывают, что система распределения выручки в российских корпорациях устроена так, что наиболее полно реализуются интересы собственников капитала. По отношению к наемному исполнительскому и управленческому персоналу собственники проводят политику полного отчуждения от собственности на капитал и от участия в прибыли, а, следовательно, и от участия в принятии решений по принципиальным вопросам, касающимся корпорации. Интересы крупных собственников преобладают над интересами корпорации и зачастую противоречат интересам корпоративного развития. Проведение в жизнь такой стратегии в долгосрочном периоде приводит к тому, что такая корпорация последовательно вырождается и умирает.

Политика «непрозрачности» в отношении финансовой и инвестиционной стратегии компании приводит к преобладанию субъективных факторов и приоритетности интересов контролирующей группы в корпоративных отношениях, лишает дееспособности систему корпоративного менеджмента. Все финансовые потоки общества мобилизуются в финансовый центр — в фонды головной компании. Реинвестирование централизованных фондов корпорации регулируются не ресурсными потребностями производственной структуры холдинга, а личными мотивами узкой группы корпоративных собственников. При-

быль забирается полностью и теряет смысл как источник развития капитала корпорации.

При такой модели внутрикорпоративных отношений развитие корпоративной структуры не отличается устойчивостью и органичностью функционирования. Консолидация капитала в руках внешней группы собственников не приносит позитивных результатов. Результаты исследования позволяют нам судить о заведомо неэффективной организации корпоративного процесса и сознательном формировании механизма разрушения корпорации. Преобладание частных интересов отдельных групп собственников приводит к несогласованности и полной отчужденности последних от интересов остальных собственников, менеджеров и работников исполнительского труда.

В результате передела объектов собственности в российских корпорациях происходило и качественное изменение форм, прав и институтов собственности. Слабая и противоречивая спецификация прав собственности сопровождалась размыванием прав собственности, отсутствием подлинного контроля за исполнением законодательства, санкционированными злоупотреблениями и оппортунизмом менеджмента, перепродажей, взаимными уступками, банкротством, завуалированностью владельцев корпоративного капитала и пр.

Кроме того, система отношений собственности не сводится исключительно к частно-капиталистическому присвоению. Так, в экономической ткани России существуют отношения личной зависимости, патернализма, административно-бюрократического принуждения, теневого подчинения и многое другое. Все они обуславливают сложную систему интересов субъектов и специфические формы их реализации [4].

Теоретически в рамках корпорации происходит специфическое разделение власти в рамках пучка прав собственности функций владения и управления. Владельцами корпорации являются акционеры — собственники акций, а управляют этой собственностью по поручению акционеров менеджеры, наемные управляющие. Высшим органом управления корпорацией является собрание акционеров, где решаются важнейшие производственные, финансовые и социальные вопросы. Решения принимаются большинством голосов. Каждая акция дает акционеру право на один голос. Легитимность прав собственника закреплена законом. Владение акциями дает право на осуществление контроля за деятельностью предприятия и на принятие необходимых решений.

Однако для многих российских корпораций характерна узкая и ограниченная система управления корпоративным капиталом. Хотя общие акционерные собрания и проводятся, их исполнение является

фиктивной формальностью и не подтверждает реализацию прав миноритарных собственников. Участники корпоративного процесса, организующие производственный потенциал корпоративной деятельности, выводятся за рамки корпоративного управления, утрачивают свои права собственника. Функционирование корпоративного капитала направлено на удовлетворение частных интересов в ущерб коллективным, процесс корпоратизации не отвечает основным вопросам воспроизводства капитала. В итоге общий смысл корпорации теряется, ее интересы как специфически институционального субъекта зачастую приносятся в жертву интересам узкой группы лиц.

При изучении не менее важной проблемы трансплантации и приживаемости в России институтов, например, института корпоративного управления, некоторыми учеными было отмечено, что коренная причина возникновения мутаций институтов корпоративного управления была заложена при разработке формальных норм, поскольку эти разработки основывались на разных и трудно совместимых моделях управления: англо-саксонской и германской [7]. Наиболее яркими примерами мутации, причина которой кроется в ошибках институционального проектирования при заимствовании институтов, могут служить институт совета директоров, институт корпоративной социальной ответственности, институт посреднической деятельности, рассмотренные в работах Р.М. Качалова [8]. Деформация процесса институционализации корпоративных отношений и интересов в процессе экономической трансформации российской экономики ведет к тому, что корпорация и имманентно присущие ей институты, нормы и правила мутируют, теряют свою качественную определенность, ее функционирование и развитие приобретают неустойчивый характер.

Развивая эти положения, опираясь на исследования В. Полтеровича, Г. Клейнера, А. Олейника, Р. Качалова, считаем возможным сделать вывод, о том, что каждый институт автоматически порождает и антиинститут, консолидирующий акторов, чьим интересам не подходит следование данной норме или их совокупности. Результатами взаимодействия института и антиинститута часто являются институциональная мутация и мимикрия институтов.

Литература

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
2. Олейник А.Н. «Бизнес по понятиям»: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. 2001. № 5, 6.
3. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М., 2004.

4. Брижак О.В. Субъектное бытие отношений собственности: экономические интересы (политико-экономический аспект) // Вестн. Моск. ун-та. 2010. № 4.

5. Политэкономика провала: природа и последствия рыночных «реформ» в России / Под ред. А.И. Колганова. М., 2013.

6. Полтерович В.М. Современное состояние теории экономических реформ // Пространственная экономика. 2008. № 2.

7. Верников А.В. Мутация импортных институтов (на примере корпоративного управления) // Концептуальные проблемы рыночной трансформации в России. М., 2009.

8. Качалов Р.М. Феномен риска в процессах институциональных изменений // Материалы Всероссийской школы молодых исследователей эволюционной и институциональной экономики. Петрозаводск, 2012.

Т.А. МЕДВЕДЕВА

Размышления о методологических основах современной теории социально-трудовых отношений

Аннотация. Данная статья имеет целью формулирование методологических основ современной теории социально-трудовых отношений в свете изменившейся научной парадигмы.

Ключевые слова: теории социально-трудовых отношений, научная парадигма, системный подход, синергетика, расширенный системный подход, рефлексивность.

Abstract. This article aims to formulate methodological foundations of the modern theory of social and labor relations in the light of the changed scientific paradigm.

Keywords: theory of social and labor relations, scientific paradigm, system approach, synergy, an extended system approach, reflexivity.

Теории социально-трудовых отношений происходят из научных концепций более общего порядка, а те в большинстве своем основываются на механицистичестве ньютоновско-картезианской физики. Многие экономисты высказывают сомнения по поводу возможности использования современного экономико-теоретического знания для эффективного изучения формирующейся сетевой экономики и соответствующих ей социально-трудовых отношений. В последнее время предпринимаются попытки развивать новые социальные и экономиче-

ские доктрины, опираясь в преодолении ограниченности механистического мировоззрения на новую квантовую механику, но при этом сохраняется тенденция уподобления экономических наук наукам точным, что, с нашей точки зрения, некорректно.

Однако в мире наработан огромный багаж научно-теоретического знания, которое может выступить методологической основой для разработки новых подходов к исследованию социально-трудовых отношений, соответствующих условиям глобализации и сетевизации экономики, тем самым расширив «узкие места» сугубо экономико-теоретического подхода к социально-трудовым отношениям, обогатив эту область знаний достижениями других наук о человеке труда и сделав ее более эффективной практически.

Системный подход и синергетика

Ведущей парадигмой XX в. стал системный подход. Для него характерно выделение исследуемого объекта как части большей системы, взаимосвязанной целостности, из бесконечного числа взаимодействующих элементов. Исследователь сам, по своему усмотрению, выбирает комплекс взаимосвязанных элементов. Другой исследователь может сделать другую выборку. Системный подход признает возможность и правомерность различных описаний исследуемой реальности — все они, в конечном итоге, дополняют друг друга.

Системный подход к исследованию социальных и экономических явлений может быть охарактеризован несколькими научными предположениями, которые высказывают ученые, использующие его в своих работах. Больше всего написано о холизме. Подчеркивается, что системный подход исходит из предположения, что объект может быть лучше понят при рассмотрении его в полном объеме. Объект имеет «характеристики, которые принадлежат системе в целом и не принадлежат ни одной из его частей» [1, 24]. Редукционизм, противоположный подход к объяснению явлений, укоренившийся в науке, исходит из предположения, что объект может быть разделен на части и что объяснение частей, а затем отношений между ними полностью объясняет объект.

Другим предположением системного подхода из числа основных, разделяемым многими учеными, является выбор единицей анализа отношений, а не субъектов. С точки зрения системных исследователей нет большого смысла изучать рабочих или работодателей как субъектов социально-трудовых отношений, гораздо важнее изучать ситуации их взаимодействия. Богатство их опыта становится гораздо очевиднее, когда они, например, обсуждают заключение коллективного договора или занимаются разрешением конфликта. Одним из убежденных сто-

ронников этого предположения является Грегори Бейтсон, который утверждал, что «отношения должны быть использованы в качестве основы для всех определений» [2, 81]. Альтернативная точка зрения заключается в том, что единицей анализа является субъект, — мир состоит из субъектов, которые сами являются плодотворным объектом для исследования. Такое видение особенно полезно для того, чтобы понять, «как устроены» явления.

Третье предположение, лежащее в основе многих традиций системного мышления, касается окружающей среды, ее существенной роли в том, как явление предстает перед нами. Окружающая среда является определяющим фактором в понимании и объяснении изучаемого явления. Например, Р. Акофф предполагает, что в ситуациях, которые он называет «производитель—продукт», применение какого-либо принципа и предложенного объяснения результата его применения должно предусматривать условия, при которых принцип используется [3]. Если принцип применяется в любых условиях, это означает, что условия окружающей среды не являются сопроизводителями полученного эффекта. Альтернативная точка зрения заключается в том, что окружающая среда не имеет значения с точки зрения понимания и объяснения явления.

Следующее предположение — индетерминизм — говорит о том, что порой «по существу невозможно заранее определить, какое направление будет принимать изменение» [4, 15]. Альтернативная точка зрения заключается в том, что «выводы проистекают из набора известных переменных» [5, 13—15].

Следующее предположение — о причинах и следствиях. Циклическая причинность вместо линейной. Именно это предположение вместе с выделением холизма и редукционизма стало ключевым для создания нескольких традиций системного мышления.

Понятие «самоорганизация» введено для того, чтобы объяснить независимое движение элементов системы к их стабильному равновесному состоянию. Это противоречит предположению о том, что для этого необходимо воздействие одной или некоторого числа причин на элементы системы. Системные исследователи считают, что все системы являются самоорганизующимися.

Рефлексивность — еще одно фундаментальное предположение системного подхода. Рефлексивность связана с наблюдением и способностью субъекта к самонаблюдению. Альтернативная точка зрения заключается в том, что объекты исследования не зависят от акта наблюдения.

Для системного подхода характерны акцент на существующем, изучение статичного состояния системы, большое значение придается

равновесию, порядку, стабильности, устойчивости, предсказуемости. Однако открытие нелинейности социального развития, точек бифуркации, которые могут служить началом различных вариантов развития событий, процессов самоорганизации, незамкнутости и неравновесности экономических систем, неоднозначности социальной и экономической эволюции привели к появлению новой теории — синергетики.

Синергетика изучает процессы возникновения нового, появления порядка из хаоса. И. Пригожин считает, что мы живем в период наступления хаордического века, смысл которого в принесении сверхпорядка в беспорядок конкуренции. Знаком, который нас информирует об этом, является формирование сетей. Он считает, что этот сверхпорядок несет организационную гармонию между хаосом и порядком и усиливает этику: чем выше организованность, тем выше этика.

Синергетика акцентирует внимание на том, что малые воздействия могут приводить к большим изменениям, из чего следует, что мир видится теперь иначе, без единого центра и универсальных причинных цепей, а это «провоцирует радикальную переоценку ряда ценностей не только в науке, но и в философии» [6, 111]. «Объекты познания, согласно синергетике, должны стать человекосоразмерными, — пишет Делокаров. — И в этом чрезвычайно важном для философии положении синергетика продолжает и углубляет традицию возвращения субъекта в мир теории, начатую неклассической наукой, особенно квантовой механикой с ее принципом дополнительности» [6, 115].

Общая характеристика изменений в социальных науках как детерминанты развития теорий социально-трудовых отношений

Основами новой научной парадигмы социальных наук могут быть названы тектология А. Богданова, теория социальных систем Н. Лумана, биокогнитивный подход У. Матураны и Ф. Варелы, экология разума Г. Бэйтсона, теория диссипативных структур (теория катастроф, синергетика) И. Пригожина и его коллег. Этот список может быть продолжен именами российских исследователей В.В. Попкова (экономический конструктивизм), С.И. Паринова (исследования в области сетевой экономики), Ю.М. Осипова (философия хозяйства), В. Лефевра, американского психолога российского происхождения, В. Лепского (рефлексивное управление и рефлексивные системы), В.В. Чекмарева (концепция сотово-сетевой организации экономического пространства) и т. д. Все эти теории формируют новую экономическую парадигму для новой глобальной сетевой экономики.

Основываясь на принципе дополнительности, Хайнц фон Ферстер, американский кибернетик австрийского происхождения, ввел понятие кибернетики второго порядка, провозгласив, что участники социально-экономических отношений являются одновременно и элементами социальной системы, и ее наблюдателями. Он точно знал, что «каждое сделанное утверждение сделано наблюдателем» [7]. В кибернетике конструктивизма, или второго порядка, основная идея состоит в том, что «реальность» есть не только социальный конструкт, но и индивидуальный. Иначе говоря, люди интерпретируют опыт, создавая свое видение, свой образ мира. Новые впечатления, или рефлексия, могут приводить к новой интерпретации — новым способам мышления и поведения. То, как люди видят мир, не есть «мир на самом деле» — это толкование.

Понимание того, что человек — это не только социальный и экономический актор, но еще и наблюдатель, который склонен к рефлексии, — эта идея конструктивизма задает поиск другой, более широкой, нежели «новая физика», концептуальной основы для социальных наук. Так, американский профессор Стюарт Амплеби выступает за разработку экономической теории второго порядка, методологически основывающейся на кибернетике второго порядка. Он аргументирует это так: социальные и экономические системы отличаются от систем физических тем, что идеи и теории, изложенные физиками, не меняют поведение изучаемого феномена, в то время как социальные и экономические теории меняют поведение систем. Соответственно необходимо введение понятия «рефлексивности» в экономическую теорию [8].

В настоящее время также получило развитие направление экономической мысли, названное биономикой, которое предлагает новую экономическую парадигму, основываясь на современной эволюционной биологии. «Если ортодоксальное направление описывает экономику как статическую предсказуемую машину, то бионика представляет экономику как самоорганизующуюся, хаотическую информационную экосистему. Там, где традиционный взгляд видит организации, как машины для производства продуктов, бионика видит организации как разумные социальные организмы. Если традиционные бизнес-стратегии сфокусированы на физическом капитале, то бионика утверждает, что организационное обучение является источником и прибыли и роста» [9, 75].

В ряду новых методологических разработок значимое место занимает унифицированный, системный подход к пониманию биологических, когнитивных и социальных феноменов Фритьофа Капры. Ему удалось синтезировать современные теории живых систем, в том числе

теорию сложных систем. Подход Капры основывается «на предположении фундаментального единства живого, сходства паттернов организации различных живых систем» [10, 106], и эта идея для России не нова. В начале XX в. А.А. Богданов, известный русский медик-исследователь, экономист и философ, создатель тектологии — всеобщей организационной науки, высказал мысль, что методы тектологии аналогичны общим методам естествознания. «Сама возможность подражания — в сущности уже достаточное доказательство того, что между стихийной организующей работой природы и сознательно-планомерной — людей нет принципиального, непереодоимого различия. Это достаточное доказательство *принципиальной однородности организационных функций человека и природы...*» [11, 33]. Н.А. Кузьминых считает, что Богданов продолжил развивать идею единства мира и организационную точку зрения, разработанную в науке биологами и ставшую ее методами еще в XVIII в. Заслуга Богданова в том, что он не только применил эти методы к явлениям организационного мира, но и распространил их на все остальные стороны окружающего нас мира. Уже значительно позже Людвиг фон Бергланффи, создатель общей теории систем, напишет: «Картина мира естествознания на рубеже XIX столетия была физикалистской... Но сегодня во всех науках выступают проблемы, которые описываются через такие понятия, как “целостность”, “организация”, “форма” — следовательно, понятия коренным образом связанные с биологией. В этом смысле биология вносит существенный вклад в современную картину мира» (цит. по: [12, 28]).

Современная глобализирующая экономика все более адаптирует форму сети, происходит создание сетевых форм организаций, сетевых институциональных структур, развиваются дистанционные трудовые отношения. «Разнообразная, интерактивная и в высшей степени пластичная сетевая экономика напоминает биосистему, в которой жизнь кипит — возникают новые ниши и тут же исчезают, конкуренты оказываются то впереди тебя, то позади. ...Как в биологических системах не существует равновесия и новые виды постоянно замещают старые и находятся во взаимодействии с окружающей средой, так и сетевая экономика переходит от просто изменений к “взбалтыванию” всех и вся. Старое быстро разрушается и возникает новое, и так вновь и вновь. Генезис парит над хаосом... Сетевая экономика также должна балансировать на кромке хаоса и самообновляться» [9].

Помимо фундаментальных теоретико-методологических разработок на сегодняшний день уже сложились некоторые прикладные теории сетевой экономики: например, теория внутренних рынков корпораций

и сетевых безграничных предприятий, теория альянсов, теория динамических сетевых структур на основе рабочих команд.

Теория внутренних рынков корпораций и сетевых безграничных предприятий отражает процессы децентрализации управления, которые характерны для современного этапа развития корпораций, формирования организационных рынков и сетевых горизонтальных предприятий. На практике применяются рыночные принципы отношений не только к внешним предприятиям, но и к подразделениям разного профиля внутри корпорации. В результате подразделения превращаются практически в автономные предприятия, которые объединяются только корпоративной культурой, финансовыми и информационными системами, совместным использованием ресурсов. За счет такой организации повышается эффективность использования ресурсов и происходит существенная экономия по всем направлениям. Подразделения корпорации вступают в коммерческие отношения — как с другими подразделениями, так и с предприятиями вне корпорации. Соответственно, границы корпорации для них существенно размываются. Происходит переключение управления с вертикального на горизонтальное.

Теория альянсов обосновывает идею развития отношений кооперации в среде конкурентов, потребителей продукции и поставщиков ресурсов. Она показывает, что развитие кооперации происходит по причине образования в условиях сетевой экономики горизонтальных корпораций вместо вертикальных, что, в свою очередь, существенно меняет представление о границах компании. Такое сотрудничество направлено на снижение издержек производства по всем возможным направлениям, за счет более эффективного использования всех видов ресурсов на основе возможностей, предоставляемых информационными технологиями и глобализацией экономики. Организационно эти компании переплетены таким образом, что имеют кольцеобразную схему контроля: каждая компания владеет небольшой долей акций всех других компаний, а все вместе они владеют контрольным пакетом акций каждой компании.

Идея «самоорганизации» нашла свое теоретическое отражение в кибернетике Эшби, в физике Пригожина, затем была применена и в прикладных областях знания: в работах Р. Акоффа о циркулярной организации; в менеджменте прозвучала как идея о самоуправлении в трудах П. Друкера и Э. Деминга; а в работах по труду и социально-трудовым отношениям — как идея о коллективных формах организации труда.

Происходит и теоретическое оформление возрастающей роли человека труда и социально-трудовых отношений, и, вообще, человеческо-

го фактора в глобальной сетевой экономике. Теория человеческих отношений получила свое дальнейшее естественное развитие в концепции человеческого и социального капиталов. Развивается концепция корпоративной культуры. Оформилась идея человекоцентристского подхода, которую В.С. Алексеевский определяет как повышение значимости ментальности в экономике и управлении социумом [13].

Рефлексивность и теории социально-трудовых отношений

«Возвращение субъекта в мир теории» представляется актуальной проблемой для теорий социально-трудовых отношений. Система социально-трудовых отношений может быть концептуализирована по-разному.

1. Представим, что у нас есть два объекта: система социально-трудовых отношений и наблюдатель этой системы. Задача наблюдателя — сделать точное описание этой системы. Здесь нет никакого другого вмешательства, например, участия наблюдателя в системе, только наблюдение.

2. Есть те же два объекта, но теперь наблюдатель находится внутри системы социально-трудовых отношений. Например, он — работник или работодатель. В этом случае наблюдатель имеет личный интерес в эффективности функционирования системы социально-трудовых отношений.

3. Как и во втором случае, есть два объекта, но теперь все субъекты социально-трудовых отношений являются одновременно и наблюдателями системы и ее участниками. Кроме того, все наблюдатели/участники знают об этом и регулярно обсуждают разные точки зрения по поводу функционирования системы социально-трудовых отношений и по поводу личных интересов участников социально-трудовых отношений.

Представляется, что третий способ концептуализации системы социально-трудовых отношений — это лучшее, самое корректное ее описание. Тем не менее он не является общепринятым. Общепринятым в настоящее время является первый способ концептуализации и, соответственно, первое описание соотношения этих двух объектов. Второе же и третье описания поднимают вопросы соотношения каждого субъекта социально-трудовых отношений с самим собой, т. е. вопрос рефлексивности. Под рефлексивностью понимается множественное взаимовлияние между наблюдателем и наблюдаемой системой.

Рефлексивность — это особенно сложная проблема, потому что она создает неопределенность. Если исходить из того, что теория социально-трудовых отношений и действия, основанные на ней, меняют систему, мы имеем дело с «движущейся целью». Один подход, который

можно использовать в таком случае, это сфокусировать внимание на важности разработки методов работы с проблемой в дополнение к теориям. Теории имеют описательный характер, методы же объясняют, как нужно действовать [14]. Разрабатывать методы в дополнение к теориям — один из способов включения наблюдателя в процесс его наблюдения. Исторически сложилось так, что ученые исключили наблюдателя из системы отношений, которую он наблюдает. Их цель была создать теории, которые были бы независимы от человека, который производит эксперимент. Но феномен рефлексивности, т. е. включение наблюдателя в систему его наблюдения, спровоцировал появление концепции науки как социальной деятельности, включающей множественное влияние и экспериментаторство, а также построение последовательного описания.

Учитывая все вышеизложенное, нам представляется своевременным обратиться к разработке нового подхода к социально-трудовым отношениям в условиях глобализирующейся сетевой экономики. «Сетями охватывается все пространство, заполненное экономическими субъектами и объектами, их связями и взаимодействиями в природной и институциональной среде, — пишет В.В. Чекмарев. — Такое пространство мы назвали экономическим. И именно оно должно быть предметом экономической теории, так как только понимание сетевого характера экономических связей и взаимодействий, совокупного единства экономических субъектов (с их потребностями, интересами, ожиданиями и предпочтениями) и объектов, приобретающих все более нематериальный характер — услуги, информация, — способно обеспечить экономической теории адекватное отражение современной реальности» [15, 5—6].

Целью нового теоретического подхода к социально-трудовым отношениям должно стать объединение изучения внешнего мира участников социально-трудовых отношений (акторов), мира их взаимоотношений, взаимозависимостей, и их внутреннего мира (наблюдателей), мира смысла и ценностей. Методологической основой для переосмысления существующих концепций социально-трудовых отношений, описания взаимосвязей между разными подходами, применяемыми в изучении социально-трудовых отношений, для создания целостной концепции, соответствующей условиям глобализации, информатизации и сетевизации экономики, учитывающей феномен рефлексивности субъектов социально-трудовых отношений, мог бы выступить унифицированный системный подход Фритьофа Капры к пониманию биологических, когнитивных и социальных феноменов, который является синтезом современных теорий живых систем и обосновывает сетевую структуру современного общества и экономики, первопричинность

связей и отношений. Четыре переменные расширенного системного подхода в случае системы социально-трудовых отношений могут быть интерпретированы следующим образом: (1) смысл системы социально-трудовых отношений (ценности, идеи, убеждения, цели) заключается в ее жизнеспособности, которая в свою очередь понимается как целостность в окружающей ее среде (изменение любой части влияет на всю организацию). Именно жизнеспособность является ориентиром в случае системных изменений. Система социально-трудовых отношений является жизнеспособной тогда, когда фактические и нормативные социально-трудовые отношения отражают одну и ту же модель и опираются на одну и ту же систему ценностей субъектов этих отношений [16].

Форма социально-трудовых отношений представляет собой конфигурацию отношений между акторами, паттерны взаимосвязей и взаимоотношений между ними, а также ряд специфических процессов, стоящих за их формированием.

Содержание системы социально-трудовых отношений — это своего рода материальное воплощение конфигурации взаимосвязей участников социально-трудового процесса. Например, правила социально-трудового поведения в системной теории индустриальных отношений Дж. Данлопа [17].

Процесс в системе социально-трудовых отношений — это социальное научение, когнитивный процесс, на поверхности явлений представляющий как последовательность событий, описывающих изменение системы.

Расширенный системный подход к социально-трудовым отношениям основывается на предположении, что участники одновременно являются и акторами социально-трудового процесса, и его наблюдателями. Социокультурные ценности субъектов социально-трудовых отношений, их идеи, верования, убеждения, цели — т. е. тот смысл, который они вкладывают в восприятие ими социально-трудовой реальности, — во многом определяют их экономический выбор, выступают основой для принятия решений, что находит отражение в формировании соответствующих правил, норм и ценностей социально-трудовой жизни. В этом смысле система социально-трудовых отношений — это рефлексивная система, что означает, что ее участники не просто адаптируются к изменениям окружающей среды, но и способны к процессу ее реконцептуализации.

Некоторые выводы

На основе изложенного можно сформулировать основные методологические положения современной теории социально-трудовых отношений.

1. Положение о принципиальной схожести паттернов организации, организационных принципов всех живых систем. Система социально-трудовых отношений как живая система, основной характеристикой которой является созидательная способность к возникновению нового порядка.

2. Положение о равной необходимости и равной значимости таких сфер человеческой деятельности, как экономика, мораль, культура, право и т. д.

3. Общество — это открытая сложная саморегулирующаяся система, сохранность границ и состояний которой обеспечивается системно-стабилизирующимися отношениями социально интегрированных групп.

4. Открытость общественной системы означает, что она подвержена воздействию внешних (глобализация экономики и т. д.) и внутренних (природа человека, его ценности, убеждения, идеалы и т. д.) факторов.

5. Участники социально-трудовых отношений являются одновременно и акторами системы социально-трудовых отношений и ее наблюдателями.

6. Система социально-трудовых отношений — часть системы социальных отношений, испытывающей влияние последней, но в определенном смысле являясь независимой от нее.

7. Сетевая организация системы социально-трудовых отношений.

8. Переходные состояния социальной системы характеризуются тем, что между устойчивостью, обеспечиваемой отношениями социально интегрированных групп, и неустойчивостью из-за происходящих перемен устанавливается конкуренция. От исхода борьбы в этой точке бифуркации зависит устойчивость системы. Возможны как дальнейшее развитие (на основе архетипной социально-экономической матрицы), так и деградация системы. При этом социальная система, в силу своей открытости, становится особенно чувствительной к любому внешнему воздействию в период перемен.

9. Социальное сотрудничество является одним из ведущих факторов развития общества, а социальное научение как функция от участия индивида в социальном процессе, в социальном общении — одним из важнейших механизмов социального развития.

10. В долговременном аспекте развитие системы социальных отношений может быть охарактеризовано как «диалог» между идеями и обществом.

11. Сбалансирование разнонаправленных сил, интересов в человеческом обществе должно происходить на основе нравственности (нравственный императив). При этом под нравственностью понимается соответствие направления вектора социальных изменений социокультурным особенностям данного общества и природным принципам организации. В условиях нарушения нравственности в обществе и в качестве компенсации возникают идеологии, типы социального общения, направленные на сбалансирование системы общественных отношений.

Литература

1. *Clemson B.* Cybernetics: a New Management Tool. Tunbridge Wells, Kent, England, 1984.
2. *Capra F.* The Turning Point: Science, Society and The Rising Culture. Simon and Schuster, 1982.
3. *Ackoff R L.* Creating the Corporate Future: Plan or be Planned for. N. Y., 1981.
4. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Под ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. М., 1986.
5. *Dent E.B.* Management: Perspectives, Processes, and Productivity. College Park, MD: University of Maryland Press, 1995.
6. *Делокаров К.Х.* Системная парадигма современной науки и синергетика // *Общественные науки и современность*. 2000. № 6.
7. *Von Foerster H.* Cybernetics of Cybernetics // *Communication and Control in Society* / К. Krippendorff (ed.). Gordon and Breach, N. Y., 1979.
8. *Umpleby S.* Second-order Economics as an Example of Second-order Cybernetics // *Cybernetics and Human Knowing*. 2011. Vol. 18. No. 3—4.
9. *Паринов С.И., Яковлева Т.И.* Экономика 21 века на базе интернет-технологий, 2000 // http://rvles.ieie.nsc.ru/parinov/economy21.htm#_Тос427137869.
10. *Капра Ф.* Скрытые связи. М., 2004 // <http://www.klex.ru/t>.
11. *Богданов А.А.* Тектология: Всеобщая организационная наука. М., 2003.
12. *Тарент И.Г.* Всеобщая организационная наука (тектология) А.А. Богданова. М., 2007.

13. *Алексеевский В.С.* Управление диссипативными системами экономики и социума. Дис. ... д-ра экон. наук / КГУ им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2004.

14. *Umpleby S.* Should Knowledge of Management be Organized as Theories or as Methods? // *Janus Head: Journal of Interdisciplinary Studies in Literature, Continental Philosophy, Phenomenological Psychology, and the Arts.* 2002. No. 5 (1).

15. *Чекмарев В.В.* Экономическое пространство и его сетевая организация. Кострома, 2002.

16. *Медведева Т.А.* Исследование трансформации социально-трудовых отношений на основе расширенного системного подхода // *Вестн. НГУ. Сер. Социально-экономические науки.* 2013. Т. 13. Вып. 4.

17. *Dunlop P.F.* *Industrial Relations Systems.* N. Y., 1958.

А.А. ЗАЛЕТНЫЙ

Поведение экономических агентов и фиктивный капитал

Аннотация. В статье показано, что оппортунистическое поведение является неотъемлемой частью современной трансформационной экономики (на примере России), в которой господствует фиктивный капитал.

Ключевые слова: фиктивный капитал, трансформационная экономика, оппортунизм, оппортунистическое поведение.

Abstract. In the present article, the following fact is demonstrated: opportunist behavior is an irremovable part of modern transformational economy (Russia is its example) where fictive capital dominates.

Keywords: fictive capital, transformational economy, opportunism, opportunist behavior.

Едва ли не главный атрибутивный признак современной экономики, в том числе и трансформационной экономики современной России, — господство финансового капитала над промышленным, производственным, действительным капиталом, вообще над теми сферами экономики и в целом общественной жизни, где действительно создается общественное богатство. Слова Р. Гильфердинга, сказанные в 1910 г., о том, что «финансовый капитал в его завершении — высшая ступень полноты экономической и политической власти, сосредоточенной в руках капиталистической олигархии» [1, 446], получают свое практическое подтверждение в наши дни.

Хотя финансовые спекуляции, безусловно, существовали и в предшествующие века, современная финансовая сфера — в оторванном от производства виде — являет собой в настоящее время ту сферу экономики, в которой личное обогащение возможно в наиболее короткие сроки: при проведении спекулятивных сделок с использованием всего многообразия финансовых инструментов — от акций и векселей до опционов и фьючерсов. Но следует помнить о том (и это особо подчеркивал в 1950-е гг. болгарский экономист Т. Владигеров), что спекуляция на финансовом рынке, внося изменения в распределение собственности, сама по себе общественного богатства не увеличивает; она имеет функцию только присвоения прибыли от *уже созданного* богатства, от произведенной *ранее* прибавочной стоимости [2, 82].

Соответственно, в финансовой сфере мы видим обогащение без действительного прироста общественного богатства. Такое обогащение может быть ни чем иным, как *фикцией*. Финансовый капитал, «приносящий» такое обогащение, корректно именовать *фиктивным* финансовым капиталом.

Обогащение на фиктивном капитале предполагает и фиктивные формы поведения «обогащающихся» экономических субъектов — «игроков» финансового рынка. Порой основной формой их поведения становится *оппортунистическое* поведение: приносимый им финансовый результат, будучи обратно пропорциональным действительной деловой репутации (транспарентности, честности, порядочности, прозрачности) оказывается прямо пропорциональным степени выраженности оппортунизма в поведении.

Что же есть оппортунизм, оппортунистическое поведение в целом?

Анализируя оппортунизм современных экономических агентов, следует помнить, как В.И. Ленин в своей классической работе «Шаг вперед, два шага назад» определил сущность оппортунизма вообще: «Когда говорится о борьбе с оппортунизмом, не следует никогда забывать характерной черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключаящими одна другую точками зрения, стараясь “быть согласным” и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч. и проч. Оппортунист в вопросах программы <...> “согласен” с программой <...> и хотя желал бы, наверное, “коренной реформы” ее, но считает это несвоевременным, нецелесообразным, не столь важным, как выяснение “общих принципов” “критики”» [3, т. 8, 392—393]. Главные признаки оппортуниста, о которых говорил Ленин,

— вербальная неопределенность, недоговоренность, недосказанность, за которой кроется неискренность и непрозрачность, — следует помнить при выявлении современного оппортунистического поведения экономических агентов и борьбе с ним.

Годы спустя О. Уильямсон под оппортунизмом понимал «преследование личного интереса с использованием коварства», отмечая, что «подобное поведение включает, *но едва ли ограничивается* (курсив наш. — А.З.), такими явными формами, как ложь, воровство и мошенничество», также включая в себя более изощренные варианты поведения, как-то «предоставление неполной или искаженной информации, особенно когда речь идет о преднамеренном обмане, введении в заблуждение, искажении и сокрытии истины» [4, 25]. Как тут не обратиться к ленинской характеристике оппортуниста как лица, не желающего прямо обращаться к принципиальным, «программным» вопросам, но подменяющего их более частными «общими принципами критики», уводящими в сторону от дела!

В последнее десятилетие, в особенности в те годы, которые непосредственно предшествовали последнему экономическому кризису, начавшемуся в 2007—2008 гг., в нашей стране стало появляться все больше работ (в том числе диссертационных — например, [5—13]), специально посвященных теме оппортунистического поведения. Позитивной тенденцией является то, что многие из них посвящены отдельным, порой достаточно специфическим преломлениям феномена оппортунистического поведения — например, в отношениях с государством [6; 10]. Предложения по борьбе с оппортунистическим поведением носят многообразный и многосторонний характер, включая в себя модернизацию структуры экономических агентов (например, почти обязательное создание в крупных корпорациях специального междисциплинарного подразделения по контролю за рисками (см.: [11, 11, 80])). Следует обратить внимание, что к тематике оппортунистического поведения обращаются представители не только экономической науки, но и смежных научных дисциплин [7; 8].

Отметим, что ряд российских исследователей, вслед за Уильямсоном, обращают взор к неполноте (или асимметрии, односторонности) информации, имеющейся у принимающей решение стороны, как на фактор, способствующий оппортунистическому поведению (одним из наиболее ярких примеров см.: [5, 7, 1, 35—36]). В то же время в российской хозяйственной практике наших дней встречается (и, по нашему наблюдению, набирает распространение) форма оппортунистического поведения, связанная с прямым, а не скрытым (т. е. не скрытым посредством искажения, искусственно создаваемой асимметрии и т. д.) непредоставлением необходимой контрагенту информации, результа-

том чего оказывается причиняемый контрагенту реальный ущерб. Особенно ярко это наблюдается при продаже предприятий, имущественных комплексов и вообще коммерческой недвижимости, когда информация о продаваемом объекте, в том числе его существенных характеристиках, обременениях, недостатках (а также и достоинствах), предоставляется продавцу ровно до момента перехода права собственности («пучка правомочий» собственника) к покупателю. С этого момента продавец резко сворачивает контакты с новым собственником объекта, и информацию, необходимую даже для элементарной его эксплуатации, новому собственнику приходится добывать самостоятельно, что влечет весьма высокие транзакционные издержки (которые в крайних случаях могут даже превысить уплаченную за объект цену — со всеми вытекающими последствиями для экономического смысла сделки). Это относится даже к информации о вполне явных и формальных контрактных отношениях с поставщиками коммунальных услуг (электрическая и тепловая энергия, водоснабжение и водоотведение, иные системы жизнеобеспечения), о разграничении земельных отношений с государством и/или муниципальным образованием, о принципиально важных *формальных, но не явных* обременениях (например, о коммуникациях общегосударственного значения, проходящих по территории, в том числе и под территорией, проданного объекта). До продажи объекта информация эта могла не запрашиваться тогда еще будущим покупателем даже не потому, что в случае ее запроса речь шла бы о намного более высокой цене. А потому, что современный рынок коммерческой и производственной недвижимости существует не в условиях монополии, и при задержке с принятием решения о приобретении даже в отсутствие необходимой вышеохарактеризованной информации объект был бы продан другому покупателю. Со стороны же продавца может присутствовать нежелание предоставлять «вовне» информацию, которая могла бы «пролить свет» на злоупотребления с его стороны (например, на непрозрачные отношения с теми же энергоснабжающими организациями), и которая могла бы не только привести к негативным последствиям для продавца в его отношениях с государственными и муниципальными (в том числе контролирующими) органами и организациями, но и привести к отказу данного конкретного покупателя от приобретения объекта, что повлекло бы издержки времени у продавца на поиск другого, менее внимательного покупателя. Ведь соответствующие контракты о покупке предприятий, прочей коммерческой недвижимости часто не предусматривают формализованного условия о передаче всей необходимой для эксплуатации объекта информации (в том числе документированной) после передачи объекта, а соответствующая неформальная дого-

воренность не инициируется покупателем, как мы уже отметили, нередко из-за того, что при постановке вопроса о такой договоренности покупатель с большой вероятностью был бы иным (иначе говоря, речь бы шла об ином покупателе).

Следует обратиться к еще одному глобальному феномену — феномену мнимому, фиктивному. Речь пойдет о так называемой теории «революции управляющих» — мнении о том, что собственник частично уступает свою власть над предприятием, являющимся своей собственностью, наемным менеджерам (управляющим, директорам). В начале 1930-х гг. эту теорию одними из первых изложили А. Берли и Г. Минз [14]. Вместе с тем даже за двадцать лет до них Р. Гильфердинг, как бы предвосхищая появление таких взглядов, отмечал, что экономическая власть крупного капитала, пусть даже и останется замаскированной, пусть даже непосредственно не будет воздействовать на политическую жизнь, все равно сохранится [1, 440—450]. Еще более определенно уже в 1950-е гг. высказывался Т. Владигеров, отмечая, что даже средства, привлеченные от акционеров акционерного общества при покупке ими акций (а такими акционерами вполне могут быть те же управляющие), фактически оказываются под контролем небольшой группы крупных собственников, реально контролирующих акционерное общество, и заключая, что *контроль за активами неотделим от собственности на них*, т. е. к «управляющим» никакой реальной экономической власти над собственностью не переходит [2, 30—40 и др.]. «Управляющие» порой не могут влиять даже на составление публичной финансовой отчетности, не могут противодействовать искажению в ней действительного положения дел на предприятии, лишены возможности информировать даже акционеров о реальных активах, которыми обеспечены акции (на это также, как минимум, косвенно указывает Владигеров — см., например: [2, 33, 39, 235—236]). Мелкие «акционеры» (в том числе из числа управляющих, в том числе «подписывающиеся» на акции при их дополнительном выпуске, например, путем первоначального публичного размещения¹³) — акционерному обществу, вкладчики и иные кредиторы — банку нужны лишь как поставщики свободных денежных средств, которые используются акционерным обществом (в том числе и банком) по своему усмотрению. По существу, об этом писал в 1916 г. В.И. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма»: «*Производство становится общественным* (курсив наш. — А.З.), но присвоение остается

¹³ Первоначальное публичное размещение акций в настоящее время известно в финансовой сфере под своим английским наименованием — Initial Public Offering (IPO).

частным. Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц» [3, т. 27, 321]. Об этом 96 лет спустя, в 2012 г., писал Грег Смит, бывший высокопоставленный сотрудник инвестиционного банка «Голдман Сакс», в своей статье в газете «Нью-Йорк Таймс» в день своего добровольного ухода из этого банка: «[По долгу службы в “Голдман Сакс”] я посещаю совещания по продаже деривативов, где ни единой минуты не посвящено вопросам о том, как мы можем помочь клиентам. Речь идет исключительно о том, как мы можем *забрать у них максимально возможную сумму денег* (курсив наш. — А.З.). Если вы были бы инопланетянином с Марса, оказавшимся на одном из тех совещаний, вы могли бы поверить, что ни успех, ни прогресс клиента совершенно не был частью движения мысли [на тех совещаниях]» [15]. И еще из Грега Смита: «Назовите меня старомодным, но мне не нравится продавать клиентам продукт, который вреден для них» [15].

Итак, поведение экономических агентов в мире фиктивного капитала не может не быть в той или иной мере оппортунистическим. Преодоление господства фиктивного капитала и нивелирование оппортунистического поведения — две стороны одной и той же задачи.

Литература

1. *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. М., 1959.
2. *Владигеров Т.* Фиктивный капитал. М., 1963.
3. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.
4. *Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб., 1996.
5. *Бас А.В.* Экономические и институциональные ограничения оппортунистического поведения субъектов рыночной экономики. Дисс. ... канд. экон. н. Саратов, 2009.
6. *Белокрылов К.А.* Контрактный механизм экономического взаимодействия государства и бизнеса как фактор предупреждения оппортунистического поведения. Дисс. ... канд. экон. н. Ростов н/Д, 2009.
7. *Богданова Н.Ю.* Оппортунистическое поведение в коммерческих фирмах Украины и России: опыт социологического исследования. Дисс. ... канд. социол. н. Волгоград, 2010.
8. *Денин К.И.* Двухуровневые модели оппортунистического поведения в эколого-экономических системах. Дисс. ... канд. физ.-мат. н. Ростов н/Д, 2010.
9. *Зацепилин А.А.* Оппортунистическое поведение финансовых институтов в системе инвестирования реального сектора рецессионной экономики. Дисс. ... канд. экон. н. Саратов, 2010.

10. *Исаков В.А.* Оппортунистическое поведение и механизмы его ограничения: на примере трансакции налогообложения. Дисс. ... канд. экон. н. Петрозаводск, 2008.

11. *Кондрашин С.В.* Механизмы селекции в условиях управления риском оппортунистического поведения. Дисс. ... канд. экон. н. М., 2007.

12. *Королев А.И.* Тенденции оппортунистического поведения в условиях экономики неравновесности. Дисс. ... канд. экон. н. Саратов, 2007.

13. *Симонова В.Л.* Институты управления эндогенным оппортунизмом в системе принципал — агент. Дисс. ... канд. экон. н. Екатеринбург, 2006.

14. *Berle A., Means G.* The Modern Corporation and Private Property. N. Y., 1932.

15. *Smith G.* Why I Am Leaving Goldman Sachs // The New York Times. 2012. March 14.

А.А. БАБАЕВА

Вызовы глобализации и проблемы инновационного роста национальной экономики

Аннотация. Рассматриваются проблемы инновационного роста национальной экономики в условиях продолжающегося мирового финансово-экономического кризиса на конкретном примере экономики Азербайджанской Республики. На основе конкретных положений Концепции развития «Азербайджан—2020: взгляд в будущее» предлагается авторское видение характеристик инновационного роста в контексте развивающихся процессов глобализации.

Ключевые слова: процессы глобализации, всеобщий экономический кризис, устойчивый экономический рост, Концепция развития «Азербайджан—2020: взгляд в будущее», инновационный рост, характеристики инновационного роста.

Abstract. The article examines the problems of innovation growth of national economy in a framework of proceeding global financial and economic crisis, considering the economy of the Republic of Azerbaijan as a concrete example. On the base of concrete theses of the Conception of development «Azerbaijan—2020: glance to the future» the author suggests her own vision of characteristics of innovation growth at the context of developing processes of globalization.

Keywords: processes of globalization, the global economic crisis, stable economic growth, Conception of development «Azerbaijan—2020: glance to the future», innovation growth, characteristics of innovation growth.

Вот уже более шести лет мировая экономика находится в состоянии сильнейшего финансово-экономического кризиса, охватившего подавляющее большинство развитых западных государств и многие развивающиеся страны. Процессы глобализации, таким образом, могут оборачиваться не только ростом взаимного товарооборота и научно-технических обменов, не только ускорением темпов прогрессивного изменения экономических и хозяйственных процессов [1, 7], но и взаимной «передачей» кризисных явлений, с которыми, в принципе, рискует столкнуться любая национальная экономика современного мира.

Что касается нынешнего кризиса, то порой создается впечатление, что мир столкнулся со своего рода «экономическим цунами». Как точно указано в Концепции развития «Азербайджан—2020: взгляд в будущее», «начавшийся в 2008 году и продолжающийся ныне в новой фазе глобальный экономический кризис... отличается широтой сферы своего охвата» [1, 8]. Действительно, сегодня мы имеем дело не с очередным примером периодически повторяющихся циклических кризисов, но с всеобщим экономическим кризисом, наложившимся к тому же на кризис задолженности, нараставшей в современном западном обществе в течение десятилетий.

Так, по официальным данным МВФ, обнародованным в 2011 г., величина государственного долга, например, до недавнего времени казавшейся вполне благополучной Бельгии достигла 100% от величины ВВП страны. Во Франции этот показатель составил 90%, в Италии — 120, в Греции — 160% [2]. Государственный долг США достиг в октябре 2013 г. запредельной величины почти в 17 трлн дол., и, как известно, лишь в самый последний момент конгрессу и администрации Соединенных Штатов удалось договориться об отсрочке объявления технического дефолта, и то только до начала 2014 г.

Проблемы финансово-экономического характера переносятся на сферу социальных отношений. И Европейский союз, и США испытывают не только спад производства, но — что в этой связи вполне естественно — и рост безработицы (в ряде стран достигшей критической черты), в подавляющем большинстве развитых государств повышаются налоги и одновременно происходит сокращение различных социальных программ. В свою очередь, неизбежна и ответная реакция общества, вызвавшая беспрецедентное для последних десятилетий обострение социальной ситуации. Например, «под занавес» 2012 г. одновременно в 23 странах Европы прошли многомиллионные манифестации, в ходе которых граждане этих стран протестовали против

повсеместно продолжающегося падения уровня жизни (см.: [3, 98—99]).

Здесь уместно поставить принципиальный вопрос: может ли национальная экономика той или иной страны в условиях глобализации избежать втягивания в водоворот подобных кризисных явлений? И каким образом можно обеспечить устойчивый рост в то самое время, когда большинство других стран находится в состоянии стагнации производства, а то и вовсе рецессии, т. е. экономического спада? Обратимся вновь к Концепции развития «Азербайджан—2020». В ней, по нашему мнению, проведена важная мысль о том, что в условиях кризиса усилилась неопределенность перспектив развития как мировой экономики в целом, так и отдельных стран и группировок, до сих пор считающихся «силовыми центрами» [1, 8]. Как бы продолжая эту мысль и в связи со сказанным выше, необходимо отметить, что кризис в то же время способствует стремительному продолжению процесса перераспределения ролей в мировой экономике, начавшегося еще с 2000-х гг. Прежде всего, это выражается в том, что роль «мастерской мира» не просто отошла от США, Германии и Японии к Китаю, но и устойчиво закрепились за последним.

Это подтверждают хотя бы данные по объему и структуре экспорта ведущих экономических держав за 2012 г. Так, удельный вес машин и транспортного оборудования в экспорте в 2012 г. составлял соответственно: в КНР — 50%, Германии — 46, США — 35%. Что касается объемов самого экспорта, то, согласно данным ежегодного доклада ВТО о состоянии международной торговли, удельный вес экспорта Китая в 2012 г. достиг 11,2% от общемирового, соответствующие показатели США и Германии составили 8,4 и 7,7% [4].

Если говорить об усилении общеэкономической мощи Китая, то в условиях продолжающейся стагнации в большинстве стран Европейского союза и США экономика КНР, согласно обнародованному в начале октября 2013 г. докладу Международного валютного фонда, в годовом исчислении уверенно выходит на 7,6% роста [5]. Сегодня можно утверждать, что отныне экономические возможности, успешное социально-экономическое развитие и перспективы многих стран мира будут зависеть от долгосрочного и стабильного выстраивания отношений с КНР. В первую очередь это относится к государствам, расположенным на «ближайших рубежах» к Китаю — в Центральной и Передней Азии. Среди них — и Азербайджанская Республика. Отметим, что эта ситуация — своего рода новый этап развития процессов глобализации, и прогнозировать возможности собственного экономического роста на перспективу можно, на наш взгляд, с обязательным учетом этого нового этапа.

Здесь, на наш взгляд, следует напомнить, что роль КНР и сегодня, и в ближайшем будущем отчетливо осознают и, кстати, осознавали уже в минувшей декаде XXI столетия во многих странах, расположенных и на постсоветском пространстве. Так, в свое время, комментируя визит президента Азербайджана И. Алиева в КНР весной 2005 г., азербайджанский политолог Р. Мусабеков характеризовал Китай как «единственного кандидата (помимо США. — *А.Б.*) на превращение в супердержаву» [6, 4]. В настоящее время возможности Китая намного возросли; специальное исследование МВФ, вышедшее весной 2011 г., прогнозировало, что КНР обгонит США по основным экономическим показателям уже в 2016 г. [7, 4]. За два с лишним года, прошедших с тех пор, Китай еще больше сократил остающийся разрыв между экономиками двух стран.

Занимая, ко всему прочему, устойчивое первое место в сегодняшнем мире по объему золотовалютных резервов, сумма которых все последние годы постоянно возрастала и к началу 2013 г. достигла величины более чем в 3,3 трлн дол., Китай обладает колоссальными инвестиционными возможностями. Его международная деятельность по вложению капиталов в самые различные сферы экономики многих стран постоянно расширяется. В специальном докладе, подготовленном специалистами американской аналитической службы «Asian Society», говорится, что если на конец 2009 г. совокупный объем китайских инвестиций за рубежом составил 230 млрд дол., то в ближайшие 10 лет КНР планирует приобретение зарубежных активов на общую сумму не менее чем в 1 трлн дол. [8, 1].

Неудивительно поэтому, что, характеризуя международную экономическую деятельность Китая, лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц подчеркивает: «За прошедшее время влияние Китая возросло не только в Африке, но и во всем мире» [9, 385]. В этом смысле любому из государств, тем более из находящихся в относительной географической близости от Китая, важно предложить новой экономической сверхдержаве такую взаимовыгодную модель инвестиционного сотрудничества, которая основывалась бы не только на сырьевых возможностях ее партнеров, но, прежде всего, на их способностях к созданию и использованию инноваций. Да и с развитыми западными государствами систему равноправных отношений надежнее строить, имея экономику, основанную прежде всего на инновационных факторах роста. Вообще правильнее было бы говорить о некоем *сценарии инновационного роста* национальной экономики.

Такой сценарий предполагает, что инновационный рост, во-первых, должен опираться на диверсифицированную структуру экономики, т. е. иметь под собой прочную базу в виде несырьевых источников (факторов) социально-экономического развития. Во-вторых, иннова-

ционный рост, в свою очередь, сам обеспечивает дальнейшее углубление диверсификации экономики на основе передовых научно-технических достижений и технологических разработок. Одновременно тем самым повышаются шансы национальных предпринимателей на успешную экспортную деятельность в условиях, когда рынки многих государств под влиянием кризиса объективно сужаются, а конкуренция между производителями, напротив, увеличивается и предельно обостряется. При этом речь идет о рынках как развитых, так и развивающихся государств.

В подобной ситуации гарантировать успешный выход на внешние рынки и занятие на них прочных позиций может лишь обладание подлинным инновационным продуктом — готовым изделием либо технологией его производства.

Обладает ли Азербайджан такими возможностями, которые, как отмечают некоторые специалисты, позволят стране закрепиться среди наиболее развитых государств постсоветской Евразии, Кавказа и Ближнего Востока (см., напр.: [10, 10])? Представляется, что такие возможности есть. Реально начавшаяся новая индустриализация Азербайджана уже отчасти доказала свою эффективность в самые тяжелые годы кризиса — в период 2009—2010 гг. Как выглядела устойчивость азербайджанской экономики на фоне грандов экономики мировой? В 2009 г., в условиях пика глобального экономического кризиса, ВВП нашей республики (в постоянных ценах) увеличился на 9,3% (что являлось наивысшим показателем по СНГ), в 2010 — на 5,0% [11, 50]. Между прочим рост азербайджанской экономики в 2009 г. превысил даже темпы роста экономики Китая (8,6%). При этом экономика США, напротив, сократилась на 2,5%, стран Евросоюза в целом — на 3,9, а ВВП России снизился на 7,9% [12].

В следующем, 2010 г., экономика КНР дала прирост в 10,3% [13], а выбиравшаяся из кризиса экономика США выросла лишь чуть более чем на 2,5% [14]. Как видим, на фоне двух мировых гигантов, каждый из которых решает свои проблемы с разной степенью эффективностью, экономика Азербайджана выглядела весьма устойчиво.

Однако сохранится ли такая устойчивость и далее — в ситуации, когда кризисные явления в окружающем нас мире не ослабевают и могут в той или иной степени продолжать задевать нашу национальную экономику? Кроме того, как уже отмечалось, именно устойчивый рост способен обеспечить Азербайджану достойное партнерское место во взаимоотношениях с лидерами мировой экономики как в ближайшем, так и в отдаленном будущем.

В этой связи, как представляется, решающую роль будет играть продолжение выполнения ключевых задач, определенных «Концепцией развития...». Так, если мы говорим о достижении в последние годы

значительных успехов в сфере образования (к примеру, общий объем выделенных на эту сферу бюджетных средств вырос за период с 2003 по 2011 г. в 5 раз [1, 4]), то следует подчеркнуть необходимость продолжения расширения и совершенствования системы подготовки и переподготовки высококвалифицированных кадров разной степени компетентности в соответствии с поставленными задачами. Только таким образом можно обеспечить кадровый потенциал экономического развития, основанного на разработке прорывных инновационных решений в несырьевом секторе экономики, и тем самым обеспечить долгосрочный интерес ведущих держав мира к национальной экономике в целом.

Здесь следует подчеркнуть одну принципиальную, на наш взгляд, деталь: в условиях развития глобализационных процессов и свободного перемещения по миру важно организовать такую национальную систему использования подготовленных высококвалифицированных кадров, которая бы реально заинтересовывала их в работе на свою страну, тем самым предотвращая «утечку мозгов». Молодые специалисты ясно должны видеть перспективу возможностей самореализации в условиях прежде всего национальной экономической системы, а инновационная модель экономики такие возможности как раз и способна предоставить.

В свою очередь, высококвалифицированные кадры должны уметь принимать верные решения, включая управленческие и финансово-бюджетные, на основе правильно сформулированных как текущих, так и долгосрочных целей. Для этого необходимо постоянное совершенствование системы управления социально-экономическими процессами как на отраслевом, так и на республиканском уровне.

И, разумеется, необходимо помнить о необходимости постоянного технико-технологического совершенствования основных фондов в ключевых несырьевых отраслях промышленности на основе передовых научно-технических решений. Здесь, в частности, как раз может помочь дальнейшее развитие многопрофильных технопарков, на базе которых решалось бы сразу несколько смежных задач разработки и внедрения инноваций одновременно в целый ряд тесно связанных и взаимодействующих друг с другом отраслей.

Следует отдавать себе отчет, что решение указанных задач потребует постоянного привлечения новых инвестиций, причем далеко не только (да и не столько) за счет средств государственного бюджета, но и из частных источников, а также — иностранных. Именно поэтому развитие таких технопарков должно быть экономически интересным и выгодным для зарубежных партнеров, а потому в основе такого развития должны лежать тщательно проработанные конкретные идеи создания самых современных производств, базирующихся на новейших

научно-технических достижениях и технологических разработок принимающей стороны и масштабных вложениях капиталов со стороны инвестора. Одной из перспективных форм технопарка могут быть научно-индустриальные парки, примеры которых, кстати, имеются на пространстве СНГ (например, белорусско-китайский научно-индустриальный парк, создающийся в 25 км от Минска).

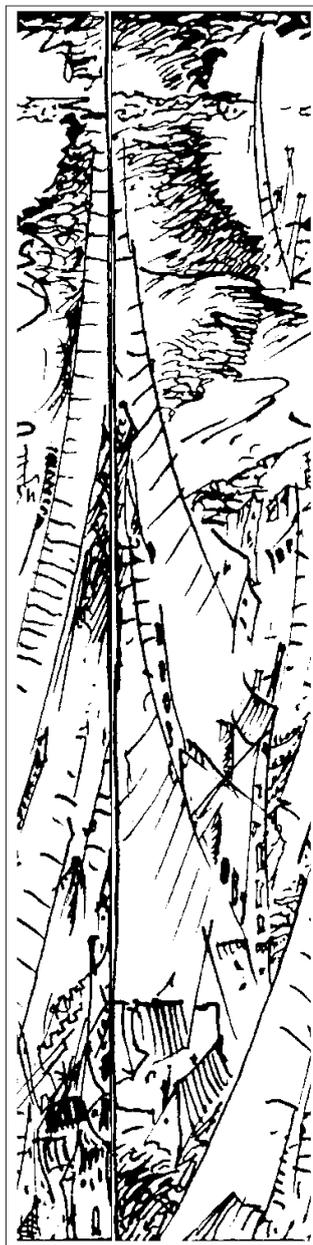
Наконец, необходимо помнить, что вся подготовка и обеспечение занятости для высококвалифицированных национальных кадров неотделимы от развития всей социальной сферы республики. Согласно отчету Программы развития ООН по человеческому развитию, Азербайджан еще в 2010 г. покинул группу стран со «средним уровнем человеческого развития» и вошел в группу государств с «высоким уровнем человеческого развития» [1, 5]. Дальнейшее повышение уровня и качества жизни большинства населения Азербайджанской Республики является неотъемлемым фактором обеспечения возможностей инновационного роста национальной экономики.

Литература

1. Концепция развития «Азербайджан—2020: взгляд в будущее». Баку, 2012.
2. Strategies for Fiscal Consolidation in the Post-Crisis World. IMF Fiscal Affairs Department Paper 11/04. Washington, 2011.
3. Общество и экономика. 2013. № 5.
4. 2013 WTO Annual Report. Geneva: World Trade Organization, 2013.
5. World Economic Outlook. September 2013. International Monetary Fund. Wash., 2013.
6. Независимая газета. 2005. 18 марта.
7. The Daily Mail. 2011. April 27.
8. Финансовые известия. 2011. № 18.
9. *Стиглиц Дж.* Кругое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М., 2011.
10. *Караваев А.* Выбор сделан // Российская газета / Азербайджан. 2013. 29 окт.
11. Statistical Yearbook of Azerbaijan. 2013 / State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. Baku. 2013.
12. Российская газета. 2010. 3 февр.
13. China News. 2011. Febr. 14.
14. Эксперт. 2010. № 12.

IV

АКТУАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Н.Н. РОСТОВА

Сакральное как структура, конституирующая антропологическое пространство

Аннотация. Существуют две основные стратегии в рефлексии о сакральном. Сакральное понимается либо как неструктурируемое антропологическое пространство, либо, напротив, как структура, это пространство учреждающая. В статье анализируется второй подход в рамках европейской традиции. Причисляя к этому подходу Э. Дюркгейма, К. Леви-Строса, М. Элиаде, автор критически анализирует их теории.

Ключевые слова: антропология, сознание, сакральное, структура, Дюркгейм, Элиаде, Леви-Строс, культ.

Abstract. According to the author of article, there are two main strategy in a reflection about the sacral. Or sacral the establishing is understood as not structured anthropological space, or, on the contrary, as structure, this space. In article the second approach within the European tradition is analyzed. Ranking as E. Durkheim, K. Levi-Stros, M. Eliada this approach, the author critically analyzes their theories.

Keywords: anthropology, consciousness, sacral, structure, Durkheim, Eliada, Levi-Stros, cult.

При внимательном рассмотрении теорий сакрального оказывается, что все они вращаются вокруг темы структуры. Сакральное понимается либо как неструктурируемое антропологическое пространство, либо, напротив, как структура, это пространство учреждающая. В последнем случае сакральное рассматривается как нечто, связанное с разделениями и дифференциациями, чему служат опорой ссылки на этимологию: лат. «санктус» — «окруженный оградой» и евр. «кадош» — «отделенный». Понятие «структура» в данном случае берется не в узком смысле, как, например, у Рэдклиффа-Брауна или у Виктора Тернера, для которых оно связано с социальными институтами и социальными отношениями, но более фундаментально. Под структурой нами будет пониматься метафизическая конструкция, имеющая антропологический источник и позволяющая создать антропологическое пространство, т. е. получить нечто принципиально новое. Иначе можно назвать ее антропологической формой, т. е. тем, посредством чего человек делает себя человеком. Или еще точнее: то, посредством чего самоучреждается сознание.

Первый подход к сакральному, «антиструктурный», наиболее характерен для европейских теоретиков сакрального (З. Фрейда, Ж. Батайя, К. Пеньо, по большей части Р. Кайуа, В. Тернера, М. Дуглас, Р. Жирара, Л. Макариус и др.). Второй — для русских. Однако и в европейской традиции мы встречаемся со «структурным подходом». К представителям такого подхода в европейской традиции можно причислить, со всеми оговорками, связанными с традиционной оценкой трудов данных мыслителей, Э. Дюркгейма, К. Леви-Строса, М. Элиаде, а также М. Хайдеггера.

Дюркгейм: категории антропологического пространства

«Категории, — пишет Дюркгейм, — имеют религиозное происхождение» [1, 186]. Есть что-то в мире, для чего нет причин. Например, пространство и время. Самих по себе пространства и времени нет, ибо нет самих по себе дифференциаций, их учреждающих. По крайней мере, их нет для нашего мышления. Как монотонности они для нас «немыслимы». Но каково происхождение этой дифференциации? — задается вопросом Дюркгейм. Различения, скажет он, возникают вместе с появлением культа. Дюркгейм пишет: «Деления на дни, недели, месяцы, годы и т. д. соответствуют периодичности обрядов, праздников, общественных церемоний» [1, 187]. Культ, внося ритм и окраску его составляющих, учреждает время. То же справедливо и для пространства. Восприятие пространства становится возможным благодаря ориентирам, которые задает культ, или, как скажет Дюркгейм, благодаря приписыванию ему «различных эмоциональных ценностей» [1, 188]. Например, посредством тотемов одна часть пространства начинает отличаться от другой части пространства, самих по себе друг от друга не отличимых. Культ дает деление мира на части света, на правое и левое, на верх и низ, на центр и периферию.

Столь грандиозные последствия культа Дюркгейм сглаживает некоторой непоследовательностью в своих рассуждениях. Его волнует скорее вопрос о социальной, т. е. коллективной, природе данных категорий, нежели о собственно религиозной с ее антропологическими последствиями, т. е. его волнует лишь часть проблемы. Поэтому вместе с заявлениями о том, что восприятие пространства и времени как недифференцированной монотонности невозможно, он допускает, что прошлое для нашего сознания все же каким-то образом отличимо от настоящего, ибо «обнаруживает для нас свое присутствие, в то же время спонтанно отличаясь от настоящего» [1, 186]. Но благодаря чему? Или же, говоря о пространстве, он вдруг заменяет проблему восприятия пространства проблемой возможности расположения вещей в пространстве [1, 188]. Но вопрос здесь заключается не в расположении

вещей, а в самой возможности иметь дело с ними. Человек — существо, не имеющее в мире ориентиров. Его сознанию не дан инстинкт. И Дюркгейм это понимает, говоря об аморфности впечатлений и необходимости их дифференциации. Но эта дифференциация имеет прямое последствие для сознания человека. Вместе с появлением различий появляется не просто возможность мышления за что-либо «зацепиться», как скажет Дюркгейм, но возможность самого мышления. Дюркгейм сравнивает результат дифференциации во времени с доской, на которой могут быть расположены все возможные события. Но эта «доска» и есть не что иное, как сознание человечества, впервые обретшее ориентиры, т. е. ставшее возможным. Так же как тотем, как скажет Дюркгейм, эмблема общины, делает возможным саму эту общину, ее сознание, через различие «мы — они».

Дюркгейм, наряду с заявлениями о необходимости для мышления не существующих самих по себе дифференциаций говорит о том, что человеческое общество не является по отношению к природе государством в государстве, что «оно составляет часть природы... является ее наивысшим проявлением. Социальное царство, — продолжает он, — то же природное царство, отличное от других только своей большей сложностью» [1, 197]. То есть Дюркгейм пытается сочетать несочетаемое. С одной стороны, представление о фундаментальном отличии антропологического пространства от природной сферы, с другой стороны, представление об их онтологическом подобии.

В конце концов, свой акцент он ставит в пользу проблемы существования людей, а не их существования. А потому тезис о необходимости категорий для мышления он тут же трансформирует в тезис о необходимости «логического конформизма», т. е. необходимости *общих* категорий для множества людей. Таким образом, представление о конститутивной функции категорий для сознания и их культового происхождения он, будто бы борясь с самим собой, стремится подавить представлением о конститутивности категорий для бытия сообща. Однако вторая проблема не снимает первой. И более того, вторая проблема является частным проявлением первой.

Леви-Строс: порядок инженера и порядок бриколера

Леви-Строс, заочно споря с Леви-Брюлем, заявляет: «Требование порядка... лежит в основании всякого мышления» [2, 121]. Всякое мышление строится на классификациях, а потому «классификация, какой бы она ни была, ценна сама по себе — это лучше, чем отсутствие всякой классификации» [2, 120]. Классификация дает запрет на хаос, «имеет превосходство» над ним [2, 125]. Через противоположения внутри монотонного целого она дает те необходимые «диффе-

ренциальные промежутки”, ту “решетку”, накладываемую в целях расшифровки на текст, который первоначально выглядит как невразумительный, неразличимый поток» [2, 171], без которых невозможны мышление и соответственно мир. Не важно, излечивает ли прикосновение клюва дятла от зубной боли или приведет ли принятие в пищу мяса белки к затягиванию беременности по той причине, что белки имеют обыкновение прятаться в дуплах деревьев, важно само наличие подобных представлений, ибо они вносят порядок в мир. Что дает порядок? Порядок дает возможность построения памяти, наблюдения и рефлексии, он дает возможность умозрительно использовать чувственные данные. Порядок это форма. Мышление зиждется на форме, давая возможность быть содержанию. Содержание же может быть любым. Леви-Строс пишет: наблюдения за классификациями различных обществ «не оставляют камня на камне от каких бы то ни было теорий, взывающих к “архетипам” или “коллективному бессознательному”; общими могут быть только формы, но не содержание. Если существует общность содержания, то основание этому следует искать либо в объективных свойствах некоторых естественных или искусственных созданий, либо в диффузии и заимствовании, то есть в обоих случаях — вне духовной сферы» [2, 164]. Последняя же зиждется на самоформировании.

Структуры, или формы, бывают разные. Например, наука — это структура, она занимается упорядочиванием. Или сакральное. Это тоже, по мнению Леви-Строса, именно структура, делающая возможным мир. Что делает вещь сакральной? Пребывание на своем месте, — говорит Леви-Строс, — и приводит характерное высказывание одного туземца: «Каждая сакральная вещь должна быть на своем месте» [2, 121]. Сместить вещь со своего места — значит нарушить мировой порядок. Ритуал, с точки зрения наблюдателя, полный бессмысленных деталей, на самом деле, скажет Леви-Строс, осуществляет «микрораспределения», задача которого не упустить ни одну вещь, ни один момент из системы классификации. Сакральное — это порядок. Это то, что вносит порядок в мир, и то, что держится этим порядком.

Леви-Строс, конечно, любит науку. А потому достаточно деликатно дает понять, что, с одной стороны, два типа порядка — сакральное и наука — по своей функции и «по роду ментальных операций», с ними связанных, не отличаются, однако же, имея предположение об объективном устройстве мира, считает, что наука к нему ближе.

Одно из наиболее ценных замечаний о принципиальном отличии сакрального сознания от сознания науки Леви-Строс делает при сравнении бриколера и инженера. Сакральное, или, как называет его Леви-Строс, мифологическое пространство, организовано по принципу за-

мкнутости и непрерывного воспроизводства данного, по принципу бытия одного и того же. Научное же мышление ориентировано всегда во вне. Это такое творчество, которое движимо целью, которая находится вне его. Оно направлено на внеположенный результат. На новизну. Принципиальную новизну. Прогресс. А потому оно несамодостаточно. Инженер, скажет Леви-Строс, «вопрошает универсум, тогда как бриколер адресуется к коллекции из остатков человеческой деятельности» [2, 128]. Для интеллектуального инженера мир принципиальным образом открыт, для интеллектуального бриколера — принципиальным образом закрыт. Но не является ли это различие двух порядков поводом к их более серьезному разделению? Не приводит ли понятие открытости мира к проблеме разрывов в его систематизации? Не является ли в этом смысле мифологическое мышление более полным, а вернее, тотальным в сравнении с современным? Леви-Строс, однако, не склонен видеть здесь существенных отличий.

Элиаде: сотворение мира

Элиаде пишет: «Мир поддается восприятию как мир, как Космос, лишь настолько, насколько он открывается как мир священный» [3, 46]. Что это значит? Это значит, что сакральное — это необходимая для восприятия мира структура. Сам по себе мир для человеческого восприятия аморфен, однороден, точки отсчета в нем относительны и ситуативны. Такой мир Элиаде именует профанным. Иерофаня, т. е. явление священного в мире, знаменует разрыв в его однородности. Священное привносит центр в мир, абсолютную точку отсчета, а значит, делает возможным ориентацию в нем и упорядочивание. Оно делает возможным саму жизнь, как, например, священный столб у австралийского племени ахилпа, который его члены носят повсюду за собой, ибо он есть их ось мира. Согласно мифу, если столб ломался, племя охватывала тоска, его члены садились на землю и умирали. Столб как ось сознания фактически решает вопрос жизни и смерти.

Однако столь важную структурную функцию сакрального Элиаде уравнивает заявлением о том, что это лишь один из способов восприятия мира. Возможен и другой способ восприятия — мирской, профанный, характерный для современного человечества. «Священное и мирское, — скажет Элиаде, — это два образа бытия в мире, две ситуации, принимаемые человеком в ходе истории» [3, 19]. Означает ли это, что человек, согласно Элиаде, может жить в хаосе? Что порядок — лишь один из возможных модусов его бытия? Элиаде не дает шансов на сомнение при ответе на этот вопрос и говорит — да, порядок лишь один из способов восприятия мира, как если бы в «сотворении мира» нуждался лишь религиозный человек. Современного человека

он называет потомком религиозного человека, однако не делает существенных выводов из этого заключения. Сравнивая религиозного человека и нерелигиозного, Элиаде удаляется скорее в сторону морализаторства. «Основное отличие, — пишет Элиаде, — состоит в том, что нерелигиозный человек отрицает возвышенное, соглашается с относительностью “реального”» [3, 126]. Элиаде загадочно говорит о том, что современный человек «формирует себя сам», «строит собственный мир» [3, 126—127], делая при этом акцент на том, что это формирование происходит в удалении от священного. Однако интересен сам опыт этого самоформирования. Отличается ли он принципиальным образом от опыта религиозного человека, который также можно назвать самоформированием. Если современный человек — потомок религиозного человека, значит ли это, что он продукт религиозного сознания? Элиаде, уклоняясь от подобных умозаключений, говорит лишь о том, что и для современного сознания, имеющего память прошлого, характерны пережитки религиозного видения мира. Впрочем, заключительными строками книги Элиаде отвечает на все подобные вопросы, передавая эстафету исследователя психологам, философам и теологам.

Однако еще один существенный вопрос остается к Элиаде в связи с его представлением о том, что «разорванное» священное пространство, предстающее как космос, окружено профанным хаосом. Само деление для религиозного человека мира на священное и мирское кажется не вполне логичным. Если профанное — это неупорядоченное пространство, значит ли это, что священный по своему смыслу космогонический акт его не коснулся? Может ли космогония не охватить какую-либо часть мира, как если бы речь шла о том, что находится лишь в поле зрения? Однако понятие космогонии как раз и подразумевает работу с не доступными актуальному восприятию моментами — пространственными, временными, смысловыми. Космогония призвана объяснить в конечных формулах бесконечность. И в этом ее мощь. Мощь сотворения и объяснения мира. А потому становится неясным, откуда возникает автономное пространство профанного. Если «год — это временное выражение космоса» [3, 69], то как возможно говорить о мирском времени, «лишенном религиозной значимости» [3, 48]? Элиаде неясно говорит о сочетании обычного и священного времени в праздниках. Но как возможно мыслить это сочетание? Как сосуществование двух типов сознания — организованного космогонией и неорганизованного? Как разрывы в сознании? Элиаде склонен мыслить культ локально, а потому подобные противоречия не попадают в поле его зрения.

Табу, праздник, трата, ритм как обнаружение структуры

Структурное представление о сакральном ведет к осмыслению фундаментальной роли табу, праздника и ритма как основы структуры, собственно структурных опор, каркаса, задающих работу сознания, и траты, или жертвы, как того, что позволяет актуализировать работу структуры, сделать ее возможной. Это представление наиболее четкое выражение найдет в русской традиции, для которой не характерны двусмысленности логики европейской традиции, как, например, у Дюркгейма, Леви-Строса, Элиаде или Ваарденбурга, для которых сакральная структура оказывается тем, что может, как быть, так и не быть, ибо ее антропологическая значимость ретушируется второстепенными или противоречивыми рассуждениями.

Литература

1. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения: Антология / Под ред. А.Н. Красникова. М., 1998.
2. Леви-Строс К. Неприрученная мысль // Первобытное мышление. М., 1994.
3. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

К.В. МОЛЧАНОВ

Индустриальное социальное общество как актуальная форма развития современного капитализма

Аннотация. В статье обсуждаются некоторые основы актуальной формы современного капиталистического общества.

Ключевые слова: капитализм, диалектика, политическая экономия, производительные силы, консервативная модернизация.

Abstract. The article discusses some of the basics of actual forms of modern capitalist society.

Keywords: capitalism, dialectics, political economy, productive forces, conservative modernization.

В одной из наших работ [1] был исследован вопрос возможности *иного капиталистического развития*. Основопологающим и ключевым моментом диалектического рассмотрения этого развития стало разли-

чение представлений Гегеля и К. Маркса о формах духовного *отчуждения* и о процессах *снятия*, связанных с ним.

Маркс в своей работе «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» указал, что исходил «из экономического факта — отчуждения рабочего и его продукции» и сформулировал «понятие этого факта: *отчужденный труд*» (курсив К. Маркса. — *К.М.*) [2, т. 42, 95]. Решение соответствующей проблемы, по Марксу, таково: «*материальная, непосредственно чувственная частная собственность является материальным, чувственным выражением отчужденной человеческой жизни...* Поэтому положительное упразднение *частной собственности*, как утверждение *человеческой жизни*, есть положительное упразднение всякого отчуждения, т. е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему *человеческому*, т. е. *общественному бытию*» (курсив К. Маркса. — *К.М.*) [2, т. 42, 117]. Однако решение сугубо материальной проблемы привело а) к неявному обозначению всесторонней существенности духовного как начала (основы) человеческой деятельности (в том числе абстрактного труда для производства продукции и для создания частной собственности) и б) к результирующим рассуждениям о духовном (о *человеческом*), без которого, к тому же, не мыслим и утверждаемый Марксом социализм. И в этом смысле явно обозначился вопрос о самой духовности (и о духе), который у Маркса был воплощен, по существу, лишь в рассуждениях о праве, атеизме и роде, в отличие от рассуждений Гегеля в его труде «Феноменология духа». Этот гегелевский труд поэтому Маркс не мог не упомянуть и по-своему не раскритиковать. В частности, Маркс писал, что отчуждение «представляет собой у Гегеля противоположность между *в-себе* и *для-себя*, между *сознанием* и *самосознанием*, между *объектом* и *субъектом*, т. е. противоположность между абстрактным мышлением и чувственной действительностью, или действительной чувственностью, в пределах самой мысли» (курсив К. Маркса. — *К.М.*) [2, т. 42, 157]; это, правда, является мнением исключительно К. Маркса о труде Гегеля «Феноменология духа»...

Гегель в своем грандиозном труде «Феноменология духа» при рассмотрении отчуждения духа писал о самости духа и о его простой мысли как о двух моментах, которые «расходятся, и один обладает ценностью, не одинаковой с другим» [3, т. 4, 413—414]. При этом Гегель указал очень важное положение: «устранение этой противоположности совершается не непременно в борьбе обоих моментов», которую как раз и выбрал К. Маркс, к тому же подменив понятие противоположности понятием отчуждения. Кроме того, по Гегелю, «борьба имеет место лишь там, где оба перестают быть этими смешениями мысли и самостоятельного наличного бытия, и где они противостоят

друг другу только как мысли». Поэтому, по Гегелю, отчуждение снимается тем, что самость духа восстанавливается как всеобщая, и дух выявляется в третьем — *во всеобщем самосознании* [3, т. 4, 416].

При этом важно то, что вопросы и противоположности, и отчуждения духа являются следствием другой актуальной проблемы.

Действенной основой конкретного прогрессивного развития (при капитализме), согласно Гегелю, является законодательный и испытывающий законы разум (когда законы соблюдаются абсолютно всеми и служат развитию, а не угнетению). Оказывается, что именно он действителен, когда «вступают в противоречие друг с другом неравенство и сущность сознания, для которого *равенство* отдельных лиц есть принцип» (курсив Гегеля. — *К.М.*) [3, т. 4, 229]. Именно в нем для сознания снимается «противоположность действия и бытия, которая в прежних формообразованиях сознания была вместе с тем *началом* действия, тогда как здесь (при капитализме. — *К.М.*) она — только *результат*» (курсив Гегеля. — *К.М.*) [3, т. 4, 216]. И поэтому позитивное развитие при капитализме может осуществиться, согласно Гегелю, тогда, когда *люди станут служить обществу*, что, в свою очередь, невозможно без становления соответствующих, новых форм общественных отношений.

И только через понятие нравственности *может быть* осуществлен переход к такому общественному сознанию, которое постигает свою общественную сущность и поднимается до истинного смысла истории.

Таким образом, согласно Гегелю, если не *реализовывать* нравственность, то развитие капитализма пойдет *своим чередом*, что определит многие негативы, в частности, падение духовности.

Однако реализации нравственности при капитализме произойти не может, ибо имеет место противостояние нравственного мира и морального мировоззрения [3, т. 4, 235—236]. Поэтому на первый план выходят вопросы противоположности и отчуждения духа. И приходится рассматривать их.

И тут следует учитывать то, что снятие отчуждения, во-первых, никак не связано с вещностью и, во-вторых, не совершается непременно в борьбе.

Более того, в его основании лежит противоположность, вызванная противостоянием нравственного мира и морального мировоззрения, раздвоением духа внутри себя, что далее и вызывает отчуждение духа. Но тут важно то, что Гегель указал на возможность решения возникшего (еще неразвитого) противоречия в духе посредством совершения моральных поступков, в которых есть «наличная гармония между моральностью и чувственностью» [3, т. 4, 334].

В итоге, проблему снятия отчуждения духа следует искать, прежде всего, в решении указанного противоречия, что можно осуществить в *моральном духе*; другое дело, что, по Гегелю, «сознание не придает серьезного значения моральному завершению, а, напротив, придает значение среднему состоянию», не-моральности. Поэтому далее речь у Гегеля идет уже об отчуждении духа и о *всеобщем самосознании*.

Таким образом, проблема снятия отчуждения имеет свое решение и в процессе своего образования и в целом — вот главный момент, который обозначен в философии Гегеля, но который был проигнорирован Марксом. При этом Маркс сделал акцент на воплощении труда, который, по Гегелю, создает отчужденную от человека реальность (собственность), проявляющую себя особенно *изоциренно* негативно в эпоху «духовного животного царства» (капитализм). В указанном смысле преодоление этой негативной эпохи может быть связано с ликвидацией частной капиталистической собственности, про что и написал Маркс. Однако, во-первых, снятие отчуждения духа в процессе его образования не имеет никакой логической связи с ликвидацией частной собственности. Во-вторых, ликвидация частной собственности — это не единственный вариант преодоления негативов при капитализме. В-третьих, Маркс в своих рассуждениях искусственно *сочленил* аспекты темы развития индивидуальности, для которой обнаруживается противоречие, и *последующей* темы отчуждения духа.

Итак, Гегель и не предполагал снятие капитализма *как такового*, которое неминуемо вело бы к социальным и экономическим потрясениям. Но не к развитию Германии. И великий мыслитель рассуждал о *становлении новых форм общественных отношений в рамках капитализма*, ибо *его стране требовалось и духовное развитие, и политическое развитие, и экономическое развитие*. И они осуществились. Даже ярый оппонент Гегеля материалист Ф. Энгельс писал, что философия Гегеля «...имела огромное влияние на духовное развитие нации» [2, т. 21, 281]. А английский историк Дж.Х. Стирлинг так написал: «Разве не Гегелю и, в особенности, его философии этики и политики обязана Пруссия своим могуществом и организацией?... в то время как в конституционной Англии обладатели преимущественных прав и правительственных облигаций разоряются господствующей коммерческой безнравственностью, то простые собственники акций прусских железных дорог могут рассчитывать на гарантированный средний доход 8,33%. Вот уж, воистину, аргумент в пользу Гегеля!» (цит. по: [4]).

Иными словами, Гегель обозначил основы одного из вариантов преодоления противоречия — тот вариант, *который был нужен и был выгоден его стране*. Поэтому у Гегеля отсутствуют рассуждения о *содержательности* снятия *противоречия как такового* при обсуждении

развития в эпоху «духовного животного царства», в том числе между индивидом и общественной действительностью (противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения, по Марксу)¹⁴.

При этом рассуждения Гегеля не сводятся к снятию противоречия даже в логической плоскости (не то, чтобы к его искоренению в объективности), ибо такие рассуждения соответствуют тому, что даже для преодоления хотя бы негативов капитализма *необходимо практическое преодоление его самого*, один из путей которого как раз и определил Маркс. И одна из величайших заслуг Маркса состоит как раз в том, что он обосновал развитие рассуждений в плоскости, отличной от *проистекшей* в труде Гегеля «Феноменология духа», т. е. дал еще одно («не-А», отрицательное) рассмотрение *снятия отчуждения*. Вместо преодоления (не решения!) противоречия (при капитализме), по Гегелю, ведущего к *становлению новых форм общественных отношений в рамках капитализма* или хотя бы к частичному снятию его негативов, К. Маркс исследовал специфическое *отчуждение* и его *снятие*, что и было сформулировано в его «Экономическо-философских рукописях 1844 г.». (Однако не понятно, как ученые в СССР не заметили столь очевидной подмены Марксом понятий, причем не только в части «противоречие духа — отчуждение духа», но и ряда других категорий. Быть может, именно это и привело к тому, что советские ученые и чиновники не заметили соответствующих этой подмене негативных социальных тенденций, и в результате в СССР возникли «производственные отношения, служившие источником отчуждения трудящихся от собственности и результатов их труда...» [5]...)

Далее, следует отметить, что Гегель в своих рассуждениях о развитии в рамках капитализма использовал *снятие* в одной известной его форме: в смысле *сохранения и негации*. А К. Маркс использовал *снятие* в другой форме, также, кстати, указанной Гегелем, но в другом его труде: в смысле *сохранения и прекращения*, что отрицает капитализм.

При этом актуально следующее новодialeктическое положение, определенное в *современной диалектической философии* (о ней см.,

¹⁴ Это якобы дает понимание капитализма, по Гегелю, как несменяемой, вечной общественной формации, чем в ряде случаев пользовались советские ученые для критики философии Гегеля.

Но не следует думать, что Гегель не видел других вариантов общественного развития, в первую очередь, развивающегося и все охватывающего негативно-го варианта.

И вариант *несвойственного снятия* отчуждения (частной собственности) [1] был обозначен Гегелем, но *великий мыслитель* виртуозно обошел и его.

напр., нашу статью: [6]) и учитывающее отрицание, связывающее противоречие и отчуждение.

В целом выступают рассуждения:

а) о становлении новых форм общественных отношений в рамках капитализма (*сохранение и негация* без отрицания капитализма);

б) о снятии частной собственности (*сохранение и прекращение* при отрицании капитализма): социализм¹⁵.

Но... имеются еще два *диалектических варианта* рассуждений:

в) на основе *сохранения и негации* при отрицании капитализма (но когда имеет место *сохранение* капитализма)¹⁶;

г) на основе *сохранения и прекращения* без отрицания капитализма (т. е. в рамках капитализма).

Сохранение и прекращение без отрицания капитализма — это развитие, являющее в себе эволюционную трансформацию капитализма: империализм.

А вот другим вариантом теоретических рассуждений является истинно диалектическое рассмотрение *развития* при сохранении капитализма (на самом деле, капиталистических производственных отношений) как *сохранения и негации*. Иными словами, в смысле сохранения капиталистических производственных отношений имеют место рассуждения о становлении при капитализме *новых общественных форм*, т. е. *в данном случае* речь идет о форме капитализма (очевидно, что другой вариант — ликвидация капиталистических производственных отношений — есть прекращение капитализма).

При этом еще раз отметим то, что *развитие* капитализма в этом случае проявляется в виде а) *сохранения* капитализма, что в этом случае не дает основания для рассуждений о его прекращении; и б) *негации* (*здесь*: развитие *новых общественных форм*).

Поэтому развитие капитализма в смысле указанного варианта есть *иное развитие капитализма*: индустриальное социальное общество¹⁷.

¹⁵ *Здесь*: коммунизм в данной статье понимается в смысле «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» как «энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества» [2, т. 42, 127].

¹⁶ Это — диалектическое положение, которое в рамках общепризнанной *обыкновенной логики*, удостоенной Гегелем презрения [3, т. 5, 30], кажется противоречивым; однако оно именно таким и является, и это в диалектике дает основание для последующего развития рассуждений, ибо противоречие, по Гегелю, есть корень всякого движения и жизненности [3, т. 5, 520], и противоречие должно быть *разрешено*.

¹⁷ В целом в смысле обозначенного выше противоречивого диалектического положения можно говорить о том, что указана форма капитализма, ибо в

Необходимо отметить, что диалектическое позиционирование указанной трансформации капитализма полагается и на основе других вариантов диалектических рассуждений.

Наиболее важным является рассмотрение, базирующееся непосредственно на *отрицании*, что по ряду причин было опущено и Гегелем и Марксом. Это рассмотрение в данном случае имеет преимущество в своей простоте и очевидности, которые, правда, основаны на мощной категории «отрицание» (которую следует понимать диалектически, а не как в философских науках):

а) капитализм: отрицание в себе (внутреннее) — империализм, отрицание для себя (себя, внешнее) — социализм;

б) социализм: отрицание в себе (внутреннее) — коммунизм, отрицание для себя (себя, внешнее) — индустриальное социальное общество, так как капитализм есть *отрицаемое* для появления социализма, а не отрицание самого социализма.

Следует отметить, что с учетом обозначенных выше положений уже можно определить ряд базовых диалектических положений *теории иного капиталистического развития* (например, а) ряд формационных положений (характеристик) и б) отрицание ряда экономических форм капитализма, что важно при переосмыслении фактора «капитал»). Другие положения определяются, исходя из политэкономических теоретизаций по поводу существа и отдельных вопросов *иного капиталистического развития* (см. ниже).

Таким образом, определено (*положено*) диалектическое обоснование *иности капиталистического развития* — *новая форма капиталистического развития*. Это теоретическое положение инициирует ряд важных исследований, например, противоречия *послекапиталистического вообще развития* (которое как отдельное теоретическое положение не было исследовано в советских общественных науках) или одного из оснований модернизационного развития при капитализме, в том числе диалектико-исторической основы осмысления *консервативной модернизации*¹⁸ и ее аспектов в современной России (см. нашу статью: [8]).

настоящей статье рассматривается вариант такого капиталистического развития, который связан с трансформацией производительных сил (см. ниже). Однако в общем случае имеет место новая общественно-экономическая формация, основывающаяся на трансформации капиталистических производственных отношений и представляющая собою качественно новый вариант капиталистического развития [7], который целесообразно осуществлять на базе субъективной модернизации [8].

¹⁸ «Консервативная модернизация» — термин *диалектической теории модернизации*.

Индустриальное социальное общество, или *иность капиталистического развития*, определяется и другими положениями и факторами.

Рассмотрим положения, определенные в нашей диссертационной работе [7], обуславливающие теоретическое и реальное основания индустриального социального общества.

Диалектическое развитие экономического учения К. Маркса действительно и само и в смысле одного из основополагающих моментов диалектики, заключающегося в том, что « $A = A$ » есть *пустое, абстрактное тождество*, т. е. любое учение, как не переосмысливаемое учение, является *мертвой догмой*. Иными словами, следует говорить не только о непосредственном варианте развития экономического учения Маркса (в смысле научного коммунизма), но и о его «не- A »-продолжении — о его диалектическом развитии как о его диалектическом отрицании *в капиталистической плоскости*, т. е. речь в этом случае должна идти не об исследованиях посылок и перехода к социализму, т. е. не о прекращении капитализма, а о некоем его развитии (напомним, что Гегель указал вариант развития в *моральном духе*).

Тогда в отрицании Марксовой *критики политической экономии*, во-первых, *восстанавливается*... сама политическая экономия. Это, кстати, и есть основа *становления* (используется один из основных диалектических терминов философии Гегеля) *современной политической экономии* и, соответственно, ее соответствующей современной теории (чему в том числе была посвящена наша указанная диссертационная работа).

Во-вторых, так как все же повествуется о диалектическом развитии экономического учения Маркса, то в рамках таких рассуждений необходимо говорить, по крайней мере, не о вечности капитализма *как такового*, а о его когда-то полной трансформации. Не стоит даже объяснять, что это соответствует представлениям *пролетарской политической экономии*. Таким образом, существенно противоречие: говорится и о развитии капитализма *как такового* и о его полной трансформации (это иная форма указанного выше противоречия).

На фоне обозначенного *диалектического отрицания* указанное противоречие *решается* в следующем.

Диалектическое отрицание действительно, т. е. действительно и для экономического учения Маркса, что определяет его развитие не только в социалистической, но и в капиталистической плоскости.

Иными словами, для диалектического развития экономического учения К. Маркса существенны также и исследования развития общества по капиталистическому пути, что не входило в планы Маркса и поэтому не было отражено в его работах и в советской политической

экономии, но является одним из предметов современной политической экономии.

Таким образом, существенна теория капиталистического (пути) развития на основе экономического учения Маркса, и она является теорией некоего *иного* (отличного от классического, реального, имеющего место) капиталистического (пути) развития — развития именно по *иному пути*, ибо в этом случае необходимо говорить о *капиталистическом пути*, имеющем лишь другой *вид*.

Понятно, что задача исследований иного капиталистического пути развития на основе экономического учения К. Маркса «возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [2, т. 13, 7]. При этом требуется учитывать и то, что «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора». Иными словами, обязательно нужно отдельно рассмотреть вопрос о производительных силах (что будет сделано ниже).

А сейчас отметим то, что не следует думать, что мыслей о возможности развития капитализма, отличного от классического (реального, имеющего место), раньше не было. Например, даже при кратком анализе исследований Дж.М. Кейнса бросается в глаза один из принципиально важных выводов его «Общей теории...» — рассуждения о необходимости *некоторой* трансформации капитализма. Относительно этого сам Кейнс отметил, в частности, следующее. «Представляется маловероятным, чтобы влияние банковской политики на норму процента было само по себе достаточно для обеспечения оптимального размера инвестиций. Я представляю себе поэтому, что достаточно широкая социализация инвестиций окажется единственным средством, чтобы обеспечить приближение к полной занятости, хотя это не должно исключать всякого рода компромиссы и способы сотрудничества государства с частной инициативой. Но, помимо этого, нет очевидных оснований для системы государственного социализма, которая охватила бы большую часть экономической жизни общества. Не собственность на орудия производства существенна для государства. Если бы государство могло определять общий объем ресурсов, предназначенных для увеличения орудий производства и основных ставок вознаграждения владельцев этих ресурсов, этим было бы достигнуто все, что необходимо. Кроме того, необходимые меры социализации можно вводить постепенно, не ломая установившихся традиций общества» [9, 346]. Как видно, Кейнс говорил именно о некоем отличном от классического (реального, имеющего место) варианте развития капитализма и указал одно из его базовых положений...

В целом же теоретико-диалектическое основание иного капиталистического развития на основе экономического учения К. Маркса обусловлено а) собственным диалектическим развитием (отрицанием) этого учения и б) критикой современной экономической науки (см.: [7]).

(Критику экономической науки в данной статье обсуждать не будем, ибо отрицательные моменты экономикса и неоклассического направления экономической науки известны. Еще Кейнс о классическом направлении экономической науки писал, что ее «...проповедование сбивает с пути и ведет к роковым последствиям при попытке применить теорию в практической жизни» [9, 11]. Некоторые из негативов экономической науки были указаны в ряде наших работ, напр.: [10; 11].)

Отдельно отметим то, что с учетом обозначенных выше моментов также можно определить ряд основных положений *теории иного капиталистического развития* (например, а) отрицание *рыночного фундаментализма* и б) отход от неоклассических экономических воззрений, в т. ч. пересмотр ряда устоявшихся положений и ориентиров экономического развития). Другие положения определяются, исходя из политэкономических теоретизаций по поводу существа и отдельных вопросов *иного капиталистического развития* (см. ниже).

Теперь следует отдельно рассмотреть обозначенный выше вопрос о производительных силах.

При развитии капитализма, согласно труду К. Маркса «Капитал», «монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности» [2, т. 23, 772—773], что соответствует тому, что производительные силы возрастают настолько, что вступают в противоречие с производственными отношениями.

Но в диалектическом смысле актуальны и случаи слабого роста производительных сил, их торможения или даже падения. Практически, это — реальная ситуация: например, очевидно падение экономики в начале XXI в. в ряде стран Восточной Европы. Такого рода случаи не были рассмотрены Марксом (вопросы кризисов и конкуренции — это другие темы) и по понятным причинам в советской политической экономии. Однако эти случаи принципиально важны, причем они важны не только в отношении капитализма.

Более того, слабый рост производительных сил и даже их падение может привести к негативным последствиям и для производственных

отношений. (Например, как было указано выше, в СССР реализовались «производственные отношения, служившие источником отчуждения трудящихся от собственности и результатов их труда...».)

При этом преодоление негативов капитализма и обеспечение роста экономики могут затрудняться процессами глобализации, интересами капиталистических экономических монстров, падением уровня производственных отношений, в частности, в силу *различных* внешних причин, и т. д.

В указанных случаях существенными являются утверждения не о смене капитализма, так как производительные силы слабы, и, поэтому, они не могут стать несовместимыми с производственными отношениями.

Существенными являются утверждения именно о преобразовании капитализма, причем, очевидно, не в смысле империализма.

В обозначенной ситуации — слабый рост производительных сил или даже их падение (тем более, при наличии значимых средств производства) — существенной становится как раз основа развития капитализма, отличного от классического (реального, имеющего место), описанного и К. Марксом¹⁹ и буржуазными теоретиками, т. е. основа *капиталистического развития по иному пути*, точнее — в иной форме, ибо в этом случае речь идет о *капиталистическом развитии*.

И речь идет не о совершенствовании высокоразвитых экономик, а о стимулировании развивающихся, слабых и сырьевых экономик (поэтому и в названии индустриального социального общества фигурирует слово «индустриальное», а не слово «постиндустриальное»).

Однако, несмотря на негативность и сложности обсуждаемого варианта, он имеет и положительный момент: фактически, имеет место *противоречие производственных отношений в себе, которое само отрицается их собственной природой и поэтому имеется в условиях отрицания отрицания, которое, в свою очередь, отрицает регресс производственных отношений*, и поэтому *имеются объективные посылки субъективного (теоретически определяемого) преодоления регресса производительных сил путем использования качества имеющейся капиталистической ситуации* (отсюда — консервативная модернизация).

¹⁹ К. Марксу необходимо было показать неизбежность и прогрессивность социализма, что предопределило рассмотрение именно развития производительных сил. Такое рассмотрение в определенной мере было предопределено и выбором варианта преодоления отчуждения, основанного на снятии частной собственности.

Более того, *сковывание* развития производственных отношений, в частности, определяемое противоестественными для них условиями и имеющимся в них противоречием, определяет их возрастающий потенциал; другое дело — как он будет реализован. Наилучшим нам представляется управляемый процесс реализации накапливаемого потенциала производственных отношений, вариант формируемой реализации потенциала — управляемого (государством) развития капитализма (возможного именно при ином его пути развития).

И в этом случае отметим, что с учетом обозначенных аспектов можно определить ряд положений *теории иного капиталистического развития*, касающихся производительных сил и экономики в целом (например, а) определение параметров экономического строя и б) определение вопросов стратегии управления развитием экономики (см. соответственно наши статьи: [12; 13])). Другие положения вопросов *иного капиталистического развития* определяются, исходя из насущных социальных задач и экономического анализа производственных мощностей, но с учетом диалектических аспектов (см. выше) обсуждаемой формы капиталистического развития.

Таким образом, отставание и даже регресс производительных сил, как противоречие, может проявляться и в негативе и в позитиве, а в положительном своем значении является фактором *иного капиталистического развития*.

При этом в начале XXI в. стране, не имеющей развитые актуальные капиталистические производственные отношения, идти империалистическим путем *еще рано* (точнее — не нужно), социалистическим — *исторически рано* (точнее — невозможно), капиталистическим (традиционным, стремящимся к империализму) — неактуально (так как это — бесконечная гонка за «убегающим» империализмом, которая грозит, очевидно, полной «обоймой» известных и новых негативов, но преимуществ не даст). И отдельно взятой стране целесообразно найти *себя и свое* развитие и, не оглядываясь на других, *выходить* на свой путь, отличный от классического (реального, имеющего место) капиталистического. Таким путем является движение к индустриальному социальному обществу, некоторые диалектические, теоретические и производительные позиции которого были рассмотрены выше. И тут важным оказывается такой аспект индустриального социального общества, как *формируемая реальность*, или возможность выбора параметров развития, т. е. речь идет о конструируемом (регулируемом государством) развитии на основе капиталистических производственных отношений (и, соответственно, частной собственности на средства производства) с учетом *новой экономической максимы* [13], которая будет характерна грядущей экономике.

Отдельные вопросы и положения теоретического обоснования и определения параметров идеального и конкретного вариантов развития на пути к индустриальному социальному обществу (в том числе обозначенные выше) исследуются в *теории иного капиталистического развития* [7] и могут быть использованы при выработке конкретного концепта и программы развития одной, отдельно взятой страны.

При этом отметим, что некоторые теоретические положения, которые необходимо рассматривать при исследовании вариантов развития на пути к индустриальному социальному обществу, указаны в экономическом учении Маркса, хотя они и не нашли своего понимания в буржуазных экономических теориях, что неудивительно, ибо тем или иным образом отрицают его реальные моменты (например, Маркс писал о необходимости отмены при капитализме частной собственности на землю). Эти теоретические положения также исследуются в *теории иного капиталистического развития* и тоже могут быть использованы при выработке конкретного концепта и программы социально-экономического развития одной, отдельно взятой страны.

А в заключение статьи укажем, что ситуация, характеризующаяся недостаточным или даже очевидно слабым развитием производительных сил, существенна для многих современных стран, например, для стран СНГ и Восточной Европы, для которых, более чем для стран Западной Европы и других развитых стран, движение к индустриальному социальному обществу важно как актуальный формационный вариант, который может обеспечить экономическое развитие за счет принципиально новых политэкономических решений. Причем на такое, новое по форме социально-экономическое развитие, что очень важно, мало могут влиять традиционные неоклассические экономические и финансовые стратегии наиболее развитых капиталистических стран. Иными словами, фактически, прогресс в форме *иного капиталистического развития* обеспечивает выбравшей его стране и экономическое развитие и суверенитет. Да и для многих развитых капиталистических стран актуален прогресс в форме *иного капиталистического развития* хотя бы в смысле уменьшения социальных и экономических негативов.

В наше время наиболее актуально развитие по пути к индустриальному социальному обществу, причем в такой его форме, как консервативная модернизация, четыре важных положения которой были обсуждены выше.

Литература

1. *Молчанов К.В.* Что делать? — 3 (некоторые аспекты феноменологии идеи и иноности прогресса). Краткое изложение. М., 2004.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.
3. *Гегель Г.В.Ф.* Соч.
4. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992.
5. Материалы XXVIII Съезда КПСС. М., 1990.
6. *Молчанов К.В.* Современная диалектическая философия и российская диалектика // *Философские исследования.* 2008. № 1.
7. *Молчанов К.В.* Выявление современных парадигмально-гносеологических основ политической экономии. Автореф. дисс. ... канд. экон. н. М., 2003.
8. *Молчанов К.В.* Современные философско-экономические основы осмысления модернизации и ее аспектов в современной России // *Философия хозяйства.* 2008. № 3.
9. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1999.
10. *Молчанов К.В.* Политическая экономия и экономическая наука. Ч. 1. Современная политическая экономия: новая общественная формация и прибавочная стоимость в ее диалектическом развитии. М., 2001.
11. *Молчанов К.В.* Общие положения диалектического экономико-философского подхода // *Постреформизм и развитие: монография /* Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.; Ирпень, 2013.
12. *Молчанов К.В.* О понятии экономического строя // *Философия хозяйства.* 2011. № 6.
13. *Молчанов К.В.* О негативизации экономического познания и двух посылок осмысления будущего развития мировой экономики // *Философия хозяйства.* 2010. № 5.

А.Ю. ГОРБАЧЕВ

Метафизика любви

Аннотация. Любовь есть духовный (культурный) феномен. Она представляет собой высший смысл женской жизни и необходимое условие осуществления высшего смысла мужской жизни. Любовь не возникает сама собой, а требует воспитания чувств, т. е. овладения способностью строить отношения.

Ключевые слова: любовь, отношения, смысл жизни, мужчина, женщина, воспитание чувств, идеал.

Abstract. Love is a spiritual (cultural) phenomenon. It represents the ultimate meaning of woman's life and is a necessary condition for the implementation of the higher meaning of man's life. Love does not spring up by itself, but requires feeling training, i.e. mastering the ability of building relationships up.

Keywords: love, relationships, the meaning of life, man, woman, raise feelings ideal.

1. Место любви в структуре отношений: любовь — главный вид межличностных отношений. Она находится выше всех видов отношений, за исключением отношения к себе — точнее, самосознания (самопознания).

2. Отношения, кроме отношения к себе, либо являются любовью, либо производны от нее. Поэтому они представляют собой либо любовь, либо ее подобия, которые располагаются в диапазоне между любовью и отчуждением.

3. Любые отношения между людьми могут быть рассматриваемы как предшества (стадии) любви, но соответствия ей способны достичь только отношения между мужчиной и женщиной.

4. Место любви в структуре смыслов жизни: любовь является высшим смыслом (счастьем) женской жизни и необходимым условием осуществления высшего смысла мужской жизни — познания (мышления).

5. Духовно обогатить человека может только разнообразие отношений. Но решающее значение имеет не разнообразие отношений, а та их мера, которая приводит к достижению уровня духовности, т. е. любви и познания.

6. Строго говоря, любовь представляет собой необходимое условие духовности, но не собственно духовность, которая есть познание (мышление). Впрочем, любовь, поскольку она на шкале смыслов жизни в одиночку соседствует с познанием (мышлением), позволительно трактовать как ментально женский вариант духовности. Кроме того, для женщины любовь является приоритетной, хотя и косвенной, возможностью быть причастной к духовности.

7. Без любви оба пола несчастны, а мужчина вдобавок глуп, поскольку без любви он не имеет главного стимула к познанию. Поэтому для мужчины строить отношение любви означает уметь.

8. Биологической основой любви является половой инстинкт. Без полового инстинкта и его актуализации — половой жизни — нет любви.

9. Миф о платонической любви по происхождению и по сути — миф гомосексуальный.

10. Однако половой инстинкт и половая жизнь, хотя они выступают необходимыми условиями осуществления любви, любовью не являются. Они наличествуют и у человека, и у животных, но у животных нет любви — она исключительно человеческий феномен.

11. Мужчине и женщине нельзя стать максимально близкими друг с другом без полового акта, однако максимальная близость между ними актуализируется в духовной сфере, т. е. в любви.

12. Каждый половой акт не индифферентен по отношению к любви: он либо утверждает, либо отрицает любовь.

13. Предварительно любовь допустимо определить как окультуренный (очеловеченный) половой инстинкт. Отсюда — важное следствие.

14. Любовь, будучи духовным феноменом, не возникает сама собой, а требует воспитания чувств — сложной внутренней работы, направленной на окультуривание (очеловечивание) полового инстинкта через овладение способностью строить отношения. Любовь представляет собой эквивалент эффективности этой работы.

15. Целью воспитания чувств является формирование идеала будущего избранника, а также идеала отношений с ним. Нет идеала — не будет и любви. Но даже в случае его наличия идеал не должен быть оторван от реальности: для любви губителен как слишком приземленный, так и слишком возвышенный идеал.

16. Стадии любви: а) интерес (неравнодушие) к человеку противоположного пола, положительный либо отрицательный; б) симпатия, отношенческой проекцией которой является увлечение; в) влюбленность, а ее отношенческая проекция — любовь.

17. Различие между влюбленностью и любовью есть различие между чувством и отношением.

18. Любовь представляет собой отношение взаимной влюбленности двух людей противоположного пола при асимптотическом доминировании мужской стороны, причем это отношение должно иметь перспективу рождения жизнеспособного (телесно и психически здорового) потомства.

19. Следствия из этого определения: а) любовь взаимна, «безответная любовь» — метафора надежды на любовь; б) однополой любви нет, потому что любовь — форма жизнеутверждения, а однополые отношения демографически бесперспективны; в) в любви мужчина является руководящей стороной, женщина — активно ассистирующей (но руководить в данном случае означает менеджерствовать, а не командовать); г) любви не все возрасты покорны: только люди зрелого возраста способны любить, на долю остальных возрастов приходится

многочисленные подобию любви: различные формы увлечения, страсти и т. п.; д) термин «любовь» нужно использовать в его точном значении: словосочетания типа «любовь к работе», «любовь к родине», «любовь к природе», «любовь к животным» и т. д. — являются метафорами любви и уводят от понимания ее сути; путаница возникает также в том случае, если любовью называются отношения между мужчиной и женщиной, не достигшие любви.

20. Опасности для любви: а) смысложизненная — превращение любви во власть (психическое доминирование); если женщина руководит мужчиной либо мужчина руководит женщиной как диктатор, обе стороны таких отношений несчастны и любви между ними нет; б) отношенческая — подмена любви отношениями более низкого уровня, в первую очередь — родством, затем дружбой и т. д.; в) деятельностная — подмена любви второстепенной по отношению к ней деятельностью (например, трудоголизм и другие формы чрезмерно активной общественной деятельности; всепоглощающая забота о домочадцах, о домашних животных; всепоглощающее хобби; забота о внешности вплоть до утраты вкуса и т. п.).

21. Доминирующая функция головного мозга женщины — обеспечение программы продолжения рода. Однако высший смысл женской жизни — в любви, программу которой головной мозг женщины обеспечивает не в первую очередь. Следовательно, стратегическую ответственность за любовь способен нести лишь мужчина, головной мозг которого ориентирован на актуализацию духовных ценностей. Таким образом, женщина нуждается в мужчине как в необходимой (восполняющей) половине отношений, потому что он является обеспечителем высшего смысла ее жизни.

22. Женщина — восполнение мужчины через любовь; мужчина — восполнение женщины через любовь. Но определяющим условием восполнения до человека у мужчины является его ум, а у женщины — ум мужчины.

23. Обладает умом (сознанием, разумом) не обыватель (мужчина, относящийся к ментально женскому полу, либо женщина), а философ (носитель сознания, представитель сознательно-психико-телесного (духовно-социально-биологического) антропологического типа), или мужчина, способный познавать (мыслить).

24. Без любви нет познания, но и без познания нет любви. Поэтому любовь — привилегия философов и их избранниц.

25. Женщина должна стремиться быть любимой и любить, поскольку, во-первых, ни на что более высокое она не способна, во-вторых, ее жизнь все равно подчинена доминанте любви.

26. Любовь — отношение асимптотического (несущественного, незначительного, неявного, минимального) доминирования мужчины над женщиной. Отношение неасимптотического доминирования мужчины над женщиной либо доминирования женщины над мужчиной представляет собой власть.

27. Властность есть атрибут духовной бездарности. Поэтому властная женщина бездарна в любви, властный мужчина бездарен в любви и познании.

28. Ниже любви находится власть, выше — познание. Обыватели (представители психико-телесного (социально-биологического) антропологического типа, ментальные женщины) видят в любви повод властвовать, философы — повод познавать. При этом режим властвования смертелен для любви, а режим познания для нее благоприятен, потому что властвование не нуждается в любви, тогда как для познания она необходима.

29. Человеческая психика сущностно является инструментом любви и если не работает в этом качестве, то остается инструментом власти, или инструментом бессмысленного существования.

30. Любовь исчезает при попытках вооружить ее властью и тем самым заменить более простыми отношениями.

31. Духовное (познание и любовь) обременительно для его носителя, потому что необходимым условием существования духовного выступает актуализация адекватного ему, т. е. высокоразвитого, социального (вербализованно-психического) и биологического (телесного). Духовное существует на их основе; иными словами, оно обладает максимальной витальной емкостью и тем самым является не просто аккумулятором социального и биологического, но их разрушителем и, как следствие, — собственным уничтожителем. Таким образом, актуализация духовного представляет собой соблюдение меры соотношения между противоположностями — духовным и его витальной (социально-биологической, психико-телесной) инфраструктурой, точнее, поддержание асимптотического доминирования первого над второй.

32. Любящему человеку отношения любви могут казаться дискомфортными, поскольку они требуют затрат времени и сил. Однако время и силы, сэкономленные на любви, не способствуют достижению счастья, потому что вместе с любовью исчезает магистральный стимул к существованию и в конечном итоге — смысл жизни.

33. Обременительны и любовь, и ее отсутствие, но у них разная обременительность: у любви — жизнесоизидательная, у безлюбья (отчуждения) — жизнеразрушительная.

34. Поскольку всякая человеческая деятельность, кроме духовной, и, следовательно, все отношения являются предшественниками любви и

познания, нет человеческой деятельности и отношений вне любви и познания. И речь может идти лишь о степени приближенности той или иной деятельности либо того или иного отношения к любви и познанию.

35. Актуализация смысложизнеобразующих видов деятельности — познания и любви — определяется противоречием между максимальной потребностью в них и максимальной сложностью их генерирования. Смысложизнеобразующие виды деятельности настолько сложны, что подавляющее большинство людей оказываются неспособными к ним. Те же, у кого способность к познанию и любви имеется, постоянно подвержены опасности утратить ее.

36. Муки любви могут показаться бесполезными и даже бессмысленными, однако они являются подспорьем для строительства любых отношений, а также и поэтому — незаменимой составляющей жизненного опыта.

37. Любовь актуализируется как постепенное продвижение к любви. Пребывающим в этих отношениях обывателям каждая стадия любви представляется любовью, хотя на деле это, как правило, лишь ее начальные стадии.

38. Существование обывателей есть бессознательное формирование условий для познания и любви.

39. Человек обслуживает универсальную цель своего существования — познание и любовь — независимо от того, осознает он ее либо не осознает. Отсюда вытекает решающее преимущество осознающего (философа) перед не осознающим (обывателем).

40. Обывателям недоступны познание и любовь. Но даже возможность познания и любви, т. е. возможность осуществления высшего смысла жизни, позволяет обывателям быть (оставаться) людьми.

41. Без любви, как и без познания, т. е. без высшего смысла жизни (счастья), прожить, конечно, можно. И человеком быть можно. Проблема состоит лишь в том, что ни полноценной человеческой жизни, ни человека в полный духовный рост не бывает без высшего смысла жизни. По большому счету, без него — не столько жизнь, сколько существование биологически (телесно) и социально (психически) живого, но духовно мертвого человека.

42. Любовь ничем заменить. Она — счастье, следовательно, жизнь без нее — горе. Люди, как правило, льстят себе, а в отношении любви — особенно. Обывательская часть человечества довольствуется предшествами любви, ее начальными стадиями и называет их любовью. Поэтому в социоцентрическом (управляемом обывателями) социуме любовь существует скорее как идеал, нежели как реальность.

V

**РЕЦЕНЗИИ И
ОТКЛИКИ**

А.В. БУЗГАЛИН, А.И. КОЛГАНОВ

Еще раз к вопросу о трактовке человека в марксистской теории*

Аннотация. Авторы полемизируя со статьей И.Е. Рудаковой и Т.И. Курносовой, доказывают, что основными компонентами марксистской теории человека являются: междисциплинарный подход; акцент на противоречии между социально-экономическим отчуждением, превращающем человека в марионетку объективных и чуждых ему социальных сил и его ролью творца истории, созидателя социально-экономических форм, институтов; историческое видение природы человека, его интересов, ценностей и т. д.

Авторы показывают, что категория «человеческий капитал» отражает исторически ограниченное, рыночное бытие творческих качеств человека, сводящее последнего к объекту/субъекту более или менее выгодных инвестиций, нацеленных на максимизацию прибыли.

Ключевые слова: человек, человеческий капитал, отчуждение, экономическая теория, марксизм, неоклассическая теория.

Abstract. The article is devoted to the argument with text of I.Rudakova and T.Kurnosova, published in the journal Philosophy of Economy. A. Buzgalin and A.Kolganov argue that main points of Marxist theory of human being are: interdisciplinary approach; accent on the contradiction between social-economic alienation, which make man the marionette of the objective alienated social forces and its role of creator of the history, social and economic forms and institutions; historical vision of the nature of human being, its interests, values and so on.

Authors argue, that new results of the neoclassic theory which “discover” altruistic interests and solidarity relations as possible forms of economic behavior were well-known and developed in Marxist theory nearly one hundred years ago.

Authors also show, that category ‘human capital’ reflects historically limited, market being of creative qualities of a man as object/subject of more or less efficient investments, oriented on the maximization of profit.

* Отклик на статью: Рудакова И.Е., Курносова Т.И. Представление о человеке и человеческий капитал в экономической теории // Философия хозяйства. 2013. № 2.

Keywords: human being, human capital, alienation, economic theory, Marxism, neo-classic theory.

Авторы этой заметки не случайно выбрали для ее названия несколько заезженное в научных текстах начало: «Еще раз к вопросу о...». Дело в том, что спровоцировавшая меня на ее написание статья И.Е. Рудаковой и Т.И. Курносовой «Представление о человеке и человеческий капитал в экономической теории», имеет название, близкое к названию статьи, опубликованной нами в журнале «Вопросы экономики» [1]²⁰.

Нас мало волнует это совпадение названий и невнимание названных авторов к тому, что пишут их коллеги по кафедре: нам принципиально важно показать читателю, что изложение И.Е. Рудаковой и ее соавтором марксистской теории человека в ее соотношении с неоклассикой содержит много, мягко говоря, «неточных» положений.

Начнем с некоторых общеизвестных, но ныне, как показывает статья, весьма своеобразно трактуемых азов, показывающих, в частности, что в рамках марксизма и неоклассики во многом сходно трактуются некоторые параметры социально-экономического бытия человека.

О сходстве некоторых предельных абстракций человека в марксизме и неоклассике

К числу таких сходных моментов относится, во-первых, то, что практически всеми школами, включая А. Смита и его последователей, классический марксизм, основы неоклассики (работы А. Маршалла) и т. д. *на уровне предельных абстракций* признается, что в системе отношений товарного производства (обозначаемой еще и как «рыночная экономика») человек выполняет роль обособленного рыночного агента, максимизирующего денежный доход и минимизирующего издержки (прежде всего — затраты труда).

²⁰ Интересно, что эта статья вообще не содержит ссылок на работы отечественных авторов, включая коллег И.Е. Рудаковой по кафедре политической экономии экономического ф-та МГУ (профессоров О.Н. Антипиной, А.О. Вереникина и др.) О. Антипина в последнее время написала немало работ о так называемой «экономике счастья» [2], а А. Вереникин вообще защитил в присутствии профессора И. Рудаковой докторскую диссертацию о человеческом потенциале [3], показав в ней отличие человеческого потенциала от человеческого капитала, а так же затронув и другие вопросы, рассматриваемые в статье И. Рудаковой и Т. Курносовой. Вызывает недоумение отсутствие в названной статье даже упоминаний о работах этих и других российских авторов, включая едва ли не классическую работу В. Автономова, рассмотревшего большую часть описываемых в статье вопросов в книге, вышедшей много лет назад.

Разница между классическим марксизмом и основами неоклассики (о современных разработках неоклассической школы и марксизма — ниже) *в этом вопросе* состоит в «пустяке» (который, «естественно», не замечают авторы статьи). Неоклассика и представители более радикально-рыночных течений (австрийская школа) исходят из того, что бытие человека как рационального эгоиста есть его «естественное», т. е. *как бы* вечное, неизменное, изначально (то ли от природой, то ли богом предопределенное) и единственно возможное качество. Классический марксизм этот абстрактно-общий интерес человека (1) *выводит* из анализа отношений товарного производства (товарный фетишизм как раздел, завершающий анализ противоречий товара) и (2) *доказывает*, что это не вечное и естественное свойство, а *конкретно-историческое качество человека*, формируемое системой отношений товарного производства.

Во-вторых, и неоклассика, и марксизм одинаково трактуют свободу человека (и ее меру) в этих условиях. И та, и другая школы, подчеркивают, что человек свободно делает выбор, определяя параметры своего поведения на рынке (у Маркса и его последователей это отражено в категории «обособленность производителей», показывающей независимость рыночного агента от других экономических лиц²¹, и «негативная свобода», показывающая независимость рыночного агента от внеэкономического принуждения). При этом у этой свободы есть вполне жесткие материальные ограничения: человек на рынке может независимо принимать решения только в рамках... платежеспособного спроса (классическая политэкономия, марксизм) или так называемых бюджетных ограничений (неоклассика). В этом пункте различные школы сходны, хотя неоклассика не любит акцентировать тот факт, что человек на рынке свободен только в той мере, в какой у него есть деньги. Его рыночная свобода на уровне исходной абстракции равна количеству денег на его счете.

В-третьих, *все* школы, начиная с А. Смита, включая К. Маркса, А. Маршала и т. п., исходили и исходят из того, что реальный человек в его реальном общественном бытии является не только рациональным экономическим эгоистом, но и носителем некоторых нравственных, идеологических, политических, культурных и т.п. ценностей и интересов²². При этом показательно, что и марксизм, и неоклассика исходят

²¹ Подробнее об этом см. в работах Н.В. Хессина: [4; 5].

²² Примечательны в этом отношении две фразы из статьи: «Человеком могут руководить альтруистические соображения, честность, правдивость, чувство гордости. Отсюда возникают побудительные мотивы коллективных действий людей» (С. 109). Удивительно, но факт: российские авторы выводят коллек-

из того, что в экономических отношениях базисная детерминация лежит на стороне экономических отношений. В рамках марксизма это положение является частью богатой, разработанной сотнями крупнейших ученых мира теории материалистического понимания истории, в рамках неоклассики *как бы* аксиомой, которую не надо доказывать.

Существенно, однако, что марксизм раскрывает эту связь как часть общей теории отношений отчуждения, характерных для эпохи общественной экономической формации, и показывает, что это отчуждение может быть снято по мере продвижения к социуму, лежащему «по ту сторону царства экономической необходимости».

Кроме того, как мы покажем ниже, *столетия* назад предшественники марксизма, более ста пятидесяти лет назад его классики и многие десятилетия назад его последователи показали, что, кроме рационального рыночного эгоиста, человек в его социально-экономическом (а не только нравственном, культурном и т.п.) бытии может быть носителем общественных (так называемых альтруистических) объективных интересов и субъективных ценностей, что неоклассика «открыла» только на рубеже XX—XXI вв., естественно, «забыв» сослаться на своих предшественников, давно не только констатируя наличие долгосрочных не-эгоистических интересов, но и выведя их как закономерный результат развертывания своей социальной теории (подробнее см.: [6]).

О некоторых типичных ошибках в изложении марксистской теории человека

Посвятив марксистской экономической теории человека более страницы авторы названной статьи свели ее по сути дела лишь к тому, что назвали «глубоким противоречием в парадигме, базирующейся на трудовой теории стоимости» (С. 107): с одной стороны, стоимость создается трудом, с другой — роль человека, субъекта труда, определяется объективными экономическими законами.

Авторы, что самое смешное, абсолютно правы: такое противоречие в марксистской теории, действительно, есть. Но вот «закавыка»: марксизм (о чем, наверное, информированы авторы статьи) — это теория, работающая с диалектическим методом, для которого выявление противоречия в сущности феномена и есть способ его адекватного теоре-

тивные действия не только из альтруистических побуждений, но и из того, что человек может стремиться быть честным, правдивым и гордиться тем, что он делает. Интересно, а что, по мнению авторов, бизнесмен не может быть честным, правдивым и гордиться своим делом? Или это просто очень симптоматичная оговорка, порожденная российскими представлениями об интенциях бизнесменов?

тического отображения. Да, действительно (и об этом не раз писали К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ульянов, Д. Лукач, И. Мессарош, Б. Олман ... советские учебники марксизма, с которыми наверняка был знаком хотя бы один из авторов статьи) *глубинным противоречием социального бытия человека в мире отчуждения является его двоякое положение.*

С одной стороны, человек не только создатель общественного богатства, но и творец истории²³ (этот аспект фиксирует закон основательности исторического действия²⁴). И как таковой общественный Человек (используя категориальный аппарат Лукача, скажу: «Человек как родовое существо») изменяет этот мир, становясь актором буржуазных и иных революций, социальных реформ и т. д. (на языке институционализма эта роль человека столетие спустя была зафиксирована как способность создания институтов). Именно это качество позволило общественному Человеку, в частности, снять отношения внеэкономического принуждения и создать отношения частнокапиталистического присвоения), добиться создания профсоюзов, введения 8-ми часового рабочего дня, в значительной части бесплатного образования и т. п. На более «локальном» уровне эта роль человека проявляется, в частности, в способности капиталиста развивать прогрессивные технологии и формы организации производства, экономической жизни и т.п. Об этом, в частности, К. Маркс писал опять же более столетия назад в текстах, посвященных прогрессивной миссии капитализма и буржуазии, разделах капитала, посвященных роли управляющего, производству избыточной прибавочной стоимости, разделению капитала на капитал-собственность и капитал-функцию и т.п. (кстати, все это было сделано задолго до Й. Шумпетера). На эту тему потом марксистами была позднее написана масса интереснейших текстов...

С другой стороны, человек есть актор, действующий в соответствие с господствующими экономическими законами. Последнее, кстати, — одна из аксиом неоклассики, утверждавшей едва ли не во всех своих

²³ Напомним в этой связи знаменитый 11-й тезис К. Маркса о Фейербахе: «Die Philosophen haben die Welt nur verschieden *interpretiert*; es kömmt drauf an, sie zu *verändern*» [7]. «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменять* его». (Традиционный русский перевод — см.: [8]). Здесь важен нюанс: перевод собрания сочинений, вопреки контексту, использует иную, чем в оригинале, форму глагола — «*изменить*», хотя совершенно очевидно, что здесь речь не идет о разовом, однократном действии, а практически-действенном способе отношения к миру. Подробнее о роли человека как творца истории см.: [9; 10].

²⁴ Соответствующие положения К. Маркса о роли человека как творца истории и анализ противоречий закона основательности исторического действия см., в частности: [11].

учебниках на протяжении второй половины XX века, что в подавляющем большинстве случаев (а экономические законы определяют господствующий трэнд, а не поведение каждого: марксизм всегда настаивал на этом) рациональный экономический человек вообще и, в частности, предприниматель *максимизирует денежный доход (в частности, прибыль) и минимизирует издержки. Это есть закон поведения большинства акторов рыночной экономики*²⁵. Будут ли с этим спорить авторы статьи?

Не думаем.

Единственное, что они могут сделать и сделали в своей статье, это констатировать, что отпочковавшиеся в последние десятилетия от неоклассики новый институционализм и некоторые другие течения, как мы уже отметили выше, «открыли»... способность человека стремиться к счастью и максимизировать альтруистические ценности.

Прежде чем обратиться к этому «открытию» неоклассики, суммируем основные тезисы марксистской теории человека в его социально-экономическом бытии.

Ключевые положения марксистской социально-экономической теории человека

Прежде чем выделить ключевые аспекты марксистской теории человека, отметим: марксизм — живая и активно развивающаяся теория. Сводить марксизм исключительно к работам самого Маркса ничуть не более правомерно, чем сводить неоклассику к книге А. Маршалла. Точно так же, как неоклассика, *марксизм прошел большой путь, и это обязательно должен учитывать всякий, кто берется о нем писать*. Тем более тот, кто критикует оппонентов за невнимание к новым работкам неоклассики.

²⁵ Авторы анализируемой нами статьи совершенно справедливо пишут, что «выделение главного (общего и неизбежно абстрактного) в поведении людей сводило роль индивида в теоретической конструкции к экономической функции» (С. 110). Вот только вопрос: почему это написано в разделе о неоклассической теории? Сказанное — не более чем перефразировка идей 1 главы I тома «Капитала», но без оговорок, что это характерно только для рыночной экономики, а не для человека вообще. То, что эту посылку неоклассика взяла из классической политэкономии и, прежде всего даже не из Маркса, а из А. Смита, общеизвестно, равно как и то, что она существенно упростила даже исходную абстракцию человека. Это тем более важно, что подавляющее большинство учебников по неоклассике «забывало» и «забывает» сделать оговорку о том, что человек не сводится к экономическому человеку и по определению не может говорить о том, что в других экономических системах человек имеет другие критерии рациональности, нежели максимизация денег и минимизация труда.

А теперь об основных положениях марксизма в вопросе о человеке в его социально-экономическом бытии.

Начнем с того, что, во-первых, в марксистской теории проблема Человека всегда принципиально рассматривается как междисциплинарная. В марксизме нет и не может быть «отдельной» экономической, социологической и т. п. теории человека. Плодотворным может быть только абстрагирование из этой целостной теории некоторых аспектов, важных для экономических, социологических и т. п. исследований. Но это абстрагирование должно всякий раз (1) исходить из целостной междисциплинарной теории и (2) возвращаться к нему, (3) соотноситься с ним на всех ступенях исследования.

Во-вторых, в рамках этой теории понятие «Человек» не случайно пишется с большой буквы, ибо его личностное развитие позиционируется как высший критерий прогресса и соответственно высшая мера эффективности позволяющая сравнивать между собой различные общественные (и, в частности, экономические) системы²⁶.

В-третьих, в марксизме показывается, что в разных экономических системах Человек качественно различен по своему социально-экономическому бытию. Соответственно принципиально различны цели и мотивы деятельности, социально-экономические нормы поведения человека и, следовательно, социально-экономическая природа этого актора²⁷. Так, в условиях добуржуазных систем человек, как правило, был либо субъектом, либо объектом внеэкономического принуждения, стремился к воспроизведению традиционного типа и объема деятельности, а максимизацию денег считал аморальным занятием. В условиях рыночной экономики рождается тот самый экономический человек, который экономикс видится «естественным», хотя на самом деле этот тип личности и соответствующие ему системы ценностей и мотивов стали господствующими *в мире* едва ли сто лет назад: до это-

²⁶ Свободное гармоничное развитие личности как высший критерий прогресса рассматривает долгая теоретико-идейная традиция, идущая от гуманистов Ренессанса (Пико де ла Мирандола) и европейского просвещения к марксизму («свободное развитие каждого как условие свободного развития всех») и далее гуманизму Э. Фромма, Ж.-П. Сартра и далее к работам Н. Чомски начала XXI в.

²⁷ Напомним в этой связи об исходном пункте марксистского выделения основных крупных исторического этапов человеческого развития, исходя из социально-экономического качества человека: личная зависимость (добржуазные системы и типичный для них лично зависимый индивид — раб частного лица или государственной деспотии, крепостной, вассал, подданный...), вещная зависимость (человек как функция рынка, товарного и денежного феишизма), свободная индивидуальность.

го большинство людей производило и потребляло под влиянием совершенно других интенций. Более того, в настоящее время все более активно развиваются другие типы личности (так, в частности, для субъекта творческой деятельности труд становится ценностью, а не тягостью)...

В-четвертых, с точки зрения марксизма человек в условиях «экономической общественной формации» (К. Маркс) включен в большие социально-экономические структуры (классы, страты и т. п.), которые в свою очередь также существенно детерминируют тип его экономического поведения, ценности и мотивы и, главное, социально-экономические интересы. В частности, в рамках капиталистической экономической системы объективные интересы человека, являющегося субъектом индустриального наемного труда в стране «третьего мира», человека, занятого творческой деятельностью в общественном (public) университете Западной Европы, человека, являющегося собственником миллиардного состояния и т. п. существенно различны. Посему социально-экономическая природа человека различна. И эти различия диктуются, как минимум, следующим: (1) в рамках какой особой экономической системы он осуществляет свою жизнедеятельность и (2) к какому социально-экономическому слою (в частности, классу) он принадлежит.

Соответственно, в-пятых, проблема *рациональности* в экономической теории с точки зрения марксизма должна стоять не столько как вопрос *большой или меньшей* рациональности, сколько как проблема особенного конкретно-исторического *типа рациональности*. Мы исходим из того, что существуют *качественно различные типы рационального поведения человека*. И потому для нас главным является вопрос не о том, *насколько* рационален человек, а о том, *как* он рационален, что и почему он максимизирует (соблюдение чести и традиций, деньги, творческую деятельность, справедливость и солидарность, благо Родины...), что и почему он минимизирует и, главное, как и почему он совершает те или иные *поступки* в своей *общественно-исторической практике*, как и в какой мере его поведение детерминировано той или иной исторически специфической системой экономических отношений (добржужуазной, капиталистической...), как и почему он самоопределяет себя, поддерживая или отвергая эко-социогуманитарные реформы, инициируя (поддерживая) или нет революции (в том числе антифеодальные, например, Войну за независимость в Северной Америке) и т. п.

Наконец, важнейшим компонентом марксистской теории является — намеренно повторим это часто «забываемый» оппонентами пункт — понимание человека как не только продукта производительных сил

и объективных общественных отношений (производственных прежде всего), но и творца истории. Это две противоположных и единых в рамках «общественной экономической формации» ипостаси бытия человека. С точки зрения экономической теории последнее означает, что человек является, с одной стороны, продуктом господствующих общественных детерминант и как таковой он на протяжении всей существующей истории, как правило, был и остается подчинен отношениям отчуждения, прежде всего социально-экономического. С другой стороны, Человек был и остается активным субъектом созидания форм и институтов общественной жизни, в частности, экономики.

В первой своей ипостаси он, будучи конформистом, следует заданным извне нормам и правилам поведения (в частности — экономического) и покорно стремится быть послушным рабом патриция или крепостным помещика в добуржуазной системе; максимизировать свой денежный доход в условиях рынка; делать карьеру в партийно-государственных структурах в условиях общества советского типа и т.п. и т.д. При этом марксизм всегда подчеркивал, что мера отчуждения (и, напротив, освобождения) изменяется в процессе исторического развития: что субъект рынка, в отличие от патриархального крестьянина, может свободно выбирать сферу деятельности и соответственно структуру потребляемых на имеющиеся у него деньги благ, что наемный рабочий в отличие от раба или крепостного юридически свободен и имеет более широкий круг прав и т. д. Этот контрапункт социально-экономического (плюс политического духовного и т.п.) отчуждения и освобождения составляет одно из ключевых противоречий исторического процесса. И это азбука марксизма.

В своей второй ипостаси — социального творца — он 200—300—400 лет назад становился субъектом свершения буржуазных реформ и революций; сто лет назад — борцом за 8-ми часовой рабочий день, а затем и бесплатное школьное образование, гарантированную минимальную заработную плату и прогрессивный подоходный налог. Как таковой человек создавал новые институты и способствовал формированию новых производственных и иных общественных отношений. Именно эта сторона марксистской теории принципиально важна и именно о ней принято умалчивать...

Еще раз к вопросу о «человеческом капитале»

Один из ключевых разделов рассматриваемой нами статьи посвящен проблеме различения человеческого капитала и человеческого потенциала. Нам не хочется начинать пересказывать прямо посвященные именно этому вопросу нашу статью многолетней давности, чтобы показать ряд опять же «не в полной мере корректных положений» ана-

лизируемой нами статьи, касающихся этих вопросов. Подчеркнем лишь одно: суть различий гораздо глубже, нежели акцент в первом случае на возможностях людей, а во втором — на адекватной оценке и оплате созидательной активности (С. 116).

Человеческий капитал — это одна из специфических превратных форм²⁸ бытия человека в капиталистической экономике. Его смысл отнюдь не только в том, чтобы измерить «созидательную активность». Главное в этой категории — фиксация бытия человека, обладающего творческим потенциалом, как особого товара, капиталистическое использование которого может приносить дополнительный доход: вкладывая в развитие человеческого капитала, некто на выходе получает результат, превышающий издержки, т. е. прибыль. Иными словами, человеческий капитал — это отражение способности капиталистической системы использовать ради извлечения прибыли не только рабочую силу человека, но и его творческие способности, личностные качества. Ориентация на развитие человеческого капитала поэтому на практике оказывается стратегией на развитие только тех человеческих качеств, которые способны приносить прибыль, а это, как известно, узкий специфически рыночный подход к человеку и его способностям.

Другое дело, во многих случаях и теоретики, и практики используют понятие «человеческий капитал» как синоним понятия «человек», не отражая того, что «капитал» — это не просто некое модное слово, а категория. И в экономической науке любого направления она означает вложения ресурса, имеющего стоимость, с целью получения в результате *большой* стоимости, т. е. прибыли.

Поэтому даже если оставить в стороне абсолютно не корректное с точки зрения марксизма отождествление процесса извлечения прибыли из использования творческого потенциала человека с капиталом и оставаться исключительно в рамках общепринятых словоупотреблений, следует акцентировать следующее. Во всех случаях, где речь идет о человеке как способе выгодного вложения денег, мы можем и должны говорить о человеческом *капитале*. Во всех случаях, когда речь идет о развитии человеческих качеств, потенциала Человека как высшей цели и ценности прогресса, независимо от того, приносит ли это индивиду, фирме или государству дополнительный стоимостной доход (в частности, прибыль) мы можем и должны говорить о *человеческом потенциале, человеческих качествах*²⁹.

²⁸ Об этой категории и ее трактовке в работах М. Мамардашвили подробнее в упомянутой выше нашей работе «Пределы капитала» [9].

²⁹ Эти понятия не тождественны, но тесно сопряжены: в последнем случае речь идет о реализуемом (реализованном) человеческом потенциале.

Соответственно выбирая ту сферу образования, где с наименьшими затратами можно в будущем получить работу, приносящую наибольший доход (в условиях России 1990 — 2000-х — юридическое и бизнес-образование, политология, финансы и т. п. сферы, куда направлялись по преимуществу абитуриенты в эту пору), человек реализует парадигму максимизации человеческого *капитала*.

Выбирая ту, где он с наибольшей отдачей для общества и самого себя реализует свои креативные качества, независимо от того, сколь он будет получать в будущем (например, ориентация на будущую работу воспитателем в детском саду, библиотеке, НИИ, занимающемся фундаментальными исследованиями), человек стремится максимально реализовать свой человеческий потенциал и развить свои *человеческие качества*.

Более того, как показывает опыт, формулируя рекомендации в области экономической политики в большинстве случаев, теоретики и практики, выдвигающие на первый план развитие человеческого *капитала*, будут вполне логично отдавать приоритет частным формам образования, здравоохранения, культуры; ставить задачи их все большей коммерциализации и т. п. и оценивать результаты в денежных измерителях (доход домохозяйства, прибыль фирмы, ВВП государства).

Теоретики же и практики, ставящие целью приоритетное развитие человеческих качеств (человеческого потенциала), будут подчеркивать необходимость общедоступного, преимущественно общественного образования, здравоохранения и культуры, стремиться к измерению результатов на основе оценки качественных результатов в области образования, здравоохранения и т.п. (они уже давно известны и широко используются соответствующими международными организациями).

О некоторых «открытиях» неоклассики конца XX — начала XXI в. в области теории человека

Существенно, что большая часть анализируемой нами статьи посвящена относительно новым разработкам проблемы человека в неоклассике и теориях, базирующихся на ее методологии, языке и т. п.

Об «открытии» нового институционализма, обнаружившего что на процесс принятия решений и выбор индивидов влияют институты, мы можем сказать только одно: это прямое заимствование одного из выводов марксизма о том, что... производственные отношения определяют социальный тип человека, его интересы, ценности и мотивы, только переведенное на новый язык и сведенное к набору внешних проявлений этих отношений (без анализа сущности и ее противоре-

чий), которые к тому же рассматриваются по сути вне-исторически. Сие не отрицает значения нового институционализма — теории предложившей немало практически значимых моделей и т. п., но это доказывает, что неоклассика и вырастающий из нее новый институционализм, стремясь приблизиться к реалиям экономических отношений, вынуждены многое заимствовать из марксизма, предпочитая при этом делать вид, что они не заметили заимствования. Это не корректно, но понятно, когда речь идет об авторах, которые просто не знают своих предшественников. Но это не корректно для авторов, которые великолепно знают (знали?) марксизм и специально посвящают свою статью сравнительному исследованию различных теорий и то, за что они критикуют марксизм, представляют как достижение нового институционализма.

Еще один интересный аспект, выделенный в анализируемой статье: как только экономическая теория пыталась выйти за рамки абстрактно-одномерной модели экономического человека, «описание поведения индивида потеряло операциональность, утратило удобства формализации» (С. 112). Так возникает выбор: либо слишком упрощенная, но операциональная модель, либо утеря операциональности...

Этот выбор, на самом деле, преодолен современной неоклассикой, и в данном случае мы хотели бы удивиться тому, что авторы статьи не акцентируют *эти* достижения неоклассики последних десятилетий. В самом деле, «открыв» на столетие позже марксизма, что (1) у людей наличествуют долгосрочные устойчивые интенции к осуществлению действий, направленных на общественное, а не частное благо, что (2) они не только конкурируют, но и вступают в отношения солидарности, что (3) существуют не только частные интересы индивидов, но и единые для них общественные экономические интересы³⁰, неоклассики стали использовать для анализа этих феноменов достаточно универсальные оптимизационные математические модели и получили ряд позитивных результатов. То, что они выдали все это за новую победу неоклассики и торжество «экономического империализма»³¹, в данном

³⁰ Наличие индивида, но и общества как реального социально-экономического актора и, соответственно, общественных (групповых, общенациональных, всемирных) интересов как реального социально-экономического параметра хозяйственной жизни показано и обосновано в экономической теории очень давно. Сошлемся в качестве подтверждения только на хорошо известные современные разработки этой проблемы в книгах и статьях по проблемам экономической социодинамики директора Института экономики РАН Р.С. Гринберга и его коллеги и заместителя А.Я. Рубинштейна.

³¹ В журнале «Общественные науки и современность» пять лет назад прошла развернутая дискуссия по проблемам «экономического империализма», в рам-

контексте не так уж важно. На наш взгляд, здесь продвижение неоклассики как раз достаточно значимо, тем более что марксисты, скажем самокритично, этими проблемами занимаются не слишком активно.

P.S. Сказанное — лишь изложение основ марксистской теории человека, которая (намеренно повторим еще раз) принципиально и исключительно междисциплинарна и только как таковая может использоваться экономической теорией.

В качестве постскриптума добавлю, что для марксистской экономической теории принципиально значимым является исследование не только индивидов, но и таких «акторов», как *коллективы, социальные страты, классы* (о последнем я уже упомянул) и т.п. Более того, для нас принципиально важен вопрос о том, что есть *общество* и может ли оно рассматриваться как самостоятельный актор, обладающий некоторыми реальными общенародными экономическими интересами.

Напоминая, что с точки зрения политической экономии общенародные интересы — это не фикция и даже не только теоретическая абстракция, а реальный экономический феномен, с которым необходимо считаться в практике и который необходимо изучать в теории, приведем только один пример. Общечеловеческий интерес сохранения и рекреации природы — это реальный фактор, обуславливающий необходимость скоординированных на международном уровне экономических действий и осуществления значимых затрат; это феномен, требующий перехода в оценке макроэкономической эффективности к показателям, учитывающим сокращение не возобновляемых природных ресурсов и загрязнения среды и т. п. А ведь этим примером отнюдь не исчерпывается спектр общенациональных интересов, которые включают массу теоретических и практических проблем социальной защиты, экономической безопасности и т.п. с соответствующей корректировкой всех оценочных показателей и не только...

Литература

1. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Человек, рынок и капитал в экономике XXI века // Вопросы экономики. 2006. № 3.
2. Антипина О. Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. 2012. № 2.

как которой инициатор полемики С. Гурев и авторы данного текста заняли прямо противоположные позиции. Несколько позже на экономическом факультете МГУ прошла наша открытая теоретическая дискуссия, представленная на многих сайтах и в ряде социальных сетей.

3. Вереникин А.О. Человеческий потенциал экономического развития. Дис. ... д-ра экон. наук: 08.00. 01. М., 2005.
4. Хессин Н.В. Теория товара и стоимости в «Капитале» К. Маркса. М., 1964.
5. Хессин Н.В. В.И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства». М., 1968.
6. Человек и экономика. М., 2011.
7. Marx K. 11. These über Feuerbach. Originalfassung // Marx-Engels-Werke (MEW), 43 Bände, Berlin/DDR: Dietz Verlag, 1956—90, B. 3.
8. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2.
9. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала. М., 2009.
10. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Дорога к свободе. М., 2013.
11. Ленин on line. М., 2011.

А.С. НИЛОГОВ, В.А. КУТЫРЁВ

Надо ли людям «улучшать человека»?

(беседа А.С. Ниловой с В.А. Кутырёвым по книге
«Время Mortido»)*

Аннотация. А.С. Ниловгов задает вопросы В.А. Кутырёву по проблемам, поставленным им в новой книге «Время Mortido». Это темы постмодернизма, опасностей нерегулируемого технического прогресса, перерождения человеческого духа в искусственный интеллект и соблазнов бессмертием. Особое внимание в книге и интервью уделяется критике идей «улучшения человека», развиваемых в русле так называемого трансгуманизма. Автор решительно отвергает примирение с без(д)умным инновационизмом, противопоставляя ему консервативно-феноменологическую философию жизненного мира. Оценивается характер рефлексии данных процессов в российской и мировой философии.

Ключевые слова: Ниловгов, Кутырёв, Mortido, прогресс, новационизм, технологии, постчеловек, трансгуманизм, культура, бессмертие, сопротивление.

Abstract. A.S. Nilogov asks questions to V.A. Kutyrev on the problems put by it in the new book «Time of the Mortido». These are subjects of a postmodernism, dangers of unregulated technical progress, regeneration of

* Кутырёв В.А. Время Mortido. — СПб.: «Алетейя», 2012. — 334 с.

human spirit in artificial intelligence and temptations immortality. The special attention in the book and interview is given to criticism of ideas of «improvement of the human», developed in line with so-called transhumanity. The author resolutely rejects reconciliation with thoughtless/mad innovationism, antibelieving it conservative and phenomenological philosophy of the vital world. Character of a reflection of these processes in the Russian and world philosophy is estimated.

Keywords: Nilogov, Kutyrëv, Mortido, progress, innovationism, technologies, post-human, transhumanity, culture, immortality, resistance.

Алексей Нилоггов: Одним из факторов зарождения философии принято считать существование демократического рабовладельческого строя в Древней Греции, когда свободные граждане, не обремененные тяжелым физическим трудом, использовали свой досуг для интеллектуальных практик. Согласны ли вы с тем, что по мере развития робототехники у будущих людей появится аналогичный досуг, когда занятия философией (или шире — когнитивными практиками) вновь станут признаком свободных граждан, а сама философия родится во второй раз? Видите ли вы связь между рабовладельческой демократией и рабовладельческой демократией?

Владимир Кутырëв: По-моему, эта аналогия поверхностная. В-первых, свободные греки, римляне не были беззаботными бездельниками, они отвечали за большую семью, рабов надо было еще добыть, ими же управлять, включаться в дела полиса, то и дело выставлять отряд и самим участвовать в военных походах... Конечно, были и те, кто, как вы выражаетесь, безжалостно модернизируя историю, «использовали свой досуг для интеллектуальных практик». А во-вторых, и это самое главное, в наше время никакой похожей на образ жизни греков «рабовладельческой демократии» не просматривается. По всем признакам видно, что мы становимся пленниками технототалитаризма. Культурные регуляторы социальных отношений (добро/зло, служение, грех, долг, честь, ответственность, совесть и др). заменяются внешними: визуальным, а «где надо» и звукозаписывающим наблюдением, технологиями учета и фиксации. Эмоции («чтение в сердцах») уже сейчас применяют в крупных аэропортах и интенсивно работают над тем, чтобы читать мысли (когда-то считалось ужасным, сейчас такой перспективе контроля самими над собой только радуются). Человечество переходит к дигитализму и когнитивизму, т. е. не смысловой, а формализованной форме мышления. От логоса к матезису, от сознания к техническому интеллекту, превращаясь в зомби и гомутеров (гомо+компьютер).

Сознание большинства представителей технауки и рефлекторно повторяющих их идеи философов похищено силами «инога», и под аккомпанемент разговоров о благах безудержного новационного прогресса, вплоть до достижения «бессмертия», мы теряем собственно человеческую идентичность. Никаких условий для второго рождения философии, особенно как мудрости, нет. Какая мудрость, если глядим на процесс самоликвидации широко закрытыми глазами и ничего не видим. Кроме неслучайных, правда, воплей о конце света, который на самом деле происходит, однако не там и не так, где и как его ждут. То ли еще будет, когда начнутся массовое очиповывание (биометрические паспорта как начальная форма на подходе) и телесное «улучшение» людей, так называемый Human enhancement, т. е. их прямое превращение в роботообразных. Отсюда и оправданность лозунга постмодернизма о смерти человека.

А.Н.: Не кажется ли вам, что отечественное восприятие постмодернистской философии весьма поверхностно, а потому — крайне агрессивно? Могли бы вы сравнить собственную критическую позицию в отношении ее в книге «Время Mortido» с позицией И.А. Гобозова, изложенной им в книге «Куда катится философия»?

В.К.: Да, оно поверхностно, но не агрессивно, а бестолково. Вначале всех возмущал циничный отказ постмодернистов от достижений классики, ее «деконструкция», т. е. разрушение исторических философских и мировоззренческих смыслов, подрыв тысячелетней традиции мышления, умерщвление не только Бога, но и Человека. Весь этот анти-: «тео-онто-этно-фоно-фало-логоцентризм». Но, как всегда, любая патология, если она порождается реальностью, возводится в норму, через некоторое время началось ползучее признание того, что еще недавно резко отвергалось. Читать и цитировать постмодернистов стало не просто модно, а необходимо, как условие «продвинутости» в философии.

Сейчас честно и с открытым забралом «против» постмодернистской философии выступает, пожалуй, один И.А. Гобозов. Глас вопиющего в пустыне и неприятная слава ретрограда. Хотя он прав в оценке постмодернизма как разрушительной силы в отношении человека и его культуры. Но он не прав, считая его каким-то вздором, трепом, прихотью и злым умыслом недобросовестных авторов. Да, это преврат(щен)ная форма, идеологическое выражение, но вполне действительных процессов смены эпох: традиционализма (премодерна) и индустриализма (модерна), с одной стороны, эпохой постиндустриализма=информационизма, соответственно постмодерна, с другой.

Постмодернизм — это гуманитарное отражение процессов становления новой информационной цивилизации, компьютеризации и вир-

туализма, специфические формы ее атаки на традиционные ценности, при которых в центр жизни ставились Бог (тео), бытие (онто), народ (этно), эмпирия (фоно), телесность (фало), смысловое мышление (логос). Чтобы утвердить другие ценности и правила жизни, надо было предварительно разрушить=деконструировать старые. Расчистить место. Что постмодернисты, особенно на первой стадии, и делают, хаотизируя, отвергая и пороча тысячелетиями складывавшийся предметный мир человечества. В дальнейшем старое не просто отвергается, а заменяется иным. В моделировании мира место бытия занимает «ничто», на место тождества ставится различие, вместо вещей — симулякры, вместо систем — сеть, вместо личностей — персонажи, вместо языка — письмо, вместо логоса — матезис и т. д.

Это конструкторы (концепты) идеологии и философии виртуальной, информационно-коммуникационной реальности. Окончательно она утверждается на «руинизированном», зачищенном и утрамбованном деконструкцией месте в виде постпостмодернизма, который я, в своих писаниях, определял и определяю как трансмодернизм. Транс — через, сквозь, переход в Иное. Трансмодернизм уже не деконструкция, не отрицание, не бегство от реальности, а позитивная философия double world. К другой реальности, в которую мы как целостные телесные существа «не влезает». В этом трагизм ситуации современного человека.

Таково отличие моей позиции от позиции теоретиков, безоговорочно «принявших постмодернизм» и столь же безапелляционно отказывающих ему в исторической обусловленности. (И.А. Гобозов). Я пытаюсь «у-держать противоречие», блуждая не в двух, а в трех соснах. Позиция реалистически критическая, теоретико-аксиологическая. Не посылание проклятий — и все, а говорение «увы», показ опасностей подобного развития событий и обсуждение, что человеку делать, в сущности, в уже постчеловеческом мире. Принять такой диалектический подход тем, кто привык мыслить, выбирая «либо—либо» и закрепляя этот примитивизм через тестирование методом «тыка», да еще табуированных антимарксистской идеологией, не разрешающей употреблять даже слово «диалектика» (в современном виде — синергетика), довольно трудно. Им, вообще новому поколению, сказали «фу», и способных блуждать в трех соснах, мысля дальше хода $e-2$ — $e-4$ или наоборот, становится все меньше.

А.Н.: Как вы относитесь к философским идеям Ф.И. Гиренка? Кажется, вы разделяете отстаиваемую им философию археоавангарда, однако в современной отечественной философии больше не найти такого по-настоящему постмодернистского философа, как Гиренок.

В.К.: На фоне стандартного наукообразного философствования Федор Иванович отличается остротой, свободой и оригинальностью высказываний, но за ними не так много ответственных и убедительных идей. Это своего рода поп-философствование. Привлечение внимания через эпатаж. Публика его (жа)ждет. Постепенно такой автор становится заложником своего бренда — всегда чем-нибудь удивлять (а выступать приходится часто) и в конце концов начинает нести сущую ахинею. Спасает его ярлык постмодернизма, под который можно подвести все что угодно. И чем страннее, бездоказательнее, тем «постмодернистичнее». Жертвой такого восприятия, по-моему, стали и вы. Хочу быть правильно понятым: я не свожу все написанное Гиренком к стезе, но то, что его у него избыточно, — правда.

Суть своего археоавангардизма Ф.И. Гиренок формулирует так: «Идеальный философский текст является бессловесным, а речь немой». При не критическом подходе этого достаточно, чтобы усмотреть здесь нечто чрезвычайно философское. Да, истинное философствование может быть в молчании, в образе жизни, об этом давно говорили мудрецы, особенно в восточных культурах. Но тогда оно «без текста». А если текст, речь, то они должны нести какой-то смысл. Или проповедуется идея, что человека создал не Бог (во что верят тысячи лет миллионы людей) и не труд (что доказывается археологией, палеонтологией, в сотнях зоологических и исторических музеев мира, где, подбирая косточку к косточке, отслеживается переход от одного состояния живого к другому), а абсурд. Сказал, удивил, добавил к бесчисленному количеству выдумок масс-медиа про что угодно свою, только от имени философии — и вот «настоящий постмодернистский философ». Да, пожалуй, сейчас человечество (в)падает в абсурд, но его надо объяснять, а не умножать.

Термин «археоавангард» я впервые узнал из работ Ф.И. Гиренка, потом встретил также в англоязычной литературе. Может быть, употребляя, мне надо было на изобретателя или первопользователя сослаться. Пользуясь данным интервью, я хочу этим признанием извиниться перед Ф.И. Гиренком, что до сих пор так не поступил.

Меня же, надеюсь, как-то извиняет, что по содержанию наши с ним трактовки археоавангарда имеют мало общего. Считая себя консерватором, я не отождествляю консерватизм с ретроградностью. Надо соотноситься с современным состоянием вещей, знать передний край развития науки, но находить в нем положения, которые позволяли бы человеку сохранять себя как традиционное, уже наличное (архе)существо. Например, в авангарде физических наук толкуют и об универсальном эволюционизме, и о коэволюционизме. Часто с равными по силе аргументами. Но если идея эволюционизма человека сни-

мают, превращают в материал для чего-то другого, то второй подход позволяет нам сохранять свою нишу. Я, естественно, выбираю второе. Что толку мне от «лучшего из миров», если меня в нем не будет, — говорил Д. Дидро. Что толку от всех достижений науки, если они ведут к уничтожению человека и превращению его в какого-нибудь «трансхьюмана». В бесконечном мире привилегированного центра нет. Нам самим надо приводить его к человекообразности. Философия должна быть мышлением (для) людей.

А.Н.: Немецкий мыслитель М. Хайдеггер считал, что причиной нигилизма в философии является забвение вопроса о небытии. Отсюда — тот разгул низкопробной нигитологии, которая стремится быть наукой о ничто, но в итоге ее последователи не могут дорасти до строгой теории. Не кажется ли вам, что ваша трактовка небытия носит не четкий методологический характер, а паразитирует на волне всеобщего отрицания — того самого нигилизма, чья причина — забвение вопроса о ничто?

В.К.: Какое мощное давление нигилизма и объективная сила движения к самоотрицанию! Она уже работает на бессознательном уровне и проявилась в вашей трактовке Хайдеггера, нарушающей даже банальную логику. «Причиной нигилизма в философии является забвение вопроса о небытии» — интерпретируете вы. Причиной распространности нигилизма оказывается его забвение. Как-то не сходится. Потому что все наоборот, и по смыслу и по Хайдеггеру: «Причиной нигилизма является забвение бытия». В постепенном забвении бытия он обвиняет метафизику, начиная с Парменида. Посмотрите еще раз тексты. (Я немного кусаюсь, ибо воспринимаю ваши развернутые вопросы не просто как «интервью», а как род дискуссии; спор, столкновение моего кондового фундаментализма со следя(ую)щим за последней философской модой новатором (вами)).

Хотя нигилизм, или, чтобы не перепутаться с политикой, я вводил понятие «нигитологии», увы, не просто мода. Это отражение действительной тенденции человечества к отказу от собственного бытия. «Скольжение к антропологической границе», — как мягко пишет, например, С.С. Хоружий. То самое стремление «к концу света», о чем параллельно с восторгами по поводу все новых способов отрицания человеком самого себя и замены всего и вся технологиями, кричит обыватель, только на философском уровне. Из Субъекта человек превратился в «человеческий фактор» — мало. Надо, чтобы людей вообще нигде не было, даже во врачевании и преподавании: тесты, e-learning, управление со-знанием и прочая автоматизация образования. Проекты «усовершенствования»: вместо двух рук — три, вместо одного члена — два, в мозг ввести чипы — кто, какая фирма больше и про-

чее более или менее замаскированное, особенно под медицину, инновационное хулиганство. Которое, подозреваю, вы будете защищать, а главным аргументом выдвигать тезис: прогресс не остановишь. Ну, не остановишь, как смерть, только почему ее надо считать благом и к ней торопиться? Сущее и должное не одно и то же, или тогда, к чему тысячетлетние рассуждения мыслителей о свободе (болтовня?) и любая философия?

Все эти новации норма (для) людей, чье сознание уже похищено силами «ничто», а точнее, «иногое». Нигилисты стали технократами. Толпа рукоплещет, узнав, что роботы все больше функций человека исполняют лучше его, млеет от появления «умных унитазов» или когда по телевизору показывают обклеенную датчиками голову с комментариями, что «ее готовят управлять компьютером», хотя почти очевидно, что все будет наоборот. И от сообщения, что еще немного (к 2030 г.) «роботы обыграют людей в футбол», к 2045 г. воспроизведут людей, а где воспроизведут, там и превзойдут. Потому «ничто», нигилизм, и кладется в основу философствования, ибо отвечает тенденциям самоуничтожения. Вытеснение онтологии нигитологией, апостериори и феноменологии (в хайдеггеровском, а не гуссерлевском смысле) априоризмом и трансцендентализмом («забвение бытия») есть их философский рефлекс (к сожалению, не рефлексия). И все-таки, одобряют это стадное движение мышей-леммингов к океану в состоянии эвтаназии не для (бы) философов. Они должны иметь мужество разделять взгляды тех, примерно, как можно надеяться, 3—5%, которые понимают, что происходит и пытаются что-то сделать.

А.Н.: Вы, конечно, знаете про движение «Бессмертие—2045». Очевидно, что оно находится в русле современных философских идей. К нему ведет, например, философия симулякров, которую Ж. Делёз предложил как альтернативу философии эйдосов Платона. Вами она воспринимается отрицательно. В таком случае хочется узнать собственно философскую, а не обывательскую (на уровне мема «симулякр»), аргументацию вашей позиции.

В.К.: Начнем все-таки с обывательской. В каком смысле отрицательно? Это вовсе не глупость или выдумка. Если я сажу как бы за дубовым столом (сосна, раскрашенная под дуб), который стоит вроде бы на мраморном полу (каменная крошка, прессованная под мрамор), ем будто бы мясную колбасу (наполовину соя с ароматизаторами), слушаю открывающих рот людей (будто бы поющих своими голосами), то что значит: «отрицать»? Имитация и подделка стали нашим окружением и не только — внутри нас тоже. Мир вещей вытесняется миром симулякров. Отсюда право на существование в дискурсе и роль этого термина в теории. Вместо Платона — Делёз.

Как обыватель я, расхаживая по «мрамору», доволен, а когда ем колбасу, возмущаюсь, правда, если (у)знаю, что она была искусственная, если же не скажут — то тоже доволен. Смотря какой бренд — вот что главное. Вон японскую кухню, очень примитивную в сравнении, например, с китайской или французской, как «потребляют»: вначале вообще мучаются, делая вид, что вкусно, потом привыкают к этим суши и моллюскам, как если бы мы ели собранных в лесу слизняков и муравьев. А все бренд: почтение перед высокой японской техникой переносится на низкую еду. Такой вот уровень «мемов». Что спрашивать самостоятельной мысли с людей, когда «сами», без моды они есть не могут.

Теперь теоретически. В симуляционной идеологии воплощаются на первый взгляд странные, абсурдные (если взгляд честный, а не просто следующий моде), положения постмодернизма, что «повторение предшествует действию» и «копия первичней оригинала». Но абсурдны они только для нашего классического предметного мира. В техногенно-информационной цивилизации копии, например, документов, да чего угодно, могут быть, обычно и бывают, четче подлинника, фотография цветка/лица интереснее, красивее цветов и лиц в натуре. Любимого актера телевидения в жизни лучше не встречать. «Исторически», по генезису, копии вторичны, а «логически», по факту бытия, становятся первыми. Потому что они лучше, «удобнее» для пользования и любования. Происходит подмена реальности виртуальными образами. Особенно через ее экранирование.

То же самое с «повторением»: техника механична и постоянно повторяемое действие по своей эффективности превосходит состояние, когда его делает, например, ремесленник, каждый раз немного по-другому. «Уважаемые коллеги! творчество есть фантом», — говорил выдающийся советский постмодернист Г.П. Щедровицкий. Вместо него деятельность и самоорганизация, на худой конец, «алгоритмы творчества».

Как бы ограничить эту, снимающую нас, живых, экспансию технологизма, не поддерживать ее абсолютизацию, прежде всего в духовной сфере. Защищаю Платона — пугает альтернатива ему, когда искусственные, отчужденные от человека симулякры становятся истинными, а «семена вещей» и сами вещи предлагают считать ложными. Виртуальность (мнимое) объявляют реальностью, а реальное считают мнимыми. Существование заменяется функционированием. Живут (будто бы) в интернете, а в предметном мире, заклеив глаза и уши, только «присутствуют». Там «со-совершают» великие подвиги и обнимают первых красавиц мира, а здесь догнивают на диване как импотенты. Руки только для нажимания клавиш компьютера и

за(рас)стегивания брюк, да и то скоро будут не нужны. Будем это делать голосом. А совсем на передовых рубежах разрабатывают, чтобы прямо мыслью. Подумал — и (стало) хорошо. Орган, который не функционирует, через некоторое время отмирает. Связь организма и среды не обойдешь (проклятый дарвинизм), какой ми(i)р, такие будут и люди, и наоборот (совсем проклятый марксизм). Природу жалко, людей («обезьяноподобное человечество», «мясо» — стали называть традиционных людей, чтобы их/нас «понизить», дискредитировать), не способных, подобно растению без корней, существовать без нее — жалко.

А.Н.: Видите ли вы какие-нибудь новые возможности для философии в идеологии трансгуманизма? Или ваша критика трансгуманизма однобока, а потому — непродуктивна? Какой здравый смысл вы могли бы извлечь из доктрины трансгуманизма?

В.К.: Трансгуманизм — своего рода продолженный, заверченный и превзойденный симулякризм по отношению к человеку. Точнее говоря, это трансгоманизм, потому что переступает не через гуманизм как идеологию, ставящую в центр мироздания вместо Бога человека, а через самого человека. В книге «Время Mortido», если вы заметили, я ввожу это понятие, правда, несколько смягчив: трансгоманизм. Мое восприятие однобокое, считаете вы. Не однобокое, а категорически отрицательное, со всех боков.

С какой стати я, как человек, должен приветствовать теорию, которая объявляет, что людей надо сначала «улучшать», фаршируя искусственными органами, а лучше, говорят самые последовательные, ликвидировать вообще, заменив люденами, нелюдми, трансхьюманами и т. п. Посадить разум на кремниевую основу, он так будет информационно мощнее, хотя на какой мощности в сравнении с искусственным интеллектом хотят остановиться, не говорят. И это предлагают люди! Собственно говоря, люди только внешне. По сути, их сознание уже похищено силами иного. Это своего рода «инопланетяне», которые среди нас, а не высадились откуда-то. Их становится все больше, постепенно они захватят Землю, что и не скрывают, предлагая, кто милосерднее, оставить человека в резервациях.

Да смотрите, наконец, хотя бы американские фильмы («Матрица», «Аватар», «Суррогаты»), там идеи трансгуманизма проигрываются во множестве вариантов. С печальными для людей результатами. Или вот пример, буквально по О. Хаксли: в его романе «Новый удивительный мир» слова «отец» и «мать» были ругательными. В прошлом году Совет Европы и Госдеп США приняли решение запретить употребление слов «отец» и «мать» в официальных речах и документах. Тем самым объявляя их нецензурными. И... ничего. Даже Бог-отец и мать-

Богородица, не бросили на них молнии. Бедный Римский Папа! (Винуват, «родитель number one».) Простые отцы и матери тоже молчат, не понимая, что это символическая подготовка к реальному исчезновению таких форм жизни.

Вы, в столкновении людей с вырывающейся из-под их контроля техникой, сами-то на чьей стороне? (В американских фильмах, наверное, сочувствуете еще людям, а теоретически?) «Восстание машин» произойдет не обязательно буквальное (хотя в Пентагоне уже сделали или обещают вот-вот сделать солдата-робота-убийцу), а в форме превращения человека в машину. Почему, будучи в здравом уме, надо поддерживать подобную самоубийственную перспективу? Только потому, что это «прогрессивно», что за ней будущее. Возможно, но это будущее не мое. Не хочу, как глупый карась, клевать блесну-наживку вроде мечтаний о «кремниевом бессмертии». Оно, наверное, будет, но «без нас». Это будет нечто Иное. Зачем подводной лодке ощущения кита, а самолету садиться на деревья и, приманивая самку, подражать пению птиц? Все живое рождается и смертно, это условие его существования. В усилении разговоров и работ по достижению бессмертия выражается нарастание абиотических тенденций в развитии нашей цивилизации. Вплоть до проповеди идей поствитализма как логического завершения трансгуманизма.

Но, могут возразить «умеренные» технократы, обремененные острым чувством, что они люди: почему нельзя человека, хотя бы его тело, усовершенствовать, улучшить? Вы что, против того, чтобы вставлять ему/в него зубы, или кардиостимуляторы или вообще делать операции, как средневековые мракобесы, которые их запрещали? Где тут грань?

Грань есть. Я не против всякого вмешательства. У меня самого несколько вставных зубов, а кость правой руки скреплена титановой штукой (свалился с полки в поезде). Но это все «ис-целение», доведение до целого, сохраняющее тело как оно дано человеку Богом или природой. Это сохранение, а не усовершенствование. 32 зуба я хочу иметь, а третий ряд, 48 штук, не надо. Тогда и челюсть надо другую, а потом голову. И пошло-поехало... Куда? Где остановятся? И от двух органов продолжения рода, несмотря на соблазнительность предложения, тоже откажусь. Сердце-то одно, не выдержит. Не хочу и чипов по усилению мозга. Вдруг вам поставят мощнее, вместо интервью вы тогда прочитаете все мои мысли. А я у вас. Два коммуницирующих компьютера — и жить больше незачем. Тут нет границы манипуляции, уход в дурную бесконечность перемен со скоростью смены технологических поколений. (Все удивляюсь: неужели *это* «улучшателям» непонятно. Только если уровень мышления у них = фантазии 12-летнего

ребенка. А повторяют седовласые мужи. Наверное, мы обречены.) Я везде повторяю фразу, будто бы сказанную каким-то Римским Папой в ответ на предложение изменить символ христианской веры: «Или мы останемся, какие есть, или нас не будет». А недавно видел умную рекламу одежды какой-то фирмы: «Изменяясь, оставаться собой». Это и есть «устойчивое развитие». Без конца можно совершенствоваться духовно, к чему призывают все великие религии и светские моралисты.

Попробуйте, вы никогда не достигнете предела.

А.Н. *Ваша философская манера письма заимствовала некоторые приемы постмодернистских языковых игр (эдакая «текстурбация»). Это своего рода методологическая пародия или требование философской методологии — критика постмодернизма постмодернистскими средствами? Важен ли для вас неудавшийся проект французского философа Ж. Деррида по деконструкции логоцентризма логоцентристскими терминами?*

В.К.: И не пародия, и не «требование философской методологии». Почему не предположить, что это просто особенность авторского стиля. Представляется, например, что заключение в скобки приставок, (при)давая им или основному слову самостоятельность, нередко полнее раскрывает возможности высказываемой мысли, ее дополнительный диапазон. В некотором роде «остранение», о котором в свое время говорил В. Шкловский. В отличие от текстурбации, когда играют словами, не понимая, зачем и о чем, как они связаны с реальностью, эти приемы дают результат. Они, мне кажется, плодотворны.

Почему проект деконструкции логоцентризма вы считаете неудавшимся? А кто все это с восторгом повторяет — сотни диссертаций и статей, вкривь и вкось ее трактующих. Давайте уточним, что сделал Деррида. Деконструкция логоцентризма — это деконструкция логосцентризма. Отказ от Слова, от языка и смыслов. Притом, фундированный, предварительно обоснованный деконструкцией любой онтологии: Бога, бытия, человека, его телесности (ранее мы об этом говорили). А главное, после деконструкции он предложил позитивную замену логосу (языку и слову): Письмо. Не они, а письмо, по-латыни, грамма — вот единица коммуникации. Создал учение о грамматологии. Правда, для этого ему пришлось пойти на чудовищные искажения истории, утверждая, что письмо было раньше языка. Но это опять в духе симулякризации. Письмо появляется позже, однако оно несет в себе современность и в контексте презентизма становится первичным. Ибо грамма, единица письма, суть гуманитарное обозначение «бита» как единицы различания. Грамматология — это битология (I O I I O O I I O I), цифровой, цифровой, формализованный способ коммуника-

ции. Вместо аналогового, языкового, смыслового. Он как основа информационно-виртуального мира сейчас и наступает на нас, на наш предметный мир.

Ж. Деррида, конечно, гений, но «лукавый», как говорили о нем коллеги. Коварный, можно сказать теперь. Сам-то он понимал, что описывает, сознательно маскируя сложностью фактическую пропаганду той самой постмодернистской «смерти человека» и того самого «конца света» (в его терминах — холокоста!), о чем болтают уже на каждом углу. И тоже не случайно. Потому что он наступает, сначала на плане смыслов, а потом в реальности. Зря, что ли, трансгуманисты задачей прогресса считают замену людей трансхьюманами. На передовых рубежах сознания он действительно произошел. Дело осталось за малым — воплощение в практику. Это будет наша последняя инновация. Мысли всегда, в конце концов, осуществляются.

А.Н.: Не являясь сторонником движения «Доктрина 2045», могли бы вы позитивно посмотреть на основные положения этой доктрины? Не кажется ли вам, что упущенный человечеством в 1990—2000-е гг. так называемый «футурологический забег» необходимо искусственным образом нагнать и даже перегнать, оставляя в стороне всю сложность антропологической проблемы современной цивилизации?

В.К.: Как следует из вышесказанного, никакого позитива в отношении этого проекта у людей, чье сознание еще не похищено силами иного, быть не может. Если я, да, наверное, и любой человек, когда смотрит несколько дальше своего носа, обеспокоен превращением вещей в симулякры, то как может не тревожить создание симулякра человека? А в этом суть «Доктрины 2045», в конструировании того самого Голема, Франкенштейна, которого так боялись раньше, когда все еще было на стадии гипотез. Теперь — пожалуйста, создание Франкенштейна расписано по времени. Вовсе не обязательно, что он будет «гоняться за людьми», дабы убивать их. Эта среда нас просто задушит, вытеснит из бытия, превратив в фактор и материал. Как симулякры вещей на наших глазах вытесняют вещи. Или как в «Матрице». Дальше — больше. Если нынешние трансгуманисты проповедуют устарелость человека, то их новые поколения будут проповедовать устарелость «Доктрины 2045» в пользу, например, «Доктрины 2070», где не будет и его образа.

Не зря авторы проекта не особенно афишируют все свои идеи, ибо многие из них откровенно преступные. Клонирование человека, например, запрещено законодательными органами большинства стран. Пробные шары насчет его легализации запускаются, но люди еще не до конца подавлены пропагандой блага любых техногенных выдумок,

чтобы отказаться от полов (процесс пока на стадии их дискредитации) и вообще согласиться на свое самоотрицание (протез отменяет необходимость органа). Нужно время, когда новое поколение полностью потеряет здравый человеческий смысл и, избавившись от всякой «философии», окончательно перестанет защищать себя. А пока проект осуществляется «ползучим образом». Обреченные на прогресс — приветствуют его, обреченные понимать — отвергают. Число приветствующих, судя по вашей точке зрения, растёт, а понимающие, часть даже из тех, кто сначала приветствовал, как в романе Дж. Оруэлла «1984», или в голливудских фильмах, будут сопротивляться, скрываться, пытаться оставаться людьми.

Насчет «футурологического забега». Ужасные вещи вы говорите. Бежать, «оставив в стороне антропологическую проблему». Бежать, независимо от того, что будет с человеком, бежать вообще без него (?!). Неужели непонятно, что люди в таком случае просто средство технического развития? Куда и во имя чего бежать? Такие предложения высказываются теми, кто мыслит, нередко изошренно, но, в сущности, «не в своем уме». Это и есть превращение людей в зомби (следите за растущей популярностью данного феномена и отметьте, когда и как скоро его начнут считать благом).

Я не на вас лично нападаю. Вы — представитель прогресса, представитель большинства, новый техногенный человек. Постчеловек. А я выражаю точку зрения, которая на глазах устаревает. Природу так вообще забыли, «сдали». От экологии остались «экологическое производство» (производство!) и «зеленые меньшинства». Теперь сдают культуру и человека. Вместо общества возникает Технос. В дилемме: консервативно жить или прогрессивно умереть, я выбираю первое, вы — второе. За мной — прошлое, частично настоящее, продолжение смертной жизни. За вами — будущее, смерть как превращение в «иное» = в форме самообмана бессмертием (как эвтаназия). «Все прогрессы реакционны, если рушится человек», — гуманистически сильно сказал А. Вознесенский. А он рушится. Значит, прогресс стал реакцией, если эти понятия определять через призму добра и зла. Которые друг без друга не существуют. Это диалектика. Зло — необходимая сторона бытия, только при условии, если с ним бороться, его контролировать.

А.Н.: Можно ли, на ваш взгляд, считать «Доктрину 2045» реваншем постсоветской науки, которая оказалась не у дел в последние 20 лет? Каким образом удастся повысить статус научного работника? И связываете ли вы научно-технический прогресс в России с нынешним политическим режимом?

В.К.: Этот вопрос спускает нас с высоты/глубины и универсальности философского подхода на конкретный уровень хозяйствования в конкретной стране. Я как житель своей страны и, следовательно, патриот, понимая обусловленность судьбы индивидов (клеток) состоянием общества (организма) (перефразируя А. Блока: я философ и потому не либерал), не хочу, чтобы она была отсталой, тогда ее довольно скоро растащат. Поэтому за развитие науки техники. Но за их перенаправление в пользу человека и ограничение, пропуск через гуманитарные фильтры, регулирование в масштабах всего мира, а инициатором такого «управления развитием» была бы наша страна. Философское мышление заботится о всеобщем, речь идет о принципах. С этой точки зрения, «Доктрина 2045» — концентрат трансгуманизма, антропофании и без(д)умного характера вырвавшегося из под человеческого контроля прогресса. То, что проект затевают в России, это трагический парадокс на фоне ее исторических претензий быть носителем духовности и официальной ориентации на сохранение устойчивости в процессе развития.

Что касается нашего политического режима, то он вполне заботлив насчет научно-технического прогресса, если тот, конечно, не вступает в противоречие с интересами капитала (виноват, инвесторов). А он, в сущности, не вступает, так как мы имеем дело уже с «когнитивным капитализмом». Кое в чем более заботливый, нежели прежний, советский. Вы-то не знаете, а я помню, как много тогда говорили, да что-то и делали по разоружению. СССР был инициатором в этом процессе. Сейчас мир, кажется, окончательно сошел с ума, и о разоружении перестали даже разговаривать. Если разоружаются, то ради замены старого оружия новым на основе новейших = постчеловеческих технологий. Все для «роста экономики». А поскольку терроризма как предлога для развертывания ракетных систем, строительства авианосцев и подводных лодок «не хватает», то начинают выдумывать про агрессивных инопланетян, то и дело приближающиеся астероиды и «просто так», ничем не обосновывая. Люди сейчас настолько самозомбированы, в том числе высшие руководители, а может быть, они в первую очередь, что не будут и спрашивать оснований. Гонят и гонят. Опять «ради прогресса», который «не остановишь», как от смерти не уйдешь.

А.Н.: *Ваша удачная метафора о том, что человек умер, но еще не похоронен, дает последний шанс всем гуманитарным наукам погреть руки на постепенно остывающем трупе. Как вы думаете, каким образом современная гуманитаристика воспользуется этим шансом? Возможно, человеческий труп так и останется непогребенным, и гуманитарная наука тем самым констатирует смерть культуры?*

В.К.: А мне понравилась ваша метафора «погреть руки на постепенно остывающем трупe».

Умер, в смысле потерял, теряет способность переживать мир, живет с оскудевшими чувствами (около половины американцев регулярно прибегает к антидепрессантам), механически. Не робот, но уже роботообразный. «Слабый зомби», слабый, что еще не программируемый, с чипами будут уже «сильные зомби». Он пока мыслит, хотя «не в своем уме», без о-сознания, не ради «быть», а ради «иметь» (Э. Фромм) и для «непрерывного роста валового продукта». На Западе, идущем впереди в процессе этой комфортной эвтаназии, появился символически значимый термин: *undead*. Немертвый. Потому что считать живым такого человека уже нельзя. Похоронит его без(д)умная инновационная гонка постчеловеческих технологий.

К тому же и сам — как род — передовой отряд человечества вымирает. Не (воз)рождаются больше. Смертность превышает рождаемость. Значит, его конец — вопрос времени. Как вы понимаете, не от нехватки же средств и богатства. Сколько можно всего жрать, извините — потреблять. От образа жизни, от характера культуры. Этого *undead* замещает более молодая волна с Юга. Через два поколения белые в Америке и Европе будут национальными меньшинствами (см. пока в спорте и материальном производстве). Как с ними/нами будут обращаться: долго «греть руки», сразу ли похоронят, трудно предвидеть, надежда, если только стремление к безграничному потреблению достаточно быстро заразит политкорректностью, атомизацией и эгоизмом (о)ди(на)ночеством, гомосексуализмом и феминизмом), ведущими к уничтожению детной семьи, прочей свободой и правами (разложение) человека и эти новые волны. Правами индивида за счет рода. И глобализация все смешает, технологии всех уравниют и стандартизируют.

Констатация факта: искусственное, виртуальное, микро- и мегамиры захватывают землю, заставляя массы людей (ах, бедные, недалекие), особенно когда ученые, «греть руки» над собственной смертью и про(ис)поведовать ее. Парадигмальным становится мировоззрение «пост» и «транс». Но не (у) всех. Философы должны быть среди тех, кто выступает за сохранение сущего, спасая хотя бы честь человека как *разумного* существа. Проповедовать не универсальный эволюционизм, «трансгресс», а коэволюцию разных форм бытия, полионтизм. Окончательно свою позицию я резюмирую напоминанием притчи о двух попавших в горшок с молоком лягушках: одна сложила лапки и утонула, другая, оптимистка, билась и получила масло. Она выпрыгнула. Человеческий род попал в положение отдельного индивида и в норме должен жить и смеяться как дети, консерваторы, посетители

тренажерных залов и косметических салонов. Борьтесь за *нашу форму реализации возможных миров*, несмотря ни на что и вопреки фаталистической перспективе. Вмещать себе свободу.

Люди! Наступает Время *mortido*. Пора создавать Движение Человеческого Сопротивления!

Н.Н. РОСТОВА

Бог философии*

Аннотация. В статье рецензируется новая книга В. Варавы «Неведомый Бог философии». Автор обращает внимание на такие проблемы, как: понятие философии, соотношение философии и истины, дискурс современной антропологии, место философии в современном мире.

Ключевые слова: философия, философская антропология, русская философия, истина.

Abstract. In article V. Varavva's new book «Unknown God of philosophy» is reviewed. The author pays attention to such problems, as: concept of philosophy, philosophy and truth ratio, discourse of modern anthropology, philosophy place of the modern world.

Keywords: philosophy, philosophical anthropology, Russian philosophy, truth.

Что такое философия? Ответу на этот не простой для философии вопрос посвящена новая книга Владимира Варавы «Неведомый Бог философии», изданная в рамках серии «Современная русская философия». Сразу стоит отметить, что философия имеет целую традицию ответа на этот вопрос. От Платона до Боэция, от Канта до Хайдеггера. От Делеза, Гваттари и Бадью до нашего современника Онфре. В России — от знаменитой переписки Лосева и Мейера до Мамардашвили и одной из последних работ Гиренка. Как скажет Мартин Хайдеггер, понятие философии — самый высокий результат ее самой. И вот философ В. Варавы рискнул на такую дерзость — представить высший результат философии. Что же у него вышло?

Первое впечатление от книги — это ее удивительная несовременность, что вовсе не означает ее несвоевременности или неактуальности, совсем наоборот. Например, понятие истины сегодня скомпроме-

* Рецензия на кн.: *Варавы В.* Неведомый Бог философии. — М.: Летний сад, 2013. — 256 с. (Сер. «Современная русская философия», № 7).

тировано. Истины нет, есть множество истин. Делез и Гваттари скажут, философия — это концепт, поименованный сгусток смысла, как монады Лейбница или когито Декарта. И истина здесь ни при чем. Бадью согласится — да, философия не есть производство истин, но поправит — философия не есть производство содержательных истин. Содержательность истины в философии ведет к фашизму, сталинизму, террору, в чем оказался грешен «поздний» Платон, который начал с апологии Сократа, а закончил тем, что стал осуждать тех, кто растлевает молодежь и не чтит традиции. Истина философии принципиально иная, нежели все другие истины. Философия — это пустота истины, «клещи истины», которые схватывают содержательные истины науки, политики, искусства и любви и делают возможным их сосуществование, обеспечивая единство мысли. Философия должна придерживаться этой пустоты и не превращаться из рациональной операции в «сомнительный путь некоей инициации». А. В. Варава в своей книге, не стесняясь, призывает к этой «инициации», к современному «фашизму». Для Варава истина есть, и она, как и подобает быть истине, единственна и абсолютна. И эта истина находится «в ведении философии» (С. 60).

Обычно истину отдают в ведение традиции. Так, например, Мейер, споря с Лосевым, отождествил истину с истиной Христа. Варава же и здесь делает неожиданный ход, сопротивляясь не только принятым европейским взглядам, но и пытаясь переосмыслить русскую традицию. Варава не просто заявляет о том, что философия не нуждается в христианстве, но говорит о том, что само христианство нуждается в философии, дабы не превратиться в частный опыт или суеверие (С. 67). Варава верит в порядочность человека, обеспеченную приверженностью к философии. Но хочется, вспоминая слова Бердяева о том, что абсолюту молиться нельзя, спросить В. Варава: а можно ли молиться истине?

Или другой момент. Современная философия имеет натуралистическую тенденцию, которая ведет к представлению об «имманентном человеке», т. е. человеку, взятом исключительно в своей имманенции. Таков, например, психологизирующий взгляд, или социальный, или взгляд, сближающий антропологию и этологию, неврологию и проблему сознания. Представление об «имманентном человеке» основано на линейной логике, согласно которой от мира до человека и, обратно, от человека до животного и мира можно прийти непрерывными преобразованиями. Варава же идет путем «логики разрывов». Для Варава человек — это разрыв в мире. И об этом разрыве свидетельствует человеческая способность к философствованию, основанная не непсихологической способности к философскому удивлению (С. 10). Наличие

этого фундаментального свойства оправдывает наречение человека *Homo philosophicum*.

Или еще, современный мир говорит нам — будь быстрым, сообразай, думать некогда и не нужно. Есть машины, системы, всемирная информационная сеть, а ты должен лишь уметь ориентироваться. Следствиями этого в нашей стране, в частности, стали лишение философии статуса обязательной дисциплины в высших учебных заведениях, а также замена «кандидатского» экзамена по философии экзаменом по философии и методологии науки. Варава же говорит — философия должна быть в моде, иначе человек будет редуцирован до сущности в ряду других сущностей мира.

Как же Варава отвечает на главный вопрос книги? Делает он это, не без ссылок на Хайдеггера, через тавтологию. Философия — это философствование (С. 46). Можно ли считать подобный ход интеллектуальным мошенничеством? Скорее нет, ибо Варава не просто отсылает к самоочевидностям и апофатике опыта, но делает и прояснения. Философия — это не просто феномен культуры, форма теоретического познания, появившаяся в Древней Греции, философия — это свет, который позволяет нам видеть. «Мы не видим света, в свете которого видим мир», — скажет Варава (С. 70). Философия, как солнце, делает нечто возможным и, вместе с тем, для глаза она предстает черным пятном. Философия — это не то, «что», но то, «чем», то, посредством чего что-то становится возможным.

Такой взгляд на философию позволяет Вараве говорить о русской философии, история которой оказывается равной истории самой Руси и русского народа. Однако же появление языка русской философии Варава связывает с А. Пушкиным и Д. Веневитиновым, которые предопределяют судьбу русской философии как русской литературы. Отчасти это оказывается справедливым и в отношении самого В. Варава, некогда написавшего «Псалтырь русского философа».

* * *

Из новогодних посланий

«Сердечно поздравляю коллектив журнала “Философия хозяйства” с наступающим Новым 2014 годом и Рождеством Христовым! Пусть новый год станет щедрым на новые идеи и принесет творческие успехи, прибавит сил, вдохновения и уверенности в завтрашнем дне».

*От имени ООО ИК «Баррель»,
учредителя журнала «Философия хозяйства»,
Д.В. Разбаев*

«Кто же нас, русаков, еще понимает в мире, когда мы уж и сами себя перестаем понимать. Скоро и у себя в Отечестве мы начнем стыдиться своей русскости. Научат нас стыдиться».

Слава Богу, мы еще ленивы и все их усилия пока тщетны...

Надо бы и Президенту иногда находить на своем ночном столике журнал “Философия хозяйства”... чтобы не мучиться с экономическими советами, а взять и считать журнал рекомендациями Правительству. Только бы и оставалось при передаче номера Правительству начертить на обложке красным: “К исполнению”».

В. Курбатов, Псков

«Несмотря на то, что подавляющая часть образованного класса горделиво продолжает ничего не понимать в происходящем в стране повороте, необходимо, удовлетворяясь зорким прогностическим искусством, держать ухо остро, а язык в засаде. Перелом еще не наступил, и иррациональное пока доминирует».

В.К., Россия

«Позвольте пожелать всем нам не сдавать рубежи подлинной мысли о Сущем, как бы агрессивно ни наступало на нас Не-сущее, пытающееся в этих атаках доказать свое якобы-существование и пребывая в тайном бешенстве от сознания своего изначального сущностного бессилия».

Дай Бог нам в наступающем году не только сотрудничать и соратничать, но и веселиться и праздновать, вопреки повсеместно насаждаемой тоске!»

А. Погребняк, Санкт-Петербург

«2013-й был трудный и одновременно плодотворный, наполненный трудами, неудачами и победами... Не все наши проекты и замыслы осуществились, но многое из задуманного все-таки стало реальностью: мы сохранили наши кафедры, институты и университеты, мы провели наши конференции и издали запланированные сборники и журналы... Мы не потеряли вкус к жизни, и она, эта жизнь, не потеряла интереса к нам! Мы проводим 2013 год с законным удовлетворением, потому что прожили его не зря...

Мы всего добьемся, мы все осуществим, мы не перестанем любить и восхищаться друг другом, мы будем делать друг другу подарки и говорить друг другу комплименты, мы удивим этот мир своим талантом и своими необыкновенными достижениями! Мы всего хотим и все можем!»

В.П. Казарин, Симферополь

«Требования с каждым годом растут, силы сокращаются. Хочется пожелать, чтобы их хватило в наступившем году на все благие дела и чтобы под ваши знамена встало как можно больше достойных людей».

Г.А. Родина, Ярославль

«Уверен, что мы находимся с вами на верном пути восстановления не только единого в многообразии духовного и интеллектуального пространства, но и общего экономического, политического пространства».

В.Г. Бодров, Киев

«...Много, много людей и авторов — за вас, как за центр кристаллизации живого мышления».

В.А. Кутырёв, Нижний Новгород

На приход 2014 года

До Нового года
осталась неделя:
не так уж и много —
часы полетели,

глотя пути,
пожирая минуты...
Прошедший, прости,
что мы ищем приюта

в Другом,
 не пришедшем —
мы так легковыжны —
ведь в самом
 существенном
 смысле

Ты — первый,
 еще не
 ушедший:

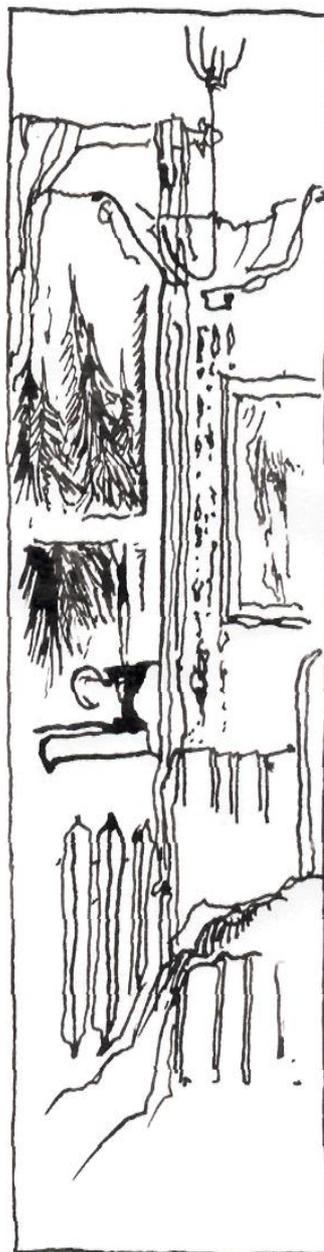
с Тобой нас ломало
и близких косило,
и било,
 и мяло...
С Тобой — наши сны,
наши детство и старость...
И,
 знаешь,
 Прошедший,
с Тобой — наша радость! —

Но нашу тревогу
оставим Другому,
Тобою неведомому,
дорогому,

где — мрак и пурга,
где — весна и капли...
До Нового года
осталась неделя.

В.П. Океанский (Иваново)

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

6 декабря 2013 г. **Бугаян Илья Рубенович** за существенный вклад в фундаментальную экономическую науку и в философию хозяйства, за высокое гражданское подвижничество награжден медалью С.Н. Булгакова «Свет Невечерний».

* * *

6 декабря 2013 г. **Ильин Владимир Васильевич** за существенный вклад в философско-экономическое знание награжден медалью С.Н. «Свет Невечерний».

* * *

Восьмидесятипятилетие Ю.В. Яковца

И верится, и не верится: *Юрию Владимировичу Яковцу* 85 лет! Верится, поскольку Юрий Владимирович известен всем как видный ученый аж с незапамятных времен, и не верится, так как полный сил Юрий Владимирович активно трудится, словно молодой, на ниве науки, просвещения, истории отечественной и мировой мысли. Книги, конференции, проекты, разносторонняя оргработа — это все Ю.В. Яковец, да ладно бы в России, а то и за рубежом, включая и США! Имя Ю.В. Яковца навеки связано с именами великих русских мыслителей Н.Д. Кондратьева и П.А. Сорокина, познанию и прославлению творчества которых вряд ли кто в России сделал больше, чем Юрий Владимирович. Ю.В. Яковец — давно уже по-настоящему выдающийся деятель российского и мирового интеллектуализма, восходящего к гуманизму, миролюбию, взаимопониманию народов и цивилизаций. Многих лет Вам, Юрий Владимирович, большого и вольного творчества!

* * *

75 — юбилей С.Г. Кара-Мурзы

Видный, выдающийся, великий — и это все наш *Сергей Георгиевич Кара-Мурза*, в прошлом естествоиспытатель, а в настоящем — обществовед, социальный аналитик, гуманитарный мыслитель! Никакая передовая интеллектуально-информационная система не сможет учесть всего «содеянного» Сергеем Георгиевичем: сотни статей, десятки монографий, бесконечное число докладов выступлений, интервью, а главное — насколько у него все выверено, обоснованно, точно! Сказать, что умен, учен, одарен, универсален — ничего не сказать, ибо Сергей Георгиевич из породы... неописываемых, его надо принимать как есть — целиком, во всем многообразии творческой личности, со всем его уникальным интеллектом, и не забывать при этом, что Сергей

Георгиевич — большой жизнелюб, с великолепным чувством юмора, не противник и карнавальных моментов бытия. Особенно нам импонирует высокий патриотизм Сергея Георгиевича, его преданность социалистической цивилизации, его признательное отношение к великому советскому народу, совершившему целый сонм гигантских исторических деяний!

С 1994 г С.Г. Кара-Мурза — наш коллега, сотрудник, друг, он всегда с нами: на форумах, на страницах нашего журнала, на хоть и редких, но теплых торжествах. Здоровья Вам, Сергей Георгиевич, и новых творческих достижений!

* * *

Семидесятилетие А.А. Пороховского

Вот и к *Анатолию Александровичу Пороховскому* пришла заповедная юбилейная дата — *семидесятилетие*, когда многие житейские и профессиональные иллюзии отходят навсегда в сторону, а впереди маячит лишь отточенное истекшим временем чистое творчество. Почему же не поздравить Анатолия Александровича с обретением новых для него творческих возможностей? Это-то мы и охотно делаем, желая профессору А.А. Пороховскому и руководимой им кафедре выйти на новые рубежи в развитии уже укорененной в науке и образовании политической экономики, как и еще только набирающей жизненный ресурс новейшей экономической теории. Нельзя не подивиться великой работоспособности А.А. Пороховского, успевающего и много писать, и нести тяжкий административный груз, и выступать на различных форумах, и бывать в российских регионах и за рубежом. А главное — держать на высоком уровне боготворимую им *политическую экономию*, не закрывая глаз на ее острые проблемы, но и не давая ее в незаслуженную обиду. Учитывая разнонаправленные относительно науки и образования веяния текущего периода — *pro* и *contra*! — остается пожелать Анатолию Александровичу неисчерпаемой энергии и великой стойкости, чтобы не только удержать уже достигнутое, но и обеспечить новый взлет фундаментального университетского знания!

* * *

А.С. Филипенко 70 лет

Антон Сергеевич Филипенко — видный украинский ученый, экономист-международник, которого можно с удовлетворением считать и российским — за адекватные общей культуре двух славянских народов работы, многие из которых впервые публиковались в России.

Будучи долгое время заведующим кафедрой Института международных отношений Киевского национального университета имени Т.Г. Шевченко, Антон Сергеевич много сделал для укрепления и развития дружеских деловых и творческих отношений между украинским и российским научными сообществами. А.С. Филипенко — всегда желанный гость в Москве, в МГУ, в ЦОН, на экономическом факультете МГУ. А.С. Филипенко — действительный член Академии философии хозяйства, член РИСО журнала «Философия хозяйства», активный участник философско-экономических дискуссий. Настоящий интеллеktуал, А.С. Филипенко, демонстрируя международный уровень научных исследований, доказывает свою приверженность миру, взаимопониманию народов и цивилизаций, общечеловеческим гуманистическим идеалам. А.С. Филипенко в расцвете творческих сил и современная наука вправе ожидать от него новых интеллектуальных свершений!

* * *

Шестидесятилетие М.М. Гузева

Михаил Михайлович Гузев — профессор, доктор экономических наук, директор Волжского гуманитарного института (филиал Волгоградского государственного университета в г. Волжском), действительный член Академии философии хозяйства. Проницательный ученый и обстоятельный преподаватель, опытный и эффективный руководитель образцового вуза-филиала, ответственный общественный деятель. Умный, зоркий, честный. И это не все — благородный! Настоящий русский человек! Каких мало или каких просто нет! Наверное, все-таки нет, хоть и хотелось бы, очень хотелось. Но, увы, Родина довольствуется одним — Михаилом Михайловичем Гузевым, который хоть и экономный, но при этом еще и философ хозяйства, правда, в отличие от того же С.Н. Булгакова — не столько размыслительный, сколько практический, несущий людям не одни лишь хорошие идеи, а и дела — добрые дела, — и это в наш-то далеко не добродорядочный век!

* * *

Профессору В.Т. Рязанову 65 лет

Кто из экономистов-теоретиков не знает в России и в известном зарубежье *Виктора Тимофеевича Рязанова* — профессора, доктора экономических наук, заведующего кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, вице-

президента Академии философии хозяйства, ибо не знать В.Т. Рязанова — автора фундаментальных и образцовых по исполнению трудов, вполне и толстых, и содержательных, и прогностических, — совершенно нельзя: кого же тогда знать? Так вот и живет научное сообщество, читая и слушая Рязанова, дивясь его мощной эрудиции, точности мысли, обширности интересов, теоретическому новаторству.

В.Т. Рязанов — непреклонный патриот, верный гражданин, блюститель отечественности. Порядочный, выдержанный, стильный. Благодарный! Рядом с Рязановым легко, раздумчиво, интересно. Но и Рязанову повезло с Академией философии хозяйства, в среде которой ему принадлежит особое место — как сознательного адепта политической экономии, которую он знает, ценит и которой он верен!

* * *

19 ноября 2013 г. состоялось очередное заседание семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Кризис в угоду человечеству: потери, перемены, обретения», на котором выступили доктора наук: Ю.М. Осипов, П.А. Покрытан, Н.А. Шапиро, Т.Н. Юдина; кандидаты наук: И.И. Баринов, О.В. Доброчеев, М.Ю. Павлов, Е.В. Шелкопляс, Т.Ю. Яковец, научный сотрудник А.А. Антропов, студенты: И. Антоненко, С. Балацкая, Н. Бякова, О. Горлов, М. Гуторова, Т. Левандовский, А. Матчин, М. Фадеева.

* * *

**П.А. ПОКРЫТАН, С.В. БАЛАЦКАЯ, К.А. СУБХАНГУЛОВА, М.В. ГУТОРОВА,
М.П. ФАДЕЕВА, И.В. АНТОНЕНКО, Т.З. ЛЕВАНДОВСКИЙ, Н.А. БЯКОВА,
А.В. МАТЧИН, И.Д. БУРАК, О.Ю. ГОРЛОВ**

Публикации журнала «The Economic Journal» об экономическом кризисе*

Аннотация. Исследование публикаций на тему экономического кризиса в старейшем научном журнале Королевского экономического

* Стенограмма выступлений на студенческом форуме «Публикации журнала “The Economic Journal” об экономическом кризисе» в рамках теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Кризис в угоду человечества: потери, перемены, обретения» (МГУ, 19 ноября 2013 г.).

общества выявило проблемы в реализации прогностической функции мейнстрима.

Ключевые слова: кризис, депрессия, промышленный цикл, деловой цикл, экономикс, мейнстрим, публикации, Британия, Королевское экономическое общество.

Abstract. The research that was held on the basics of the topic of economic crisis in the Royal Economic Society's Journal found out the problems of implementation of prognostic function in the mainstream economic theory.

Keywords: crisis, depression, industrial cycle, business cycle, economics, The Economic Journal, publications, Britain, Royal Economic Society.

«Экономический кризис в оценках авторов британского журнала «The Economic Journal»» стал темой совместного заседания лаборатории философии хозяйства (руководитель проф. Ю.М. Осипов) и Центра развития политической экономии (руководитель проф. П.А. Покрытан) в рамках теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли». Тематика была обусловлена слабой реализацией прогностической функции западной экономической науки, что привело к вопросу королевы Британии профессорам Лондонской школы экономики: «Почему никто не предвидел кредитный кризис?». Представленный британской академией ответ королеве выявил неспособность британской экономической науки прогнозировать экономическое развитие.

Каковы же причины данного явления? Прежде всего, необходимо отметить, что обращение к британской экономической мысли не является новым в отечественной литературе. Это связано с тем, что Англия играет особую роль в экономической науке. Так, она является колыбелью многих направлений экономической мысли: научной буржуазной политической экономии (У. Петти, А. Смит, Д. Рикардо, Дж. Ст. Милль), Мальтузианства (Т.Р. Мальтус), кембриджской школы политической экономии (А. Маршалл, А.С. Пигу), кейнсианства (Кейнс). Разумеется, эта широта направлений всегда привлекала пристальное внимание к тому, что происходит в области развития экономической мысли в данной стране. Известен ряд фундаментальных работ советских экономистов, связанных с изучением этой темы. Фактически по всем направлениям существует множество исследований как в мировой, так и в отечественной науке. Исследуются не только исторические аспекты, но и современные тенденции английской экономической теории. В качестве примера можно указать на работу И.Г. Блюмина «Критика современной буржуазной политической эконо-

номии Англии» (1953) или работу А.Г. Худокормова «Экономическая теория: новейшие течения Запада» (2013).

Конечно, за последние 60 лет центр западной экономической мысли переместился в США и публикации, представленные в журнале, не ограничиваются исключительно английскими авторами. В представленном обзоре есть публикации испанских, американских, французских авторов. Это свидетельствует об интернациональности западной экономической науки и дает возможность представить выводы авторов статьи не только как характерные особенности английской экономической мысли, но и рассматривать их как общее отражение ситуации в западной экономической науке. Если характеризовать ее состояние в целом, то нет оснований не согласиться с высказыванием британского историка экономической мысли М. Блауга — «современная экономическая теория больна» (цит. по: [1, 368]).

К сожалению, слишком многие признаки в западной экономической мысли свидетельствуют о нахождении ее в состоянии кризиса. Так, Блауг приводит мнение главного редактора «The Economic Journal», оценивающего качество статей, приходящих в его журнал: «Создается впечатление, что многое из присланного написано вовсе не для того, чтобы расширить экономические познания... Много экономистов, как мне кажется, играют в «журнальную игру», т. е. создают вариации на темы не глубокие и не интересные. В эту категорию попадает значительное число теоретических статей... Нередко представляется, что та или иная модель конструируется просто для того, чтобы получить в результате стилизованный факт, уже известный автору... Просто создать модель, дающую желаемый результат, это тест на умственные способности автора, но вовсе не на значимость его теории» [1, 369]. Принимая во внимание это высказывание, авторы не только максимально абстрагировались от математических моделей, столь широко применяющихся в экономических публикациях, но и посчитали возможным завершить обзор публикаций британского журнала статьей греческих экономистов из журнала «World Economy» с характерным названием «Экономический кризис и кризис экономикса». Нам представляется, что подобное название отражает глубинные противоречия, которые вскрываются в том числе и при анализе публикаций на тему экономического кризиса в журнале «The Economic Journal».

Понятие «кризис» со времен развития эпохи капитализма прочно укрепилось в сознании людей как один из самых негативных переломных моментов, наступающих в экономике страны или в мировой экономике. Подобное восприятие формирует особое отношение к происходящим событиям: растут беспокойность, чувство неопределенности и незащищенности от последствий наступившей катастрофы. Экс-

перты в данной области обязаны дать ответы на возникающие вопросы, поэтому важно знать, как много работ на данную тематику существует в научных экономических журналах. Поэтому авторы статьи решили обратиться к британскому экономическому журналу «The Economic Journal», чтобы определить, какое место занимает тема кризиса в научных публикациях.

«The Economic Journal» имеет столетнюю историю, он был основан в 1891 г. В его создании принимали участие известные западные экономисты, такие как А. Маршалл и Дж.М. Кейнс, основатель кейнсианской школы, один из главных редакторов журнала. Журнал является рецензируемым, статьи проходят отбор. Публикации в журнале представлены авторами неоклассической, кейнсианской и неокейнсианской школ.

По данным рейтинга цитируемости «Citations Economics», в настоящее время «The Economic Journal» занимает 22 место из 1218 среди журналов, написанных на социально-экономическую тематику, при этом он попадает в пятерку лучших британских журналов, занимающих в данном рейтинге самые высокие места. Журнал имеет импакт-фактор 2.118 по версии ISI Journal Citation (США).

Авторами был проведен анализ статей в «The Economic Journal» с 2000 по 2013 г. на тему экономического кризиса. В выборку попали статьи с ключевыми словами: crisis, economic cycle, recession, slump, setback, economic depression. Статьи были изучены, сведены в таблицу, в которую были занесены следующие данные: год издания, название на английском, название на русском, авторы, количество страниц, DOI — идентификатор цифрового объекта, представляющий путь к документу в информационно-виртуальном пространстве, краткое содержание на английском языке и перевод на русский. Анализ выявил, что за исследуемый промежуток времени было опубликовано 23 статьи, соответствующие выбранной тематике.

Данные, представленные на рис. 1, свидетельствуют о том, что тематика статей о кризисе обширна. Среди них: вопросы Мексиканского кризиса, о роли спекуляции на развивающихся рынках, о Восточно-Азиатском кризисе, о суверенном кризисе ликвидности, о раздувании пузыря активов, о роли МВФ в качестве кризис-менеджера, о банковских и валютных кризисах, о роли процентных ставок во время кризиса, о финансовых инновациях и макроэкономической стабильности, о роли ипотечного рынка, о модели рационального ожидания, о кризисе в Европе.

Наибольшее количество статей (4 статьи) посвящено Восточно-Азиатскому кризису, разразившемуся в июле 1997 г. и ставшему серьезным потрясением мировой экономики в конце 1990-х гг. При этом

сами статьи были написаны несколько позже, в начале 2000-х. Одинаковое количество статей посвящено Мексиканскому кризису (2 статьи), кризису ипотечного кредитования (2 статьи) и раздуванию пузыря активов (2 статьи) (рис. 1). Для большинства статей ключевое слово — crisis.

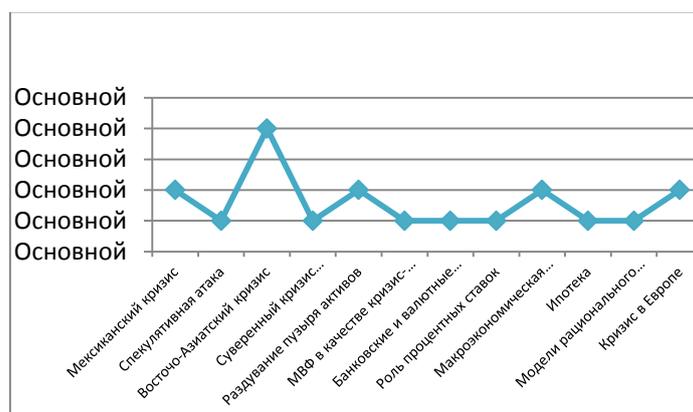

Рис. 1. Количество статей по темам в «The Economic Journal» за период 2000 — 2013 гг.

В ходе анализа было выявлено, что наибольшее количество статей о кризисе было написано в 2000 г. (доля исследуемых статей составляет 17,64%), а также в период с 2011 по 2013 г., где каждый год был опубликован приблизительно равный объем статей о кризисе, составляющий около 4,5% от годового. В периоды экономического подъема и начала кризиса статьи на заданную тему практически не публикуются (в момент роста экономики в 2004 г. и в период кризиса в 2009 г. статьи об экономических кризисах отсутствуют). Видна определенная тенденция, количество статей о кризисе увеличивалось спустя 2—3 года после того, как они происходили: в «The Economic Journal» публикации в январском номере 2000 г. были посвящены Азиатскому кризису, начавшемуся в 1997 г., статьи о недавнем кризисе 2008—2009 гг. выходили в 2010 — 2012 гг.

Важно отметить, что за весь период с 2003 по 2013 г. общая доля статей о кризисе в «The Economic Journal» составила 1,85%. Учитывая, что каждый год выпускается в среднем 1310 страниц, можно сделать заключение, что исследуемой тематике посвящено ничтожно малое количество работ в журнале.

Кроме того, авторы хотели провести сравнительную характеристику «The Economic Journal» и российского научного экономического журнала, который бы имел высокую значимость в научной среде. Для этого был выбран «Российский экономический журнал». Его история начинается с 1958 г. До марта 1992 г. журнал выходил под названием «Экономические науки». Его главными редакторами были известные экономисты А.Д. Смирнов, который в 2001 г. входил в список заслуженных деятелей науки РФ и имеет правительственные награды, медаль Академии наук СССР, Почетный знак и медаль РАЕН, и Д.И. Валентей, заслуженный деятель науки РСФСР, основатель и первый руководитель Центра по изучению проблем народонаселения на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, сыгравший огромную роль в возрождении советской демографии в 1960-е гг. В настоящее время главным редактором журнала является А.Ю. Мелентьев. Именно ему во многом журнал обязан не только своим существованием, но и сохранением научного формата, выгодно отличающего журнал от многих других.

РЭЖ выпускается шесть раз в год и адресован ученым, преподавателям, студентам, работникам федеральных и региональных органов государственного управления, всем категориям предпринимателей и менеджеров. Целями его создания являются всестороннее освещение хода реформы в России, пропаганда современных экономических знаний, содействие подготовке экономистов нового поколения — теоретиков и практиков.

Импакт-фактор среди российских журналов составляет 0,690, что можно считать достаточно высоким показателем для русскоязычных журналов.

Для анализа публикаций в «Российском экономическом журнале» были отобраны статьи с ключевым словом «кризис». Общая доля статей на тему кризиса в РЭЖ в среднем составила 5,01%, что значительно больше, чем в британском журнале (рис. 2). Надо отметить, что в кризисный 2009 г. доля статей дошла до 33,24%.

Надо также отметить, что в «Российском экономическом журнале» статьи на исследуемую тематику также провоцировались самими кризисами. Так, в российском журнале наибольшее количество статей опубликовано в кризисный для России 2009 г., много публикаций в 2008 и 2010 гг., тогда как в 2003—2007 гг. статей нет (кроме одной статьи в 2004 г.).

Сравнивая два журнала, заметны общие тенденции — публикации появляются тогда, когда кризис уже начался, при этом статьи, предупреждающие о надвигающейся угрозе, не публикуются. В то же время

в «Российском экономическом журнале» доля статей на тему кризиса существенно выше. Так, в 2009 г. она составляет более 30%.

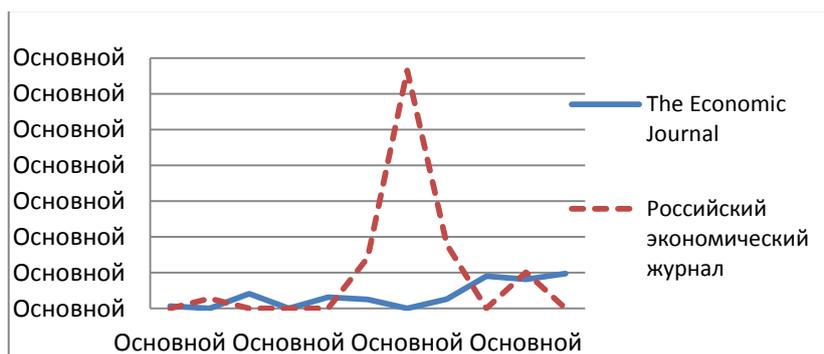

Рис. 2. Доля статей о кризисе в «The Economic Journal» и «Российском экономическом журнале»

Особенностью публикуемых в журналах материалов является то, что статьи в российском журнале публикуются раньше, чем в британском, и их объем значительно выше. Причины отсутствия статей в «The Economic Journal» неизвестны, но заслуживают самого пристального внимания, поскольку их отсутствие ограничивает возможности британских ученых в исследовании текущей экономической ситуации. Отсутствие должного количества статей о кризисе может быть связано с тем, что экономические школы, представленные журналом, не способны предвидеть кризис и объяснить его природу. В «Российском экономическом журнале» публикуются авторы, которые знают теоретические причины кризиса — основное противоречие капитализма, поэтому им не требуется длительного периода для анализа текущих экономических явлений, выводы о причинах кризиса в РЭЖ носят более универсальный характер, чем в британском журнале.

Отдельными выпусками британский журнал публикует исследования о влиянии кризиса на различные сектора экономики. Так, в 2011 г., журнал публикует обзор книги трех европейских экономистов М. Деватрипона, Ж.-Ш. Роше и Ж. Тироля «Балансирование банковской системы: глобальные уроки финансового кризиса» [2]³². Книга посвящена анализу мирового финансового кризиса 2008 г. Авторы

³² Д. Винс — профессор экономики Оксфордского университета, директор Центра международной макроэкономики в Оксфорде.

книги исследуют причины кризиса и приводят рекомендации и меры, направленные на предупреждение последующих финансовых кризисов. Автор обзора Д. Винс приводит свое понимание изложенных в книге идей авторов.

Основная идея обзора: непредусмотрительная политика банков при слабом государственном регулировании финансового сектора США привела к кризису разрушительных масштабов. Крах финансовой системы спровоцировал начало кризиса в реальном секторе экономики США и других стран.

В период с 2002 по 2005 г. процентные ставки по кредитам в банковском секторе были очень низки. Это привело к тому, что банки стали использовать более рискованные схемы увеличения своих кредитных возможностей: 1) расширение ипотечного кредитования, 2) повышение кредитного плеча и 3) секьюритизация³³.

1. Суть схемы расширения ипотечного кредитования заключалась в увеличении выдаваемых ипотечных кредитов с целью повышения доходов банков, в связи с чем кредиты выдавались даже ненадежным заемщикам. В результате произошли резкое увеличение доли ипотечных кредитов с высокой долей риска, увеличение доли субстандартных кредитов. Заемщикам часто навязывали дорогие субстандартные кредиты, ссуды выдавались даже тем, кто не мог их вернуть. Некоторые заемщики занимали до 99% от цены дома, практически не вкладывая собственных средств в покупку.

2. Суть схемы повышения кредитного плеча заключалась в расширении кредитных возможностей банков посредством займов. Таким образом, получая выгоду за счет небольшой разницы между возвратом по кредитам и ставкой процента по ссудам, государственная политика не только не ограничивала действия банков, но и способствовала таким операциям. В 2004 г. в комиссии по ценным бумагам было принято решение о снятии ограничений кредитного плеча, что позволяло заимствовать еще больше. В итоге к 2008 г. отношение заемных средств банков к собственным достигло 35:1.

3. И последний главный инструмент повышения доходов банков, на котором была завязана вся финансовая система США — схема секьюритизации. Если раньше заемщики выплачивали проценты по своим ипотечным кредитам непосредственно своим кредиторам (банкам), то теперь банки продавали ипотечные и другие кредиты инвестиционным банкам. В свою очередь, инвестиционные банки аккумулировали ты-

³³ Секьюритизация — привлечение финансирования путем выпуска ценных бумаг, обеспеченных активами, генерирующими стабильные денежные потоки.

сячи ипотек и создавали сложные деривативы, именуемые обеспеченными долговыми обязательствами (CDO)³⁴. Инвестиционные банки продавали CDO инвесторам и лоббировали свои интересы путем взятков рейтинговым агентствам для высокой оценки CDO. В результате, многие CDO, в которые входили рискованные субстандартные ипотеки, получали высокий рейтинг и вводили в заблуждение инвесторов. Заемщики в этой цепи теперь выплачивали проценты инвесторам, а не банкам.

Механизм секьюритизации изменил процесс распределения рисков в сфере ипотечного кредитования. Банки, которые продавали ипотеки инвестиционным банкам, передавали тем самым и свои риски неплатежей по кредитам. В результате, банки стали выдавать более рискованные ссуды, не задумываясь о последствиях. Инвестиционные банки также не думали о рисках, поскольку чем больше CDO они продавали, тем больше был их доход. Рейтинговые агентства, в свою очередь, не несли ответственности за свои оценки CDO.

Казалось, что механизм секьюритизации диверсифицировал риски и приносил доходы всем ее членам, кардинально не изменяя положения заемщиков, которым было не важно, кто получал их процентные выплаты. С каждым годом через цепь секьюритизации текли огромные средства, и поскольку ипотеку мог получить кто угодно, цены на жилье и число сделок возросли, что привело к крупнейшему финансовому пузырю. Однако бесконечно цепь секьюритизации существовать не могла. К 2008 г. возросло число невозвратов по ипотечным кредитам, и вся цепь секьюритизации рухнула вместе с рынком обеспеченных долговых обязательств. Последовали массовые банкротства предприятий и начало масштабного финансового кризиса в стране, который перекинулся на реальный сектор экономики США и других стран.

Для автора обзора остается открытым вопрос, почему государственные регуляторы не предотвратили рискованные банковские операции. Во-первых, это связано с тем, что в США с 1970-х гг. происходила либерализация финансового сектора, что снизило присутствие государства в данной сфере, и создало возможность для финансовой олигархии продвигать свои интересы, во-вторых, из-за существующих в Базельском соглашении противоречий, которые закрепляли способы регулирования банковской сферы на глобальном уровне.

Положения Базельского соглашения (Базель I) нацелены на ограничение кредитных рисков, которое осуществляется путем определения

³⁴ CDO (Collateralized debt obligation) — облигация, обеспеченная долговыми обязательствами.

достаточности капитала. Банкам устанавливается минимальный уровень достаточности капитала в размере 8% от суммы активов, взвешенных с учетом кредитного риска. Размер кредитного риска определяется путем умножения величины актива на рисковые веса. Для этого активы делят на четыре группы по степени риска, и каждой группе присваивается значение весовых коэффициентов. Чем выше риск, тем больше весовой коэффициент. Однако часто случалось так, что, основываясь на некорректных данных, банки присваивали высокорисковым активам низкие весовые коэффициенты, что, в свою очередь, приводило к неверным результатам и выводам. После Базеля I базельским комитетом был принят Базель II, который состоит из трех основных компонент: минимальных требований к структуре капитала, надзорного процесса, рыночной дисциплины. Что касается первой компоненты, то минимальные требования к достаточности капитала сохраняются на уровне 8%, но весовые коэффициенты риска распределяются по группам заемщиков. Однако такие изменения не оказали никакого положительного влияния, поскольку теперь при распределении весовых коэффициентов по группам заемщиков стали использоваться рейтинги ведущих рейтинговых агентств, которые, как известно, также часто предоставляют недостоверную информацию. В Базеле II также раскрываются основные принципы надзорного процесса, принципы управления рисками, принципы прозрачности отчетности банков перед органами надзора (вторая компонента). Кроме этого, третья компонента — рыночная дисциплина — направлена на установление нормативов информационной открытости банков.

Для предупреждения кризисов, по мнению авторов, необходимы создание независимого органа контроля для борьбы с кредитным риском и риском ликвидности, а также создание режима быстрого реагирования на действия финансовых институтов. Последнее особенно важно в периоды кризиса, поскольку государство должно быть готово, например, поддерживать банки за счет средств государственных фондов.

Оценивая обзор, следует отметить, что авторами книги, а соответственно и автором обзора был рассмотрен только механизм кризиса, но главная причина кризиса — основное противоречие капитализма — так и не была указана. Оторванность главной причины кризиса от его последствий ограничивает понимание целостной картины, что проявляется во внесистемном подходе к анализу данного явления. Фиксируются отдельные факты и отдельные явления, не связанные между собой в единое целое. Также в обзоре отсутствует объективная критика слабого государственного регулирования в период кризиса, государство могло предотвратить губительные финансовые операции, од-

нако не сделало этого. Возможно, это намеренное бездействие государства продиктовано основной задачей, которую ставит перед собой государство, — обеспечение экономического роста страны. Кроме того, авторы не рассмотрели вопрос, почему кризис был таким масштабным и затронул все секторы экономики. На наш взгляд, это связано с процессами глобализации и взаимозависимостью экономик стран. Несмотря на то, что авторы книги предложили инструменты предупреждения будущих кризисов, они не рассматривают более детально процесс реализации данных инструментов, что ставит под сомнение возможность их успешной реализации.

Часть публикаций журнала «The Economic Journal» об экономическом кризисе посвящена отдельным, частным вопросам. В качестве примера мы обратились к статье нобелевских лауреатов М. Миллера, Дж. Стиглица, которая появилась в мае 2010 г. и являлась фактически первой статьей в журнале на тему экономического кризиса 2007—2009 гг. Последняя статья на тему кризиса в журнале была напечатана в марте 2008 г., т. е. тогда когда кризис уже разворачивался в полную силу, но национальное бюро экономических исследований США еще официально о нем не объявило. Традиционно это делается по истечении полугода. Зная цикл публикации статей в научных журналах, мы не сильно ошибемся, если скажем, что авторы готовили статью до начала экономического кризиса, а опубликована она была, когда кризис уже три месяца набирал силу. Именно поэтому авторы статьи могли не знать о предстоящем кризисе. Косвенно это предположение подтверждает название их статьи — «Финансовые инновации, макроэкономическая стабильность и системные кризисы» [3], — сфокусированной на «модели общего равновесия посредничества, призванной фиксировать некоторые ключевые особенности современной финансовой системы». Вместе с тем ухудшение общей экономической ситуации отразилось на выводах статьи П. Гая, С. Капедии, С. Милларда, А. Перреца, которые балансируют между положением о неизбежности кризисов и реальной экономической ситуацией. Авторы пишут: «Финансовые инновации и большая макроэкономическая стабильность, возможно, сделали финансовые кризисы в промышленно развитых странах менее вероятными, чем в прошлом, но потенциально более серьезными».

Столь длительный перерыв в публикациях британского журнала об экономическом кризисе — с марта 2008 по май 2010 г. — дает возможность понять, почему британские экономисты не смогли предвидеть экономический кризис. Вопрос королевы был задан профессору Лондонской школы экономики в ноябре 2008 г. К этому времени все страны мира уже оказались втянуты в кризис. Ответ королеве Британ-

ской академией был дан 22 июля 2009 г. А первая статья о последнем кризисе в ведущем экономическом журнале Королевского общества экономистов появляется спустя десять месяцев. Таким образом, два года и два месяца «The Economic Journal» ничего не публиковал на тему экономического кризиса. Полное молчание³⁵. И только когда кризис в основном закончился появляется статья М. Миллера, Дж. Стиглица «Воздействие леввериджа и пузырей активов на банкротство предприятий» [5], в которой, конечно же, рассматривается модель: модель с высокими долговыми обязательствами и переоценкой залоговых активов, используемая для иллюстрации механизма усиления выхода цен за пределы устойчивого равновесия, когда пузырь³⁶ активов лопаются, угрожая массовой несостоятельностью.

Авторы не делают попытку разобраться в причинах кризиса, но ставят вопрос, почему и когда здоровое развитие кредитования превращаются в свою противоположность (так называемый «пузырь») и как можно этого избежать. Отмечается, что сокращение процентных ставок, покупка активов и реструктуризация капитала играют ключевую роль в разрешении кризиса. Авторы показывают, как государственное вмешательство может помочь предотвратить колебание цен активов, которые могут привести к экономической нестабильности.

Банковские кредиты стали неотъемлемой частью современной экономики с конца XIX в. С тех пор не стоит вопрос, является ли кредит необходимым инструментом экономического развития. Речь идет лишь о том, как и кем он регулируется.

По мнению авторов, существует принципиальная разница между ситуацией, когда люди дают в долг деньги друг другу, и ситуацией, когда банки, финансовые институты или даже большие промышленные корпорации систематически кредитуют домохозяйства или компании. В первом случае речь идет о докапиталистической экономике, тогда как во втором мы имеем дело уже с капиталистической. Доминирующими стали кредитные деньги, которые постепенно утратили

³⁵ Ситуация не новая. «Профессиональные экономисты... — писал Кейнс, оставались явно равнодушными к несоответствию между их теоретическими выводами и наблюдаемыми фактами. Это противоречие не могло не быть замечено рядовым человеком, вследствие чего с его стороны стало заметно все меньше и меньше склонности относиться к экономистам с тем же уважением, как к другим группам ученых, у которых теоретические выводы, когда их применяют на практике, согласуются с наблюдением» (цит. по: [4, 76]).

³⁶ Термин обыденного сознания, активно используемый в современном разговорном языке. Обозначает в потребительском кредитовании ситуацию, когда объемы кредитования превышают доходы населения — «пузырь». Синоним: «мыльный пузырь».

какую-либо связь со старыми «денежными товарами» — золотом и серебром. Управление деньгами стало одной из наиболее важных задач центробанков по всему миру.

С 2007 по 2009 г. цепочка событий, начиная с неожиданных потерь в американском ипотечном рынке, почти привели мировую финансовую систему к коллапсу, а мировую экономику к состоянию рецессии. Одна из ключевых задач, связанных с этим кризисом — это понять, как такие крупные последствия могут вытекать из чрезмерного использования системы кредитования и залоговых активов.

Используя макроэкономические модели: а) Вудфорда, фокусирующую внимание на использовании процентных ставок для контроля инфляции, и б) Кийотаки и Мура о неоднородности вкусов и технологии между заемщиками и кредиторами, играющую центральную роль в процессе кредитования с использованием залоговых ограничений, авторы объясняют причину образования пузыря на рынке недвижимости США и возникшего вследствие этого экономического кризиса 2007 г. По мнению М. Миллера и Дж. Стиглица, возникновению финансово-экономического кризиса способствовали отрицательные реальные процентные ставки и неэффективная денежно-кредитная и бюджетно-налоговая политики, которые вызвали образование «пузырей» на фондовом рынке и рынке недвижимости.

Проблемы ипотечного рынка не только подорвали здоровье американской экономики, но также оказали негативное влияние на ряд других стран. Кризис начался с постепенного уменьшения пузыря на рынке недвижимости, повлекшего за собой многочисленные дефолты субпервичной ипотеки с изменяющимися процентными ставками. Субпервичная ипотека зачастую выдавалась заемщикам с достаточно низкими доходами и плохой кредитной историей, поэтому характеризовалась высокими рисками. Но привлекательные условия и растущая цена на недвижимость способствовали росту числа заемщиков.

Осенью 2005 г. бум на рынке недвижимости начал ослабевать, после продолжительного роста цены на жилье достигли такого уровня, при котором покупка дома стала невозможной даже по привлекательной ставке и без первоначального взноса. Продавцы домов при этом рассчитывали на сохранение повышающего ценового тренда и сокращение объемов продаж расценивали как временное. Но в конце весны 2006 г. слабость рынка недвижимости стала очевидной. Цены на недвижимость начали снижаться, ставки рефинансирования расти, невыплаты по ипотеке увеличились. В результате спада сократились ипотечные платежи, инвесторы понесли большие потери, пошатнулись фондовые рынки, что в итоге привело к замедлению темпов экономического роста. Взрыв ипотечного пузыря вызвал коллапс всей мировой

финансовой системы, это обусловлено тем, что между различными рынками существует высокая зависимость, поэтому неисполнение обязательств на одном из них, в данном случае на американском рынке недвижимости, повлекло за собой цепное падение финансового сектора, а затем и всей экономики.

С целью предотвращения массового банкротства государством был осуществлен ряд мер, к которым относится снижение процентных ставок, покупка проблемных активов и реструктуризация капитала. Особое внимание в статье авторы уделяют реструктуризации капитала в соответствии с главой 11 Кодекса о банкротстве США, направленной на недопущение преждевременной ликвидации. Согласно главе 11, банкротом себя может объявить любое предприятие, организованное как корпорация или частная собственность, а также частные лица в индивидуальном порядке. Они имеют право обратиться в суд в поисках защиты от всех кредиторов на период своей реорганизации, чтобы вновь стать платежеспособной. Доводом в пользу такого положения служит утверждение, что наличие у фирмы подобной возможности в большей мере отвечает интересам кредиторов в целом, нежели принудительная ликвидация фирмы по требованию одного из кредиторов. В свою очередь противники данного положения утверждают, что, если рынок воспринимает фирму как в принципе жизнеспособную, на нее обязательно найдется покупатель.

Однако оказываемая государством поддержка финансовому сектору являлась не безвозмездной. В обмен на выкуп проблемных активов, предоставление льготных кредитов и обеспечение гарантий по вкладам финансовые институты передавали определенную долю акций. В большинстве случаев речь шла о покупке государством крупного пакета акций, а в отношении некоторых финансовых учреждений фактически проводилась национализация.

Исследование двухполюсного рынка труда в период великой рецессии на примере Франции и Испании было предметом статьи группы авторов (С. Бентолила, П. Кахук, Х. Доладо, Т. Барбанчон), опубликованной в августовском номере журнала «The Economic Journal» в 2012 г. [5]. Их статья — еще один пример исследования частных деталей в механизме кризиса, абстрагирование от его важнейших причин.

Целью статьи являлось выяснение того, насколько сильно влияют институциональные факторы рынка труда на изменения в уровнях безработицы рассматриваемых странах в период кризиса 2007—2008 гг. Выбор этих стран определялся сходной структурой рынка труда, что подтверждалось, во-первых, наличием всех признаков двухполюсного рынка труда, предполагающего наличие постоянных и временных трудовых контрактов и способствующего увеличению его гибкости. По

мнению авторов, такое устройство рынка труда может в значительной степени влиять на уровень безработицы в стране, особенно если издержки на увольнение временных работников выше, чем на увольнение постоянных, а также, если производительность временных работников ниже по сравнению с постоянными.

Во-вторых, страны демонстрировали сходный уровень безработицы в докризисный период (рис. 3).

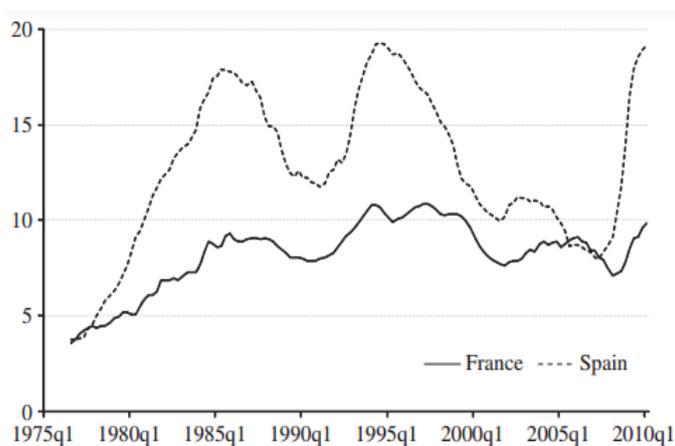

Рис. 3. Уровень безработицы во Франции и Испании (1976—2010), %

Данные, представленные на рис. 3, свидетельствуют о том, что первоначально в обеих странах уровень безработицы был 3,8% (конец 1976 г.). Впоследствии, изменяясь в одном направлении в обеих странах, уровень безработицы в Испании стал гораздо выше и проявлял большую волатильность; разрыв в уровнях безработицы увеличивался до конца 1994 г., затем сокращался.

Схождение уровней безработицы на отметке в 8% в конце 2005 г. завершило цикл на рынке труда. С момента наступления великой рецессии уровень безработицы в Испании вырос с 8 до 23%, а во Франции продолжал падать до 7,2%, а затем вырос примерно до 10% к 2011 г. Такие резкие колебания испанского рынка труда объясняются анализом типов преобладающих трудовых контрактов. Основная масса ликвидированных рабочих мест с конца 2007 г. были преимущественно временные рабочие места: во Франции были ликвидированы

277 тыс. постоянных и 324 тыс. временных рабочих мест, а соответствующие показатели для Испании — 1,33 и 1,38 млн рабочих мест.

В-третьих, в странах были идентичны институциональные факторы, а именно: а) законодательство по охране труда; б) пособия по безработице; в) механизм установления размера заработной платы; г) мобильность рабочей силы.

Эти общие моменты сопровождались вместе с тем некоторыми страновыми особенностями регулирования рынка труда. Прежде всего, разница издержек на увольнение постоянных и временных работников в Испании была намного больше, чем во Франции. Кроме того, регулирование временных контрактов в Испании было менее строгое, чем во Франции. По мнению авторов, именно эти различия объясняют до 45% большую безработицу в Испании, поэтому в данном исследовании они акцентировали свое внимание на анализе различий в регулировании постоянной и временной занятости.

В статье ученые опирались на следующие предпосылки, игнорировавшиеся другими исследователями в этой области: во-первых, временные рабочие места не могут быть ликвидированы в любое время, так как при их ликвидации фирмы должны выплачивать штраф; во-вторых, для ликвидации постоянных рабочих мест требуется время ввиду разрешения различных трудовых споров; в-третьих, работодатели несут издержки увольнения только в том случае, когда подписан постоянный контракт и происходит изменение первоначальных условий контракта.

При анализе институциональных факторов авторы выяснили, что законодательство по защите постоянных рабочих мест в Испании строже, чем во Франции («индекс строгости» для стран соответственно 2,8 и 2,3). Что касается законодательства по защите временных рабочих мест, то оно строже во Франции, чем в Испании («индекс строгости» для стран соответственно 3,6 и 3,5)³⁷, однако данный индекс основывается только на правовых нормах и не учитывает их исполнение, поэтому его величина для Испании объективно завышена. Таким образом, несмотря на довольно схожее законодательство по охране труда в странах в совокупности, агрегированные индексы указывают

³⁷ «Индекс строгости» — показатель законодательства по охране труда. Широко используется в странах ОЭСР. Рассчитывается на основе 18 базовых показателей, отражающих защищенность постоянных работников от индивидуальных и коллективных увольнений, а также регулирование временных форм занятости. Значения индекса варьируются от 0 до 6, где 0 соответствует мягкому регулированию, а 6 — жесткому.

на сильные различия в регулировании постоянной и временной занятости.

Выводы экономистов дополняет модель рынка труда, позволяющая учитывать наличие временных и постоянных рабочих мест, а также различать издержки на увольнение и выходные пособия и определять механизм установления зарплаты. Посредством этой модели был проведен анализ статистических данных обеих стран в периоды бума (2005—2007) и кризиса (2008—2009).

Для оценки влияния институциональных факторов на рынок труда использовались следующие показатели: а) уровень безработицы; б) динамика банкротств; в) доля временных контрактов на рынке труда; г) коэффициент трансформации временных контрактов в постоянные.

В результате исследования учеными были сделаны следующие выводы: во-первых, показатель трансформации временных контрактов в постоянные для Испании имеет значения ниже, чем во Франции; во-вторых, скорость достижения устойчивого состояния уровня безработицы составляет шесть месяцев для обеих стран; в-третьих, в Испании работникам, потерявшим свои места в регионах с высокой безработицей, сложно переместиться в регион с меньшим уровнем безработицы из-за быстрого изменения числа вакансий и жесткого регулирования жилищного рынка.

В качестве эксперимента авторами было изменено несколько параметров модели для анализа влияния институциональной среды на уровень безработицы. Это позволило выяснить, что при подстановке показателей Франции в модель для Испании рост уровня безработицы в кризисном периоде составил 45% от реального. Тем самым, авторы доказали, что различия в институциональных факторах рынка труда может значительно влиять на уровень безработицы в стране.

Несмотря на тщательно проведенное исследование рынка труда в двух странах, экономисты не дают рекомендаций по снижению безработицы в Испании. Авторы анализируют ситуацию «постфактум», говоря «что было бы, если...», при этом даже не прописывая механизм реализации таких мер. В статье также отсутствуют возможные способы избегания повторения подобной ситуации в других странах. Рассмотрение этих направлений может пролить свет на понимание более эффективной политики регулирования рынка труда и являться поводом для дальнейших дискуссий.

Итак, резюмируя некоторые особенности публикаций на экономическую тематику в британском журнале «The Economic Journal», можно отметить гипертрофию математической формализации, которая фиксируется в эконометрических моделях, опущенных нами по известным причинам, акцентация на частных проблемах экономической

действительности в ущерб общим, внесистемный подход, отсутствие публикаций по экономическому кризису именно в период экономического кризиса. Все это позволяет понять те особенности западной экономической науки, которые характеризуют ее состояние как кризисное. Статей о кризисе экономической науки в журнале «The Economic Journal» за период с 2000 по 2013 г. опубликовано не было. Нами был найден другой журнал, который печатает такие статьи. Английский специализированный научный экономический журнал «The World Economy» (Ноттингем, Англия) основан в 1978 г., периодичность выхода журнала: 10 номеров в год, импакт фактор 0.97. С 2004 г. журнал проводит ежегодную лекцию (The World Economy Annual Lecture), читать которую приглашают крупнейших специалистов в области мировой экономики.

В 2012 г. «The World Economy» публикует статью греческих экономистов А. Котиоса и Дж. Галаноса «Международный экономический кризис и кризис экономической теории» [6]. Целью данной статьи было выявление взаимосвязи между экономической теорией и экономическим кризисом, а также объективная оценка критики экономической теории, которой посвящена большая часть статьи. Для достижения поставленной цели авторы начинают с анализа смены экономических школ и приходят к выводу, что экономический кризис ведет к изменениям в преобладающих теоретических и экономико-политических идеях.

Экономическая теория после очередного кризиса подвергается всесторонней критике, основные пункты которой выделены и раскрыты в статье. Речь идет о разнице в интерпретации причин кризиса различными экономическими школами, идеализировании рыночных механизмов и господстве невмешательства государства в экономику, гиперболизации математического формализма, математических финансовых моделей в объяснении экономических явлений, гипотезе о «Великом замедлении», методологической слабости в интерпретации кризисных явлений и, конечно же, невозможности предсказать кризис. Однако авторы «не оставляют надежду» спасти экономическую теорию и самих экономистов от излишней критики и переходят к «поиску виноватых».

Пытаясь оправдать экономическую науку и экономистов, авторы находят четыре пункта критики, которые не соответствуют действительности.

1. Невозможность предсказать кризис. Здесь авторы упоминают в качестве доказательства двенадцать экономистов (большинство из них профессора университетов), которые предупреждали о риске возможного коллапса на рынке недвижимости США. Среди них Рубини и Шиллер. Также авторы отмечают экономистов Банка международных

расчетов, который был единственной международной организацией, которая публиковала предупреждения о риске коллапса на финансовом рынке. Все эти прогнозы относятся только к экономике США, никто не мог предположить, что это затронет всю мировую экономику. Кроме того, по мнению авторов, не только экономика слаба в прогнозировании, но и другие науки: сейсмология, океанология, биология.

2. Гиперболизация математического формализма. А. Котиос и Дж. Галанос считают, что есть не только минусы, но и плюсы преваляирования математического аппарата в экономике. Действительно, математические модели создают виртуальный мир, который зачастую далек от реальности; некоторые из моделей настолько сложны, что тем, кто в итоге принимает решения, они просто не понятны. Более того, математические модели не могут измерить социальный, политический, психологический и институциональный факторы. Однако необходимо учесть и то, что без использования математического аппарата крайне сложно подтверждать или опровергать гипотезы. Кроме того, такие дисциплины, как статистика и эконометрика, активно используются в макроэкономическом анализе и позволяют выявлять влияние различных факторов на экономическую ситуацию.

3. Методологическая слабость в части анализа кризисных явлений. Здесь авторы утверждают, что у экономической науки есть инструменты для анализа и управления кризисными явлениями. Так, например, такие сравнительно недавние теории, как принципал-агент, теория мотивации, поведенческая теория, предлагают важные аналитические инструменты. Таким образом, единственное, чего реально не хватает на сегодняшний день, это общий подход, который вовлечет все упомянутые теории в анализ финансовых рынков. Проблема состоит не в отсутствии специфического знания, а в выборочном чтении и утилизации этого знания. Факт, что экономисты выражают, как минимум, два разных мнения по поводу одной проблемы, объективно затрудняет выбор оптимального метода. Следовательно, доминирующая точка зрения, даже если она неправильная, становится широко распространенной. Менкью разделяет мнение, что экономисты, как и инженеры, имеют ограниченные возможности, чтобы влиять на экономическую политику.

4. Гипотеза о «Великом замедлении» является одной из главных иллюзий. Тот факт, что экономическая история богата фазами стабильности, прерываемыми кризисами, был опущен. Как отмечают авторы, если землетрясение не происходит в течение определенного периода, это еще не означает, что проблема землетрясений решена.

В своей статье «Международный экономический кризис и кризис экономической теории» А. Котиос и Дж. Галанос защищают экономическую науку и обвиняют политиков и механизмы рыночной экономи-

ки в возникновении кризиса. Например, по мнению авторов, следующие аргументы могут быть предложены в поддержку идеи о неэффективной политике: 1) хроническое сохранение международного неравенства и отсутствие совместных действий по их устранению создали неравенство в реальной экономике; 2) денежная экспансия США и связанное с этим, падение процентных ставок сделало спекуляции недвижимостью невероятно легкими; 3) дерегуляция рынка под давлением сильного лоббирования позволила развиваться сомнительным финансовым продуктам, которые были разработаны так, что возникло безразличие к риску и кредитные учреждения все больше похожи на казино; 4) решение обанкротить «Lehman Brothers» вызвало кризис, который распространился с большой скоростью, учитывая его огромные международные взаимосвязи; 5) нет никакого контроля над рейтинговыми агентствами.

В то же время, по мнению авторов, рынки явно виновны, особенно в отношении следующих причин: 1) кредитные и инвестиционные фирмы имели недостатки в чрезмерном стимулировании топ-менеджеров, в результате чего они предпочли краткосрочную прибыль, допускающую высокий риск; 2) сложные финансовые продукты были разработаны, и риск был направлен в сторону неосведомленных инвесторов, тем самым эксплуатируя информационную асимметрию; 3) понятие морали и социальной ответственности, среди менеджеров, было устранено; 4) финансовая индустрия успешно выдержала новые правила, пролоббировав изъятие старых и миновав принятие стандартов строгого учета; 5) старая добрая банковская практика не использовать краткосрочные депозиты для долгосрочных кредитов и инвестиций была проигнорирована, и легкие деньги стали доступны для сомнительных клиентов.

Любопытно, что авторы отказывают кейнсианству в том, чтобы стать доминирующей идеей экономической политики. Их аргументация сводится к следующим положениям: кейнсианская экономическая политика имеет краткосрочный характер; не всегда есть уверенность в том, что рост государственных расходов будет провоцировать увеличение общего спроса; хроническое отставание желаемых эффектов от государственных расходов могло вызвать эффекты опережающие циклы; государственные органы должны быть полностью информированы, рациональны и альтруистичны, когда речь идет об управлении и распределении государственных расходов; у кейнсианства есть инструменты, чтобы справиться с рецессией, но нет всесторонней теории для содействия динамичному экономическому росту. Разумеется, такая критика кейнсианства едва ли могла появиться в прокейнсианском «The Economic Journal».

А. Котиос и Дж. Галанос высказывают мнение о недостаточности регулирования финансового сектора. В частности, они указывают, что финансовый сектор в странах со сравнительно высокой степенью регулирования испытал менее серьезные проблемы, чем финансовый сектор в странах с почти полностью нерегулируемыми рынками. Кроме того, по мнению авторов, рынки были искажены вследствие различных стимулов для обеспечения благоприятных условий для выдачи жилищных кредитов, а также другими благоприятными условиями предоставляемыми банками и другими кредитными и инвестиционными учреждениями. Это создало парадоксальную ситуацию для регулируемых банков, но нерегулируемых инвестиций и производных инструментов. Таким образом, нерегулируемый сектор оказал негативное влияние на регулируемый и привел к кризису. Тут следует заметить, что позволяя институциональным инвесторам регулировать самих себя, это все равно, что разрешить больному, самому себе выбирать лекарство.

Авторы негативно высказываются по поводу денежной экспансии США и связанному с этим, падению процентных ставок, которое сделало спекуляции с недвижимостью невероятно легкими. Экономическая история учит нас, что все финансовые кризисы начались с дешевых денег.

А. Котиос и Дж. Галанос приходят к следующим основным выводам.

1. Существует корреляция между экономическим кризисом и доминирующей теорией в экономической науке в настоящее время. Экономическая наука, однако, явно не вызывает кризиса. Кризис был вызван спекуляциями и безответственной политикой.

2. Экономическая наука, несмотря на свои врожденные методологические недостатки, имеет инструменты для прогнозирования.

3. Экономическая наука должна быть подвергнута улучшению. Академические и научные достижения других дисциплин, таких как психология, биология, история, социология и политология, должны играть более важную роль в экономических исследованиях.

Вместе с тем все эти выводы можно в разной степени подвергнуть критике. Экономическая наука не вызывает кризис, она является теоретическим отражением существующей практики. Но сама практика ориентируется на рекомендации науки. И ошибки, сделанные в теории — это смерть, смерть, смерть, как указывал классик. А если сама западная экономическая наука находится в кризисе? Какие она может дать рекомендации в этом случае?

Сваливать кризис на спекуляцию и безответственную политику столь же нелепо, как обвинять субъективную волевую деятельность в

восходе солнца. Греческие авторы забывают об объективности экономических законов, которые не зависят от воли и сознания людей.

Точные инструменты прогнозирования могут быть только у здоровой науки. Блауг объявляет ее больной.

Западная экономическая наука не может быть подвергнута улучшению по причине того, что наука, по определению, вскрывает сущность происходящих явлений, познает законы объективного мира. Ничего этого в так называемой западной экономической науке нет. Нельзя подвергнуть улучшению того, чего нет. Тем более с помощью «психологии, биологии, истории, социологии и политологии». Кстати, такие предложения не являются новыми, они уже поступали в 1950-х гг. Но было зафиксировано, что вовлечь в предмет политической экономии вопросы экономической политики означает уничтожить политическую экономию как науку³⁸.

Литература

1. *Худокормов А.Г.* Экономическая теория: новейшие учения Запада. М., 2013.
2. *Vines D.* Balancing The Banks: Global Lessons From The Financial Crisis. Review 1 // *The Economic Journal*. 2011. Vol. 121. Issue 550.
3. *Gai P., Kapadia S., Millard S., Perez A.* Financial Innovation, Macroeconomic Stability and Systemic Crises // *The Economic Journal*. 2008. March.
4. *Блюмин И.Г.* Критика современной буржуазной политической экономии Англии. М., 1953.
5. *Miller M., Stiglitz J.* Leverage and Asset Bubbles: Averting Armageddon with Chapter 11? // *The Economic Journal*. 2010. Vol. 120. May.
6. *Bentolila S., Cahuc P., Dolado J.J., Barbanchon T.* Le Two-tier Labour Markets in the Great Recession: France versus Spain // *The Economic Journal*. 2012. Aug. Vol. 122.
7. *Kotios A., Galanos G.* The International Economic Crisis and the Crisis of Economics // *The World Economy*. 2012. Vol. 35. Issue 7.

* * *

4 — 6 декабря 2013 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция — VI Малый университетский форум «Международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства: экономика и политика». На форуме выступили 69 докладчиков — доктора наук: А.А. Аузан,

³⁸ С полной версией статьи можно ознакомиться на сайте <http://politeconomiya.professorjournal.ru/science/article>.

Ю.М. Осипов, У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), А.Л. Андреев, Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), А.Ю. Архипов (Ростов н/Д), С.В. Бирюков (Кемерово), В.Г. Бодров (Киев, Украина), Б.И. Бояринцев, И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), А.В. Бузгалин, Л.С. Воробьева (Киев, Украина), Ф.И. Гиренок, К.И. Голубев (СПб.), В.А. Гордеев (Ярославль), Л.Н. Дробышевская (Краснодар), В.В. Ильин (Киев, Украина), С.Г. Кара-Мурза, В.И. Корняков (Ярославль), В.М. Кульков, П.С. Лемещенко (Минск, Белоруссия), В.В. Липов (Харьков, Украина), С.П. Макаров, Е.О. Миргородская (Ростов н/Д), К.В. Молчанов, Г.Р. Наумова, А.Н. Нечухрин (Гродно, Белоруссия), А.З. Новак (Варшава, Польша), А.А. Олейников, А.А. Пороховский, И.В. Пшеницын, С.П. Рамазанов (Волжский), В.Т. Рязанов (СПб.). С.В. Синяков (Киев, Украина), А.И. Субетто (СПб.), Г.Н. Цаголов, Н.Б. Шулевский, А.К. Шуркалин, Т.Н. Юдина; кандидаты наук: А.В. Андреева (Ростов н/Д), О.В. Андреева (Ростов н/Д), И.И. Баринов, Т.Б. Бердникова, М.Н. Глазунов, И.А. Журавлева, Ю.М. Зырянов, В.В. Кашицын (Новороссийск), В.И. Романченко (Новороссийск), О.Е. Рязанова, С.Ю. Синельников, А.А. Соболевская, В.А. Ушанков (СПб.), Г.В. Фадейчева (Владимир), Е.Х. Хабибуллина, Е.В. Шелкопляс (Иваново), научные сотрудники А.А. Антропов; Т.С. Сухина, соискатели: И.И. Рудяк, С.П. Шевчуков, аспиранты: Е.В. Купчишина, Ю.С. Селяева (Ростов н/Д), Д.П. Соколов, Н.В. Тингаева; студент Д.Г. Круглых; преподаватель О.Т. Джемаяев (Ростов н/Д), ассистент О.И. Гузенко (Ростов н/Д).

В панельной дискуссии «Проблемы евразийской (постсоветской) межгосударственной интеграции» приняли участие советник Президента РФ, академик РАН С.Ю. Глазьев, заместитель министра Минэкономразвития А.Н. Клепач, член Общественной палаты РФ, политолог С.А. Марков, профессор Международного университета (в Москве) Г.Н. Цаголов и проректор Варшавского университета А.З. Новак.

* * *

4 декабря 2014 г. состоялось очередное ежегодное общее собрание Академии философии хозяйства, на котором была рассмотрена деятельность Академии за 2013 г. и представлены перспективы работы на 2014 г.

С докладом выступил президент АФХ Ю.М. Осипов, в прениях участвовали действительные члены АФХ А.И. Субетто (СПб.), А.А. Олейников, В.В. Кашицын (Новороссийск), У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), В.В. Ильин (Киев, Украина), В.А. Ушанков (СПб.), А.Ю. Архипов (Ростов н/Д).

Диплом действительного члена АФХ вручен профессору С.П. Рамазанову (Волжский).

* * *

Анонсы

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»

на тему:

Философия хозяйства и историософия (философско-хозяйственный подход к историософии)

История человечества есть история его хозяйства, понимаемого как реализация жизнеотправления человека. Вне хозяйства нет жизни, нет существования, нет бытия, нет и истории. Хозяйство — непрерывная бытийная реальность, а история — осознанная фиксация этой реальности во времени. Реальной истории нет, а потому история — та или иная трактовка. Учитывая хозяйство, можно «обреальить» историю — как историю хозяйства! Историческая фактология и историческая смыслология — не одно и то же. К последней ближе философия хозяйства с ее феноменом хозяйствующего человека, однако феномена столь же трансцендентного, сколь и имманентного. Метафизика хозяйства на службе у метафизики истории, если, конечно, признавать первичность первой над второй. Философия хозяйства — величайшее подспорье для историософии, обретающей в связи с этим необходимую металогию. Но, возможно, всё и не так — у философии хозяйства никакого тут приоритета. Прекрасный повод для дискуссии!

18 февраля 2014 г., вторник

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»

на тему:

Советское хозяйство как феномен эпохи Модерна

Советский период в истории России имеет как уникальное, так и великое значение. От драмы русской революции до трагедии советского (антисоветского) краха через перевороты, преобразования, ре-

прессии, достижения, завоевания, победы, подъемы, застои, кризисы, маразмы, измены. Невероятный взлёт и немислимое падение. Непреходящая роль большевизма, И.В. Сталина и сталинизма. Некапиталистическая система. Тотальный этатизм. Подконтрольное экономическое начало. Прямой натурализм. Эксплуатация и производительно-творческий эффект. Советская цивилизация. Вершина и начало стагнации. Самоистребление и невозможность продуктивной самотрансформации. Остекленение. Завороженность. Непреклонное стремление к гибели. Внутренняя измена и внешнее разрушительное давление. Исчерпаемость и внезапный конец. Громадный и поучительный исторический урок. Что же это на самом деле было?

18 марта 2014 г., вторник

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

Ломоносовские чтения — 2014

**VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

***Инновационное развитие экономики России:
междисциплинарное взаимодействие***

16—18 апреля 2014 г.

Секция лаборатории философии хозяйства

***Инновационный дирижизм в современной
хозяйственной практике***

Научно-технический прогресс и инновационное развитие — процессы несколько самопроисходящие, настолько и централизованно осознаваемые и в решающей мере субъективно из центров управляемые. Роль государств не переоценить!

Россия — страна государственническая. Отсюда особое значение государственного дирижизма в инновационной сфере, органично и эффективно сочетающегося с инициативами снизу. Дирижизм — не тотальное и директивное управление из центра, а настойчивая эффективная поддержка инновационных начинаний и побуждение к достижению чётко осознанных целей. Сегодня это неодирижизм, учитывающий неоиндустриальный характер хозяйства, его высокую технологичность, финансовый характер экономики, мирообусловленность научно-технического прогресса и инновационного развития.

Конструктивный государственный инновационный неодирижизм — ясный ответ на потребность времени и на острый вызов исторического момента.

17 апреля 2014 г.

Круглый стол

Современная наука: от разногласия к симфонии

18 апреля 2014 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

ИРПЕНЬСКИЕ ЧТЕНИЯ—2014

СИМПОЗИУМ

Человек XXI века: это что?

Человек меняется: физически, ментально, культурно, поведенчески, экзистенциально. Рубеж XX и XXI вв. — время глобальных, глубоких и резких перемен. Нынешний человек — уже не человек конца XX в., это во многом уже другой человек. В чем же другой, а в чем же, пожалуй... и уже не совсем человек? Мотивы, факторы и механизмы перемен. Телеологический момент и эсхатологическая составляющая. Измененческий мейнстрим. Новизна и традиция. Вехи невозврата и перейденные границы. Возможное грядущее. Как быть восточным европейцам, которые не в Западе и не в Востоке? Человек ближайшего настоящего и отдаленного будущего.

Июнь 2014 г.

Ирпень, Украина

(по специальным приглашениям)

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

Философско-хозяйственная трактовка экономики

Философия хозяйства склонна не отождествлять «хозяйство» и «экономику», видя в последней лишь особенное по мотивам и организации хозяйство. Отсюда хозяйство не всегда экономика, хотя экономика, разумеется, всегда хозяйство.

Философия хозяйства дает свою интерпретацию экономики, видя в ней лишь один, пусть и универсальный, способ хозяйства, основанный на приоритетном использовании фундаментального метафизиче-

ского феномена — феномена стоимости. Экономика — стоимостное хозяйство. Где стоимость, там и экономика, где экономика, там и стоимость. Стоимость — самое экономическое в экономике, это ядро экономики, ее «грааль». Экономика — это стоимость, ее движение, ее реализация, а стоимость в движении и реализации — экономика. В итоге иное понимание сути экономики, ее функциональной и исторической роли, места и значения в хозяйстве и в бытии человека.

19 июня 2014 г., четверг

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ—2014

Кризис мира и мир кризиса (эсхатологическая драма современности)

Современный мир в кризисе, безусловно, в переходном, но в то же время и в апокалиптическом. Мир на краю, в борьбе миров, в сложной схватке Постмодерна (торжествующей ультрасовременности), Модерна (продолжающейся модернизации) и Премодерна (оставшей традиции). Постмодерн — не только не преодоление кризиса мира, но, наоборот, его генератор. Выход мира к Постмодерну — не выход мира из кризиса. Потребность преодоления Постмодерна через обращение к традиции, но не через нисхождение в Премодерн. Человечество не перед выбором, а внутри судьбы, уготованной ему исторической трансценденцией. Уж не сбываются ли библейские пророчества?

Сентябрь 2014 г.

**Пос. Новомихайловский, Краснодарский край
(по специальным приглашениям)**

* * *

VIII ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ

**Лекция-дискуссия профессоров
Ю.М. Осипова, Л.А. Тутова и Н.Б. Шулевского
на тему:**

Философия хозяйства в фундаментальной подготовке экономистов

Философия хозяйства сложилась в целостное знание, оставаясь открытой для новых суждений, смыслового и категориального обогащения, дальнейшего развития. Имеет место практика преподава-

ния философии хозяйства в высшей школе, в МГУ. Ознакомление учащихся с основами философии хозяйства способствует расширению их профессионального кругозора, стимулирует творческие потенции. Пришло время более основательного внедрения философии хозяйства в образовательный процесс.

Октябрь 2014 г.

МГУ экономический факультет

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»

на тему:

Постмодерн: инфернализация гуманизма, или От культуры к антикультуре

Эпоха Премодерна — эпоха сакрализованной культуры. Эпоха Модерна — эпоха гуманизированной культуры. Постмодерн — эпоха инфернализированной антикультуры. От метафизики божественной (Премодерн, истоки) через метафизику человеческую (Модерн, классика) к метафизике античеловеческой (авангард). Сын Божий — сын природный — сын преисподний. Очеловечивание — человечение — расчеловечивание. Постмодерн как апокалиптический кризис человека, социума, культуры. Что дальше?

18 ноября 2014 г., вторник

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Российский антикризис: потребности, препятствия, исходы (социум, государство, экономика, культура)

Россия переживает затяжной системно-цивилизационный кризис, активно и глубоко обусловленный предпринятой с рубежа 1980—1990-х гг. тотальной и крайне рискованной трансформацией всего странового бытия, включая роспуск СССР и всестороннюю капитализацию Российской Федерации. Ныне Россия — совсем другая, чем была еще в 1980-е гг., страна — не вполне европейская, но зато вполне капиталистическая, хотя и с заметной феодально-самодержавной и монополично-коррупционной спецификой. Страна со сложившимся в общих чер-

тах строим, прошедшая в 2000-е гг. этап стабилизации, но не преодолевшая системно-цивилизационного кризиса, не вышедшая на бесспорный подъем и не вступившая на путь несомненного — самостоятельного — развития. Антикризис, который всюду просится в российскую актуальность, этой актуальностью вовсе не овладел. Он более в потенции и проекте, чем в реальности и деле. И однако будущее требует преодоления кризиса, что то же самое — торжества антикризиса. Здесь и вся историческая проблема: страна нуждается в антикризисе, а сложившийся строй, сам по себе качественно кризисный, антикризис отвергает. Отсюда потребность в целостном перестроении, на которое правящий класс не решается. А жизнь требует решительных от него действий. Это ли не коллизия, тянущая к революционной ситуации! Однако шансы у государственной власти есть: преодолевая кризис, преобразовать страну — преодолеть кризис. Трудно, затратно, невозможно, а надо! Есть, что обсудить в ходе научно-общественной дискуссии, предпринимаемой на пользу России и ее народа.

Секции:

- A. Производительно-творческий антикризис, подъем и развитие России.*
- B. Государственный антикризис и национальное возрождение.*
- C. Культурный антикризис ради человека и общества.*

**3—5 декабря 2014 г., среда, четверг, пятница
МГУ, экономический факультет**

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2014 г.

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (eszotova@mail.ru) до 15 января 2015 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>, <eszotova@mail.ru> до 13 ноября 2014 г.

Контактный телефон: +7(495)939-4183

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

ГЛАЗЬЕВ СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ,

действительный член РАН, действительный член АФХ, д.э.н., профессор, советник Президента РФ по вопросам развития интеграции (*serg1784@mail.ru*).

КЛЕПАЧ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., заместитель министра, Министерство экономического развития Российской Федерации, заведующий кафедрой макроэкономического регулирования и планирования, экономический факультет МГУ (*klepach@economy.gov.ru*).

КАРА-МУРЗА СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.х.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН (*skaramur@rambler.ru*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н., профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

РЯЗАНОВ ВИКТОР ТИМОФЕЕВИЧ,

вице-президент АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (*v.rjazanov@mail.ru*).

МАРКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

действительный член АФХ, к.ф.н., доцент, проректор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; директор, Институт политических исследований; член Общественной палаты РФ (*duma.gov@gmail.com*).

ХАЗИН МИХАИЛ ЛЕОНИДОВИЧ,

действительный член АФХ, действительный государственный советник РФ (в отставке), президент компании экспертного консультирования «Неокон» (*khazin@yandex.ru*).

КАШИЦЫН ВИКТОР ВАЛЕНТИНОВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории и мировой политики, Государственный морской университет имени Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск) (*kashvic@mail.ru*).

КУЛЬКОВ ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ,

д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ (*viqma@migmail.ru*).

КОСОВ ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., профессор, Международный университет (в Москве) (*ekosov38@mail.ru*).

БОЯРИНЦЕВ БОРИС ИВАНОВИЧ,

д.э.н., профессор, кафедра экономики социальной сферы, экономический факультет МГУ (*boyarintsev.boris@yandex.ru*).

РОЖКОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА,

к.э.н., доцент, Ульяновский государственный университет (*eroshkova@mail.ru*).

ЧЕСНОКОВ ЮРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ,

к.э.н., доцент, Кубанский государственный университет (г. Краснодар) (*boyarintsev.boris@yandex.ru*).

ШЕВЧЕНКО ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (*managerial@mail.ru*).

ПИРЮТКО ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,

аспирант, кафедра общей экономической теории, Институт экономики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (*Pirutko_yuri87@mail.ru*).

ЭЛОЯН МАРИНА РИНАЛЬДОВНА,

действительный член АФХ, д.ф.н., доцент, профессор, Азовский технологический институт Донского государственного технического университета (*marina.eloyan@mail.ru*).

ЛЕМЕЩЕНКО ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики, экономический факультет, Белорусский государственный университет (г. Минск, Белоруссия) (*liamp@bsu.by*).

ГОЛУБЕВ КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ,

д.э.н., доцент, кафедра экономической теории и социальной политики, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (*k_golubev@mail.ru*).

БРИЖАК ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Кубанский государственный технологический университет (г. Краснодар) (*brizhak71@mail.ru*).

МЕДВЕДЕВА ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА,

к.э.н., доцент, Сибирский государственный университет путей сообщения (г. Новосибирск) (*tmedvedeva@mail.ru*).

ЗАЛЕТНЫЙ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,

к.э.н., к.филос.н., старший научный сотрудник, экономический факультет МГУ (*zaletny@hotmail.ru*).

БАБАЕВА АЙДАН АЛИДЖАН кызы,

аспирант, кафедра экономической теории, Азербайджанский государственный экономический университет (г. Баку, Азербайджан) (*aydan-babayeva@hotmail.com*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философской антропологии и проблем комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, член-корреспондент АГН, д.ф.н., к.э.н., к.соц.н., научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ (*mailconst@gmail.com*).

ГОРБАЧЕВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, старший преподаватель, кафедра русской литературы, Белорусский государственный университет (г. Минск, Белоруссия) (*sansanytch08@mail.ru*).

БУЗГАЛИН АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,

д.э.н., профессор, кафедра политической экономики, экономический факультет МГУ (*buzgalin@mail.ru*).

КОЛГАНОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ,

д.э.н., заведующий лабораторией по изучению рыночного хозяйства, экономический факультет МГУ (*buzgalin@mail.ru*).

НИЛОГОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,
действительный член АФХ, к.ф.н., доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Хакасский технический институт — филиал Сибирского федерального университета (г. Абакан) (*NILOGOV1981@yandex.ru*).

КУТЫРЁВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,
действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (*kut.va@mail.ru*).

ОКЕАНСКИЙ ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ,
действительный член АФХ, Заслуженный деятель науки и образования РФ, д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой культурологии и литературы, Шуйский государственный педагогический университет (*ocean_65@mail.ru*).

ПОКРЫТАН ПАВЕЛ АНАТОЛЬЕВИЧ,
д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ (*pashmsu@mail.ru*).

БАЛАЦКАЯ СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА,
студентка, экономический факультет МГУ (*pashmsu@mail.ru*).

СУБХАНГУЛОВА КСЕНИЯ АЛЬМИРОВНА,
студентка, экономический факультет МГУ (*pashmsu@mail.ru*).

ГУТОРОВА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА,
студентка, экономический факультет МГУ (*pashmsu@mail.ru*).

ФАДЕЕВА МАРИЯ ПАВЛОВНА,
студентка, экономический факультет МГУ (*pashmsu@mail.ru*).

АНТОНЕНКО ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА,
студентка, экономический факультет МГУ (*pashmsu@mail.ru*).

ЛЕВАНДОВСКИЙ ТИМЕРЛАН ЗЕЛИМХАНОВИЧ,
студент, экономический факультет МГУ (*pashmsu@mail.ru*).

БЯКОВА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА,
студентка, экономический факультет МГУ (*pashmsu@mail.ru*).

МАТЧИН АЛЕКСАНДР ВАДИМОВИЧ,
студент, экономический факультет МГУ (*pashmsu@mail.ru*).

БУРАК ИРИНА ДМИТРИЕВНА,
студентка, экономический факультет МГУ (*pashmsu@mail.ru*).

ГОРЛОВ ОЛЕГ ЮРЬЕВИЧ,
студент, экономический факультет МГУ (*pashmsu@mail.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2014 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.